

История Древнего мира, том 3. Упадок древних обществ. (Сборник)

Заключительная часть коллективного труда рассматривает тенденции развития древних обществ, склоняющихся к упадку, а также историю возникновения на последнем этапе древности новых государств и племенных объединений. Книга рассчитана на историков, а также на широкий круг читателей, интересующихся древней историей.

- **ЛЕКЦИИ**

- **Лекция 1. Общие черты третьего периода древней истории**
- **Лекция 2. Римская республика с середины II в. до 27 года до н.э.**
- **Лекция 3. Социально-политическое и экономическое развитие ранней Римской империи**
- **Лекция 4. Римское общество в эпоху ранней империи**
- **Лекция 5. Культура ранней Римской империи**
- **Лекция 6. Китай в первой половине I тысячелетия н.э.**
- **Лекция 7. Кушанское царство. Индия в начале I тысячелетия н.э.**
- **Лекция 8. Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э.— IV в. н.э.)**
- **Лекция 9. Сасанидская держава в III—V вв.**
- **Лекция 10. Закавказье и сопредельные страны между Ираном и Римом. Христианизация Закавказья**
- **Лекция 11. Поздняя Римская империя (III—V вв.)**
- **Лекция 12. Идеология поздней Римской империи**
- **Лекция 13. Вторжение варваров и крушение Римской империи**

- **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

- **КАРТЫ**

- **Римская империя в I—III вв. н.э.**
- **План города Рима.**
- **Индия в I—V вв. н.э.**
- **Китай в эпоху Хань.**
- **Государство Сасанидов.**
- **Падение Западной Римской Империи.**

Источник:

История Древнего мира т.3. Упадок древних обществ: в 3-ех т., Издание второе/Ред. И.М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой - М.:Издательство «Наука», 1983.

Лекция 1: Общие черты третьего периода древней истории

Основные тенденции общественного развития к началу Поздней древности.

К концу периода расцвета древних обществ процесс образования мировых держав охватил не только Ближний Восток, но и Индию, и Китай, и страны античного пути развития. Характерной чертой экономической структуры мировых держав стало преобладание частного сектора над государственным, что было связано прежде всего с более высоким уровнем развития товарно-денежных отношений. Система условного наделения царем земель за службу сковывала инициативу владельцев земли. Что касается зависимых от царя общинников, то, вводя денежные подати, цари тем самым ставили этих людей перед необходимостью искать выход из традиционной системы ведения хозяйства, ограничений в распоряжении землей. Подчас самим царям было выгоднее передавать землю самоуправляющимся городам и взимать с них государственный налог, чем организовывать эксплуатацию царской земли с помощью бюрократического аппарата. Бывшие царские люди оказывались в зависимости от городов (не становясь их гражданами) или частных лиц (не становясь их рабами). В деревнях на земле городов наделы могли продаваться и покупаться (даже не членами общины); многие земледельцы переселялись в город.

На рубеже второго и третьего периодов древней истории в большинстве стран государственный сектор экономики поглощался частным. Владения римских императоров в восточных провинциях ни по происхождению, ни по существу своей организации не были продолжением древневосточной царской земельной собственности. На императорских землях не существовало ни условного владения землей за службу, ни особой группы «императорских людей»; организация императорских имений принципиально не отличалась от организации имений других крупных землевладельцев-магнатов. И народы индейской Америки, отделенные громадными водными пространствами от остального мира, шли через века и эпохи подобно далекой планете, двигающейся по своему особому пути в звездных сферах Вселенной. Античная и средневековая Европа и гордящийся своей тысячелетней мудростью Восток не оставили в своем богатом литературном наследии ни одного упоминания о таинственных землях на западе и их краснокожих обитателях. Сами же аборигены Нового Света зачастую не имели соответствующих летописей и хроник, по которым можно было бы восстановить их прошлое. В то же время бесценные культурные достижения индейских цивилизаций ацтеков и майя в Мексике и инков в Перу были насильственно уничтожены в XVI веке европейскими завоевателями. «Культура метафор и чисел (имеется в виду культура ацтеков.— В. Г.),— писал известный мексиканский

историк М. Леон-Портилья,—была разрушена железом и огнем. Она исчезла как сон... От нее осталось лишь одно воспоминание... Ученые были уничтожены, рукописи сожжены, а скульптуры и дворцы превращены в бесформенные груды камня». Таким образом, немые руины и черепки — едва ли не единственный полноценный источник по истории доколумбовой Америки. Отсюда необычайно важна роль археологии в изучении древностей индейцев. Правда, эта наука еще сравнительно молода. Ей нет и ста лет от роду. Но уже сейчас американская археология, поставив себе на службу достижения многих других научных дисциплин, успешно решает многие крупные проблемы древней истории Нового Света. Однако в целом прошлое континента известно еще нам далеко не полностью. В археологических знаниях до сих пор зияют огромные пробелы. Бесчисленные загадки и вопросы ждут своего скорейшего решения. Прошлое ревностно хранит свои тайны, и нужно приложить немало усилий, чтобы найти ключи к овладению ими. Ученые-американисты до сих пор не могут объяснить до конца загадку гигантских «рисунков» в перуанской пустыне Наска. Немало споров вызывают и двенадцатитонные каменные шары, спрятанные в глубине лесных дебрей Коста-Рики. Кто изготовил эти колоссы? Когда? С какой целью? Антропологи ломают голову по поводу обилия трепанированных доиспанских черепов из Перу — несомненное свидетельство наличия древних хирургических операций на головном мозге. Почему испанцы с такой легкостью сломали сопротивление воинственных ацтеков? Какова судьба не доставшегося Писарро золота инков? Что вызвало к жизни блестящую цивилизацию майя в самом сердце гиблых тропических джунглей? Достигали ли древние мореплаватели Старого Света берегов Америки до викингов и Колумба? Вопросы, вопросы. Их список бесконечен. Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена анализу лишь нескольких таких загадок древнеамериканской истории. Основная цель, которую ставит перед собой автор,— на основе новейших археологических данных осветить с максимальной полнотой ряд таинственных и загадочных событий далекого прошлого Мексики и Центральной Америки, противопоставив научный подход имеющим еще, к сожалению, широкое хождение в популярной литературе дилетантским и спекулятивным взглядам. Среди бесчисленного сонма больших и малых археологических культур этой части Нового Света звездой первой величины выделяется в доколумбову эпоху цивилизация индейцев майя — «культура-загадка», «культура-феномен», полная парадоксов и противоречий. Известно, что все великие цивилизации древности возникли и развивались в условиях засушливого и теплого климата, в долинах крупных рек, чьи ежегодные разливы повышали плодородие почвы и создавали наиболее благоприятные возможности для земледелия. Так было в Месопотамии, Египте, Индии и Китае. И только древние майя, словно бросая вызов капризной судьбе, на века обосновались в негостеприимных джунглях Южной Мексики и Северной Гватемалы, выстроив там свои белокаменные города. За пятнадцать веков до Колумба майя изобрели точный солнечный календарь и сложнейшую

иероглифическую письменность. Они использовали в математике понятие нуля раньше индусов и арабов, уверенно предсказывали солнечные и лунные затмения, а пути движения планеты Венера вычислили с ошибкой лишь на 14 секунд в год. Майя достигли поразительного совершенства в архитектуре, скульптуре, живописи и в производстве керамики. Но вместе с тем их орудия труда оставались крайне примитивными и изготавливались только из дерева, кости и камня. Майя не знали металлов (до X в. н. э.), колесных повозок, плуга, вьючных и тягловых животных, гончарного круга. Вся гигантская программа их архитектурного строительства была выполнена исключительно мускульной силой человека. Майя жили еще, по сути дела, в каменном веке. Происхождение майя окутано пеленой таинственности. Мы знаем лишь, что появление развитой культуры у этого народа относится к первым векам нашей эры. Около 3000 лет назад отдельные племена индейцев — предки майя — начали свое продвижение из горных районов в глубины лесной равнинной зоны на юге Мексики и севере Гватемалы. Это была не слишком благоприятная для жизни территория. Даже сегодня природа здесь дика и своенравна. На пути человека плотной стеной встают лесные деревья-исполины — кедр, махогониевое дерево, сапот, пальмы, опутанные лианами и прикрытые снизу колючим кустарником. Ядовитые змеи, скорпионы, москиты и летучие мыши-вампиры представлены здесь более чем в избытке. Неистовые тропические ливни в мгновение ока смывают и уносят прочь тонкий слой плодородной почвы, а дождевую воду тут же впитывает пористый известняк. И в этих трудных условиях первые поселенцы — майя строили в джунглях простые хижины из дерева и глины, с высокими крышами из пальмовых листьев. Они вырубали лес грубыми каменными топорами и выжигали его, расчищая в зарослях небольшие участки для своих скромных посевов маиса, фасоли и тыквы.

Применение в частных хозяйствах труда рабов, лишенных средств производства, имело определенные экономические преимущества: возможность распоряжаться работниками, перебрасывать их на более важные в данный момент участки работы, применять разделение труда. Но при этом необходим был тщательный контроль за рабами и особые меры принуждения. Такой контроль был возможен только в хозяйствах ограниченных размеров. Когда же в связи с дальнейшим развитием частного сектора имения стали разрастаться и превращаться в огромные хозяйственные комплексы с массой рабов, то организовать этих рабов и проследить за ними стало очень трудно. Крупное землевладение древнего типа вообще имело экономические пределы для своего роста: необходимость содержать значительный аппарат по надзору могла привести к тому, что этот аппарат начинал поглощать весь прибавочный продукт, производимый работниками имения, и даже часть необходимого. В силу этих причин крупные рабовладельческие хозяйства могли существовать сравнительно недолго, как это и случилось в стране классического рабовладения — Италии.

Изменения в традиционной общественно-правовой структуре, равно как и взаимодействие различных этнических слоев в рамках мировых держав, оказали существенное влияние на социальную психологию народных масс и развитие культуры. Для большинства стран к концу второго периода древней истории характерны взаимовлияние и синтез культурных комплексов, созданных разными народами. Синтез культуры приводил к известному универсализму: распространению нескольких языков в качестве основных канцелярских, литературных и даже разговорных (в Передней Азии такими языками были греческий и арамейский, в Индии — санскрит и пали, в Западном Средиземноморье несколько позже — латынь и т. п.). Явлением сходного порядка были поиски универсальных божеств, которым подчинены все народы. Однако сама структура мировых держав, сочетавших в себе централизованный аппарат управления с самоуправляющимися коллективами, препятствовала победе универсализма. Эти коллективы — и города, и сельские общины — стремились сохранить свои особые, освящающие их культы и свои обычаи, что как бы подчеркивало прочность и в то же время исключительность данного коллектива, его обособленность. Сосуществование партикуляризма и универсализма можно проследить во многих областях духовной жизни того времени.

Изменились и проблемы, которые ставили религия, философия, литература и искусство. Если в античных полисах главным героем был гражданин, а в восточных империях предшествующего периода — царь, то теперь все больше и больше на передний план выступает человеческая личность, как таковая. Когда социальное положение человека было определено с его рождения, когда его действия помимо личной воли определялись традиционными связями с другими людьми (равными ему или стоящими выше и ниже его на социальной лестнице), человек не осознавал себя как самодовлеющего индивида. Когда же начинают разрушаться сословные перегородки, слабеют традиционные связи, создается иллюзия, что человек может быть обособленным, может сам решать стоящие перед ним вопросы, отвечать за свои поступки. Но обособленность и свобода действий человека были иллюзорны, он находился во власти общественных сил, осознать которые не мог, поэтому окружающий мир воспринимался им как враждебный и непонятный. В этих условиях перед индивидуумом возникают вопросы о цели, которой он должен следовать в своих действиях, о причинах его удач и неудач, о мере его ответственности за свои поступки, о справедливости (или несправедливости) миропорядка, о правомерности возмездия, об избавлении от страданий. Многие философские школы пытались найти ответы на все эти морально-этические проблемы. Одни философы утверждали, что человек обладает свободой воли, и полагали, что выбор его должен состоять в уходе от общества; другие говорили, что вся жизнь человека предопределена, поэтому не следует стремиться к лучшей доле, а нужно лишь добросовестно выполнять то, что ему предназначено судьбой. Но философия не могла предложить

разрешения конфликта между индивидуумом и миром, которое было бы достаточно всеобщим. Гораздо более важную роль здесь играла религия.

Начало упадка древних рабовладельческих обществ ознаменовалось поисками богов-спасителей, которые оградили бы своих приверженцев от зла и смерти. Спасение мыслилось или в действительной жизни (царство божье на земле), или в духовном слиянии человека с божеством. В это время получил распространение буддизм и зародилось христианство. В них были преодолены партикуляризм, этническая или сословная ограниченность прежних культов. Обе эти религии обращались к человеку, обе признавали жизнь страданием и предлагали пути спасения от него. Эти пути в буддизме и христианстве были различны: буддизм призывал к преодолению страданий через отрешение от всех мирских связей (семьи, варны, собственности) и подавление всех желаний и таким образом — к достижению полного успокоения. Христианство же призывало к единению в религии, к любви, которая не должна делить людей на своих и чужих. Христианство обожествляло страдание — именно страдающим должна была открыться божья благодать. По существу, в раннем христианстве проявилась психология человека, лишенного всех общественных связей и гарантий. Христиане воспринимали себя не членами какого-то определенного традиционного коллектива, что было характерно для общественной психологии предшествующего периода, а всего лишь временными странниками на земле. И в то же время человек как личность находился в центре всего христианского вероучения: он нес ответственность не только за свои личные действия, но и за всю мировую несправедливость, однако при этом он обладал возможностью выбрать путь, который привел бы его к спасению (но не в этом мире). Универсализм проповеди будущих мировых религий, обращение этой проповеди к отдельному человеку вне его социальных и племенных связей привели к тому, что эти религии пережили породившие их древние общества и распространились за их географические и хронологические границы.

Все упомянутые выше тенденции в социально-экономической и духовной жизни древних обществ наиболее полно проявились уже в последний период их развития; они, по существу, были показателями начинающегося упадка этих обществ.

Раздел написан: *Свенцицкой И.С.*

Упадок и гибель Древних обществ.

Третий период древней истории — приблизительно с рубежа нашей эры по V в. ее — эпоха разложения и гибели рабовладельческой формации и зарождения феодальных отношений в недрах рабовладельческих и поздних первобытных, так называемых

варварских, обществ. Датировка этого периода древней истории, как и предыдущих, может быть только приблизительной, так как разные общества не одновременно подходили к рубежу рабовладельческой и феодальной формаций.

Сущность последнего периода в истории древних рабовладельческих обществ составляло проявившееся противоречие между достигнутым уровнем производительных сил и отставшими от них производственными отношениями вместе со всеми сложившимися над ними надстройками. Возможности дальнейшего развития производительных сил в рамках рабовладельческих производственных отношений оказались исчерпанными. Это противоречие привело к разложению всей рабовладельческой формации.

Ко времени поздней древности повсеместно распространилась — не только в классовых обществах, но и у окружающих их племен — выплавка стали. Стальные орудия (топоры, пилы, сошники, лопаты, ножи, долота, сверла и т. п.) повысили производительность труда в земледелии и ремеслах, а массовое применение стального оружия (мечей, кинжалов, наконечников стрел и копий, щитов, лат, поножей, шлемов и др.) усилило боеспособность войск.

Стальные орудия позволили вырубать леса и кустарники на больших площадях и отводить все новые и новые территории под земледелие и скотоводство. Этот процесс интенсивно происходил в период поздней древности, например, в Центральной, Восточной, а к концу древности и в Северной Европе и вел к быстрому росту народонаселения «варварской» периферии за северными рубежами Римской империи. В Индии в первых веках нашей эры отвоевывались у джунглей новые земли. В Китае строились новые ирригационные сооружения в ранее не освоенных областях.

Усилившееся разделение труда и усложнение ремесленной технологии повысили качество изделий ремесла и позволили делать их более разнообразными. Так, появились посуда из прозрачного стекла и первые стеклянные зеркала. Но многие технические изобретения не внедрялись в производство из-за недостаточной заинтересованности работников в производительности труда.

В старых классовых обществах, как восточных, так и западных, производительность труда в период поздней древности продолжала увеличиваться не столько за счет освоения новых орудий труда, сколько за счет совершенствования навыков обращения с уже известными орудиями и материалами, а также за счет улучшения ухода за зерновыми, садовыми и огородными культурами, за скотом и птицей.

В период поздней древности люди стали в большом количестве разводить лошадей, причем не только в горных и степных, но и в лесных странах, например в Средней Европе. Однако, как и раньше,

лошадь продолжала использоваться преимущественно в военном деле, а не в хозяйстве. При пахоте и перевозке тяжестей применялись по-прежнему главным образом волы и ослы. На дальних торговых путях, пролегающих через степи и пустыни, первое место в качестве транспортного животного занял верблюд.

Экономические связи между отдельными странами стали теснее. Например, Великий шелковый путь связал Средиземноморье с Китаем. Дальнейшее развитие получило мореплавание: морские торговые связи вышли далеко за рамки Средиземноморья. Так, Индия на востоке вела морскую торговлю с Китаем, а на западе корабли индийских купцов достигали Красного моря. В Южной Индии существовали поселения купцов из средиземноморских стран. Ввоз новых товаров из далеких стран делал внешние формы жизни зажиточной части населения намного более богатыми и разнообразными.

Как было показано в предыдущих книгах нашего труда (см.: «Ранняя древность» и «Расцвет древних обществ»), развитие производительных сил в течение древности сопровождалось совершенствованием производственной структуры обществ, изменением форм производства. Общим для всей древности было сочетание и взаимодействие в каждом обществе двух секторов экономики — государственного и общинно-частного или частного. На заре рабовладельческой эпохи государственный (дворцовый или царско-храмовый) сектор экономики преобладал, а частный сектор, состоявший из хозяйств домашних общин, развивавшихся в пределах общин территориальных, уступал в значении государственному. Кооперация и специализация производства в значительной мере именно в рамках государственных хозяйств объяснялась слабостью частных хозяйств в ту эпоху. Единым направлением развития экономической структуры древних обществ было постепенное сокращение государственного сектора и возрастание частного. При этом характерная для древности тенденция к кооперации производства, обусловленная относительной слабостью производительных сил, не исчезла, а приняла в эпоху расцвета рабовладельческих обществ новую форму — создания более или менее крупных частных рабовладельческих хозяйств. Главной формой самоорганизации свободных производителей и рабовладельцев стали городские, гражданско-храмовые и подобные им общины. Периоды расцвета древних классовых обществ (особенно в IV-I вв. до н. э. а в некоторых обществах, как, например, в римском, еще и в I — II вв. н. э.) были эпохой наибольшего распространения и развития частных рабовладельческих хозяйств как в городе (например, в Риме), так и в сельских местностях. Для социально-экономических отношений поздней древности и раннего средневековья, т. е. приблизительно для I тысячелетия н. э., характерен такой уровень производительных сил, особенно в области промышленности, который позволял создать средства насилия, дававшие господствующему классу возможность перейти от эксплуатации рабов и близких к ним категории к

эксплуатации почти всей массы рядового населения. Достигнутый уровень развития орудий труда и хозяйственных навыков, а также средств принуждения заставил и позволил эксплуатировать работников, более заинтересованных в производительности труда, нежели рабы. Поскольку эти тогдашние орудия требовали приложения силы только человека или тягловых животных, то в рамках мелких частных хозяйств вполне обеспечивалось на довольно продолжительное время дальнейшее развитие производства. Теперь не было необходимости использовать только малопродуктивный рабский труд (хотя от него еще долго не отказывались): уже появилась возможность эксплуатировать трудящихся, не лишенных собственности на средства производства (или на значительную их часть) и ведущих собственные мелкие хозяйства.

Следует иметь в виду, что, как не было двух абсолютно одинаковых рабовладельческих обществ, так же не было и одинаковых феодальных обществ. Мы не имеем возможности рассматривать здесь специфику различных складывавшихся феодальных обществ. Суть же феодальной формации была везде принципиально одинаковой и на Востоке и на Западе. Среди общих признаков феодализма необходимо подчеркнуть (абстрагируясь от конкретных особенностей условного землевладения и иерархического разделения политической власти между представителями господствующего класса) одновременное сосредоточение и земельной собственности, и политической власти в руках либо отдельных феодалов, либо всего класса феодалов в лице верховной государственной власти.

Итак уровень развития производительных сил в поздних древних (а затем и в средневековых) обществах обусловил господство в экономике мелких частных хозяйств, а развитие производительных сил в области промышленности дало в руки господствующего класса землевладельцев средства превращения всей массы этих мелких частных хозяйств в эксплуатируемых (феодално-зависимых) людей. В социально-экономической области разложение рабовладельческой формации выразилось в упадке рабовладельческой экономики, разложении полисной формы собственности и развитии независимой от городских общин земельной собственности (Например, в Римской империи именно на этих изъятых из ведения городов и поэтому свободных от большинства налогов и повинностей землях и происходило наиболее успешное формирование элементов феодализма.), в разложении территориальной общины как гражданского коллектива, упадке городов как центров товарного рабовладельческого хозяйства.

В эпоху древности, будь то на Западе или на Востоке, ведущее положение как центр экономической, общественной и политической жизни занимал город. Древность начинается и кончается вместе с рождением и смертью древнего города. Важнейшим показателем перехода от древности к средневековью является падение или по крайней мере полная перестройка городов в экономическом и

политическом отношении. Даже в тех случаях, когда в средние века сохранялись старые города, полностью изменялась их внутренняя структура: исчезало понятие гражданства. Средневековые города как торгово-ремесленные центры, обладающие самоуправлением и не зависящие от феодала, возникают впоследствии на совсем других основах.

Древность продолжалась до тех пор, пока существовал класс свободных общинников, обладавших гражданским полноправием, не включенных в новый феодально-эксплуатируемый класс. Рабы остались и в средневековье; зато исчезли свободные и сознающие себя полноправными гражданами общин; даже формально свободные средневековые крестьяне, там, где они были, фактически были неравноправны, приравнивались к феодально-зависимым или даже были ими по существу. По наличию полноправных свободных, не эксплуатируемых, но и не принадлежащих к господствующему классу, иначе говоря, полноправных членов общин (главным образом городских и храмовых), например, поздняя Вавилония VII—IV вв. до н. э. — это древнее общество, а по их отсутствию Арабский халифат VIII—X вв. н. э. — это феодальное общество, хотя рабов в средневековом Арабском халифате, в том числе и в производстве, было даже больше. Переход к феодальному способу производства заключался не столько в отмене рабства, сколько в отмене свободы.

В классовых обществах поздней древности продолжали существовать рабовладельческие отношения. Однако в недрах зашедшего в тупик рабовладельческого строя зарождались элементы отношений феодальных, и именно они, несмотря на свою слабость в период поздней древности, выражали ведущую тенденцию исторического развития. Например, в поздней Римской империи античная форма собственности и обусловленная ею рабовладельческая форма эксплуатации перестали быть определяющими факторами общественного развития; напротив, все системы социально-экономических и политических отношений, идеология и культура начали перестраиваться под влиянием складывающейся феодальной формы собственности и обусловленной ею феодальной формы эксплуатации. Формационная принадлежность общества определяется не численностью того или иного эксплуатируемого класса, а основной тенденцией общественного развития. Когда не только рабов, но и свободных граждан древнего общества обратили в эксплуатируемых, тогда кончилась древность и началось средневековье. В более ранние периоды древности подневольных работников типа илотов подравнивали под рабов, теперь рабов и (ранее свободных) крестьян подвергают феодальной эксплуатации.

Крушение рабовладельческих отношений и формирование феодальных происходило в отдельных обществах и в разные сроки, и в разных формах. Эти различия были весьма существенны даже в пределах одной и той же исторической общности. Так, в западной

половине бывшей единой Римской империи падение рабовладельческого строя сопровождалось гибелью Римского государства и завоеванием его территории соседними народами; в восточной половине Римской империи переход от рабовладельческого строя к феодальному совершился без слома государственной машины и потому более медленно: государственный аппарат старой рабовладельческой империи был приспособлен к нуждам развивающегося феодального общества. Однако при всех различиях процесса смены рабовладельческих отношений феодальными сущность его была единой: это была социальная революция, т. е. смена способов производства, вызванная резким несоответствием старых производственных отношений новым производительным силам.

Государства, возникшие на территориях, где никогда не существовало древнего рабовладельческого общества (Скандинавия, Киевская Русь, Япония и многие другие), или на территориях хотя и входивших в свое время в рабовладельческие государства, но обезлюдевших (Англия и др.), первоначально слагались как раннерабовладельческие, в них существовала сильная прослойка свободных общинников и весьма значительный рабовладельческий уклад. Однако, существуя в условиях высокого уровня производительных сил, отчасти перенятых у ранее вступивших на путь классового развития обществ, подобные государства недолго удерживались на этой стадии (которую иногда не вполне точно называют «дофеодальной» или «предфеодальной»), вскоре и здесь уровень общественного развития выравнивался по более распространенному к тому времени феодальному. Лишь в областях, долго не имевших контактов с остальным миром (Африка южнее Сахары, Америка), общества древнего типа продолжали существовать долго после того, как они исчезли в Европе и на Востоке.

В последний период древности трудящееся население классовых обществ фактически сливалось в довольно единообразную массу неполноправных и эксплуатируемых людей, хотя и разделенных формально сословными перегородками: господа все чаще переводили своих рабов в положение, близкое к феодальной зависимости; в то же время происходило превращение свободных людей в зависимых держателей чужой земли.

Сближение социально-экономического положения различных категорий трудящихся создавало условия для их совместного участия в классовой борьбе. Примерами могут служить мощные народные восстания в Ханьской империи в Китае и подобные движения в поздней Римской империи и в сасанидском Иране. В поздней древности они нередко носили религиозный характер, являясь по своей форме ересями — выступлениями против государственной церкви и официальной религии. Это было связано с тем, что церковь, став государственным учреждением, явилась союзником и идеологической опорой господствующих классов. В ходе классовой борьбы между народными массами, превращавшимися в

эксплуатируемый класс зарождавшегося феодального общества, и новым господствующим классом, который формировался из местных землевладельцев-рабовладельцев, а в некоторых обществах (в так называемых варварских государствах) и из верхушки племен-завоевателей, древний рабовладельческий мир перестраивался в средневековый феодальный.

Разложение рабовладельческой формации проявилось также в распаде политической системы рабовладельческих обществ. В период поздней древности происходит крушение таких мировых держав, как Римская в Средиземноморье, Ханьская в Китае, Кушанская в Средней Азии, империя Гупт в Индии. Территория некоторых крупных держав была частично завоевана в III—V вв. соседними племенами и народами. Знать этих племен становилась во главе государств, созданных в завоеванных областях. Например, в V в. вся западная половина Римской империи подпала под власть германских и некоторых других племен.

Но и на тех территориях, которые оставались под властью старых империй, происходили существенные политические сдвиги: города теряли самоуправление, в то же время крупные частные землевладельцы постепенно превращались в своих поместьях в государей. Этот слой земельных магнатов формировался из членов царских фамилий, из высших военачальников и чиновников, а в Западной Римской империи — также из сенаторов. Фактически в рамках поздних древних империй зарождалась феодальная раздробленность с характерными для нее междоусобицами. Крупные землевладельцы обзаводились собственным аппаратом управления и все меньше нуждались в центральной государственной власти.

Экономическая, а отчасти и политическая раздробленность, создавшаяся (или наметившаяся) в большинстве стран на рубеже древности и средневековья, способствовала вмешательству во внутренние дела древних держав соседних племен и народов, в том числе их вторжениям и завоеваниям; но была и другая, может быть, более важная причина этих вторжений.

Внутренний кризис поздних рабовладельческих обществ сопровождался существенными сдвигами в их взаимоотношениях с соседними народами. Кончился период преобладания сил рабовладельческих государств над окружавшей их варварской периферией.

В течение веков и тысячелетий более отсталые народы, жившие вследствие своего примитивного хозяйства родо-племенным строем, служили объектом эксплуатации для более развитых в экономическом, классовом, политическом и культурном отношении обществ. Последние использовали первобытную периферию как источник получения сырья и рабов, обогащались за счет неэквивалентной торговли со своими отсталыми соседями, наконец, имели довольно

благоприятные условия для своего внутреннего развития уже в силу относительной внешней безопасности.

Разумеется, конкретная картина взаимоотношений передовых рабовладельческих государств и отсталых первобытных обществ была весьма сложной. Случалось, что отсталые народы обрушивались нашествиями на цивилизованные государства, не только грабя и облагая их данью, но надолго превращая в пустыню. Но все же общий баланс соотношения сил между варварской периферией и рабовладельческой цивилизацией складывался в пользу последней до самого начала нашей эры.

Рабовладельческую цивилизацию и варварскую периферию можно уподобить двум половинкам одного орешка, имя которого — древний мир. В самом деле, не только рабовладельческие общества не могли существовать (и уж во всяком случае процветать) без эксплуатации окружающей периферии, но и первобытная периферия очень нуждалась в тесных связях, прежде всего экономических, с передовыми классовыми обществами. Варвары получали от своих более развитых соседей такие продукты и орудия, которые не умели еще производить сами или которыми не располагали в достаточном количестве и должного качества. Например, кочевые скотоводческие народы, обитавшие севернее и западнее Китая, были заинтересованы в пограничных рынках, на которых они могли обменивать продукты своего скотоводческого хозяйства на продукты земледелия и ремесла оседлого населения Китая (на рис, просо, ткани, металлические изделия и т. п.). В Центральной и Северной Европе, где в первых веках нашей эры обитали германские и другие племена, археологи находят много римских ремесленных изделий, потребителями которых были, несомненно, эти самые племена, и римских монет — свидетельство вывоза товаров с племенной периферии в империю.

Но развитие собственных производительных сил варваров не стояло на месте, чему способствовало заимствование опыта у более цивилизованных соседей. Приблизительным рубежом, положившим конец сильной экономической зависимости варваров от рабовладельческих государств, явились III—V века н. э. В Центральной и Северной Европе, например, это подтверждается почти полным исчезновением с этого времени изделий римского ремесла — с производством ремесленных изделий теперь вполне справлялись местные мастера, в том числе оружейники. Германцы ко времени вторжения в Римскую империю в IV—V вв. н. э. уже хорошо освоили земледелие, овладели секретами коневодства и имели прекрасную конницу, которая служила главной ударной силой при завоевании ими Западной Римской империи.

Чем ближе к концу древности, тем более тесными становились контакты между варварами и рабовладельческими государствами, хотя характер этих связей изменился по сравнению с предшествующим временем. Рабовладельческие империи испытывали все большие

затруднения в пополнении своих армий за счет внутренних резервов, поскольку одним из важнейших проявлений феодализации было ослабление связей между подданными и центральной государственной властью. Мелкие земледельцы различных категорий все больше попадали в поземельную и личную зависимость от частных землевладельцев и ускользали из сферы управления центральной власти. Вследствие этого государство теряло налогоплательщиков и резервы пополнения армии. Правители поздних древних империй стали практиковать в первых веках нашей эры массовое привлечение соседних варваров в пределы империй как в роли поселенцев-земледельцев, так и особенно в роли воинов-наемников, обычно именуемых «союзниками» («федератами»).

В III—V вв. н. э. хозяйственное развитие многих племен, обитавших по соседству с западными и восточными империями, достигло такого уровня, на котором развернулся бурный процесс социального расслоения. Возникающая военно-племенная знать выступала инициатором войн с целью захвата различной добычи, в том числе рабов. С ростом народонаселения на варварской периферии и возможностей хозяйственного освоения все большего количества природных богатств чрезвычайно важное значение для племен, переходивших от первобытного строя к классовому, приобрел захват новых земель.

В эпоху великих переселений народов, охватывающую позднюю древность и раннее средневековье, почти вся варварская периферия пришла в движение. Бесчисленные племена и народы снимались со своих исконных мест и переселялись на огромные расстояния. В этих переселениях участвовали не только кочевники-скотоводы, но и варвары-земледельцы, особенно если скотоводство у них не было резко отделено от земледелия; они либо сами стремились расширить территорию своего расселения, либо их теснили более сильные соседи.

Древние цивилизации занимали широкий пояс земель, протянувшийся в Северном полушарии в зоне субтропиков и южной части умеренных широт. Именно на этой территории существовали рабовладельческие государства в Европе, Азии и Африке. И вот теперь в эту полосу возделанных земель с густым населением и богатыми городами, древними государствами и культурами устремились периферийные народы, которые до поры до времени находились как бы на втором плане мировой истории. Они отстали от передовых обществ субтропической и умеренной зоны вследствие того, что природные условия их стран были менее благоприятны для развития древних классовых обществ (речь идет именно о древних человеческих обществах с их относительно примитивными производительными силами).

Когда же производительные силы периферийных народов достигли такого уровня, что они смогли и в странах с более суровым климатом

получать достаточно высокие урожаи, разводить большие стада скота, добывать и обрабатывать металлы, накапливать запасы продовольствия и других материальных ценностей, у них начался быстрый рост народонаселения, стали зарождаться классы и зачатки государственности, возросла военная мощь.

Знакомство варваров с хозяйством и военным делом цивилизованных обществ очень ускоряло их социально-экономическое и военное развитие. Многие варвары прекрасно знали военное дело соседних рабовладельческих государств, потому что служили в свое время в их войсках, нередко достигая высоких постов в армии и государственном аппарате, а некоторые представители варварской знати подолгу жилали при дворах царей и императоров в качестве заложников, причем получали соответственное (римское, персидское, китайское и т. п.) образование и воспитание и хорошо знали положение в данной стране.

В конце древности и начале средневековья периферийные народы усилили натиск с севера и с юга на зону рабовладельческих государств. В III—VII вв. германские, славянские, сарматские, монгольские, тюркские, арабские и другие племена выступают против рабовладельческих империй все более мощными военными союзами. Соотношение сил между империями и варварами изменилось в пользу последних. И хотя не все рабовладельческие государства были завоеваны варварами, а некоторые и вообще не подвергались их нашествиям, все же благоприятные внешнеполитические условия для рабовладельческих цивилизаций безвозвратно миновали.

Главной причиной крушения рабовладельческой формации в общеисторическом масштабе явилось внутреннее развитие рабовладельческих обществ. Однако следует признать, что значительную роль в падении рабовладельческой формации сыграло и развитие варварской периферии. Здесь имеются в виду не только и даже не столько варварские нашествия, сколько некоторое выравнивание уровней социально-экономического и военного развития древних цивилизованных обществ и окружающих их племен и народов, поднимающихся на ступень цивилизации.

Очень примитивная по своей экономической сущности древняя формация, основанная на прямом физическом принуждении, в значительной степени подпиралась извне тем, что отсталая первобытная периферия веками и тысячелетиями была для классовых обществ источником приобретения невольников и материальных ценностей. Неравномерность общественного развития отдельных народов можно наблюдать и в последующую — средневековую — эпоху, но в других формах, однако разбирать их здесь не место.

Варварские нашествия и завоевания III—VII вв. сопровождались разорением целых областей и гибелью людей как из местного населения, так и из среды завоевателей. Крушение

рабовладельческого мира и рождение феодального слились в исторический процесс, сложный и мучительный для народных масс как старых классовых, так и молодых варварских обществ,— участников великих переселений народов,— но в то же время процесс объективно прогрессивный (Как и всякий процесс, он развивался диалектически, и прогрессивные достижения в нем соседствовали с определенными потерями. Здесь прежде всего надо указать на резкое падение грамотности населения и уровня положительных научных знаний во всем средневековом мире по сравнению с древностью.).

В падении древних обществ революционную роль играло и классовое сопротивление рабов, которые вследствие сближения их положения с закрепощаемыми свободными участвовали теперь вместе с ними в народных движениях. Но чем более рабы боролись, тем невыгоднее становился их труд для эксплуататоров и тем более они стремились найти новый объект для эксплуатации. Поэтому рабовладельческий строй стихийно, но неуклонно подрывали и крупные земельные собственники, переводившие свои хозяйства с рабовладельческого пути на феодальный.

Исходя из современного уровня знаний, можно считать, что классом, покончившим с рабовладельческой формацией, были предшественники феодалов. Земельные магнаты, эксплуатировавшие внеэкономическим путем новообразующийся класс лиц, не лишенных собственности на средства производства, забирают в свои руки экономику общества, и переход к новому, средневековому феодальному обществу выражается или оформляется в переходе к новому, феодализирующемуся классу политической власти. Когда эксплуатация земельными магнатами нового низшего класса мелких земледельцев разных категорий завершается сосредоточением в их руках политической власти, начинается эпоха средневековья.

Этому сопутствуют два явления: одно из них — падение городов как оплота старых производственных отношений, как коллективных организаций свободных граждан — представляет собой лишь обратную сторону процесса смены классовых отношений; Другое служит предпосылкой взятия власти новым классом: это сильный внешний или внутренний толчок, разрушающий старую государственную структуру. В Китае таким решающим толчком для перехода к новой формации явилось восстание «Желтых повязок», сломавшее государственную машину древнего общества и тем заставившее новообразующийся класс земельных магнатов взять в свои руки государственную власть; в Закавказье подобным толчком послужило уничтожение городов Сасанидом Шапуром II; в Западной Римской империи — варварское завоевание, причем тут дело осложнилось еще и персональной сменой состава господствующего класса, и созданием варварских королевств, которые, будучи раннеклассовыми, вместе с тем сохраняли условия и гибнущего рабовладельческого, и возникающего на его месте феодального строя.

В Византии и в сасанидском Иране государственная машина не была сломлена, и тут переход к новой формации затянулся.

Как было упомянуто, во многих странах падение рабовладельческого строя сопровождалось вторжениями в них соседних племен и народов и даже завоеванием их территории, на которой завоеватели основывали свои государства—так называемые варварские королевства. Вторжения варваров, сопровождавшиеся разорением местного населения, были бедствием для народных масс древних рабовладельческих государств и тормозили развитие производительных сил в завоеванных странах. Население рабовладельческих держав, например Римской империи, по мере сил сопротивлялось этим нашествиям. Если старая центральная государственная власть не могла дать отпора завоевателям, организаторами сопротивления выступали земельные магнаты, что, кстати, способствовало росту их значения и в конечном счете взятию ими политической власти. Нередко осаду варваров с успехом выдерживали хорошо укрепленные города.

В то же время в тех случаях, когда завоеватели подвергали решительному слому государственный аппарат старых рабовладельческих империй (самый яркий пример — завоевание германскими племенами Западной Римской империи) и создавали на завоеванных землях свободные крестьянские общины, например германские (франкские) в Галлии, славянские в Византии, они объективно оказывались участниками социальной революции, хотя субъективно — по своим осознанным интересам — выступали обычно как враги местного населения, у которого отнимали землю и другое имущество, которое убивали, захватывали в плен и порабощали.

Однако внешний лагерь участников социальной революции — вторгающихся варварских племен — нельзя считать обязательным ее элементом. Ряд древних рабовладельческих обществ перешел к феодализму без вмешательства племен-завоевателей, например Армения и Грузия. Другие государства хотя и подвергались варварским нашествиям, однако уцелели, например Византия и сасанидский Иран. Иногда иноземное вторжение происходило в уже феодализировавшиеся государства (Иран, Китай). Наконец, известен и такой вариант завоеваний, когда в роли завоевателей выступали кочевники-скотоводы, превращавшие завоеванные земледельческие области в пустыню. Так, для европейских народов пагубные последствия имело вторжение с востока в 70-х годах IV в. кочевников-скотоводов гуннов, которые шли, сметая все на своем пути, разрушая города и селения, грабя и убивая местных жителей. Такие завоеватели, которые не могли внести ничего положительного в развитие завоеванных стран, тормозили социальную революцию.

Гибель рабовладельческой формации и становление феодальной сопровождалась отмиранием ряда элементов древних культур — племенных, полисных, общинных — и зарождением феодальной

культуры, которая имела свои особенности в каждой стране. Однако следует отметить по крайней мере одну черту, общую для всех феодальных культур,—огромную идеологическую роль государственных религий (христианства, буддизма, мусульманства) в укреплении власти феодалов над крестьянами.

Зародившись в недрах рабовладельческих (буддизм, христианство) или разлагавшихся первобытных (мусульманство) обществ, эти религии в фантастической форме выражали смутные мечты угнетенных о социальной справедливости в этом или ином мире или хотя бы об утешении в страданиях. Благодаря этому они довольно быстро распространились среди народных масс. Характерная черта названных мировых религий — выработка догм морали и подчинение морально-религиозным догмам всей жизни населения. Место первобытного наивного материализма общинных верований (в которых сами боги мыслились материальными и даже смертными) занимает теперь спиритуализм — провозглашение превосходства духа над плотью, изначальности духа и вторичности материи, а также и материальных нужд человека.

Поскольку ни одна из подобных религий не призывала к активной перестройке социальных отношений, такие религиозные учения оказались приемлемыми и для господствующих классов, которые постепенно приглушили социальный протест и в то же время подчеркнули призыв этих учений к терпению и покорности, обращенный к трудящимся. Космополитизм таких религий способствовал распространению их в различных странах.

К концу древности вследствие зарождения феодальной раздробленности, а в некоторых странах и вследствие варварских завоеваний начинают вырисовываться контуры средневековых государств.

Господствующий класс перестраивался на новые формы эксплуатации. Для этого ему было нужно получить кроме власти над возможно большим пространством земли также и политическую власть над проживающими на ней мелкими земледельцами, обладавшими собственностью на средства производства. При этом собственность последних на скот, рабочий инвентарь, жилье и подобные помещения по большей части являлась достаточно бесспорной. Сложнее обстояло дело с землей. Она могла быть собственностью отдельного представителя господствующего класса (аллод) или целой организации (например, церкви) или даже всего государства в целом. В любом случае экономическая власть над территорией и ее населением непременно соединялась с властью политической, а нередко и судебной. Таким образом, новые экономические отношения собственности существенно отличались от господствовавших в типичных обществах древности. Что касается мелких землевладельцев, то земля могла быть в арендном или ином пользовании или же оставаться и в аллодиальной собственности

крестьянина либо свободной крестьянской общины (особенно в периферийных областях древнего мира или среди переселенцев из стран, где господствовали первобытнообщинные отношения). В этом случае прибавочный продукт изымался у трудящегося населения в виде налога, не принимавшего формы ренты. То же касается мусульманских стран, где теоретически все мусульмане (но не приверженцы других религий) были равны перед законом и выплачивали меньше налогов, чем немусульмане. Однако даже когда феодальный налог не принимал характера ренты, он существенно отличался от налогов, собиравшихся в классической древности, ибо те шли в какой-то мере на общественные нужды, а если и попадали просто-напросто в руки представителей господствующего класса, то все же для каждого из них налог и тем более рента-налог не были основным источником содержания и дохода. Новый характер налогов начинает складываться лишь в период поздней древности — как зачаток феодальных отношений.

Земельные владения новых магнатов становятся гораздо более самодовлеющими, чем прежние рабовладельческие; товарность их резко снижается, монетно-денежная система по большей части начинает приходить в упадок, так как налоги и поборы с мелких малотоварных хозяйств легче и выгоднее взимать в натуре. Ремесленное производство в немалой мере перебазируется из города в имения магнатов (если только те, как нередко бывало в странах Азии, сами не делали города своими резиденциями). Одновременно идет процесс аграризации городов, превращающихся нередко в укрепленные поселки преимущественно сельскохозяйственного населения, а то и вовсе хиреющих. Весьма существенно, что античные формы политического устройства вымирают и в городах, которые перестают быть оплотом и последним убежищем древних форм товарного хозяйства, основанных на свободном труде в сочетании с рабовладением.

Для перестройки всех общественных отношений, и прежде всего отношений между господствующим и новым эксплуатируемым классом, который обладал своей собственностью на средства производства, недостаточно было чисто насильственного принуждения. Господствующий класс использовал как орудие духовного принуждения народных масс те самые религиозные учения, которые создавались вначале самими массами или их идеологами в борьбе с официальной религиозной философией рабовладельческого общества. Но теперь эти учения были закреплены в жестких догматических формах, которые устраивали пришедшие к власти верхи общества.

Такой способ производства, при котором господствующий класс землевладельцев, базирующийся на феодальной собственности, соединенной с политической властью, эксплуатирует путем внеэкономического принуждения (т. е. не через рынок, а посредством физического и духовного, насилия) непосредственных производителей — крестьян и ремесленников, не лишенных собственности на средства

производства, за исключением земли, называется феодальным (Термин «феодализм» происходит от слова «феод», обозначающего особый вид условной земельной собственности, связанный с личной службой (обычно военной) нижестоящего феодала (вассала) вышестоящему феодалу (сеньору); но в марксистской исторической терминологии употребляется в изложенном здесь более широком смысле.). Конечно, картина становления феодальной экономики была более сложной, нежели описанная нами (и, как мы предполагаем, основная) линия ее формирования. Достаточно упомянуть о разнообразии способов ведения хозяйства в средневековой общине зависимых крестьян; или в феодальном поместье, или в ближневосточных крестьянских хозяйствах, располагавшихся на государственной земле, а эксплуатировавшихся чиновниками. Однако ни черты общинного коллективизма, ни элементы кооперации, специализации и разделения труда в поместье не могут заслонить главного признака производственной структуры феодального общества — господствующего удельного веса мелкого частного производства крестьян и ремесленников, обладающих собственностью на средства производства и в то же время эксплуатируемых противостоящим им классом. С развитием феодального способа производства было достигнуто соответствие между относительно примитивными орудиями труда и мелким частным производством. Именно поэтому на определенной ступени общественно-экономического развития переход к феодализму стал исторической неизбежностью.

Литература:

Неронова В.Д. Общие черты третьего периода древней истории./История Древнего мира. Упадок древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.5-21

Лекция 2: Римская республика с середины II в. до 27 года до н.э.

Римская держава в период поздней республики.

Новые римские территории получили статус, значительно отличавшийся от статуса Италии. Они рассматривались как собственность римского народа и были лишены всякого элемента самостоятельности. Значительная часть земель конфисковалась и сдавалась в аренду римским гражданам. В I в. до н. э. римляне стали практиковать вывод колоний за пределы Италии. Определенная часть земли осталась в руках местного населения, однако государство в любой момент могло ее отнять. Кроме того, население провинций (как теперь назывались эти территории) должно было платить большой налог — около одной десятой части всех доходов — в римскую казну. В правовом отношении население провинций рассматривалось на одном уровне с подданными и стояло вне римского права.

Наместники провинций являлись командующими армией и главами гражданского управления и были подотчетны только центральному правительству Рима. Наместник был, в сущности, хозяином страны, и для защиты своих прав провинциалы располагали только одним способом, правда достаточно эффективным. Почти каждая община имела в Риме патрона из числа влиятельных граждан, с которым она вступала в отношения клиентелы. Патрон являлся представителем общины перед римской администрацией. Хотя в период пребывания в должности наместник не подлежал суду, он мог быть привлечен к ответственности после окончания срока. В 149 г. до н. э. по закону Кальпурния Пизона была учреждена специальная судебная комиссия по делам о вымогательствах. Поскольку судьями были сенаторы, осуждение или оправдание наместника зависело не столько от его вины, сколько от его политического положения в Риме.

Бесконтрольность провинциальных наместников, система клиентелы усиливали влияние частных лиц, что было явной угрозой для коллегиального руководства и полисной системы относительного внутреннего равновесия общественных сил. Затяжные и трудные войны требовали длительного содержания войск вне Италии на отдаленных театрах военных действий. Это способствовало профессионализации армии и превращению ее как бы в особое сословие. Неэффективность частой смены командующих показала еще Вторая Пуническая война. В силу этого римляне были вынуждены продлевать полномочия способным наместникам и полководцам, что давало в руки последних огромную власть.

Наиболее существенным экономическим изменением было установление господства рабовладельческого уклада в экономике. Рим знал рабство с древнейших времен, но до Пунических войн

рабовладельческое производство не играло главной роли(Конечно, римское общество до Пунических войн нельзя рассматривать ни как доклассовое, ни как принадлежащее к какому-либо особому, дорабовладельческому, например «азиатскому», способу производства. Как уже говорилось во вводных лекциях, классовый характер любого древнего общества определялся наличием антагонизма между господствующим классом и классом рабов или других подневольных людей рабского типа. Этому не противоречило существование во все времена древности свободного производства, часто, особенно в ранние периоды, поставлявшего основную Массу общественного продукта.—Примеч. ред.). Завоевания привели к огромному притоку рабов. Достаточно привести некоторые цифры. В 177 г. до н. э. после покорения Сардинии римляне захватили 80 тыс. рабов, в 167 г. при разграблении Эпира было продано в рабство 150 тыс. человек, в 146 г. Сципион Эмилиан продал в рабство 50 тыс. оставшихся в живых карфагенян. Крупными рабовладельцами были в основном сенаторы и всадники. Помимо войны важными источниками рабства были долговая кабала в провинциях (особенно кабала за долги в государственную казну) и пиратство. Наконец, большую роль играло и естественное воспроизводство рабов.

Рабы играли огромную роль в непроизводительной сфере, в основном в обслуживании знатных семейств. Большую группу составляли рабы-гладиаторы, используемые не только для зрелищ, но и для личной охраны владельца.

В собственно экономике значение рабского труда было более ограниченным. Очень широко рабов использовали на трудоемких работах в строительстве и в рудниках. Менее развит рабский труд был в ремесле; в сельском хозяйстве рабы играли значительную роль.

Хозяйства, основанные на рабском труде, имели определенные преимущества перед мелким крестьянским хозяйством, заключавшиеся в больших возможностях концентрации и специализации. В III в. до н. э. в экономике Италии возрастает роль скотоводства, в котором рабы, по-видимому, играют основную роль. Наиболее эффективным использование рабов-пастухов было в крупном хозяйстве, в то время как мелкое, судя по всему, сохраняет прежний характер. Встает вопрос о соотношении этих двух типов.

Во II—I вв. до н. э. в Италии происходят значительные сдвиги в сторону концентрации собственности. Появляются крупные поместья (латифундии), которым, однако, нельзя приписывать всеобъемлющее значение. Более распространенным видом поместья была вилла средних размеров, обслуживаемая сравнительно небольшим числом рабов. В Италии остается и большое число мелких хозяйств. Ряд мероприятий, проведенных государством во II в. до н. э., способствовал увеличению их числа. Развитие рабства стимулировалось и увеличением товарного характера римского сельского хозяйства. Преимущественное развитие получают более

доходные культуры — прежде всего виноград и фрукты. Производство зерновых значительно сократилось.

Следует отметить, что, хотя рабский труд во II—I вв. до н. э. не имел существенного преобладания над свободным, его доля была достаточна для того, чтобы вытеснить часть свободных производителей из сферы производства и вызвать экономический кризис.

В конце II в. до н. э. крестьянство Италии попадает в трудные условия. Разорение страны в ходе Второй Пунической войны нанесло непоправимый удар итальянскому земледелию. Длительные заморские войны приводили к отрыву собственников от их участков и способствовали их разорению. Немалое значение имели конкуренция дешевого привозного хлеба и развитие скотоводства, требовавшее больших пастбищ. Пользуясь своим экономическим и политическим преобладанием, сенаторы и всадники скупали участки крестьян, оккупировали огромные территории из *ager publicus* и тем самым стимулировали процесс экономической дифференциации.

Массы обезземеленных крестьян стекались в города, однако Рим не имел достаточно развитой промышленности, чтобы она могла втянуть их в себя. Огромные средства, приобретенные грабежом провинций, позволяли содержать этот плебс за счет государственных дотаций. Борьба за власть внутри господствующих группировок вела к широкому распространению подкупа избирателей. Таким образом, в Риме со II в. до н. э. появилась значительная прослойка люмпен-пролетариата, паразитировавшего за счет общества. Постепенно психология этой прослойки изменилась настолько, что, даже имея возможность получить участок, городской плебс не желал ею воспользоваться. Кризис сословия мелких собственников вел к ухудшению боевых качеств римских войск. Это сказалось в ходе войн 40—30-х годов и не могло не вызвать тревогу у наиболее дальновидных политиков.

Все эти обстоятельства привели к острому политическому кризису, который в современной литературе называется периодом гражданских войн. Гражданские войны явились результатом обострения всех противоречий римского общества: противоречия между рабами и свободными, между римлянами и неримским населением республики, наконец, противоречия между самими гражданами. Основной причиной этих событий было то, что к началу II в. до н. э. полисное устройство Рима ни в политическом, ни в экономическом, ни в духовном плане не соответствовало новым условиям. Если на Востоке монархические централизованные государства объединяли отдельные полисы и создавали для них товарный рынок, то в Средиземноморье функционально сходную централизацию осуществлял за счет покоренных полисов и монархий один полис — Рим. Поэтому ясно, что старая политическая и идеологическая система, создавшаяся в Риме,

не могла уже быть адекватной историческим задачам, возникавшим в новых условиях.

Реформы братьев Гракхов.

Первой вспышкой кризиса был трибунат Тиберия Гракха. В 133 г. до н. э. избранный народным трибуном Тиберий Семпроний Гракх предложил аграрный закон, имевший своей целью частичное восстановление полисного равновесия времен ранней республики. Каждому владельцу *ager publicus* разрешалось удерживать не более 500 югеров (125 га) земли; кроме того, он мог иметь еще по 250 югеров на каждого взрослого сына с тем расчетом, чтобы во владении одной семьи было не более 1 тыс. югеров земли. Излишки возвращались в распоряжение государства. Из них должны были быть нарезаны участки по 30 югеров и розданы беднейшим и малоимущим гражданам. Бывшие владельцы получали денежную компенсацию. Участки запрещалось продавать. Для наблюдения за проведением аграрной реформы предполагалось избрать комиссию из трех человек. Закон в значительной степени повторял аграрный закон Лициния — Секстия, принятый еще в период борьбы патрициев и плебеев, и имел целью реставрацию мелкого землевладения. Но Тиберий Гракх сделал все возможное для проведения передела земли наименее болезненным для нобилитета способом.

Тем не менее крупные собственники выступили против реформы. Им удалось привлечь на свою сторону коллегу Гракха, трибуна Марка Октавия, который наложил вето на проект. После долгой борьбы Тиберий решился поставить перед комициями вопрос: должен ли трибун, противодействующий народу, оставаться в своей должности? В результате голосования Октавий был от должности отрешен; это был акт большого политического значения: народное собрание тем самым поставило себя над магистратами. После смещения Октавия аграрный закон был принят. В аграрную комиссию вошел сам Тиберий Гракх и его родственники.

Триумвиры наткнулись на ряд трудностей, связанных с распределением участков и сопротивлением крупных посессоров. Остро встал и финансовый вопрос. Воспользовавшись присоединением Пергама, Гракх провел закон, по которому полученные средства использовались для финансирования реформы.

Летом 133 г. до н. э., когда Гракх вторично выдвинул свою кандидатуру в народные трибуны, богачи оказали ему серьезное сопротивление. Во время одной из предвыборных сходов началась драка; разнесся слух, что Тиберий требует царской власти. Тогда сенаторы прямо с заседания сената отправились на место сходы; схватив скамейки, они принялись избивать сторонников Гракха. В этой стычке был убит Тиберий Гракх и 300 его приверженцев.

После габели инициатора реформы богатые посессоры начали борьбу за прекращение земельных переделов. Их задача облегчалась тем, что разделы вызвали недовольство италийских союзников, земли которых оказались затронутыми действиями аграрной комиссии.

В 125 г. до н. э. гракханцы попытались уладить отношения с италиками. Консул Фульвий Флакк предложил законопроект о предоставлении союзникам прав римского гражданства. Италики поддержала предложение Флакка, однако в Риме его провалили. В данном случае противники закона нашли поддержку в народном собрании, которое не хотело делиться своими правами. Ответом на решение Рима было восстание в латинской колонии Фрегеллах, которое вскоре было подавлено. С тех пор полные права римского гражданства стали основным политическим требованием италиков.

В 123—122 гг. до н. э. народным трибуном был младший брат Тиберия Гракха, Гай, выступивший с целой серией законов, которые существенно изменяли социально-политическую структуру общества. Гай Гракх был настроен более решительно, чем Тиберий. Судя по всему, он был единственным из римских политиков, кто всерьез попытался демократизировать общество. Это стремление усугублялось желанием мести убийцам старшего брата, которые занимали руководящие посты в государстве. Кроме того, Гай Гракх пытался решить ряд наболевших государственных проблем, которые возникли в новых условиях. Это была первая попытка приспособить полисный аппарат к нуждам крупной державы.

Прежде всего Гай восстановил аграрный закон Тиберия и продолжил действие комиссии, работа которой дала плодотворные результаты. Землю получили около 80 тыс. человек. Однако земельных фондов Италии оказалось недостаточно, и Гракх обратился к провинциям. В 122 г. до н. э. он издает закон о выводе колоний. Местом для первой из них была избрана бывшая территория Карфагена, куда предполагалось вывести колонию под названием Юнония. Выдвор заморских колоний впоследствии сыграл немалую роль в романизации провинций. Кроме того, Гай организовал грандиозное строительство дорог и хлебных амбаров, что предоставило работу массам городского плебса.

Впрочем вскоре возникла новая сложность. Многочисленный городской плебс, привыкший жить за счет подачек, уже не стремился к получению земли, на которой надо было работать. Между тем эта группа играла слишком большую роль при голосовании, чтобы ее можно было игнорировать. В интересах городского плебса Гракх проводит закон, установивший продажу хлеба с государственных складов по сниженной цене. Улучшая положение беднейшего населения, закон имел и обратную сторону, способствуя росту паразитизма римского люмпен-пролетариата.

Одним из основных законов Гая был судебный. Из ведения сената были изъяты судебные комиссии по делам о вымогательствах. Теперь судьи выбирались из числа всадников. Вероятно, Гракх планировал усиление контроля за провинциальными наместниками, однако всаднические суды оказались не менее коррумпированными, чем сенатские. Положение всадников было улучшено еще и тем, что Гай предложил ввести в провинции Азия десятину, сбор которой стал сдаваться на откуп в Риме. Тем самым богатая провинция была отдана на разграбление откупщикам (публиканам), которые чувствовали себя в полной безопасности под прикрытием всаднических судов.

Реформы 123 г. сделали Гракха самым популярным политиком Рима. Его авторитет был столь велик, что он без труда прошел в трибуны на 122 г. Именно в это время Гракх предлагает один из самых радикальных своих законов: закон о предоставлении италикам прав римского гражданства. Сенат и народ были раздражены этим предложением. Противники Гая развернули широкую кампанию, используя любые приемы. Народный трибун Марк Ливий Друз выступил с демагогическими обещаниями, чем сумел отколоть от Гая значительную часть плебса. Сенат умело играл на суевериях, распространив слух о гневе богов из-за основания колонии на проклятом месте (Как известно, после разрушения Карфагена место, на котором он находился, было предано проклятию.). Популярность Гая падала. Закон об италиках не прошел. Еще более опасным было то, что Гракх потерпел неудачу на выборах 121 г., а консулом стал его злейший враг Луций Оппимий. Противники Гая поставили вопрос о ликвидации Юнии, что послужило поводом к решительному столкновению. Оппимий спровоцировал конфликт и добился того, что сенат облек его чрезвычайными полномочиями для восстановления порядка. Гракх и Фульвий Флакк укрепились на Авентинском холме, где их атаковал Оппимий. В ходе столкновения погибло 3 тыс. человек, в том числе Гракх и Фульвий. Движение было подавлено.

Противники Гракха не решились упразднить многие из его законов. Суды остались в руках всадников, откупная система продолжала существовать, остался в силе и хлебный закон. Объектом атаки стала аграрная реформа. В 121 г. до н. э. была отменена неотчуждаемость гракханских наделов, еще через два года прекратила свое существование аграрная комиссия.

В III г. до н. э. по закону народного трибуна Спурия Тория все государственные земли, находящиеся в частной аренде, были объявлены частной собственностью. Все переделы прекращались. В дальнейшем частным лицам было запрещено занимать государственные земли. Закон III г. явился важным этапом на пути победы частной собственности на землю. Государственная собственность, бывшая основой полисного землевладения, начинает сходить на нет.

Значение гракханских реформ было огромно. Они явились первым шагом на пути преобразования полиса в великую державу. Гракхи выдвинули на повестку дня ряд серьезных общегосударственных задач, решение которых стало необходимостью. Деятельность их привела к некоторой демократизации римского общества, хотя едва ли правомерно приписывать им стремление к демократическому перевороту. Гракхи были первыми, кто ввел новый стиль политики, основным элементом которого было достижение собственных целей путем опоры на народное собрание и использование демократических лозунгов. Политики такого типа получили название популяров. Популяры не составляли единого целого и преследовали различные цели, как правило чисто личные, но деятельность популяров сыграла большую роль в гражданских войнах. Борьба вокруг гракханских реформ стала исходной точкой конфликта внутри римской общины.

Сицилийские восстания рабов.

30-е годы II в. до н. э. были отмечены еще одним симптомом кризиса. К этому времени началось первое крупное восстание рабов, происшедшее в Сицилии. Этот плодородный остров стал местом большой концентрации рабов. Кроме того, именно здесь эксплуатация рабского труда достигла наиболее крайних форм.

В 136 г. до н. э. в городе Энне вспыхнул рабский мятеж во главе с сирийцем Евном. Восставшие выбрали его царем под именем Антиоха. Весьма характерно то, что рабы не создали никакой новой формы власти, а использовали уже готовый вариант эллинистической монархии. Другим центром стал Агригент, где восстанием руководил киликиец Клеон. Обе армии объединились. В течение нескольких лет римляне посылали войска в Сицилию. Только в 132 г. консул Рупилий взял центры восстания Энну и Тавромений. Клеон погиб в бою, а Евп умер в римской тюрьме.

В 104 г. до н. э. в юго-западной части острова началось новое восстание. Во главе инсургентов стояли Сальвий и Афинион. Как и в первом восстании, рабы образовали самостоятельное государство, Сальвий был провозглашен царем и принял имя Трифона (Так авали правившего в то время в Сирии узурпатора), Столицей был выбран город Триокала. В течение двух лет (103 и 102 гг. до н. э.) рабы успешно защищались от карательных экспедиций. В 102 г. Трифон умер. Его преемником стал Афинион. Только в 101 г. до н. э. консул Маний Аквиллий разбил восставших в большом сражении, в котором Афинион погиб. После этого римляне взяли Триокалу и подавили восстание.

Восстания рабов и движение за реформы в Риме не были непосредственно связаны. Между свободным римлянином и рабом лежала настолько глубокая пропасть, что о каком-либо союзе не могло быть и речи. Поэтому мелкие свободные землевладельцы участвовали в подавлении восстаний рабов вместе с крупными рабовладельцами.

Рабские восстания возникали стихийно, протекали недостаточно организованно и были обречены на поражение. В целом они были лишь эпизодами в истории античности и не могли перерасти в движение, способное уничтожить рабовладельческое государство. Более того, гораздо чаще встречались случаи, когда хозяева пользовались своими рабами в собственных политических целях. В. И. Ленин отмечал, что рабы «даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»(В. И. Л е и н. О государстве.— Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 82.).

Марии и Сулла.

После подавления движения Гракхов позиции правящей группы усилились. Римская политическая жизнь контролировалась небольшим числом знатных родов; исключительность их положения породила небывалую коррупцию, охватившую весь государственный организм. Это явилось причиной нового политического кризиса, толчком к которому стала так называемая Югуртинская война (111—105 гг. до н. э.).

В 118 г. до н. э. умер нумидийский царь, сделавший наследниками двух сыновей и племянника Югурту, между которыми началась борьба за власть. Римляне разделили царство между этими претендентами. Через несколько лет Югурта ликвидировал обоих соперников и вопреки римскому арбитражу захватил Нумидию. Сенатские посольства смотрели на это сквозь пальцы, так как были подкуплены царем. Весной 113 г. Югурта захватил г. Цирту и перебил все население, среди которого было много римских граждан. Это вызвало возмущение римских всадников, под давлением которых была объявлена война. В 111 г. римляне начали успешное наступление, однако путем подкупа Югурта добился выгодного для себя мира. В 109 г. война возобновилась. Римская армия, возглавляемая одним из представителей правящей олигархии, Авлом Постумием, потерпела позорное поражение.

Это переполнило чашу терпения римлян. Народ, всадники и даже значительная часть нобилитета выступили против правящей группы. Была создана специальная комиссия по расследованию событий, связанных с Югуртой. Ряд лиц, которые особенно себя скомпрометировали, подвергся изгнанию. В Нумидию был послан новый полководец. Квинт Цецилий Метелл, которому удалось добиться успеха, и Югурта потерпел поражение. Тем не менее война затягивалась. Партизанские действия нумидийцев значительно осложняли борьбу. В Риме началось недовольство Метеллом, от которого ждали скорой победы. Этим воспользовался легат(Легат — заместитель командующего) Метелла Гай Марий, выходец из незнатной семьи из г. Арпина в Лации. Марий выступил с критикой Метелла и обещанием быстро закончить войну, если его изберут главнокомандующим. В своей пропаганде Марий использовал

демократические лозунги и недовольство нобилитетом со стороны всадников и плебса. Разумеется, демократическая аргументация была для Мария средством личного возвышения. Марий был избран консулом на 107 г. и командующим в войне с Югуртой. Перед отплытием в Африку он стал набирать подкрепления, впервые допустив в ряды армии добровольцев из числа лиц, не входивших в цензовые списки. Теперь доступ в армию получили и пролетарии. Это явилось последним шагом на пути профессионализации армии, которая окончательно утратила характер полисного ополчения и превратилась в угрозу для республики.

Несколько позднее Марий провел другую военную реформу, подразделив легион в качестве военного соединения на воинские части — когорты; когорта состояла из трех манипулов по 200 человек. Это улучшило маневренность легиона и значительно повысило боевые качества армии. Когорта могла эффективно решать боевые задачи как в рамках более крупного соединения (легиона или группы легионов), так и самостоятельно (Ни манипул, ни центурия этими качествами не обладали и ранее имели значение только как часть легиона. Теперь они стали воинскими подразделениями, подобно современным батальонам и ротам.).

Однако и Марию не удалось одержать быструю победу. Только в 105 г. Югурта был оттеснен во владения своего тестя, царя Мавритании Бокха. После долгих колебаний Бокх выдал его римлянам. Последний акт войны нанес удар по самолюбию Мария, поскольку честь поимки Югурты стали приписывать квестору Луцию Корнелию Сулле, которому Бокх непосредственно передал нумидийского царя. Сулла сближается с врагами Мария, возглавляемыми родом Метеллов.

И все же авторитет Мария был огромен. В январе 104г. до н.э. ему устроили триумф (Торжественное шествие полководца и войска при их возвращении в Рим после победы), в котором провели пленного Югурту. После этого царь был задушен в римской тюрьме. Часть Нумидии стала римской провинцией.

Еще в 113 г. до н. э. на северо-востоке Италии появились два германских племени — кимвры и тевтоны. После серии поражений римлян постигла катастрофа. В 105 г. при Араузионе большая римская армия была наголову разбита германцами. Италия оказалась под угрозой вторжения. В этой ситуации происходит новое выдвижение Мария, который стал фактическим диктатором Рима. В течение пяти лет подряд он избирался консулом. В 102 г. в битве при Аквах Секстиевых Марий разбил тевтонов, а на следующий год при Верцеллах были уничтожены кимвры. Остатки этих племен были проданы в рабство.

С окончанием войны отпала необходимость в особых полномочиях Мария. Стремясь сохранить свою власть, он вступает в союз с двумя популярными — Сатурнином и Главцией. В 100 г. до н. э. Марий в

шестой раз стал консулом, Сатурнин был избран народным трибуном, а Главция — претором.

Сатурнин предложил аграрный закон, который предполагал наделение земель ветеранов Мария, среди которых было немало италиков. Становясь жителями колоний, они автоматически приобретали права римского гражданства. Местом колонизации были выбраны Африка и Цизальпинская Галлия. Во главе всего предприятия Сатурнин планировал поставить Мария, в руках которого снова сосредоточивалась огромная власть. Закон имел еще один пункт: в случае принятия его народным собранием сенаторы под угрозой изгнания должны были принести присягу в том, что будут его соблюдать.

Значительная часть сената и плебса выступила против законопроекта. Лишь путем открытого насилия Сатурнин сумел его провести. Сенату пришлось дать требуемую присягу, только старый враг Мария Метелл отказался повиноваться закону и был вынужден покинуть Италию.

Год кончился, и наступили выборы на следующий, 99 г. Сатурнин снова прошел в трибуны, а Главция претендовал на консульство. Атмосфера накалилась, популяры использовали все средства, вплоть до политических убийств, что вызвало волну возмущения. Сенат объявил осадное положение в городе. Марий, опасаясь слишком дискредитировать себя союзом с Сатурнином, выступил на стороне сената. 10 декабря 100 г. до н. э. на форуме произошла схватка между людьми Сатурнина и сторонниками сенатской партии. Последние победили, а Сатурнин и Главция были убиты. Метелл вернулся из изгнания, Марий же надолго отошел от политики.

Мятеж Сатурнина сплотил сенат и всадников, однако этот союз длился недолго. В конце 90-х годов произошел конфликт из-за провинции Азия. Наместник Азии Муций Сцевола вел борьбу с произволом публиканов в провинции. В ответ на это всадники привлекли к суду легата Сцеволы Публия Рутилия Руфа. Несмотря на явную невиновность, Рутилий был обвинен в вымогательствах и приговорен к изгнанию.

Ответом на это скандальное дело была попытка консервативных реформ. В 91 г. народный трибун Марк Ливии Друз, сын противника Гракхов, предложил вернуть суды сенату. Понимая трудность прямого наступления на всадников, он предложил компромисс. Суды передавались сенату, который пополнялся 300 новыми членами из числа всадников. Проект встретил отпор с обеих сторон. Часть сенаторов вообще не хотела допускать всадников в свои ряды. Сами всадники понимали, что, будучи выгодным для некоторых лиц, план Друза был невыгоден для сословия в целом. Однако Друз не сдавался. Он предложил новый план колонизации и расширения хлебных раздач

и тем самым заручился поддержкой плебса. Несмотря на оппозицию, законы были приняты народным собранием.

После этого успеха Друз предпринял очередную попытку поставить вопрос о предоставлении прав гражданства италикам. Как и его предшественники, он потерпел неудачу. Провалом закона об италиках воспользовались противники Друза, которые добились отмены и остальных его законов. Вскоре после этого Друз погиб от кинжала неизвестного убийцы.

Многочисленные провалы законопроектов о союзниках убедили последних в необходимости самим выступить за свои права. В конце 91 г. до н. э. в Аускуле Пиценском произошло восстание, к которому присоединилась значительная часть союзников. Движение имело два очага: один — в Центральной Италии, где выступили племена марсов, пелигнов и др., другой — в Самнии, где против Рима поднялись самниты и луканы. Риму предстояло новое покорение Италии — одна из самых трудных войн, которые он когда-либо вел. Союзники предъявили Риму ультиматум с требованием прав гражданства. Ответом были репрессии против сторонников Друза. Италики отделились от Рима, образовав независимое государство по типу римского с магистратами, сенатом и народным собранием. Столицей стал Корфиний, переименованный в «Италию». Началась война, получившая название Союзнической.

В 90 г. до н. э. италикам удалось одержать ряд побед, результатом которых было взятие римских крепостей. На юге самниты выбили римлян из Кампании. Эти неудачи вызвали брожение в оставшихся верными Умбрии и Этрурии. Римлянам пришлось пойти на уступки. В конце года по закону Юлия гражданство получили жители союзных общин, еще не отпавших от Рима. В начале 89 г. был принят новый закон, согласно которому каждый член союзной общины, подавший заявление римскому претору в течение двух месяцев, становился римским гражданином. Эти маневры внесли раскол в ряды восставших и позволили Риму начать наступление. В 89 г. была разгромлена северная армия союзников и взяты Аускул и Корфиний. В Самнии с большим искусством и не меньшей жестокостью действовал Сулла, одержавший ряд побед над самнитами и луканами. К 88 г. восстание было подавлено, остатки инсургентов отступили на юг Италии. Римляне готовились к последнему рывку, однако новые внешнеполитические осложнения отсрочили окончательное подавление восстания союзников.

Союзническая война была важным событием римской истории. Впервые после победы плебеев римская община была значительно расширена. Число граждан увеличилось более чем вдвое. Рим фактически перестал быть городом-государством. Но социальная структура общества не изменилась; количественный рост гражданского коллектива не привел к его качественному изменению. Кроме того, новые граждане были распределены только в 8 из 35

триб, что сводило на нет их политические права. Предстояла дальнейшая борьба.

В 90-х годах до н. э. на восточной границе Рима (в Малой Азии) усиливается Понтийское царство во главе с энергичным правителем Митридатом VI Евпатором. Захватив Боспор, Колхиду и Малую Армению и выдав дочь за армянского царя Тиграна, Митридат мечтал о создании мощного государства, способного стать преемником эллинистических монархий. Весной 88 г. понтийский царь вторгся в римскую Азию и без труда подчинил ее себе. Завоевание провинции сопровождалось страшной резней живших там римлян и италиков. Коренное местное население приветствовало Митридата, выступавшего в роли освободителя от ига римлян. После этого понтийцы двинулись на Македонию и Грецию. Римские владения на Востоке оказались под угрозой.

Римское правительство решило послать в Грецию войска под командованием Суллы, который был консулом 88 года. В этот момент на сцене снова появился Марий, попытавшийся присвоить руководство восточным походом. Он заручился поддержкой народного трибуна Сульпиция Руфа, бывшего друзианца, который надеялся с помощью Мария продолжить деятельность Друза; Сульпиций вносит ряд законопроектов. Из ссылки были возвращены многие жертвы репрессий 91 года; италиков предполагалось распределить по всем 35 трибам; Марий должен был получить командование в войне на Востоке. Консулы устроили обструкцию и объявили юстиции (временное прекращение деловой жизни). Опираясь на ветеранов Мария и часть всадников, Сульпиций добивается отмены юстиция и проведения своих законов. После этого Сулла бежит к стоявшей возле Нолы армии и поднимает ее против Рима. Впервые римская армия двинулась против собственной столицы. Город был взят, Сульпиций погиб, а Марий и некоторые из его сторонников, будучи объявлены вне закона, бежали из Италии.

Сулла отменил законы Сульпиция и поспешил на Восток. Выборы на 87 г. закончились компромиссом: консулами были избраны сулланец Октавий и противник Суллы Луций Корнелий Цинна.

Сразу же после отъезда Суллы между консулами начался конфликт, закончившийся победой Октавия. Цинна бежал на юг и по примеру Суллы двинул против Рима войска. К нему присоединились Марий и его сторонники. В июне 87 г. до н. э. сенат и Октавий капитулировали, консулами на 86 г. были избраны Марий и Цинна. Марианцы вошли в Рим, устроив страшную резню своих противников. Особенно свирепствовал отряд рабов, нанятый Марием. Репрессии приняли такие размеры, что Цинна был вынужден перебить этот отряд.

После смерти Мария в самом начале 86 г. Цинна стал фактическим диктатором. В течение трех лет подряд он удерживал должность консула. Италики были распределены по всем 35 трибам, однако на

этом «демократизация» была окончена. Во всем остальном власть контролировала небольшая группа людей, опирающихся на армию. Цинна и его партия утратили связь с демократическим движением. В 84 г. Цинна был убит взбунтовавшимися солдатами. Это стало началом кризиса режима.

В это время Сулла успешно начал кампанию на Востоке. В середине 87 г. он высадился в Греции и осадил Афины, вставшие на сторону Митридата. К весне 86 г. город был взят. Между тем в Грецию вступила и армия Митридата. Примерно в это же время в Греции появился также большой отряд марианцев во главе с Валерием Флакком. Встреча двух римских войск едва не закончилась столкновением. В 86 г. Сулла разбил Митридата в двух сражениях — при Херонее и при Орхомене. Римляне снова овладели Балканами.

В армии Флакка вспыхнул мятеж. Сам командующий был убит, а на его место солдаты выбрали главаря мятежа Гая Фимбрию. Он двинулся в Азию и разбил Митридата у Пропонтиды. В Эгейском море также господствовал римский флот. В этой ситуации понтийский царь пошел на переговоры с Суллой. В августе 85 г. в Дардане был заключен мир, по которому Митридат освобождал все захваченные им римские территории и выплачивал контрибуцию в 2 тыс. талантов.

После окончания войны с Митридатом Сулла готовится к борьбе с политическими противниками. В Пергаме он встретился с войском Фимбрии, которое без боя перешло на его сторону. Сам Фимбрия покончил с собой.

Весной 83 г. до н. э. Сулла с 40-тысячной армией высадился в Брундизии — на юго-востоке Италии. Гражданская война началась. Марианцы мобилизовали свыше ста тысяч человек, к ним присоединились остатки самнитских инсургентов. У Суллы также было много союзников. В Италии действовали войска Метелла Пия, сына врага Мария; в Пицене оперировал молодой полководец Гней Помпей; из Африки прибыл отряд во главе с Марком Лицинием Крассом. В 83 г. Сулла одержал крупную победу над марианцами. На следующий год во главе антисулланских сил встали два способных полководца — Карбон и Марий-младший (сын Мария). В Северной Италии марианцы были разбиты, Карбон бежал в Африку, а Марий был заперт в г. Пренесте. Вскоре город был взят сулланцами, а Марий покончил жизнь самоубийством. Остатки самнитов и марианцев двинулись на Рим. 1 ноября 82 г. у Коллинских ворот произошло сражение, в котором они были разбиты. Сулла стал хозяином Рима. Вскоре марианцы были вытеснены из Сицилии, Африки и Испании. Особо отличился Гней Помпей, которому Сулла устроил триумф и дал прозвище Великий (Magnus).

По решению народного собрания Сулла получил диктаторские полномочия. В отличие от аналогичной магистратуры ранней республики они не были ограничены сроком и зависели только от

личной воли Суллы. Это, по сути дела, давало ему бесконтрольную власть и явилось первым опытом монархии в римских условиях. Другим характерным моментом было то, что особое положение Суллы было оформлено в рамках республиканской конституции. Наряду с диктатором продолжали функционировать комиции, сенат и большинство магистратов; разумеется, они исполняли все, что приказывал им диктатор.

После победы Суллы Рим и Италию захлестнула волна репрессий. Диктатор составлял списки лиц, подлежащих казни (так называемые проскрипции). Массовые репрессии проводились по всей Италии. Многие города были разрушены, другие лишены части владений. Помимо уничтожения политических противников Сулла преследовал еще одну цель — вознаградить армию, которая привела его к власти. Свыше 120 тыс. ветеранов диктатора получили землю в Италии. Многие небогатые офицеры стали обладателями больших капиталов. Сам Сулла приобрел огромное состояние в 1 млрд. сестерциев. Диктатор отпустил на волю 10 тыс. рабов-доносчиков, которые теперь стали в честь него называться «корнелиями».

Кроме этого, Сулла провел ряд реформ. Помимо ярко выраженного стремления подавить демократические элементы римского общества в них отразились попытки диктатора стабилизировать положение государства и избежать возможности возникновения конфликтных ситуаций. Во главе управления Сулла поставил сенат. Была ликвидирована цензура, теперь пополнение сената проходило автоматически. Низшие магистраты, квесторы, становились сенаторами после прохождения первой магистратуры. Сенат был пополнен 300 новыми членами. Ему были переданы суды. Существенному ограничению подверглись права народных трибунов, действия которых теперь нуждались в санкциях сената. Бывшие трибуны отныне не имели права занимать другие магистратуры.

Диктатор провел реформу административного деления: разделил Италию на муниципальные территории с правом самоуправления полисного типа. Многие города стали колониями ветеранов. Закона о допуске италиков во все 35 триб Сулла не отменил. Северной границей Италии была объявлена река Рубикон.

В 79 г. по неизвестным причинам Сулла сложил с себя полномочия, а спустя год умер от болезни.

Анализируя основы принципата, Ф. Энгельс писал, что «материальной опорой правительства было войско, которое гораздо более походило уже на армию ландскнехтов, чем на старое римское крестьянское войско, а моральной опорой — всеобщее убеждение, что из этого положения нет выхода...»(Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и первоначальное христианство.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19, с. 310—311.). Оба эти фактора появились к началу конфликта Мария и Суллы и окончательно сформировались в период

двух диктатур. С этого момента основной вопрос заключался не в том, будет ли существовать республика или авторитарный режим, а в том, кто будет диктатором.

Политический кризис в 70-50-е годы до н. э.

Реформы Суллы не могли вернуть социального мира. Ничто не могло удержать победоносных полководцев от стремления захватить власть. Между тем смерть диктатора способствовала оживлению оппозиции, в которую входили представители различных слоев общества, тем или иным образом пострадавшие от сулланского режима. Их лидером стал консул 78 года Марк Эмилий Лепид.

Будучи послан на подавление восстания в Этрурии, где местное население стало прогонять сулланских колонистов, Лепид повернул армию на Рим. Только собрав большие силы, правительство справилось с мятежом, в подавлении которого особенно отличился Помпей. Лепид вскоре умер, а остатки его армии во главе с Марком Перперной ушли в Испанию, где уже несколько лет шла ожесточенная война.

Еще в 80 г. до н. э. в Испании началось восстание, возглавленное талантливым полководцем Квинтом Серторием, который сумел объединить римских эмигрантов и местные племена в единое движение. В течение ряда лет против него безуспешно сражались главные силы римлян во главе с Метеллом Пием и Помпеем. В 72 г. Серторий погиб в результате заговора, организованного его окружением. После смерти руководителя восстание было подавлено.

Примерно в это же время Италию охватило грандиозное восстание рабов. В начале лета 73 г. из одной гладиаторской школы в Капуе бежали 60 или 70 гладиаторов. Во главе их стояли фракиец Спартак и галлы Крикс и Эномай. Восставшие ушли на гору Везувий, где и обосновались в потухшем кратере. Вскоре число их значительно увеличилось. Римляне послали к горе отряд в 3 тыс. человек во главе с претором Клавдием. Клавдий преградил дороги на вершину Везувия, но Спартак спустился с обрыва к нему в тыл и одержал победу. В Кампании гладиаторы разбили претора Публия Вариния. Восстание охватило юг полуострова. Когда Спартак прошел Кампанию и Луканию, его армия достигла 70 тыс. человек. Вождь гладиаторов планировал перейти через Альпы и вывести свою армию в свободные от римлян земли. Против рабов были посланы оба консула 72 года — Геллий и Лентул. Среди гладиаторов начались разногласия, и отряд Крикса, состоящий из галлов и германцев, отделился от основных сил. У горы Гарган он был разбит римлянами. Спартак действовал с большим успехом, ему удалось одержать победу над обоими консулами и прорваться в Северную Италию. У г. Мутины он разбил войска наместника Цизальпинской Галлии Гая Кассия, который пытался преградить ему путь. Наконец Спартак вышел к Альпам, цель была близка. Тем не менее этнически разнообразное большинство

армии Спартака отказалось уходить в неизвестные места и потребовало повернуть на Рим. Спартак двинулся на юг. В это время римляне мобилизовали все имевшиеся в Италии силы, во главе которых встал претор 72 года Кресе. Спартак продолжал отходить на юг, преследуемый римским командующим. Теперь он планировал переправиться в Сицилию с целью начать там новое восстание. Гладиаторы вышли в Бруттий на «носке» Апеннинского полуострова, но переправиться на остров не смогли. Тем временем Кресе провел ров поперек перешейка и отрезал Спартака в Бруттий. Однако Спартак снежной ночью прорвал оборону римлян и вышел в Луканию. Теперь его целью был крупный порт Брундизий, где он надеялся захватить флот и бежать из Италии.

На помощь Крассу были направлены войска Помпея, закончившие войну с Серторием, а из Фракии были вызваны легионы Марка Лициния Лукулла, которые заняли Брундизий. Спартак оказался в кольце. Весной 71 г. в Апулии произошло генеральное сражение с Крассом. Гладиаторы были разбиты, Спартак пал в бою. Остатки его армии были уничтожены Помпеем.

В начале 70 г. в Риме сложилась напряженная обстановка. Армии двух соперничавших полководцев, Помпея и Красса, едва не вступили в конфликт. Однако все закончилось компромиссом, оба были выбраны консулами на 70 год. Под давлением общественного мнения они ликвидировали ряд законов Суллы. Была восстановлена власть народных трибунов и цензура. По закону Аврелия Котты суды стали состояться из представителей трех социальных групп: сенаторов, всадников и эрарных трибунов (Эрарными трибунами называлась наиболее богатая часть плебса.).

Вскоре Рим снова оказался под угрозой диктатуры. Причиной этого был небывалый размах пиратства, вызвавший необходимость бороться с ним в общегосударственном масштабе. По закону Габиния было решено избрать полководца, который получал власть на три года по всей прибрежной полосе Средиземного моря на 50 миль в глубину. В его распоряжение поступал огромный флот и армия. На эту роль был выбран Помпей. За 40 дней он очистил море от пиратов и разгромил их основную базу в Киликии. Эта кампания сделала его самым популярным полководцем в Риме.

Следующим этапом карьеры Помпея была так называемая Третья Митридатова война. После мира 85 г. до н. э. отношения между царем и Римом оставались напряженными, В 83—82 гг. произошел небольшой инцидент, получивший название Второй Митридатовой войны. В 75 г. до н. э. Никомед, царь Вифинии на северо-западе Малой Азии, завещал свое царство Риму. Это послужило поводом к третьей войне. С 74 г. командующим на Востоке был Луций Лициний Лукулл. Он разбил Митридата и вытеснил его из Вифинии и Понта, заставив бежать к зятю, Тиграну Армянскому. Отказ последнего выдать Митридата послужил поводом для войны между Римом и

Арменией. Осенью 69 г. до н. э. Тигран был разбит у Тигранакерта, в 68 г. Лукулл двинулся на столицу Армении Артаксату (Арташат). Но поход был неудачным, поскольку Лукулл вызвал недовольство своих солдат, что парализовало его возможности. Митридат перешел в наступление, отвоевав Понт и Армению.

В начале 66 г. до н. э. командование передали Помпею. Митридат снова был разбит и вытеснен из своих владений. Ему пришлось бежать в Колхиду, а оттуда — в Боспорское царство. Вскоре сын царя Фарнак поднял там мятеж, в результате которого Митридат погиб. Понт и Вифиния были превращены в римскую провинцию. Вслед за этим Помпеи подошел к Артаксате и заставил Тиграна признать себя вассалом Рима и отказаться от всех завоеваний. В 63 г. до н. э. в римскую провинцию была превращена Сирия; к ней вскоре присоединили Иудейское царство, пользовавшееся некоторыми правами автономии. Поход Помпея привел к новому расширению Римской державы на Востоке.

За время отсутствия Помпея в Риме был раскрыт опасный заговор. Группа молодых нобилей, поддержанная ветеранами Суллы и значительной частью деклассированных элементов, попыталась захватить власть. Во главе заговора стоял Луций Сергий Катилина, выходец из знатного, но обедневшего рода. В 63 г. Катилина пытался стать консулом, выдвинув лозунги передела земли и отмены долгов, но потерпел поражение благодаря энергичным мерам известного оратора Марка Туллия Цицерона. Представитель всаднического сословия, Цицерон, став консулом, выдвинул программу сотрудничества всадников и сената. Он выступил с речами, разоблачающими Катилину; Катилина бежал в Этрурию, где формировались военные отряды. Группа его сторонников в Риме была арестована; сенат приговорил их к смертной казни. Это решение было противозаконным, так как римского гражданина нельзя было казнить без санкции народного собрания (именно на это указал своем выступлении Юлий Цезарь). Но выступление яркого консерватора Марка Порция Катона склонило сенат к вынесению смертного приговора. Сторонники Катилины были казнены, его отряд был разбит в битве при Пистории в начале 62 г. и сам он погиб в бою.

В конце 62 г. до н. э. в Брундизии высадился Помпеи. Вопреки всеобщему ожиданию он распустил войска. После этого победоносный полководец потребовал от сената утверждения всех его полномочий на Востоке и земельных раздач для своих солдат. Помпеи получил решительный отказ. В этой обстановке он сближается с Крассом и другим влиятельным политиком — Гаем Юлием Цезарем. Негласное соглашение этих трех лиц получило название Первого триумvirата. С помощью своих союзников Цезарь стал консулом на 59 год до н. э. и провел в жизнь требования Помпея. После окончания срока он получил наместничество в Цизальпинской Галлии и Иллирии и начал одну из самых крупных войн, которые когда-либо вел Рим. В планы Цезаря входило подчинение всей огромной территории

Трансальпийской Галлии, включавшей территорию современных Франции, Бельгии, Нидерландов и Швейцарии.

В 58 г. до н. э. началось переселение кельтского племени гельветов из нынешних швейцарских областей на запад. Под предлогом помощи союзникам Рима кельтам-эдуям, подвергшимся нападению, Цезарь разбил гельветов. В том же году он отбил попытку вторжения в Галлию зарейнских германцев, а в 57 г. подчинил многочисленные племена бельгов, населявшие северо-восточную часть Галлии, став к концу 56 г. хозяином всей страны. В 55 г. до н. э. Цезарь разбил вторгшиеся в Галлию германские племена узипетов и тенктеров и совершил демонстрацию против германцев, перейдя Рейн. Спустя два года он повторил свою попытку. Набеги германцев на Галлию прекратились. В 55—54 гг. до н. э. были предприняты две экспедиции в Британию. Несмотря на тактический успех, Цезарь не стал закрепляться на острове. 52 год стал годом крупного общегалльского восстания, во главе которого встал способный вождь Верцингеторикс. После упорной борьбы Цезарь осадил его в крепости Алезии. После разгрома пришедшего на помощь галльского ополчения Алезия капитулировала. К концу 51 г. восстания в Галлии были подавлены. Рим получил новые огромные территории.

Громадная добыча усилила влияние Цезаря. Кроме того, в галльских походах он создал сильную и преданную ему армию. Все это вызвало опасения Помпея, который начал сближаться с врагами Цезаря, возглавляемыми Катонем. Триумvirат дал трещину еще в середине 50-х годов до н. э. В 54 г. состоялся раздел провинций: Помпеи получил Испанию, а Красс — Сирию и право вести войну с восточным соперником Рима — Парфией. В 53 г. в битве при Каррах римляне потерпели сокрушительное поражение. Красс погиб в бою. Триумvirат распался.

В 50 г. до н. э. Помпеи начинает склонять сенат к решению о досрочном прекращении наместничества Цезаря в Галлии. 1 января 49 г. сенат принимает соответствующую резолюцию, игнорируя интерцессию народных трибунов Марка Антония и Квинта Кассия. Это послужило для Цезаря предлогом к началу гражданской войны.

Гражданская война 49-45 гг. до н. э. Диктатура Цезаря.

В начале января 49 г. до н. э. Цезарь перешел р. Рубикон (По преданию, переходя через Рубикон, Цезарь сказал: «Жребий брошен». Название Рубикона вошло в поговорку для обозначения важного бесповоротного решения.) и стремительным броском овладел Северной Италией. Помпеи и его сторонники бежали из Рима, даже не успев захватить государственную казну. Значительная часть войск Помпея капитулировала под Корфинием, сам Помпеи с пятью легионами отступил в Брундиций, откуда затем эвакуировался в Грецию. В июле — августе 49 г. Цезарь двинулся в Испанию, где стояли семь легионов Помпея, и заставил их сдаться. В следующем, 48

г. Цезарь переправился в Грецию. После длительных военных действий и неудачного боя под Диррахием он разгромил Помпея в решающей битве при Фарсале (в Фессалии). Помпеи бежал в Египет, но власти Египта даже не дали ему высадиться; он был убит в лодке, когда плыл к берегу.

Преследуя Помпея, Цезарь с небольшим отрядом прибыл в Александрию, где вмешался в династическую борьбу между молодым царем Птолемеем XII и его сестрой Клеопатрой. После опасной и затяжной войны Цезарь одержал победу над Птолемеем и посадил на престол Клеопатру.

За время отсутствия Цезаря положение изменилось не в его пользу. Помпеянцы собрали большие силы в Африке, где их поддержал царь Нумидии Юба. Сын Митридата Фарнак, воспользовавшись гражданской войной в Риме, стал захватывать утраченные ранее области. Против него двинулся Цезарь. В августе 47 г. до н. э. Фарнак был разбит. Вскоре после этого Цезарю удалось прекратить волнения в Риме. В конце 47 г. он переправился в Африку, а 6 августа 46 г. армия помпеянцев была уничтожена в битве при Тапсе. В Африке погибли все лидеры антицезарианской партии, в том числе Катон Младший и Юба. В 45 г. состоялось последнее сражение этой войны: при Мунде, в Испании, были разгромлены сыновья Помпея; старший из них, Гней, пал в бою, младшему, Сексту, удалось бежать.

Еще в ноябре 49 г. Цезарь получил диктатуру, которую вскоре с себя снял; в 48 г., после битвы при Фарсале, он снова стал диктатором. После битвы при Тапсе он был назначен диктатором на десять лет, а с 45 г. — пожизненно. Кроме этого, Цезарь имел некоторые трибунские полномочия и жреческое звание великого понтифика, что делало его религиозным главой Рима. Как и в случае с Суллой, власть Цезаря была оформлена в рамках республиканской конституции. Наряду с диктатором продолжали существовать комиции, магистраты и сенат. Состав сената был увеличен до 900 человек, число квесторов достигло 40. Но Цезарь получил право рекомендации кандидатов при выборах должностных лиц, что существенно ограничило политическую роль комиции. В отличие от Суллы Цезарь не проводил репрессий. Его лозунгом был бескровный гражданский мир, многие помпеянцы были амнистированы. Свыше 80 тыс. ветеранов получили землю. С этой целью проводился вывод колоний за пределы Италии, в частности заново был основан Карфаген как римский город.

Цезарь изменил политику в отношении провинций. Была почти ликвидирована откупная система; в провинциях происходило разделение гражданской и военной власти. Цезарь был первым, кто начал широко распространять права гражданства на провинциалов. Полные права гражданства получили северная часть Цизальпинской — Транспаданская Галлия и некоторые испанские города. Велось грандиозное строительство. Чрезвычайно важной была проведенная

Цезарем реформа календаря. В своей внешней и внутренней политике Цезарь наметил те тенденции, которые получили свое развитие в период империи. Незадолго до смерти он начал подготовку к грандиозному походу на Парфию, который должен был стать реваншем за Карры.

Монархический курс Цезаря вызвал недовольство среди некоторой части его окружения. В 44 г. был организован заговор, во главе которого встали бывшие помпеянцы Марк Юний Брут и Гай Кассий Лонгин. 15 марта 44 г. до н. э. Цезарь был убит в сенате.

Гражданские войны после смерти Цезаря.

Заговорщики обладали весьма ограниченными силами и были обязаны своим успехом только всеобщей растерянности. 17 марта 44 г. сочувствующий им сенат вынес компромиссное решение: убийцы Цезаря получали амнистию, а все распоряжения диктатора оставались в силе. Последнее было выгодно и заговорщикам, поскольку многие из них занимали высокие посты согласно распоряжениям Цезаря, а один из них, Децим Брут, получал в управление Цизальпинскую Галлию. Власть вскоре перешла к видному сподвижнику Цезаря Марку Антонию, консулу 44 года. Антоний провел закон, по которому галльская провинция доставалась ему. Децим Брут отказался подчиниться.

В это время в Риме появился 19-летний внучатый племянник Цезаря Гай Октавий, которого диктатор усыновил незадолго до смерти. Не сумев найти общего языка с Антонием, Октавиан (После усыновления он получил имя Гай Юлий Цезарь Октавиан.) сближается с сенатской оппозицией во главе с Цицероном.

В начале 43 г. до н. э. Антоний двинулся против Децима Брута и осадил его в Мутине. Сенат объявил Антония врагом отечества и выслал сильную армию во главе с консулами 43 года и Октавианом в ранге пропретора. Марк Брут получил Македонию, а Кассий — Сирию. В двух сражениях у Мутины Антония потерпел поражение и бежал на север. Оба консула погибли в бою, и сенат, не доверяя Октавиану, приказал ему передать войска Дециму Бруту. Это сблизило Октавиана с Антонием. Октавиана поддержали бывшие ветераны Цезаря. В ноябре 43 г. Октавиан Антоний и наместник Ближней Испании Марк Эмилий Лепид были объявлены триумвирами для устройства государства с неограниченными полномочиями сроком на пять лет.

Прежде всего они решили расправиться с противниками пезарианцев. Убийцы Цезаря были поставлены вне закона. После вступления в Рим триумвиры начали репрессии, которые превзошли даже проскрипции Суллы. Террор уничтожил всех противников триумвиров и сопровождался грабежами и конфискациями.

Одной из жертв террора стал Цицерон.

В 42 г. до н. э. Антоний и Октавиан двинулись против Брута и Кассия. В двух сражениях у Филипп (в Македонии) армия заговорщиков была разбита, а Брут и Кассий покончили с собой. Октавиан уехал в Италию. Антоний остался на Востоке, где вел войны, имевшие целью расширение римских владений. Он вступил в союз с египетской царицей Клеопатрой, а затем женился на ней.

У триумвиров появился новый соперник — сын Помпея Секст, уцелевший после битвы при Мунде. Он овладел Сицилией и создал там своеобразное полупиратское государство, которое стало оплотом всех врагов нового режима. В сентябре 36 г. Помпеи был разбит в двух морских битвах и бежал в Малую Азию, где был казнен по приказу Антония. В этом же году Октавиан лишил Лепида власти триумвира.

Теперь Октавиан и Антоний остались один на один. Конфликт между ними был неизбежен. 2 сентября 31 г. до н. э. у мыса Акция (на юге Пелопоннеса) состоялось решающее сражение. Флот Антония был разбит, так как Клеопатра в разгар боя отплыла в Египет, а Антоний бросился за ней; сухопутная армия сдалась без боя. Летом 30 г. Октавиан начал наступление на Египет и 1 августа торжественно вступил в Александрию. Антоний, а затем и Клеопатра покончили с собой. Египет был присоединен к римским владениям. Гражданские войны закончились победой нового диктатора, на сей раз навсегда.

В 27 г. до н. э. Октавиан принял имя Августа («благословенный, почитаемый») и титул принцепса («первого» — имелось в виду «из сенаторов»). Начался первый период истории Римской империи — эпоха принципата.

Кардинальным вопросом истории гражданских войн является вопрос о том, можно ли считать события II—1 вв. до н. э. социальной революцией. На наш взгляд, квалификация этих событий как социальной революции в марксистском понимании этого термина невозможна. Гражданские войны не привели (и не стремились привести) ни к смене способа производства, ни к смене формы собственности, ни к смене производственных отношений: в Риме того времени отсутствовал класс, способный на какое-либо революционное преобразование общества.

Основные черты римской культуры периода республики.

В отличие от Афин Рим не создал высокой культуры в период своего становления и процветания в качестве города-государства. Об этой эпохе его культурного развития мы знаем в основном лишь из сообщений позднейших авторов, рассматривавших прошлое своего родного города под неким определенным углом зрения и стремившихся доказать, что Рим достиг господства сперва над Италией, а затем и над остальными подчиненными им странами благодаря исключительным моральным качествам своих граждан:

мужеству, дисциплинированности, воздержанности, свободолюбию, высокому понятию о долге, уважению к божеским и человеческим законам, а главное — беззаветной преданности отечеству, ради которого граждане не щадили ни трудов, ни детей, ни жизни. Целая галерея иллюстрирующих этот идеал образов украшала раннюю римскую историю: основатель республики и первый консул Луций Юний Брут, осудивший на смерть своих сыновей, замешанных в заговоре в пользу изгнанного царя Тарквиния; Муций Сцевола, пробравшийся в лагерь осаждавшего Рим этрусского царя Порсены с целью его убить и, будучи пойманным, сжегший на костре руку в доказательство стойкости римлян, и др.

Мы не знаем ни когда сложились эти предания, ни какое зерно истины они содержат. Но, несомненно, они отражают мировоззрение граждан древнейшего Рима, для которых их родной город с его народными собраниями, сенатом, магистратами, богами, законами, обычаями и традициями был высшей ценностью, высшей инстанцией одобрения и осуждения.

У римлян не было похожей на греческую развитой мифологии со стройной системой представлений о сотворении мира и человека, взаимоотношениях и установлениях богов. Их религиозные воззрения долгое время определялись представлением о присущих всем предметам, процессам и явлениям внутренних силах, безличных и неопределенных, часто мыслившихся как множественности. Таковы были души умерших — маны (благодетельные души предков-покровителей — лары и зловредные тени не погребенных. Должным образом покойников — ларвы); хранители отдельного Дома и всего города — пенаты. Множествен, видимо, был первоначально и важнейший из древнеиталийских богов — Марс, олицетворявший некогда силы дикой природы и территории, лежавшей за священной границей города.

Из богов, издавна имевших свою определенную индивидуальность, наибольшее значение приобрел Юпитер, бог возвышенностей, грома, дождя. Ему еще в конце царского периода, под именем «всеблагого, величайшего», был посвящен храм на Капитолии, и с тех пор Юпитер стал богом славы и мощи Рима, а с их ростом рос и его престиж. Совместно с Юпитером почитались покровительница матерей Юнона и ставшая впоследствии покровительницей ремесла Минерва. Они составляли так называемую капитолийскую троицу небесных богов.

Культ исконных римских богов был долгое время примитивен. Только под влиянием знакомства с греками, главным образом из южноиталийских городов, начали строиться храмы, изготавливаться изображения богов. За образцы брались греческие статуи, и римские боги стали отождествляться с греческими: Юпитер с Зевсом, Юнона с Герой, бог виноградников Либер с Вакхом-Дионисом, богиня садов Венера с Афродитой, богиня материнства и лунных фаз Диана с Артемидой, бог купцов и ремесленников Меркурий с Гермесом, Марс с

Аресом. Очень рано, не позже начала IV в. до н. э., в Риме уже была известна легенда об Энее, сыне Афродиты и троянского царя Анхиза, который по воле богов после гибели Трои, преодолев много препятствий, прибыл в Италию и стал царем города Альба-Лонга и дедом Ромула и Рема, основателей Рима. Таким образом, судьба Рима как бы включалась в судьбу греческого мира, его богов и героев.

Но, позаимствовав у греков их учения и легенды о богах, римляне создали еще раньше и свой миф, который, как и всякий миф, повествовал о прошлом, объяснял настоящее и давал людям руководство к их действиям. История Рима, города, возникшего по предначертанию богов, организованного по подсказанным богами законам,— такова была центральная идея римского мифа. Этот миф определял и основные моральные ценности, основные, необходимые для служения Риму добродетели, которые и сами обожествлялись. Уже в первой половине V в. до н. э. был воздвигнут храм Верности. Издавна связанная с Юпитером, гарантом верности клятве, она определяла отношения между патронами и клиентами, солдатами и полководцами, гражданами и городом, союзными городами и Римом. Всеобъемлющей добродетелью было Мужество. Оно включало и храбрость на войне, и стойкое исполнение долга, и силу, помогающую противостоять всяким соблазнам, и соблюдение подобающего мужчине достоинства, выдержки, умеренности, строгости. Наградой за Мужество была Почесть — заслуженное одобрение, уважение и почет. В период борьбы патрициев и плебеев формировалось и понятие Свободы. В 238 г. до н. э. ей был посвящен храм, но еще задолго до этого она почиталась вместе с Юпитером.

Римский народ, свобода народа, долг служить всеми силами Риму на любом месте, в любой роли — такова была основа системы ценностей римлян периода расцвета их города-государства. Она не требовала санкции личного суждения и оставляла весьма мало простора личной инициативе.

Во II—I вв. до н. э. неизмеримо возросла тяга к греческой культуре. Со всех концов эллинистического мира в Рим свозили картины и статуи, платили бешеные деньги за образованных греческих рабов. Римляне все больше привыкали к театру, черпая из пьес краткие афоризмы греческой философии. Появилось много новых поэтов и драматургов.

Наиболее распространены в Риме были философские школы эпикурейцев, стоиков и академиков, соединявших положения Платона и Аристотеля, хотя в значительно модифицированном виде.

Об эпикурействе на римской почве мы знаем из поэмы знаменитого философа-эпикурейца I в. до н. э. Лукреция «О природе вещей». Свою цель Лукреций видел в борьбе со страхом перед богами и посмертной судьбой души, страхом, порабащившим человека и толкающим его на многие преступления. Боги существуют, но,

бесстрастные и невозмутимые в своем совершенстве, они не вмешиваются в дела людей. Чтобы доказать этот тезис, Лукреций дает естественное, основанное на движении атомов — первичных неделимых частиц материи — объяснение функционирования космоса и его частей: небесных светил, земли, растений, животных, людей. В своем вечном движении несозданные и неразрушимые атомы, сталкиваясь и соединяясь, образуют все многообразие явлений природы. Душа человека, как и весь мир, материальна, она уничтожается со смертью, и поэтому бояться смерти бессмысленно. Бессмысленно также, как это свойственно многим философам, сомневаться в достоверности свидетельств наших органов чувств. С их помощью мир может быть познан таким, каков он есть в действительности.

Лукреций выдвинул теорию прогресса природы и человечества. Простые растительные и животные формы предшествовали более сложным: менее приспособленные вымирали, более приспособленные выживали, хотя и в их строении далеко не все так целесообразно, как считают те, кто верит в акт божественного творения. Самое сложное и высокоразвитое животное — человек появился последним. Вначале люди жили, как звери, не имея ни семьи, ни законов, ни искусств и ремесел. Научившись добывать огонь, они сделали первый шаг к более культурной жизни, а создав семью, поняли необходимость объединения, чтобы дать детям более надежную защиту. Сперва ими правили наиболее сильные — цари, затем подчиненные законам — магистраты. Мощным орудием объединения людей было развитие языка. Наблюдая за явлениями природы, люди научились возделывать землю, добывать и плавить медь, а потом железо. Так, постепенно подражая природе, они развили все ремесла и искусства сами, без вмешательства богов, которых многие считают первыми учителями людей. Но, все еще плохо понимая законы природы, пугаясь грозных явлений, видя необъяснимые сны, люди создали богов и стали их чтить. Страх породил и богов, и дикие, подчас жестокие обряды, выгодные лишь лживым жрецам. Только избавившись от страха, человек станет жить счастливо и справедливо, направляя волю и ум на дальнейшее познание мира.

Широкое распространение получили идеи стоической школы, издавна имевшей приверженцев среди римской знати. Стоицизм привлекал римскую аристократию своей строгой концепцией добродетели, соответствовавшей исконным римским традициям. Но многих бескомпромиссный ригоризм стоиков отталкивал, и они предпочитали более мягкое учение академиков. К ним принадлежал и Цицерон, много сделавший для пропаганды греческой философии среди римлян. Он написал ряд сочинений, в которых в доступной форме изложил доктрины философских школ.

Академики в известной мере склонялись к скептицизму, отвергая возможность познания на основании свидетельств чувств, поскольку нет якобы никакого критерия для проверки их правильности. Так,

например, солнце мы видим маленьким, тогда как на самом деле оно очень велико, больному мед кажется горьким и т. п. Кроме того, чувства отражают лишь вечно меняющееся, преходящее, возникающее и гибнущее. Их показания порождают лишь мнения, а не истинное знание. Не отрицая того, что человеку следует жить согласно велениям природы, академики указывали, что, поскольку человек состоит из души и тела, постольку хотя душа, несомненно, возвышеннее тела и призвана повелевать им, как господа повелевают рабами,— тело имеет право на удовлетворение своих потребностей, а значит, и внешние блага отнюдь не безразличны, как считали стоики. Правда, добродетель стоит на первом месте, но для достижения полного счастья нужны также телесное здоровье, сила, красота, хорошее происхождение, обеспеченность, дающая досуг для самосовершенствования, для занятий наукой и философией.

Сам Цицерон, разделяя некоторые основные взгляды академиков, вместе с тем, как римлянин, модифицирует их, ставя во главу угла положение о долге человека служить обществу, т. е. Риму. Он выступает против тезиса эпикурейцев о том, что мудрец не должен вмешиваться в политику. Республика — дело народа, соединившегося в общем согласии и для общей пользы, но не из слабости, как полагают эпикурейцы, а в силу естественного стремления к единению с другими людьми, соблюдению законов и справедливости.

Разнообразие философских воззрений в конце II и в I в. до н.э. было лишь одним из проявлений общего раскола прежде монолитного гражданства; раскол этот имел место во всех сферах культуры, в первую очередь в интерпретации наиболее актуальных для современной политической борьбы вопросов истории Рима. Так, для Саллюстия, активного сторонника Цезаря, противника партии сената, римское прошлое — достойный подражания образец. Но теперь государство пришло в упадок и неминуемо погибнет, если не произойдут коренные перемены. Причины упадка — ужасающая порча нравов, задевшая и плебс, но особенно сильно поразившая знать — нобилитет. Подкупный, развратный, своекорыстный нобилитет всегда был врагом народа, отвоевавшего себе свободу в эпоху борьбы патрициев и плебеев. Рим был велик, пока оставался сильным и свободным плебс и его представители — народные трибуны, государство крепло благодаря его победам. Власть народа и страх перед сильными внешними врагами держали знать в узде, но, когда был разрушен Карфаген, сдерживающее начало исчезло. Жажда власти и богатства стала проявляться все более открыто. В стремлении к ним аристократы разорили и развратили подачками граждан, утративших завоеванную ими когда-то свободу. И все же только народ представляет собой силу, еще способную спасти Рим. Его задача — вернуть себе свободу и власть, узурпированную нобилитетом. Он должен осознать свою силу, вспомнить, что все решения консулов и сената имеют значение, лишь пока он их выполняет, действовать так же активно, как некогда боровшиеся с патрициями плебеи или как позже Гракхи.

Однако для Саллюстия, несмотря на его демократизм, «народ» — это скорее средние слои, и в первую очередь мелкие землевладельцы, составлявшие некогда основу города-государства, а не тот реально существовавший тогда городской плебс, который в последние десятилетия республики наиболее активно выступал против сената и который для Саллюстия был таким же результатом разложения древней республики и порчи нравов, как и нобилитет.

Различным стало и отношение к религии. Несмотря на неоднократные запрещения заниматься астрологией и магией, в губительную силу которой верило большинство, даже образованные люди, интерес к этим «тайным наукам» непрерывно рос. К астрологам обращались постоянно такие деятели, как Марий, Сулла, Помпеи. Бродячие чародеи и гадатели по дешевке предсказывали будущее плебеям и рабам, составляли для них магические таблички с обращением к различным демонам, имена которых имели особый тайный смысл. Претенденты на высшую власть в государстве связывали себя с теми или иными, якобы особо покровительствовавшими им божествами: Сулла — с Фортуной и Афродитой, Цезарь — с Венерой, считавшейся родоначальницей рода Юлиев, Антоний — с Дионисом, Октавиан — с Аполлоном.

В широкие массы окрашенная восточными влияниями мистика и философские концепции проникали мало. Даже рабы и отпущенники явно азиатского происхождения посвящали свои дары римским ларам, Меркурию, Гераклу, Минерве, Фортуне. Но и в этих слоях отношение к богам изменилось. Оно становилось более личным, непосредственным. Человек уже обращался к богу не только как член какого-то коллектива, а и сам за себя, давал обеты и приносил благодарность за исцеление, удачу, освобождение от рабства. С I в. до н. э. на надгробиях появляются обращения к благодетельным душам умерших — манам с просьбой быть благосклонным к покойному за его достойную жизнь, которая должна обеспечить бессмертие его душе. Вместе с тем сторонников находило и эпикурейское отношение к религии.

В I в. до н. э. кружок молодых поэтов, «неотериков», усиленно культивировал заимствованное у эллинистических поэтов искусство писать поэмы и стихи на мифологические темы, исполненные ученых рассуждений в вычурной форме. К этому кружку принадлежал и один из лучших поэтов Рима — Катулл. Он также отдал дань увлечению эллинистическими образцами, но главной его темой была вначале счастливая, затем несчастная, мучительная любовь к одной из светских «львиц», Клодии, фигурирующей в его стихах под именем Лесбии.

Впервые в Риме любовь, все ее перипетии, радости и страдания заняли такое место в литературе. Впервые поэт решился поставить свою возлюбленную на пьедестал, подобающий лишь богине, и

позволил своим личным переживаниям заслонить для него весь остальной мир, порвав в этом смысле со всеми традициями предков.

Внимание к личности, к психологии людей со всем многообразием их характеров и статусов определяли в основном римское искусство и литературу того времени. В изобразительном искусстве помимо подражаний греческим образцам получил распространение скульптурный портрет, творцы которого стремились наиболее реалистически передать индивидуальные черты своего оригинала. Авторы, писавшие для театра (наиболее значительным из которых был Плавт, III—II вв. до н. э.), пользовавшегося все большей популярностью, хотя и заимствовали сюжеты и формы из «новой» греческой комедии, стали обращаться к ситуациям из римской жизни, создавать пьесы, отражавшие быт простого народа. Ораторы, выступавшие в народных собраниях и на судебных процессах, совершенствовали не только форму своих речей, но и мастерство характеристик людей и ситуаций. Многие речи Цицерона читаются и до сих пор как «остросюжетные» новеллы. Дальнейшее развитие все эти тенденции получили в культуре эпохи империи.

Для раздела 8 редколлегия использовала сокращенный вариант гл. 2 из книги Е. М. Штаерман «Кризис античной культуры» (М., 1975).

Литература:

Егоров А.Б. Римская республика с середины II в. до 27 года до н.э./История Древнего мира. Упадок древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.22-48

Лекция 3: Социально-политическое и экономическое развитие ранней Римской империи.

Династии Юлиев—Клавдиев и Флавиев.

Римская империя существовала пять столетий — с 27 г. до н. э. до 476 г. н. э. (476 год, когда был свергнут последний западноримский император, является традиционной датой конца Римской империи.). За это время она прошла сложный путь развития от расцвета рабовладельческой формации до ее падения. Эпоху империи принято делить на два периода: раннюю империю (с 27 г. до н. э. до конца II в. н. э.) и позднюю империю (III-V вв.н.э.).

Государственной формой ранней Римской империи был принципат. Октавиан хорошо помнил судьбу Юлия Цезаря и считался с тем, что в римском обществе еще сильны республиканские традиции и что откровенная единоличная диктатура раздражает и нобилей и народ. Поэтому, став единоличным правителем Римской державы, он установил государственное правление в форме принципата, при которой, по выражению философа Сенеки, «государь спрятался в одежды республики». В 27 г. до н. э. Октавиан принял титул принцепса. Это был старый республиканский титул: так назывался первый по списку сенатор, которому первому предоставлялось слово на заседаниях («первый среди равных»). Формально Октавиан сохранил все старые республиканские учреждения и должности: сенат, трибутные комиции, консулов, цензоров, трибунов и т. д. Личная власть Октавиана обеспечивалась сосредоточением в его руках ряда высших республиканских должностей. Он и его преемники имели пожизненную власть трибунов, возобновлявшуюся каждый год; эта должность обеспечивала им личную неприкосновенность и позволяла налагать вето на постановления сената и народного собрания, на распоряжения должностных лиц. Октавиан несколько раз был цензором и производил чистки сената, исключая из него своих противников. Неоднократно и по несколько лет он был консулом. Октавиан имел пожизненный титул императора. Во времена республики его получали полководцы, одержавшие особенно блестящие победы, за которые армия провозглашала их императорами. У Октавиана же этот титул стал постоянным и начал приобретать значение «государь». В качестве проконсула Октавиан руководил внешней политикой Рима и был главнокомандующим всеми римскими войсками. Под его непосредственным управлением находились важнейшие пограничные провинции (Остальные провинции находились официально под управлением сената, который назначал туда проконсулов или пропреторов. Но Август контролировал их деятельность, посылал им свои распоряжения.), где размещалось большинство легионов,— Галлия, Иллирия, Македония и Сирия. Египет

был его личным владением. Октавиан был верховным понтификом (верховным жрецом). Кроме того, он получил еще два почетных титула: Август («благословенный») и Отец отечества. При этом Октавиан объявил себя реставратором Римской республики. Он всячески подчеркивал свое уважение к республиканским учреждениям и к старинным нравам и обычаям; носил простую домотканую одежду; редко выступал с речами, поручая это своим друзьям.

Несмотря на все эти республиканские декорации, Октавиан Август был единоличным диктатором, монархом, императором уже в новом значении этого слова — «государь». Он сосредоточил в своих руках все нити государственного управления, всю высшую гражданскую и военную власть. Наряду со старой государственной казной, оставшейся в ведении сената, Октавиан организовал более богатое собственное казначейство — фиск. Только фиск ведал чеканкой золотой и серебряной монеты. Сенатской казне, эрарию, было оставлено право чеканки лишь медной монеты.

Гай Юлий Цезарь Октавиан Август стал основателем династии Юлиев — Клавдиев. Его преемники были его родственниками. Таким образом, в Римской империи установился принцип передачи власти, свойственный наследственной монархии. Правда, он соблюдался не всегда и действовал не автоматически. Августы, как стали называться римские императоры, обычно усыновляли предполагаемого наследника, но были и другие возможности выдвижения императоров; большую роль в их выдвижении играла армия.

Октавиан принадлежал к богатой и знатной семье. Завещание Юлия Цезаря способствовало выдвижению его на одно из самых видных мест в гражданских войнах поздней республики. В ходе борьбы за власть у Октавиана выработались черты, полезные для будущего правителя Римской державы. Он умел видеть свои недостатки и скрывать их. Например, поскольку в самом начале его политической деятельности обнаружилась его полная бездарность как полководца, он никогда больше не пытался лично руководить военными действиями. Он умел располагать к себе людей и подбирать подходящих исполнителей на государственные должности, был скрытен и осторожен.

Октавиан стремился отвести армии чисто служебную роль орудия для внешних войн и внутреннего средства насилия и отстранить ее от политической жизни. Поэтому большинство легионеров, служивших в годы гражданских войн, когда армия играла такую большую политическую роль, было демобилизовано Октавианом. Он наделил ветеранов земельными участками и деньгами и расселил их по городам Италии. Новая наемная армия комплектовалась на условиях многолетней службы и суровой дисциплины. Минимальный срок службы был установлен в легионах 20 лет, а в преторианской гвардии — 16 лет. Преторианская гвардия — личная охрана императора, отряды внутренней безопасности — самая привилегированная часть

римской армии; она располагалась в Риме и городах Италии. Легионы и преторианские когорты набирались только из римских граждан; во вспомогательные войска — конные алы и пешие когорты — принимались и провинциалы (перегрины). К концу правления Октавиана римская армия состояла из 25 легионов.

При Октавиане начал формироваться общеимперский государственный аппарат в лице чиновников из всадников, вольноотпущенников и других сословий; на государственных должностях широко использовались и рабы. Но этот зарождавшийся аппарат еще не мог охватить все стороны управления. Император опирался главным образом на своих личных друзей, назначая их на высшие государственные должности.

В эпоху империи весь Апеннинский полуостров до самых Альп стал называться Италией (Во времена республики Италией называлась территория, включавшая среднюю и южную части Апеннинского полуострова, и только она считалась собственно Римским государством. Его северная граница проходила по Р. Рубикон, отделявшей Италию от провинции Цизальпинская Галлия.).

Октавиан установил имущественный ценз для сенаторов в 1 млн. сестерциев, а для всадников в 400 тыс. сестерциев. Имущественный ценз при определении сословного положения людей в дальнейшем облегчил слияние в рамках двух названных высших сословий соответствующих слоев римско-италийского и провинциальных обществ. Август поддерживал видимость покровительства сенаторскому сословию, которое, правда, сильно поредевшее вследствие проскрипций, еще сохраняло материальную базу в виде крупного землевладения.

По отношению к городскому плебсу Октавиан действовал в соответствии с принципом «хлеба и зрелищ!». Было упорядочено снабжение Рима хлебом и водой. Городская беднота получала бесплатно хлеб, поступавший из провинций, а также денежные подарки. И Октавиан, и его преемники старались развлекать городской плебс. Для этого в Риме и в других городах устраивались гладиаторские бои, битвы гладиаторов с дикими зверями, состязания колесниц. С большой пышностью и подачками народу проводились триумфы по случаю побед римского оружия и справлялись религиозные праздники.

Императору начали воздаваться божеские почести: в Риме был установлен культ божественного Юлия, т. е. Юлия Цезаря, а в провинциях, прежде всего восточных, почитался гений Августа, т. е. бога — личного покровителя Августа. Для отправления этих культов строились храмы и создавались специальные жреческие коллегии.

В связи с моральным разложением знати, развившимся на почве роскошной и праздной жизни и привычки к безнаказанности в

условиях завоеваний и гражданских войн, Октавиан провел ряд мероприятий по укреплению римской семьи: порицалось безбрачие, оказывалось покровительство при продвижении по службе отцам многодетных семей, каралась ссылкой супружеская неверность и распущенность. На основании последнего закона Октавиан отправил в ссылку сначала свою дочь Юлию Старшую, а затем и внуку Юлию Младшую, хотя истинные причины их наказания неясны. Следует отметить, что сам Октавиан отнюдь не отличался высокой нравственностью, но тщательно скрывал свои пороки. Покровительство многодетным семьям касалось лишь богатых и знатных. Для бедных граждан многодетная семья часто была непосильным бременем, в связи с чем распространилось подкидывание детей.

Внешняя политика Рима при Октавиане Августе была продолжением традиционной римской агрессии. При нем был завоеван ряд областей по Дунаю, где были созданы новые провинции — Паннония (на среднем Дунае) и Мёзия (на нижнем Дунае). Были завоеваны оставшиеся до этих пор независимыми иберийские племена на северо-западе Пиренейского полуострова. Римляне перешли Рейн и заняли западные области Германии. Во всех перечисленных странах римские завоеватели встречали сильное сопротивление местного населения. Антиримские восстания произошли на северо-западе Испании и в Паннонии. В 9 г. н. э. германцы во главе с Арминием заманили римского наместника Германии Вара с тремя легионами в Тевтобургский лес и полностью уничтожили все римское войско. Вар покончил самоубийством. Рейн остался пограничной рекой между римской Галлией и независимой Германией, населенной германскими племенами.

Приход к власти первого преемника Октавиана, его пасынка Тиберия (14—37), вызвал возмущение senatorской знати, поскольку монархический принцип наследования престола был еще необычным для Рима. И хотя сопротивление знати и одновременно возникшие волнения войск были подавлены, отношения Тиберия с сенатом в течение всего его правления были враждебными. При Тиберии перестали собираться трибунные народные собрания; с этого времени выборы должностных лиц были переданы сенату.

Для правления Тиберия и следующих императоров из династии Юлиев — Клавдиев характерно широкое применение репрессий. Расхождение между формой принципата (видимость республики) и его сущностью (единоличная диктатура) привели к тому, что императоры не имели твердой социальной опоры, зависели от настроения армии, не доверяли своему ближайшему окружению. Тиберии, Калигула, Нерон систематически прибегали к террору не только против senatorской оппозиции, но и против всех чем-либо неугодных императору лиц. Поводом к репрессиям могли быть зависть к яркому дарованию, месть за действительную или мнимую обиду и т. п. Во время репрессий Юлиев — Клавдиев погибли видные представители

римской культуры: так, при Тиберии был казнен историк Кремуций Корд, при Нероне — поэт Лукан, а крупнейшего философа-стоика Сенеку вынудили покончить самоубийством. Террор создавал благоприятную обстановку для доносов. Конфискация имущества казненных и изгнанных увеличивала владения императоров: они стали крупнейшими частными землевладельцами.

В дальнейшем принцип передачи власти по наследству и сама монархия уже не вызывали возражений. Империя стала рассматриваться как неизбежность; борьба шла только по вопросу о личности того или иного принцепса. Свергая одного, сенат или войска провозглашали принцепсом другого родственника Октавиана. В этом смысле характерно выдвижение Клавдия. После того как преторианцы свергли ничтожного и порочного императора Гая Калигулу (Про Калигулу (37—41) историк II в. Светоний рассказывает, будто бы он приказал назначить своего коня консулом: известие неверное, но характерное для оценки личности Калигулы в Риме.), они разыскали во дворце спрятавшегося с перепугу Клавдия, внука жены Октавиана Августа, Ливии, перенесли его на руках в свой лагерь и заставили сенат провозгласить его императором.

Клавдий (41—54) оказался довольно способным государем, хотя его совершенно не готовили к государственной деятельности, и избрание его принцепсом явилось неожиданностью не только для многих в империи, но, по-видимому, и для него самого. В семье Октавиана он считался чудаком и простаком; из его любимых занятий известно увлечение историей, философией и филологией (по сообщению Светония, он, например, написал этрусскую историю, к сожалению не сохранившуюся; пытался реформировать латинский алфавит). При Клавдии был создан настоящий общеимперский государственный аппарат, основой которого послужила личная канцелярия императора. Были созданы особые отделы, ведавшие разными сторонами государственного управления. На чиновничьи должности Клавдий привлекал главным образом вольноотпущенников. Его первым помощником, своеобразным первым министром был начальник его канцелярии, талантливый человек, вольноотпущенник Нарцисс.

При Клавдии были завоеваны Британия (Британия была заселена индоевропейскими кельтскими племенами, родственными галлам. Впервые здесь высаживался с войсками еще Юлий Цезарь в 55—54 гг. до н. э. Армия Клавдия завоевала остров не полностью: северная его часть, населенная воинственными племенами пиктов, так никогда и не вошла в состав Римской империи.), Фракия и Мавритания, ставшие новыми римскими провинциями. Клавдий в большей степени, чем другие принцепсы из династии Юлиев — Клавдиев, раздавал римское гражданство провинциалам, причем не только знати, но и целым городам. Главной социальной опорой Клавдия была муниципальная знать в провинциях. Муниципиями назывались самоуправляющиеся города на территории Римской державы.

Недовольная политикой Клавдия сенаторская знать организовала его убийство. В ближайшем окружении императора царила обстановка, благоприятная для этого. По сообщениям Тацита и Светония, семейная жизнь Клавдия была скандальной. Свою предпоследнюю жену, распутную Валерию Мессалину, император казнил, заподозрив ее в подготовке его свержения (По сообщению римских историков, она при живом Клавдии и не будучи с ним разведена, публично сыграла «свадьбу» с одним из своих любовников.), но последняя жена, Агриппина, отравила Клавдия, добившись предварительно усыновления им Нерона, своего сына от первого брака.

Последний представитель династии Юлиев — Клавдиев, Нерон, был порочным и беспутным человеком. В первые годы его принципата, когда он был еще совсем молодым, за него правила его мать, властная Агриппина. Затем Нерон, пожелав править самостоятельно, организовал убийство своей матери. Он начал безудержно расточать казну, проводить время в попойках-оргиях, отличавшихся крайним бесстыдством, в цирке и в театре. Считая себя обладателем выдающихся поэтических и артистических дарований, он часто выступал в театре и в цирке в роли декламатора, певца, борца и наездника. Истощение казны привело к усилению налогового бремени на провинции и к задержке жалованья войскам. То и другое грозило восстаниями и мятежами. Часть материальных средств Нерон изыскивал, расправляясь с сенаторской знатью и захватывая имущество своих жертв. Среди знати возник заговор, но был раскрыт, и его участники погибли. Одни были казнены, другим был послан приказ покончить самоубийством. Из-за недосмотра летом 64 г. в Риме случился пожар, во время которого сгорело 10 кварталов из 14. Пошла молва, что император сам приказал поджечь город, чтобы освободить место для строительства большого дворца. Для пресечения этих слухов Нерон и его окружение начали инсценировать процессы против мнимых поджигателей, осуждая их на смерть. Среди казненных (путем сожжения) были и христиане.

К концу принципата Нерона обстановка в империи накалилась. В Палестине вспыхнуло народное восстание против Рима — так называемая Иудейская война (66—73). Восстали наместники ряда западных провинций на территории Галлии и Испании. Подняли мятеж легионы, стоявшие на верхнем Рейне. Когда против Нерона выступили и преторианцы, он покончил самоубийством.

Гражданская война 68—69 гг. была междоусобной войной римских армий, стоявших в разных провинциях. Армии (испанская, рейнская, сирийская, дунайская) провозглашали императорами своих командующих. Между ними происходили сражения, в которых гибли десятки тысяч легионеров, а территория Северной Италии, где развертывались основные бои и располагались враждующие войска, подвергалась разграблению как завоеванная страна. Некоторые города откупались от разгрома. В результате гражданской войны

победу одержал ставленник войск, занятых в это время подавлением восстания в Иудее, Тит Флавий Веспасиан. Он был признан всеми армиями и провинциями и утвержден сенатом.

При династии Флавиев произошло дальнейшее укрепление императорской власти и ослабление сената. Императорская власть опиралась на более широкую социальную базу, чем при Юлиях — Клавдиях. Династия Флавиев была незнатного происхождения: дед Веспасиана был простым италийским крестьянином. Веспасиан выдвинулся благодаря своим личным качествам — уму и деловитости. Тит Флавий Веспасиан правил с 69 по 79 г. Ветеранов он наделил землей в Южной Галлии. Были подавлены антиримские восстания в провинциях, в том числе в Иудее и в Галлии. В 70 г. римские войска штурмом взяли Иерусалим. Город был разрушен до основания, большинство его жителей перебито, уцелевшие проданы в рабство. Отныне иудеям было запрещено жить в Иерусалиме. Однако сопротивление в Палестине продолжалось еще до 73 г.

В начале правления Веспасиана в Галлии происходило антиримское восстание под руководством Цивилиса. Юлий Цивилис принадлежал к знати германского племени батавов, жившего в низовьях Рейна и покоренного римлянами, был римским гражданином, служил в римских войсках, но затем покинул римскую службу. Возглавленное им восстание в Северной Галлии было поддержано римскими легионами, стоявшими на Рейне. Руководители восстания собрали общегалльский съезд для решения вопроса об отношении к Риму. Знать отсталых племен Северной Галлии высказалась за отделение от Рима, а знать южных галльских областей, где уже далеко зашел процесс романизации и успешно развивались рабовладельческие отношения, не хотела порывать с Римом, предпочитая римскую власть возможным в случае ее ниспровержения смутам и народным движениям. Позипия этой части галльской знати решила исход восстания. В 70 г. оно было подавлено. Цивилис скрылся.

Веспасиан покровительствовал знати западных провинций. Он даровал латинское гражданство испанским городам. Выходцы из провинциальной знати привлекались на высшие государственные должности. Около тысячи знатных семей из Галлии и Испании было переселено в Рим. Таким образом, происходило слияние рабовладельческой верхушки всей империи.

Правительство Веспасиана уделяло много внимания приведению в порядок финансов. Были введены новые налоги, в то же время проводилась максимальная экономия государственных средств. Веспасиан, отличавшийся простотой и нетребовательностью в быту, ограничил расходы на содержание двора, в связи с чем подвергался насмешкам со стороны римской знати. Начаты были работы по восстановлению Рима и других городов, пострадавших от пожаров и гражданской войны. В центре Рима Веспасиан начал строительство

огромного амфитеатра, позднее получившего название «Колизей». Работа на стройках давала заработок городскому плебсу.

Сын Веспасиана, тоже Тит Флавий Веспасиан, обычно именуемый «Тит» (79—81), продолжал его политику. Он оказывал покровительство итальяским и провинциальным городам. При нем в 79 г. произошло стихийное бедствие — извержение вулкана Везувия, во время которого погибли три итальянских города — Помпеи, Геркуланум и Стабии (Развалины Геркуланума и Помпеи были случайно обнаружены под почвой из вулканического пепла в XVIII в. и с тех пор раскапываются; некоторые дома сохранились полностью, с настенными росписями и даже с уличными афишами; обнаружив загадочные пустоты в пепле, археологи, заполняя их гипсом, восстановили также облик давно истлевших тел помпейцев, погибших под пеплом и сохранявших позы, в которых их застигла смерть.).

После смерти Тита правил второй сын Веспасиана, Домициан (81—96), при котором усилились деспотические тенденции императорской власти. Снова начались преследования, казни и захваты имущества неугодных людей, в особенности аристократов, что вызвало вражду сената к императору.

При Домициане римляне завоевали юго-западный угол Германии между верховьями Рейна и Дуная. Здесь, на так называемых Десятичных полях, были поселены римские колонисты. Пограничная полоса, отделявшая Десятичные поля от Германии, была укреплена: от Рейна до Дуная возвели сплошную полосу (limes) укреплений, состоявших из вала, рва, крепостей и дорог. (Впоследствии — в течение II—III вв. — такую же полосу построили вдоль всей границы римских владений в Британии, в континентальной Европе, в Сирии и Заиорданье вплоть до Красного моря.) В некоторой части вал заменяла стена из камня. На нижнем Дунае при Домициане сложилось сложное для римлян положение. К северу от реки жили многочисленные родственные фракийцам племена даков. К концу I в. н. э. они создали сильное объединение и стали угрожать римскому господству на нижнем Дунае. Войны с ними не принесли римлянам успеха. Домициан обязался платить дакам ежегодную дань — «подарок». Этим внешнеполитическим затруднением императора воспользовалась оппозиционная знать. Против Домициана был организован заговор, и он был убит.

Династия Антонинов.

Название этой династии условно, так как большинство императоров, относимых к ней, не состояло в родстве между собой.

Для развития Римской империи во II в. характерны следующие черты: 1) экономический подъем всего Средиземноморья, 2) начало кризиса рабовладельческой экономики в Италии с середины II в., 3)

дальнейшая централизация и бюрократизация управления, 4) переход Рима от агрессии к обороне.

Императоры династии Антонинов, за исключением первого из них, Нервы, были выходцами из провинциальной знати. Большинство из них было крупными государственными деятелями. Передача власти от одного императора к другому при династии Антонинов происходила путем усыновления, причем усыновлялись не дети, а зрелые государственные деятели, выдающиеся полководцы и политики. Это в значительной степени способствовало успеху правления Антонинов, так как исключало появление на посту императора непригодных для подобной роли людей. В тот период было достигнуто наибольшее внешнеполитическое могущество Римской империи, в частности полное превосходство Рима по отношению к варварской периферии. Вместе с тем именно во II в. появились и первые признаки надвигающегося кризиса рабовладельческого строя.

Император Марк Ульпий Траян (98—117) был родом из Испании. Сенат при нем, как и при следующих принцепсах II в., состоял в значительной степени из провинциальной знати и выражал интересы рабовладельческого класса всей империи. Это явилось социальной базой для согласия между императорами династии Антонинов и сенатом, которое нарушилось лишь при самом последнем представителе этой династии, Коммоде, в конце II в.

При Траяне Рим произвел свое последнее крупное завоевание: в 101—106 гг. была завоевана Дакия. Эта плодородная страна, богатая различными природными ресурсами, явилась очень ценной для Рима провинцией. Сюда переселилось много римских граждан из Италии, было основано много колоний ветеранов. Приток римского населения на постоянное жительство в Дакию способствовал интенсивной романизации этой провинции. И поныне жители этой страны, современной Румынии, говорят на романском языке, потомке народной латыни.

Траян воевал также с Парфией, могущественной восточной соседкой Рима. Ему удалось захватить на некоторое время всю Месопотамию, где были созданы римские провинции. Но вследствие сопротивления местного населения и противодействия Парфии римлянам не удалось удержать этих завоеваний. Вскоре после смерти Траяна Риму пришлось отказаться от Месопотамии.

Преемником Траяна был Публий Элий Адриан (117—138). Это был разносторонне образованный человек. Любитель путешествий, он за 20 лет своего правления объехал почти всю Римскую державу, изучая жизнь провинций и контролируя положение в них.

При Адриане было завершено создание бюрократического аппарата империи. Это позволило отказаться от сдачи на откуп сбора всех налогов в провинциях. Государственная служба стала почетной и

хорошо оплачиваемой. Для укрепления связей Рима с провинциями была создана государственная почта. При Адриане началась провинциализация римской армии: в нее стали принимать римских граждан, живущих не только в Италии, но и в провинциях.

В 132—135 гг. произошло новое восстание в Иудее под руководством Бар-Кохбы, которое было подавлено с большой жестокостью. Погибло до полумиллиона человек. На месте Иерусалима Адриан основал римскую колонию, а многие оставшиеся в Палестине иудеи были выселены.

Во внешней политике время Адриана явилось переходом от завоеваний к обороне. Римляне лишились Месопотамии, и границей с Парфией снова стал Евфрат. Сильно укрепляются границы по Рейну и Дунаю. В Британии был создан громадный вал Адриана, протянувшийся от моря до моря и предназначенный для защиты от северных племен.

Рабовладельческая верхушка империи считала идеальным монархом Антонина (138—161) и дала ему прозвище Пий («благочестивый»). При Антонине установилось полное согласие между императором и сенатом; сенату было возвращено управление Италией. Антонин уделял большое внимание защите границ и поддержанию мира с соседями. На границах спешно строились оборонительные сооружения, так называемые валы Антонина.

После смерти Антонина Пия в Риме оказалось сразу два императора — Марк Аврелий (161—180) и Луций Вер (161—169), приемные сыновья Антонина. Раздоры между ними, которых ожидали враги Рима, были предотвращены благодаря исключительным личным качествам Аврелия. Он терпел своего ничтожного соправителя в течение восьми лет, до смерти последнего.

С этого времени деление власти между императорами-соправителями стало частым явлением. Марк Аврелий был одним из самых образованных людей своего времени, философом-стоиком, автором сочинения «К самому себе».

При Марке Аврелии закончился период устойчивого равновесия сил между Римской империей и варварской периферией. Начиная со времени Марка Аврелия Рим выступает как обороняющаяся сторона.

Маркоманнские войны (167—180) явились прелюдией варварских завоеваний последующих веков. Перейдя средний Дунай, в империю вторглось германское племя маркоманнов вместе со своими союзниками — квадами, сарматами и язигами. Римское государство было к этому времени ослаблено войной с Парфией и эпидемией. Рим собрал все силы. Были мобилизованы даже рабы-добровольцы и гладиаторы. Оба императора лично отправились на войну. Все остальные годы своего правления Марк Аврелий провел на северной

границе, занимаясь ее укреплением и борьбой с варварами, вторгшимися в империю. Одна часть их была вытеснена, а другую римское правительство было вынуждено поселить по эту сторону вала в качестве союзников — федератов. Таким образом, варвары начали не только совершать набеги на империю, но и расселяться на ее территории. В 180 г. Марк Аврелий умер в Виндобоне (ныне Вена), где он готовился к новому походу на маркоманнов.

Нарушив традицию династии Антонинов, Марк Аврелий завещал императорский престол не избраннику сената, а своему сыну Коммоду (180—192), при котором положение империи продолжало ухудшаться. Наблюдается упадок центральной власти. Войну с маркоманнами Коммод закончил, хотя римляне в 180 г. были далеки от победы. Сам Коммод в противоположность своему отцу был грубым, беспутным человеком. Видя недовольство знати, он стремился задобрить преторианцев и римский городской плебс: преторианцам было увеличено жалованье, а для городского плебса устраивались раздачи и зрелища. При дворе господствовали фавориты, которые в конце концов убили императора. Надвигался период кризиса, знаменовавший переход к поздней империи.

Экономическая система Римской державы со II в. до н.э. по II в. н.э.

Последние два века до нашей эры и первые два века нашей эры явились в Римской державе эпохой наибольшего развития рабовладельческой формации. За четыре указанных столетия в развитии римской экономической системы проявились такие общие черты, как широкое территориальное распространение рабовладельческого способа производства в пределах Римской державы, главными очагами которого были города, максимальное развитие частного сектора экономики за счет сокращения государственного, сильная классовая поляризация в обществе Римской державы — увеличение классов рабовладельцев и рабов и в то же время сокращение класса свободных мелких собственников, наибольшее распространение классической формы рабства, рост специализации и товарности производства в различных отраслях хозяйства.

К концу республиканской эпохи владения Римской державы охватили почти все Средиземноморье. Завоеванные Римом внеиталийские владения стали называться провинциями (Термин «провинция» происходит от лат. *vincere* — «побеждать»), т. е. странами завоеванными, побежденными. Первыми провинциями были Сицилия, Сардиния, Корсика, Цизальпинская Галлия, Африка (территория бывшего Карфагенского государства), Ближняя и Дальняя Испании, Иллирия, Македония, Греция, которая в качестве провинции была названа римлянами Ахайей. В 133 г. до н. э. Рим поглотил Пергамское царство в Малой Азии, ставшее провинцией Азия. В 63 г.

до н. э. во время похода полководца Помпея на Восток была превращена в провинцию Сирия, а в Малой Азии была создана новая провинция — Вифиния и Понт. В 58—50 гг. до н. э. римские войска под командованием Юлия Цезаря завоевали Трансальпийскую Галлию. В 30 г. до н. э. при вступлении войск Октавиана в Египет пало это древнейшее царство Ближнего Востока, последнее эллинистическое государство: Египет стал римской провинцией. В период ранней империи, как упоминалось в этой лекции, Рим подчинил себе значительную часть Британии, ряд стран в Подунавье — Паннонию, Мёзию, Фракию, Дакию—и некоторые другие области, так что Средиземное море стало внутренним морем Римской державы.

В эпоху республики римская провинциальная система основывалась на почти неограниченном ограблении и эксплуатации завоеванных народов. Ограбление провинции начиналось с момента ее завоевания. Римское войско захватывало казну прежних правителей и богатства храмов; население завоеванной страны обязывали сдать золото и серебро; Рим конфисковал часть земель в покоренных странах, а также рудники, соляные промыслы и другие важнейшие предприятия. Значительная часть награбленных ценностей шла в казну (эрарий) римского государства, другая часть делилась среди воинов, причем львиную долю добычи получали полководцы. Некоторые провинции, как, например, Египет, были императорскими, и доходы с них поступали не в сенатский эрарий, а в императорский фиск. При завоеваниях римляне захватывали много пленных с целью получения за них выкупа или для продажи их в рабство. Конфискованные в провинциях земли пополняли фонд *ager publicus*.

Для управления каждой провинцией назначался наместник из числа бывших консулов или преторов, который и назывался соответственно проконсулом или пропретором. При наместнике имелись канцелярия и войско. Провинциальный административный аппарат в значительной степени состоял из привилегированных императорских рабов и вольноотпущенников. Содержание наместника, его штата и войска ложилось на провинцию.

Провинциалы составляли самую бесправную часть свободного населения Римской державы. Они платили Риму налоги, которые были особенно тяжелы потому, что римляне, не имея достаточного государственного финансового аппарата, поручали сбор налогов в провинциях частным лицам — откупщикам (публиканам). Богатые дельцы, например из числа римских всадников, вносили в казну всю полагающуюся сумму налога с той или иной провинции, а затем с помощью наемных солдат и сборщиков собирали налог с ее населения с превышением в свою пользу. Сборщики налогов — мытари — были самыми ненавистными людьми в провинциях. Многие провинциалы попадали в рабство за долги из-за неуплаты налога. Провинциалы имели peregrinus (Перегрин (лат.) — «чужеземец, иностранец».) статус, а поэтому на них не распространялось запрещение обращать должников в рабство, касавшееся только римских граждан (впрочем,

фактически и для них не всегда соблюдавшееся) . Наместники, откупщики и арендаторы конфискованных в провинциях земель и других имуществ хозяйничали, по существу, бесконтрольно, обогащаясь за счет ограбления провинциального населения (Показательно дело Верреса, бывшего наместника Сицилии, привлеченного к суду за злоупотребления. Преступления Верреса были столь вопиющи, что римский суд вынужден был заняться рассмотрением этого дела. Обвинителем Верреса выступил Цицерон, взявший на себя защиту сицилийцев на суде. Суд над Верресом, состоявшийся в 70 г. до н. э., показал порочность бесконтрольного правления наместника, разорявшего провинциалов и возбуждавшего их против Рима. В ходе судебного процесса Верресу был предъявлен иск в 40 млн. сестерциев (около 45 т серебра) и обвинения в грабеже, вымогательстве и убийствах. Однако суд постановил взыскать с него в пользу сицилийцев лишь 3 млн. сестерциев. Веррес, не дожидаясь решения суда, уехал в ссылку в Массилию (ныне Марсель во Франции), увезя с собой часть награбленных богатств.).

Хотя ко времени римского завоевания на островах и побережьях Западного Средиземноморья имелись развитые классовые общества в виде греческих и финикийских городов (Крупнейший из финикийских городов в Западном Средиземноморье — Карфаген — был разрушен римлянами в 146 г. до н. э.), все же большинство населения западных провинций находилось на разных стадиях разложения первобытнообщинного строя. В Восточном Средиземноморье, напротив, римляне завоевали ряд стран с древними цивилизациями. Соответственно различалось и влияние римлян в западных и восточных провинциях.

В западных провинциях начался интенсивный процесс романизации: на отнятых у местного населения землях основывались колонии римских граждан, получавших земельные наделы; богатые римские граждане арендовали крупные земельные участки из фонда *ager publicus* и заводили на них рабовладельческие хозяйства; под влиянием римского завоевания ускорялось социально-имущественное расслоение провинциального населения и развитие рабовладельческих отношений в провинциях; началось распространение латинского языка и римской культуры.

В конце республиканского периода и особенно во времена империи римляне стали практиковать массовый вывод колоний ветеранов в провинции, а соседские и племенные общины провинциального населения стали получать права автономных городов — муниципиев и превращаться в подобия античных полисов. Гражданские и ветеранские колонии явились опорными пунктами романизации провинций. Конечно, степень романизации отдельных западных провинций была различной. Так, завоеванная в I в. н. э. Британия, находившаяся тогда на стадии первобытнообщинного строя, вследствие сравнительно слабого хозяйственного освоения острова римлянами и малочисленности римских поселенцев подверглась лишь

поверхностной романизации, следы которой почти полностью стерлись после вывода из этой страны римских легионов в начале V в. и последовавшего вскоре за этим завоевания Британии германскими племенами англов, саксов и др. Сильной романизации подверглись завоеванные в период ранней империи придунайские провинции, например Дакия, куда стекались колонисты со всех концов империи.

В густонаселенных восточных провинциях со множеством городов и высоким экономическим и классовым развитием была невозможна широкая римская аграрная колонизация. Проникновение римлян на Восток в основном ограничивалось чиновниками, воинами, купцами, откупщиками, которые селились здесь и приобретали земельные владения. Римляне не изменили внутренней структуры городов и сельских общин, но они по своему произволу перекраивали городские территории, изымая их из-под власти одних полисов и передавая другим. В вопросы местного самоуправления римляне вмешивались редко — когда затрагивались их интересы, но в этих случаях они не считались ни с местными органами, ни с местными правовыми традициями. Самоуправление городов ограничивалось финансово-экономическими вопросами, дарованием местных гражданских прав, предоставлением почестей. В условиях постоянных грабежей со стороны римских откупщиков, наместников, полководцев города стремились использовать свои общественные фонды для сохранения гражданского коллектива, предотвращения полного разорения граждан. Например, в малоазийских гражданско-храмовых общинах в I в. до н. э. широко использовалась храмовая земля для сдачи в аренду гражданам на сравнительно легких условиях.

При завоевании Средиземноморья Рим захватил ряд стран превосходивших его по уровню экономического развития. Это первую очередь относится к восточным провинциям Рима. Приток квалифицированных рабов и свободных ремесленников из этих стран способствовал экономическому развитию Италии. Усиление экономических контактов между различными странами, объединенными в составе Римской державы, благоприятствовало развитию в ней территориального разделения труда, а следовательно, товарного сельского хозяйства, ремесла, торговли, сравнительно дешевого кредита. Торговлей и ростовщичеством занимались не только всадники, но и сенаторы, хотя это им запрещалось: они действовали через подставных лиц, обычно через своих вольноотпущенников.

В период поздней республики возрос удельный вес рабов в производстве, хотя численного перевеса их в производстве по сравнению со свободными трудящимися не наблюдалось и в эту эпоху. Рабы были основной рабочей силой на тяжелых работах в строительстве и в рудниках, причем в последних они подвергались особенно тяжелой эксплуатации и жестокому обращению. Техническими достижениями этого периода были изготовление стальных орудий и оружия, широкое применение обожженного

кирпича, изобретение бетона, строительство хороших мощеных дорог, углубление рудников до 150 м и применение в них вентиляции и водоотливных сооружений. Во II—1 вв. до н. э. многие итальянские города становятся центрами ремесла и торговли. Наблюдается узкая и глубокая специализация в ремесле. Рабы-ремесленники использовались либо в господском доме, либо в специальных мастерских, в которых могло быть от нескольких рабов до нескольких десятков их. Известно наделение рабов-ремесленников пекулием, т. е. господским имуществом, данным во владение рабу. Раб с пекулием, например в виде мастерской, самостоятельно вел производство, в частности мог сам приобретать рабов, и уплачивал определенную долю дохода своему господину. Практиковалась сдача рабов-ремесленников внаем, причем договор о найме заключался либо между господином и нанимателем, либо между рабом и нанимателем. В последнем случае раб сам получал заработную плату, определенную часть которой отдавал своему господину. Наделяя рабов пекулием или сдавая их внаем на условии личных расчетов между нанимателем и рабом, господин стремился экономически заинтересовать рабов в их труде. Некоторым рабам удавалось при этом скопить деньги для выкупа на волю. Рабы-ремесленники, за исключением эксплуатируемых в господском доме, в эпоху поздней республики начинают сближаться с ремесленниками из вольноотпущенников и свободнорожденных. Это проявилось, например, в Их совместном участии в культовых коллегиях, объединявших ремесленников одной профессии. На средства, составлявшиеся из паевых взносов, эти коллегии «маленьких людей» устраивали совместные трапезы в праздничные дни и организовывали похороны своих сочленов. Государственная власть разрешала существование подобных коллегий. Они же фактически способствовали приобщению разноплеменной массы рабов к официальной римской идеологии. Труд свободных сохранился в ремесле больше, чем в сельском хозяйстве.

Массовое применение рабского труда в сельском хозяйстве было вызвано коренной перестройкой этой отрасли экономики — ростом сельскохозяйственных комплексов и широким распространением культур, требовавших большого труда в течение всего года. Массовое рабство пришло в Италию с культурой винограда и оливок. Выращивание зерновых культур — дело сезонное, и большому числу рабов в промежутках между севом и жатвой нечего было делать. Но со II в. до н. э. в Италии уменьшается удельный вес зернового хозяйства (а в то же время растет ввоз хлеба из провинций) и увеличивается удельный вес интенсивных отраслей хозяйства — виноградарства, оливководства, садоводства, овощеводства, скотоводства и птицеводства, — требующих довольно большого числа рабочих рук в течение круглого года. Товарные сельские хозяйства, основанные на рабском труде, поставляли свою продукцию на городской рынок.

Италия, став политическим центром Римской державы, осталась страной аграрной по преимуществу. Развитие итальянского сельского хозяйства вызвало к жизни обширную сельскохозяйственную

литературу, из которой до нас дошли трактаты Катона (II в. до н. э.), Варрона (I в. до н. э.), Колумеллы и Плиния Старшего (оба жили в I в. н. э.). Их труды служат основой для изучения итальянских поместий соответствующих столетий.

В период поздней республики и ранней империи в Италии существовало три типа сельских хозяйств: вилла, латифундия и мелкое крестьянское хозяйство.

Вилла — мелкое или среднее поместье размером в несколько десятков или сотен югеров (югер = $1/4$ га). Условия рыночных связей определяли степень товарности, а вместе с тем и весь характер поместного производства. По этому признаку различалось три вида вилл: пригородные, средние и дальние. Пригородные имения, которые нередко были узкоспециализированными, поставляли на городской рынок виноград, свежие фрукты и овощи, живую рыбу и птицу, поросят и ягнят, мед, молоко и др. Все необходимое для жизни самих обитателей имения и даже корм для скота и птицы было выгоднее купить на городском рынке, нежели производить в имении. Товарное пригородное хозяйство основывалось целиком на рабском труде; производство в доходных виллах было интенсивным: собственник виллы старался выжать все возможное и из рабов, и из сельскохозяйственных культур путем усиленной эксплуатации рабов и отчасти применения передовых хозяйственных методов. Сочетание мер наказания и поощрения при неукоснительном надзоре за сравнительно небольшим числом рабов-специалистов (один-два десятка), занятых на вилле, позволяло добиться довольно высокой производительности их труда. Расположенные дальше от обширных городских рынков имения не могли полностью специализироваться на одной или немногих отраслях хозяйства и полностью отказаться от других. Здесь производились для продажи продукты, хорошо переносящие перевозку: виноградное вино, оливковое масло, маринованные оливки и др.; выращивались зерновые культуры, особенно пшеница, оттеснившая менее ценные, хотя и неприхотливые ячмень и полбу. Скот разводили главным образом рабочий — волов и ослов. В трактатах римских агрономов наиболее подробно описана именно такая вилла, которых было больше всего. Хозяйство здесь было основано на труде рабов, но в периоды уборки урожая использовались и наемные работники со стороны, из числа соседних крестьян. На средней вилле было обычно от 15 до 50—60 рабов, занятых круглогодичной работой. Управляющий (вилик) был тоже из числа рабов; ему помогала жена. Они действовали под строгим контролем хозяина. Рабы, за исключением вилика, по-видимому, не имели семьи, и им не позволяли выходить из поместья (вилику это разрешалось лишь по особому распоряжению хозяина). Существенных нововведений в земледельческих орудиях не наблюдалось. Процесс совершенствования производительных сил шел главным образом за счет повышения квалификации работников и накопления навыков обработки почвы (включая удобрение) и ухода за растениями и животными. По сравнению с мелкими хозяевами и арендаторами

владельцы вилл могли применять наилучшую по тем временам хозяйственную технику, иметь достаточно тяглового и вьючного скота, использовать специализацию и кооперацию труда, повышающие его производительность. Заинтересованность свободного земледельца в результатах своего труда при несложных в ту пору орудиях труда и довольно простых хозяйственных навыках не обеспечивала еще экономического превосходства свободного труда над рабским. Расходы же свободного труженика на поддержание общественно необходимого уровня собственной жизни и жизни своей семьи (чтобы жить «не хуже людей») были выше, чем расходы рабовладельца на содержание раба. Это было одной из причин вытеснения в земледелии свободного труда рабским. Отдаленное имение, отстоящее на 40—50 км от крупных городов, имело также некоторые связи с городским рынком, но при несовершенстве транспорта и дорог лишь слабые. В этих имениях преобладало натуральное многоотраслевое производство. Задачей таких имений было не столько принесение денежного дохода, сколько самообеспечение. Хозяйство их было по необходимости разносторонним (включая важнейшие ремесла), но экстенсивным, ведшимся без особой тщательности: считалось более выгодным получать невысокую продуктивность при меньших затратах, чем добиваться высокой продуктивности ценой дополнительных затрат. Хозяева редко посещали дальние имения. Рабы в таких виллах обычно имели семьи, что должно было удерживать их от побегов. Без повседневного наблюдения рабы работали небрежно, хозяйство запускалось, поэтому здесь рабам часто предпочитали арендаторов. Им обычно сдавались хлебные поля за плату деньгами и натурой.

Латифундия — крупное поместье, в котором часть земель обычно лежала необработанной. По-видимому, латифундии возникли позже мелких и средних поместий. В эпоху республики крупное землевладение редко представляло собой сплошной земельный массив; чаще у крупного землевладельца было несколько имений средних или мелких размеров, причем каждое из этих имений являлось самостоятельной экономической единицей. Но возникали и очень крупные латифундии (размером до нескольких тысяч югеров), хотя о них мы знаем меньше, чем о виллах. Здесь преобладало натуральное производство, рассчитанное на удовлетворение потребностей господина и его многочисленных рабов. Главную роль играли хлебопашество и скотоводство, а виноградарство и оливководство практиковались, если позволяли природные условия. Кроме сельского хозяйства представлены были и ремесла. Имелись рабы разных специальностей — врачи, плотники, кузнецы, валяльщики шерсти и др. В крупных латифундиях существовали гончарные мастерские, кузницы, а в некоторых — каменоломни и даже рудники. В латифундиях кроме рабской силы широко использовался труд арендаторов и клиентов, т. е. людей, лично зависимых от своего патрона. Клиентами становились, например, обедневшие свободные земледельцы, а также вольноотпущенники владельца латифундии. Обычно латифундия была слабо связана с рынком. Внутри же

латифундии складывались свои рынки, на которых обменивались сельскохозяйственные и ремесленные продукты не только крестьян-арендаторов и рабов-ремесленников, работавших в пределах латифундии, но и соседних крестьян.

Были латифундии, где развивалось специализированное скотоводческое хозяйство, например в засушливых областях Южной Италии,— сальтусы. В отличие от других латифундий сальтусы были связаны с рынком, поставляли войску лошадей, а городам — скот, мясо, шерсть, кожи, сыр. Иногда вели отгонное скотоводство. Многотысячные стада овец и крупного рогатого скота, табуны коней зимой паслись на равнинах Южной Италии, а в жаркую летнюю пору — в лесистых горных областях Средней Италии. Ни одна латифундия не охватывала сразу и те и другие, поэтому крупные скотоводы арендовали государственные земли в разных природных зонах. Скот находился на попечении пастухов-рабов. К ним невозможно было применить систему повседневного мелочного надзора, как к рабам в виллах. Набирались пастухи из уроженцев воинственных племен — галлов, иллирийцев, фракийцев, которые были хорошими наездниками, умели обращаться с оружием и могли защитить стада от диких зверей и разбойников. Рабам-пастухам разрешалось иметь семьи, которые помогали им ухаживать за стадами. Надо заметить, что во всех случаях, когда говорят о семьях рабов в римском обществе этого времени, имеете в виду лишь фактическое сожительство рабов, допускавшееся господами; закон же семейных отношений рабов не признавал.

Необходимо подчеркнуть, что в римско-италийских поместьях даже в период расцвета рабовладельческого способа производства применялись кроме рабской и другие формы зависимости и эксплуатации — клиента, вольноотпущенничество (вольноотпущенник сохранил определенные обязанности по отношению к своему бывшему господину.), аренда, прежде всего в крупных поместьях. Позднее, по мере вступления римской рабовладельческой системы в стадию разложения (со II и особенно с III в.), именно эти формы эксплуатации работников, наделенных средствами производства и не являющихся собственностью крупного землевладельца, начинают выдвигаться на первый план, вытесняя собственно рабовладельческие методы эксплуатации.

К типу крестьянского землевладения относились хозяйства мелких частных собственников земельных участков; арендаторы и клиенты, владевшие наделами внутри поместий крупных владельцев, вели такие же хозяйства. Сельский плебс — земледельцы и воины-ветераны, чьими руками была создана Римская держава,— в период поздней республики был многочисленной и еще довольно влиятельной частью римско-италийского общества. Земледельческий труд считался почетным. Основной рабочей силой в крестьянских хозяйствах были сами крестьянские семьи. У зажиточных семей бывало по одному-два

раба. Сельское поселение (*vicus*.) сохраняло черты общинной взаимопомощи. Связь крестьянских хозяйств с рынком была слабой, но полностью обойтись без него они не могли, так как нуждались в покупных ремесленных изделиях. За счет разорения мелких собственников и их насильственного вытеснения росло крупное землевладение магнатов. Хозяйства мелких римско-италийских земледельцев подрывались войнами: крестьяне надолго отрывались от хозяйства, многие гибли в походах и сражениях или возвращались инвалидами. Мелкие хозяйства подрывал также ввоз в Италию хлеба и других сельскохозяйственных продуктов из провинций. На товарном рынке эти хозяйства не могли конкурировать с рабовладельческими именами, и свободный производитель, собственник средств производства, вытеснялся из экономики рабом. Все это вело к разорению земледельцев и породило демократическое движение II—I вв. до н. э., главным стержнем которого был аграрный вопрос.

Разорившиеся мелкие земельные собственники теряли свои участки и превращались в арендаторов, так называемых *колонов*, или уходили в поисках заработка или других средств существования в города, главным образом в Рим. Но у вчерашнего земледельца почти не было шансов сносно устроиться в городе. Так разорение сельского плебса (*plebs rustica*) вело к численному росту городского плебса (*plebs urbana*). Среди городского плебса были ремесленники, мелкие торговцы, а также все возрастающий слой люмпен-пролетариев — нищих граждан, живущих случайными заработками и подачками государства и частных лиц.

Объединение в рамках Римской империи всего Средиземноморья, прекращение войн, пиратства и разбоя, упорядочение управления провинциями и консолидация господствующего класса всей империи способствовали дальнейшему социально-экономическому подъему Римской державы в I—II вв. н. э. Для передовых центров рабовладельческой экономики отсталые области явились как бы внутренней периферией, которая служила источником сырья и рабов. Ранее эта периферия лежала за рубежами наиболее развитых рабовладельческих обществ, а поэтому эксплуатация ее, осуществлявшаяся в форме военного грабежа и неэквивалентной торговли, была довольно затруднительной. Теперь же эксплуатация передовыми центрами отсталой периферии превратилась в систему внутригосударственных финансово-экономических отношений.

Центрами рабовладельческой экономики в ранней Римской империи являлись города. Они были не только центрами ремесла и торговли, но и местом жительства граждан-землевладельцев, получавших наделы на территории, подчиненной городу. Сплошные массивы городских земель находились в Италии и в греческих областях Балканского полуострова. Кроме того, города с принадлежащими им землями были раскинуты широкой сетью по всей Римской империи; их было несколько меньше лишь в некоторых слабо романизованных областях, например в Британии. На землях городов рядовые граждане

владели небольшими наделами, а состоятельные граждане — виллами. Часть городской земли оставалась в совместном владении города — она обычно сдавалась в аренду, и доходы с нее поступали в городскую казну. В эпоху империи доход с общественных земель города все более попадал в пользование лишь городской верхушки. С городскими землями соседствовали в провинциях императорские земли, владения сенаторов, земли автономных племен и свободных крестьянских общин. Во времена республики и ранней империи два последних вида землевладения имели тенденцию к превращению в муниципальное, что происходило либо путем выведения на земли племен и общин римских колоний, либо путем превращения села в город, который получал самоуправление и становился муниципием. Романизация провинций и выражалась главным образом в охвате их муниципальной системой. Процесс создания муниципальных городских общин со временем распространился и на Египет, где в эллинистическое время полисов было мало; но уже в III в. н. э. целый ряд местных египетских поселений получил стандартную полисную организацию. Римляне стремились унифицировать самоуправление гражданских коллективов: в восточных провинциях в период империи исчезает специфика многих гражданско-храмовых общин (за исключением Палестины, но там римляне в концов концов просто уничтожили ее, как и сам Иерусалимский храм).

Важным аспектом в развитии городов Восточного Средиземноморья было постепенное стирание граней между гражданами и свободными негражданами. Еще в эпоху республики в полисах появились римляне-переселенцы, которые оказались в более привилегированном положении, чем местные граждане. Они не подчинялись полисным законам, скупали землю на территории полисов, могли, если желали, присоединяться к решениям полисов (в этом случае декреты начинались словами: «решил совет, народ и жительствовавшие римляне»). В эпоху империи получает распространение двойное, тройное и вообще множественное гражданство: приобретение гражданских прав отдельными людьми сразу в нескольких городах.

Но все же город как самоуправляющаяся организация сохранялся на всем протяжении существования империи. Город был центром налогового округа (в Египте в ряде районов такую роль играли крупные сельские поселения). Городское самоуправление создавало видимость традиционной общественной жизни, позволяло представителям господствующего класса, не вошедшим в римский аппарат управления, продвигаться по общественной лестнице (такое продвижение часто предшествовало приобретению римского гражданства).

С середины II в. н. э. Италия вступает в стадию разложения рабовладельческого способа производства. Многие провинции обгоняют Италию в экономическом развитии.

Подъем экономики в западных провинциях был связан с распространением там рабовладельческих вилл и латифундий, в значительной степени производивших продукцию на продажу. Латифундии в ранней империи были двух видов: централизованные, основанные на рабском труде и управляемые из единого центра поместья, и децентрализованные, земля в которых раздавалась мелким арендаторам-колонам. Централизованные рабовладельческие латифундии были распространены в Галлии и Испании; децентрализованные латифундии были характерны для Италии, Северной Африки и восточных провинций. Крупное частное землевладение возникало путем скупки и насильственного захвата участков мелких и средних собственников и сельских общин, а также захвата государственных земель.

Рабовладельческие латифундии оказались недолговечными вследствие невозможности наладить достаточно производительный труд больших масс рабов в одном хозяйстве. Значительную часть дохода в таких имениях поглощало содержание надсмотрщиков. Исключение составляли овцеводческие сальтусы Италии, особенно распространенные на севере Апеннинского полуострова, где на этой сырьевой базе возникли городские центры шерстяной промышленности. Но и их существование было типично лишь для короткого периода — в основном для I в. н. э.

Во II в. повсеместно в империи происходит переход от централизованной латифундии, основанной на труде рабов, к децентрализованной, основанной на труде колонов. В I в. арендаторы-колоны платили за свой надел денежную плату. Это заставляло их продавать часть своей продукции на городском рынке. Доставка продукции на рынок, колебание рыночных цен представляли затруднение для колонов и нередко разоряли их. Поэтому землевладельцы вынуждены были во II в. перевести колонов с денежных взносов на натуральные — в виде доли урожая. Колоны должны были отдавать собственнику земли $\frac{1}{3}$ зерновых, вина, масла и оливок; кроме того, их обязывали по нескольку дней в году работать в собственном хозяйстве землевладельца.

В западных провинциях преобладало частное землевладение. Виллы располагались здесь обычно на земле городов; латифундии же создавались путем расхищения государственных земель и превращались в полную частную собственность их владельцев. Высокопоставленные лица получали от императора иммунитетные грамоты, посредством которых их владения изымались из городского земельного фонда. Такие земли назывались экзимирированными, т. е. изъятыми.

В восточных провинциях существовали обширные имения императора, где основными производителями были жители деревень, обязанные податями и повинностями императорской казне. Земледельцы несли коллективную ответственность за их выплату и

выполнение. Новым для Ближнего Востока было то обстоятельство, что эти люди были лично свободны: в отличие от «царских людей» периода эллинизма они не считались «императорскими людьми»; их юридическое положение не отличалось от положения земледельцев на городских землях. Императорские земли управлялись прокураторами; в общинах существовали свои органы самоуправления. Иногда имение сдавалось крупному арендатору (кондуктору), который собирал подати с колонов и вносил плату за аренду имения прокуратору. Такая система, была особенно распространена в Северной Африке.

В ранней Римской империи повсеместно существовало и мелкое свободное крестьянское землевладение, особенно в придунайских провинциях — Паннонии, Мёзии, Фракии, Дакии. Крестьянство постоянно пополнялось за счет ветеранов, получавших земельные наделы за военную службу. Наделы ветеранам давались на землях муниципиев и сельских общин. Многие ветераны становились мелкими или средними рабовладельцами и пополняли, ряды муниципальной верхушки, руководившей самоуправлением городских общин.

Главной формой организации мелких земледельцев продолжала оставаться сельская община. Например, в западных провинциях имелись такие организации сельского населения, как паги (союзы в территориальных рамках бывших племен) и села (территориальные общины, которые при благоприятных условиях могли превратиться в муниципии). В Италии раннеимператорского времени вся земля была приписана к городам, и поэтому не было независимы пагов и селений. Но в провинциях сохранились свободные крестьянские организации. Особенно много самоуправляющихся сел было в придунайских провинциях. В сельской общине каждый общинник вел свое частное хозяйство силами своей семьи — большой патриархальной или индивидуальной. Пахотная земля делилась на наделы. В одних областях участки пахотной земли еще распределялись по жребию и время от времени производились их переделы; в других уже установилась частная собственность общинников на пахотные наделы. Общинные угодья (леса, пастбища, охотничьи места, водные источники, дороги и т. п.) оставались в коллективном владении всех общинников. В коллективной собственности и совместном владении всей общины могли находиться также различные сооружения, например храмы, оросительные и осушительные устройства, хозяйственный инвентарь, казна, рабы.

Сельские общины разных типов располагались на городских, государственных, императорских и частных землях. В восточных провинциях (Малая Азия, Сирия) в деревнях сохранились земли святилищ, которые обрабатывались общинниками или сдавались им в аренду. Доходы с этих земель находились в распоряжении всей общины. Римляне использовали традиции храмовых деревень: были общины, специально обслуживавшие императорский культ. В восточных провинциях община была основным носителем местных традиций: в деревнях продолжали сохраняться свои деревенские

культы; в ряде районов сохранялись и местные языки (например, фригийский язык как разговорный дожил до III в.).

Любая сельская община, на чьей бы земле она ни размещалась, ведала распределением земли, организовывала совместные ирригационные работы и взаимопомощь, принимала новых членов и наделяла их участками, раскладывала и собирала подати, выставляла рекрутов в отряды местного ополчения, могла освобождать некоторых своих членов от уплаты налогов за ту или иную службу общине.

Новые селения появлялись путем наделения землей ветеранов, а на частных землях — путем наделения участками вольноотпущенников землевладельца. Государство было заинтересовано в существовании общин. С ростом села и расширением его самоуправления свободная община могла превратиться в город — муниципий. Однако следует подчеркнуть, что сельская община в Римской империи и вообще в позднем древнем мире, как правило, уже не была организацией свободных граждан, а все более превращалась в фискальную единицу для подчинения и эксплуатации той части трудящихся, которая не являлась собственно рабами. Наблюдается та же картина, что и на Востоке, например в поздней Ассирии. Напротив, городская община (муниципий) некоторое время все еще оставалась организацией свободных граждан (в том числе и рабовладельцев).

Хотя в I—II вв. н. э. сократилось поступление рабов-военнопленных, общее число рабов в ранней империи не только не уменьшилось, но, по-видимому, возросло, особенно в западных провинциях. В источниках нет данных о нехватке рабов; напротив, многие античные авторы этой поры сетуют, что рабов стало слишком много. Не наблюдалось и вздорожания рабов: цены на них оставались примерно на прежнем уровне.

Применение рабского труда было в основном то же, что и во времена поздней республики, однако начинается процесс постепенного вытеснения рабского труда из общественного производства. Рабы не желали приобретать или проявлять свои технические знания. Господа же боялись обучать рабов слишком многому, хотя это уже требовалось, например, для дальнейшего применения сложной агротехники. Резко падает численность рабской интеллигенции по сравнению с периодом поздней республики.

Развитие товарно-денежных отношений, долгое время стимулировавшее расцвет рабовладельческих хозяйств, не только перестает способствовать существованию рабовладельческого способа производства, но даже начинает превращаться в его тормоз. С середины II в. н. э. в Италии, а несколько позже и в провинциях начинает ощущаться нехватка денег. Развитие производительности рабского труда достигло своего предела: больше из раба уже нельзя было выжать. Е. М. Штаерман особо подчеркивает, что падение производительности рабского труда было не абсолютным, а

относительным: она начала отставать от возросших потребностей общества. Эксплуатация рабов становится все менее выгодной.

В основной отрасли экономики — сельском хозяйстве расширяется применение труда арендаторов-колонов, вольноотпущенников и рабов на пекулии, так называемых квазиколонов, т. е. «как бы колонов». Если ранее пекулий давался только некоторым городским рабам, то теперь господа начинают наделять пекулием и сельских рабов. Новым явлением был и отпуск сельских рабов на волю. Рабский пекулий или имущество сельского вольноотпущенника — это участок земли, скот, инвентарь, посевной материал и т. п. При описи имущества имений рабы с пекулием числились теперь уже отдельно от прочих рабов, которые считались инвентарем имения. Таким образом, рабы с пекулием сближаются с колонами — свободными арендаторами по своему месту в общественном производстве, начинается и перелом в общественном сознании — во взгляде на них. В то же время правовое положение свободных арендаторов-колонов во II в. н. э. начинает явно ухудшаться. Колон попадает в зависимость от землевладельца, наделом которого пользуется. Задолжавшие колоны не имеют права покинуть арендуемый надел, т. е. фактически начинается их прикрепление к земле, которое было завершено в период поздней империи.

Литература:

Неронова В.Д. Социально-политическое и экономическое развитие ранней Римской империи./История Древнего мира. Упадок древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.49-72

Лекция 4: Римское общество в эпоху Ранней империи.

В основе ранней Римской империи как исторического явления лежит противоречие между созданным Римом огромным единым государством и полисным укладом, продолжавшим жить в недрах этого государства. Оба были обусловлены социально-экономической природой античного мира, который, по замечанию Маркса, не строил свое производство «на развязывании и развертывании материальных производительных сил» и состоял из «в сущности бедных наций» (К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 26. Ч. II, с. 587.). На протяжении всей своей истории он в различной мере и форме сохранял черты, естественные для относительно ранней и относительно примитивной стадии общественного развития: земля как основа собственности и состояния; тяготение к натуральному хозяйству, возделываемому трудом «фамилии» и кормящему ее; община, семья и род — вообще принадлежность к целому как условие человеческой полноценности; гражданская община как наиболее естественная и совершенная форма такой целостности; острое ощущение различия между собственно общиной и необщиной, гражданами и негражданами. Город-государство — будь то римская гражданская община или греческий полис — и представлял собой социальную, политическую и культурную форму, неразрывно связанную с таким уровнем развития производительных сил и миропорядком, который этому уровню соответствовал.

Сколько-нибудь значительное историческое развитие поэтому не могло вписаться в тесные рамки полиса, разлагало его, ввергало в жесточайшие кризисы и приводило к периодическому созданию надполисных структур — огромных государственных образований вроде эллинистических монархий; в известном смысле Римская империя представляла собой явление того же порядка. Но ограниченность производительных сил «всех этих в сущности бедных наций» приводила не только к постоянным кризисам полисного мирка, но и к постоянному сохранению гражданской общины как формы, наиболее адекватной обществу с относительно низким уровнем и темпом хозяйственного развития, с вечно присущими ему элементами патриархальности и застоя. В эпоху ранней Римской империи производительные силы рабовладельческого общества достигают своего высшего развития, и поэтому надполисная государственность именно в этот период становится наиболее исторически необходимой и оправданной. Но поэтому же взаимодействие ее с имманентным этому обществу полисным укладом становится предельно напряженным и разрешается крушением всей системы. Ранняя Римская империя — последняя стадия собственно античной истории.

Полюсы описанного противоречия располагались в разных исторических уровнях. Создание и утверждение империи осуществлялось прежде всего военно-политическими мерами и находило себе выражение в эдиктах и законах, походах и усмирениях, интригах и заговорах. Элементы общественной жизни, непосредственно восходящие к общине, образовывали, напротив того, стихию народного бытия и выражались в консервативных формах труда и быта, в традиционных нормах поведения, в сакральной и культовой архаике. Неповторимый облик эпохи связан с этим контрапунктом глубины и поверхности, с сосуществованием стремительных наглядных перемен и едва ощутимых сдвигов в подземных слоях, с внутренней перестройкой последних под влиянием первых.

Задача настоящей лекции будет состоять в том, чтобы рассмотреть оба полюса и их взаимодействие с преимущественным вниманием к той сфере, в которой оно реально протекало,— к повседневной жизни широких масс.

Принципат и община.

Римская действительность эпохи принципата была насыщена пережитками общинного уклада. Подчас то были даже не пережитки, а органические элементы жизни, растворенные в ней воззрения, привычки, традиции. Они находили себе выражение в отношениях собственности, в политике императоров, в нормах общественного поведения.

Деревня (по крайней мере италийская) и в I в. н. э. по-прежнему была не только поселением, но и организацией со своим выборным руководством, своими религиозными верованиями и церемониями. Здесь сохранялись многие пережитки общинной собственности на землю, и имущественная рознь не была столь обнаженной и безжалостной, как в больших городах, приглушалась традициями общинного равенства и солидарности. В списках юношеской коллегии того или иного поселения фигурируют на равных основаниях свободнорожденные крестьяне, рабы, отпущенники и сыновья сенаторов-аристократов. Поместья последних, выделенные из общины, сохраняли с ней связи, судя по тому хотя бы, что владельцы их сооружали на общинной территории святилища для всеобщего пользования. Помощь соседу, чьи посевы или посадки пострадали от стихийных бедствий, считалась обязательной. Жители поселения на общие средства не только возводили хозяйственные постройки, но и устраивали театральные представления, а по торжественным дням — совместные трапезы. Все это постоянно гибло под напором имущественной дифференциации и растущего государственного принуждения, но в то же время и как-то выживало, и постоянно возрождалось — надписи, где содержатся данные о перечисленных особенностях сельских общин, обнаруживаются на протяжении периода от конца республики до конца правления Антонинов.

В городе также основой существования полноправного гражданина, как и некогда, оставалась земля. В собственности такого человека на землю был ряд особенностей, указывавших на живучесть общинных норм и представлений. «Каждый,— писал Цицерон,—владеет как собственным тем, что по природе было общим, и пусть держится того, что у него есть, не пытаясь захватить больше, ибо этим он нарушит законы человеческого общежития». За таким восприятием собственности стояла жизненная практика, закрепленная в юридических актах и этого и последующего периодов. Если человек купил землю, то по римским законам власть его над нею меньше, чем власть того, кто владеет ею по праву наследования, ибо последнее восходит к изначальной, общинной оккупации некогда ничьей земли, а первое — нет. Если человек владеет землей как собственностью, но приобрел ее как бы впрок и не возделывает, он не приносит пользы обществу, и поэтому земля может быть у него отнята. Критерием и санкцией частной собственности на землю продолжает оставаться, таким образом, вложенный в нее труд и извлеченный из нее продукт, т. е. соответствие интересам общины.

Связь принципата в ранний период его существования с доимперскими, традиционными и местными, общественными формами обнаруживалась не только в Риме и Италии, но и в провинциях, в первую очередь западных. Раздел земли после римского завоевания производился здесь таким образом, что известная ее часть оставалась в коллективном владении племени, а это определяло общинные формы ее эксплуатации и укрепляло общину. В провинциях правовые нормы, регулировавшие жизнь общества, не исчерпывались римскими законами; рядом с ними и под ними продолжали жить исконные, сложившиеся в недрах общинного уклада, местные установления. В III в., когда кризис империи обострился до предела, а аппарат подавления ослабел, в некоторых провинциях выступил на поверхность целый ряд этнических особенностей, казалось давным-давно поглощенных романизацией. Законную силу получают завещания, составленные не только по-латински, но и на местных языках; в лагерях легионов звучит туземная речь; в изобразительном искусстве вновь распространяются орнаментальные мотивы и сюжеты доримского времени. Оттесненная от больших городов, в глубине провинций веками продолжала исподволь течь своя история, укорененная в здешней почве и здешней старине.

Императоры последовательно принимали меры, направленные на поддержку общины, прежде всего сельской. Так называемый пастбищный сервитут, т. е. ограничение права частной собственности на землю, используемую членами общины для выпаса скота, появляется именно при империи. Домициан отказался в пользу общин от своего права императора на участки, оставшиеся после распределения земли между ветеранами. На протяжении II в. нежелательность дробления общинной земли становится все более очевидной, и вскоре появляется ряд актов, это подтверждающих. В течение периода ранней империи принимаются также законы,

направленные на поддержку и укрепление среднего и мелкого крестьянства, в частности италийского. Они, разумеется, имели прежде всего экономический смысл, но служили и сохранению социального слоя, бывшего носителем наиболее консервативных сторон староримского мирозерцания, наиболее непосредственно связанного с общинными традициями и формами жизни.

Чем объяснялась такая политика принципсов, главная задача которых состояла, казалось бы, в обратном — в растворении местных, в частности общинных, форм жизни в бесконечности и единообразии империи? Она объяснялась тем, что империя создавалась под руководством Рима и принципсам было важно утвердить римские порядки и римские традиции. В пределах же последних императорам необходимо было противопоставить свой режим хищнической и предельно непопулярной власти сенатской олигархии последних десятилетий республики. «Римским» в этих условиях становилось в первую очередь все патриархально-народное, все, призванное воссоздать и утвердить образ Рима — гражданской общины.

Власть Августа основывалась на военной силе и юридически оформленных полномочиях, но он постоянно и усиленно заботился о том, чтобы в массовом сознании она опиралась на представления иного порядка, лишённые четкого правового содержания, в которых легенда стала народным чувством, а традиция — общественной психологией: власть отца семьи над членами фамилии, право вождя племени вершить суд, круговую поруку, соединявшую полководца и солдат, покровительство патрона клиентам, авторитетность в общественных делах, первое место в списке сенаторов. Императоры вообще изображали свой строй не в виде противоположности гражданской общине и городской республике как ее политической форме, а в виде их продолжения. При них сохранился республиканский аппарат государственного управления. В своем политическом завещании Август писал, что он «вернул свободу республике, угнетенной заговорами и распрями», и что сам он никогда не принимал никаких должностей, «противоречащих обычаям предков». Слова «восстановленная республика» или близкие им по смыслу повторяются на монетах ряда императоров I в. В определенных условиях почти все они подчеркивали, что считают себя не монархами, а гражданами республиканского государства, лишь получившими от сената и народа особенно широкие полномочия. Выше говорилось о том, что полисному миру была органически свойственна противоположность граждан и неграждан, а в пределах са мой общины — собственно граждан и плебса. Императоры I в. проводят ряд мер, направленных на укрепление этого принципа. Август не одобрял широкий отпуск рабов на волю, ограничил права отпущенников, очень скупно даровал римское гражданство. Тиберий запретил чужеземные культы и отказывался признавать правовое значение постановлений, принятых его уполномоченными отпущенниками. При Клавдии были усилены наказания за

сожителство свободных женщин с рабами, так как это открывало последним или их детям возможность войти в число граждан.

Звание патриция, устанавливавшее, хотя и номинально, связь данной семьи с легендарными основателями римской гражданской общины, было окружено величайшим почетом; Август, Клавдий, Веспасиан присваивали его ограниченному кругу самых верных своих сторонников.

Было бы наивно видеть в таком поведении императоров одно лишь «лицемерие». Дело тут было не в лицемерии. Уходящая в глубь гражданской общины вековая вязь традиций, верований, полусознанных убеждений и укоренившихся навыков так плотно охватывала жизнь, что первые императоры видели свою задачу не в том, чтобы ее порвать, а в том, чтобы вратить в нее создаваемый ими режим.

«Связь между людьми, принадлежащими к одной и той же гражданской общине,— писал Цицерон,— особенно крепка, поскольку сограждан объединяет многое: форум, святилища, портики, улицы, законы, права и обязанности, совместно принимаемые решения, участие в выборах, а сверх всего этого еще и привычки, дружеские и родственные связи, дела, предпринимаемые сообща, и выгоды, из них проистекающие». Здесь дана сводка тех черт, в которых проявлялись традиции былой солидарности членов гражданской общины. Нам остается проиллюстрировать их материалом, показывающим, что они сохранились на протяжении по крайней мере еще двух столетий, что они были крепкими и всеобщими, что, используя их, принципсы лишь доказывали, как хорошо они понимали свое время.

Форумы, святилища и портики были, по свидетельству Марциала, теми местами, где постоянно собирались люди, рождались слухи, передавались новости. Жизнь римлянина включала в себя огромное количество обрядов и церемоний, участие в которых представлялось обязательным, и протекали такие церемонии чаще всего на форуме, в портиках, на улицах. Подобный характер общественной жизни делал людей особенно чувствительными к оформлению постоянно их окружавшей материально-пространственной среды города, и вкладывание частных средств в ее усовершенствование, в создание и украшение общественных сооружений остается вплоть до середины II в. повсеместной формой выражения чувств гражданина к гражданской общине. «По побуждению Августа самые видные мужи старались украшать город»,— пишет историк I в. Веллей Патеркул. В Риме это обыкновение вскоре вывелось, но в городах Италии и провинций удержалось еще надолго. В своем родном Комуме, на севере Италии, Плиний Младший отстроил в 90-х годах I в. библиотеку, а несколько раньше его отец — храм. Сенатор Юлий Цельз Полемеан, родом из Эфеса в Малой Азии, в начале II в. соорудил знаменитую в древности эфесскую библиотеку. Император Элий Адриан подарил испанскому

городу Италике, откуда происходила его семья, множество роскошных зданий.

Улица в Риме была не столько артерией, соединяющей два района, сколько сама представляла собой район, русло, в которое впадали прилегающие улочки и вместе с которыми она образовывала микрораселение, городок в городе. Такое микрораселение еще и в эпоху ранней империи имело свое летосчисление, в котором год обозначался по имени его главы — так называемого магистра. Последнего сопровождали два ликтора, чьи фасцы напоминали всем о праве вождя распоряжаться жизнью и смертью соплеменников. Два раза в год, 1 мая и 1 августа, квартал торжественно отмечал праздники своих богов-покровителей. Новая, имперская действительность была здесь сплавлена с бесчисленными пережитками седой старины, с тем же духом дробности, стяжения жизни в мельчайшие самостоятельные ячейки, который был присущ всему античному миру и постоянно жил в его глубинах.

Святынища в городах империи существовали самые разные, но особенно важное значение имели религиозные представления, связанные с отдельными кварталами города. В основе их лежало почитание ларов — местный, интимный культ, объединявший мелкий люд квартала. Такие лары были покровителями отдельных улиц и почитались на их перекрестках. Святынища этих культов оформлялись по-разному, но всегда незатейливо. В лучшем случае это были часовенки — тесные, открытые на улицу комнатки частного дома, где умещались лишь каменная скамья, алтарь и ниша с изображением ларов и гения-покровителя хозяина; иногда — просто ниша, куда складывались жертвенные дары, а чаще — маленькие алтари, вделанные в стену дома или прислоненные к ней, с нарисованными рядом змеями или с изображением жертвоприносителей.

Совместно принимаемые решения были особенностью жизни римлян, просуществовавшей всю тысячу лет их истории. Обыкновенно это полностью сохраняло свою силу и в I и во II вв. н. э. Ни один человек, от императора до крестьянина, не принимал сколько-нибудь серьезного решения единолично. Советовались обо всем — продолжать ли лечиться или, если болезнь неизлечима, покончить с собой; женить ли сына или пока лучше воздержаться; приветствовать ли очередного императора или сохранить верность старому. Архитектор Витрувий в начале I в. писал, что, проектируя большие дома, необходимо предусматривать специальные комнаты для совещаний с друзьями. Состав друзей, с которыми надлежало советоваться, был разнообразен, но преобладали среди них земляки. Дружеские и родственные связи, о которых говорит Цицерон, были главным образом местными; их сила и крепость показывают живучесть территориальной организации и ее общинных черт, которые продолжали пронизывать всю государственную систему. Эти связи обуславливали продвижение человека по службе и его политическую ориентацию. «Ты мой земляк,— писал в самом конце I в. н. э. одному

из своих корреспондентов Плиний Младший,— мы вместе учились и с детства жили вместе; отец твой был другом и матери моей, и моему дяде... Все это важные и веские причины, чтобы мне заботиться о твоём общественном положении». Группировки земляков представляли собой политические союзы, игравшие важную роль в общественной жизни Рима. Они вырастали из родовых, семейных, местных связей, из общности хозяйственных интересов и делали политическую жизнь их непосредственным продолжением. Эволюция принципата на протяжении I в. шла по линии замены родственных и местных связей более формальными, деловыми и служебными, но Веспасиан еще предпочитал замещать ключевые государственные должности своими сыновьями и родственниками, а Адриан никогда не стал бы принцепсом, не будь он земляком и свойственником Траяна. Существует точка зрения, согласно которой наиболее активная группа противников Нерона и Флавиев в сенате — Тразея, Гельвидии, Рустик, о которых так много и ярко рассказывает Тацит, представляла собой не что иное, как союз сенаторов из Патавия и прилегающих городов, связанных общностью происхождения, соседством имений, родственными отношениями.

Жизнь людей в империи не обособилась от своего неторопливого — натурально-хозяйственного, общинного, полисного, местного — прошлого. На протяжении всей эпохи именно оно образовывало атмосферу и фон их существования.

Pax Romana.

Все сказанное выше составляло лишь одну сторону дела. Непосредственной предпосылкой возникновения принципата явился кризис полиса, вызванный несоответствием его политического механизма изменившемуся характеру Римской державы. Главной целью политики принцепсов было устранение такого несоответствия. Суть ее выражалась в формуле *pax Romana*.

В первом своем значении слово *pax* выражает «мир» как противоположность *bellum*—«войне». Императоры с самого начала подчеркивали, что целью их политики является не столько покорение новых территорий, сколько освоение и романизация уже занятых, отказ от грандиозных и непрерывных завоевательных походов республиканского времени. Двери храма Януса, которые по римскому обряду полагалось держать открытыми, пока государство находится в состоянии войны, и которые стояли распахнутыми более двухсот лет, при Августе закрывались трижды. Август отстроил грандиозный Алтарь Мира, и, явно подражая ему, соорудил свой Форум Мира Веспасиан. Монеты с легендой «мир», «Августов мир», «мир во всем мире» представлены многочисленными сериями на протяжении всего I века. Связь принципата с идеей мира подчеркивали римские историки самых разных направлений — от Веллея Патеркула до Тацита.

Политика отказа от новых широких завоеваний была обусловлена объективно: захват новых рабов и богатств перестал быть условием развития римской экономики; империя достигла предельных размеров, и дальнейшее ее расширение могло оказаться несовместимым с самим принципом управления из единого центра; рост завоеваний предполагал рост и усиление армии, которые империя могла не выдержать ни экономически, ни политически; между римским и внеримским миром установилось то равновесие сил, нарушать которое было нецелесообразно и — как показал парфянский поход Траяна — чрезвычайно опасно. Поэтому политика *пакс Романа*, несмотря на ряд более или менее значительных походов и почти непрерывные боевые действия на границах, в общем оставалась стабильной и осуществлялась успешно — для большинства областей Римской державы период от рубежа нашей эры до середины II в. действительно представляется эпохой мира.

Но кроме «войны» понятию *пакс* могло противопоставляться и еще одно — *discordia* — «вражда, распря, смута». В эпоху кризиса республики социальные и общественно-политические противоречия в Риме обострились до предела и превратили государство в арену борьбы знатных родов, соперничества сенатских кланов, междоусобных войн. Обеспечение «гражданского мира» было главным лозунгом Августа в его борьбе за власть, и созданный им строй оказался столь прочен еще и потому, что он удовлетворил эту общую потребность. В основе Августова «умиротворения» лежал принцип личной диктатуры императора, призванного не столько учитывать интересы той или иной местной группы, сколько обеспечивать развитие империи в целом. На практике такое «умиротворение» означало широко и глубоко проведенную монополизацию политических решений принцепсом и его ближайшим окружением и соответственно отделение народа от политики, переставшей быть близким и жизненно важным для него делом. Как следствие этого центром сопротивления императорскому «умиротворению» явились общественные группы, сам смысл существования которых состоял в политическом руководстве, т. е. раньше всего сенаторы; и реализация политики *пакс Романа* потребовала осторожного, но неуклонного ограничения роли сената и постепенного создания внесенатского аппарата управления империей.

На первых порах императоры пытались создать такой аппарат из своих вольноотпущенников. При Тиберии, а особенно при Клавдии и Нероне эти люди много сделали для налаживания имперской администрации, независимой от сенатских страстей и интриг. Из них состоял своеобразный «кабинет министров» при императоре, где каждый отпущенник руководил отдельным ведомством — финансами, прошениями, деловой перепиской и пр., из них же комплектовался штат каждого такого ведомства — помощники, поверенные, писцы, счетоводы. Уже очень рано, однако, рядом с внесенатской отпущеннической администрацией начинает складываться внесенатская администрация из всадников. Август назначил в каждую провинцию помимо наместника из сенаторов так называемого

прокуратора из всадников. Задача его состояла в сборе налогов в императорскую казну — фиск, но в не меньшей степени и в наблюдении за наместником вплоть до — если понадобится — его устранения. Соответственно прокураторы чаще всего находились с наместниками в лютой вражде, которая вызывалась разницей в их происхождении, традициях, психологическом облике. Наместником, как правило, был пожилой или средних лет сенатор, в I в. н. э. еще обычно из старого римского рода, относившийся к императору опасливо и настороженно, выше всего ставивший свои привилегии и независимость и ненавидящий самую мысль о том, чтобы стать винтиком в безликой государственной машине. Прокуратором почти всегда — провинциал, десятилетиями тянувший ляжку в легионах, дослужившийся до средних командных должностей, после демобилизации, уже старым человеком, получивший прокуратуру (и солидное жалованье) прямо от императора и ответственный только перед ним, не привыкший иметь собственное мнение по вопросам, его не касающимся, готовый выполнить любой приказ своего государя. Люди этого последнего типа столь же явно подходили для создания единого, чуждого всему местному и традиционному аппарата управления империей, сколь люди первого типа были для него малопригодны.

На протяжении I и начала II в. прокураторская администрация складывается, упорядочивается, растет вширь и вглубь. При Августе прокураторов было 25, при Веспасиане уже 55. В 53 г. Клавдий приравнял прокураторов к магистратам и дал им право юрисдикции и военного командования. В 69 г. Вителлий (Вителлий — один из недолго правивших императоров периода гражданской войны 68—69 гг.) стал замещать всадниками также и те посты в имперской администрации, которые до тех пор занимали отпущенники. Полувеком позже Адриан дополнил и развил эти меры. Внесенатская администрация становилась единой системой государственного управления.

В главную политическую формулу ранней империи входило кроме слова *рах* и другое — *Romana*. Оно означало прежде всего, что земли, образующие империю, — «римские», т. е. находятся в прямом подчинении Риму, управляющему ими на основе военной силы. Но вместе с тем слово *Romana* передавало и то общее качество, которое на протяжении эпохи принципата постепенно приобретали все земли империи в результате романизации.

Забота о превращении империи в единообразную систему пронизывает деятельность римской администрации на протяжении всей эпохи. Империя организована вокруг единого центра — Рима. Рим разделен на 14 районов; во главе каждого — свой прокуратор; все прокураторы подчинены префекту столицы; в его руках когорты городской стражи, пожарники, тайные агенты, которые вместе обеспечивают беспрекословное выполнение его указаний. В империи множество городов, каждому из которых подчинена определенная территория с определенным населением — как Риму вся империя.

Города делятся на разряды. Есть колонии, с самого начала заселенные полноправными римскими гражданами; есть муниципии, в провинциях обычно существовавшие до прихода римлян и лишь постепенно добивавшиеся гражданского полноправия. Повторяя деление Рима на районы, империя делится на провинции. Во главе каждой из них стоит римская администрация, которая обеспечивает сбор налогов, контролирует выполнение законов, следит за денежно-финансовым положением, строит дороги и города. Деньги, дороги, градостроительство—все направлено к единой цели: созданию механизма, стирающего местную самостоятельность и подчиняющего жизнь, господству римлян.

Трудно представить себе то бесконечное многообразие монет и денежных систем, которое царило в отдельных областях средиземноморского мира в доримскую эпоху. С установлением империи города и области, сохранившие право на собственные эмиссии, чеканят только медную монету местного обращения. Над этими многообразными, Местными и потому в массовом сознании не совсем полноценными деньгами стоят единственные подлинные, всеобщие деньги: римский серебряный сестерций, серебряный денарий (4 сестерция), золотой аурес (100 сестерциев).

Право на их чеканку — монополия императора, и его изображение всегда и всюду украшает их лицевую сторону. Содержание благородных металлов в них на протяжении описываемого периода до середины II в. меняется мало, и люди воспринимают их как единый и неизменный эталон ценности. Зримо и конкретно воплощают они единство жизни в империи — сделки с уплатой в денариях засвидетельствованы документами из самых отдаленных уголков Сирии и Испании, Италии и Дакии.

Столь же простым и непреложным выражением единства империи и постоянной взаимосвязи всех ее частей были знаменитые римские дороги. Общая протяженность их составляет 150 тыс. км (при расстоянии между крайними точками империи 5 тыс. км), и все они как бы расходятся от единого центра— позолоченного дорожного столба, расположенного в северо-западном углу римского форума. Построены дороги одинаково — на основании из больших каменных плит лежит толстый слой гравия, косо поставленные боковые плиты образуют кювет. Они имеют примерно одинаковую ширину — 4—5 м; одинаково оформлены — дорожными столбами с указанием имени императора, года его правления, в который столб был установлен, расстояния до ближайшего города; служат единой цели — максимально быстрой переброске войск, товаров, почты; подчинены единому режиму эксплуатации — размещенные вдоль них станции по стандартно оформленным подорожным предоставляют государственным чиновникам и курьерам лошадей и носилки. Такие дороги вызваны практической необходимостью, но есть в них и некоторое символическое значение: проложенные раз и навсегда, неподвластные времени (многие из них используются до сих пор),

идушие через горы, реки, болота, пустыни, они завершают и скрепляют завоевание, накладывают на пеструю аморфность этнографии и природы каркас и контур империи. Римляне долго пытались покорить воинственные племена лигуров, населявших приальпийские территории на северо-западе Италии и востоке Галлии; сочтя, что покорение лигуров наконец завершено, Август в 7 г. н. э. проложил через их земли дорогу, которую назвал «Юлиевой — Августовой» и где установил трофей — символ завоевания. Юго-восточная граница римских владений стала считаться окончательной лишь со 137 г., когда по северному берегу Красного моря прошла 800-километровая Адрианова дорога.

Основание новых городов было самой массовой и самой радикальной формой романизации. Число городов в империи составляло несколько десятков тысяч, в одной Италии при Флавиях их было 1200. Непрерывно возрастающее городское население достигало цифр по античным масштабам огромных: в Риме жило никак не менее миллиона человек, в Карфагене к концу II в. — 700 тыс., в Александрии — 300 тыс. уже на рубеже нашей эры, в Антиохии эта последняя цифра должна была быть превзойдена к концу I в., население Эфеса составляло 225 тыс. человек, Пергама — 200 тыс., в Великой Галлии существовало не менее 15 городов с населением от 40 тыс. до 200 тыс. человек.

Формы урбанизации отличались значительным многообразием. Одной из самых распространенных во все времена было выведение колоний ветеранов, превращавшихся позже в такие значительные города, как Лугдунум (Лион), Агриппинова колония (Кельн), Колония тревиров (Трир), Эмерита Августа (Мерида). Наряду с этими новыми городами бурно развивались, притягивая массы пришлого населения, древние культурные центры, сложившиеся задолго до римского завоевания, вроде Массилии в Галлии (Марсель), Гадеса в Испании (Кадис), Милета в Малой Азии. Города возникали естественно, из разросшихся небольших селений или из поселков, складывавшихся вокруг лагерей легионов, а также создавались искусственно — закладывались наместниками и полководцами в честь императора. Достаточно взглянуть на карту империи и обратить внимание на многочисленные города, в названиях которых фигурируют слова Августа, Флавия, Ульпия, Элия, чтобы в этом убедиться.

Формы муниципализации были многообразны, сущность ее одна. В городах концентрировались наиболее зажиточные и влиятельные люди из местных народов и племен. Раздача прав римского гражданства и других привилегий привлекала их на сторону империи, открывала пути продвижения и карьеры, сливалась с местными римлянами. В силу своего положения эти люди образовывали социальную базу раннего принципата, резерв местной администрации, низших и средних командных кадров армии. Город представлял собой четко организованную местную общественную структуру, включенную в столь же четкую всеобщую структуру империи. Если в городах

Востока с их вековыми традициями положение это осложнялось многими обстоятельствами, то в западной половине империи оно реализовалось совершенно ясно. Во главе города стоял сенат, избиравшийся из местных богачей собранием граждан, воспроизводивший в местном масштабе сенат римский. Подобием римских консулов были два дуовира, возглавлявшие исполнительную власть в городе, тогда как местные эдилы, ответственные за порядок и снабжение, и местные квесторы, ведавшие хозяйственными вопросами и сбором налогов, копировали соответствующих римских магистратов.

Завершением и самым непосредственным воплощением муниципального единства огромной империи были те специфические для этой эпохи общие формы, которые принимали градостроительство, быт, повседневная жизнь. Здесь опять-таки города, сосредоточенные в Греции и на востоке империи, нередко сохраняли свою индивидуальность, до подавляющее большинство их в западных провинциях, как и в Италии, обнаруживает множество общих черт. План города в целом совпадает с планом римского военного лагеря: одна главная магистраль пересекает его с севера на юг, другая — с запада на восток; в пределах образованных ими квадратов — более мелкие квадраты кварталов; у перекрестка основных магистралей расположена центральная площадь — форум. По периметру прямоугольного форума почти всегда размещаются общественные здания — базилика, курия, храмы, вся площадь окружена портиком, проход на нее оформлен одними или несколькими воротами. Неподалеку от форума возведены сооружения, предназначенные для зрелищ, — амфитеатр для гладиаторских боев и травли диких зверей, цирк, где происходят ристания, театр. Близ форума находятся и бани, без которых римляне, а вслед за ними и провинциалы не мыслили себе жизни. «В банях жизнь тратится, да без них ее и нет», — говорилось в одном популярном стихе. Наконец, жилые кварталы, занятые многоквартирными инсулами или особняками, которые при всех местных отличиях также обнаруживают множество общих черт. Больше всего поражает массовость, вездесущность этого римского уклада жизни. Между современными Тулузой и Бордо, например, лежит группа мелких городков, сравнительно недавно раскопанных французскими археологами. В римские времена то было глухое галльское захолустье, и тем не менее почти в каждом из них обнаруживаются водопроводы, бани, базилики и форумы, декоративные мозаики, статуи на площадях и произведения местного искусства в жилых домах.

Отсутствие опустошительных войн на протяжении жизни многих поколений, постепенное укрепление правовых норм, налаживание ответственного аппарата управления, установление торговых связей между отдаленными районами империи, интенсификация и изощрение ремесленного производства, распространение цивилизации — все это сообщало ранней римской империи определенное положительное историческое содержание. Pax Romana была жизненной реальностью,

оправдывала себя, приносила плоды — по крайней мере до середины II в.

Бремя империи.

Тенденция к членению жизни на относительно замкнутые ячейки — общинные, полисные, племенные — была обусловлена объективно уровнем развития производительных сил. Производство в древнем мире консервативное, в большей мере ориентированное на обмен и потребление, чем на самообновление, не заинтересованное в использовании данных науки, не знающее подлинного технического прогресса, с экстенсивным ростом рынков, преобладающим над интенсивным, могло быть расширенным лишь в ограниченной степени — достаточной для выживания и развития сравнительно небольших и замкнутых коллективов с относительно простой и укорененной в производстве военно-политической надстройкой, но недостаточной для существования больших единых государств со сложным и разветвленным аппаратом управления, профессиональной армией, с обособившимися от непосредственного участия в производстве огромными контингентами людей, занятых в бюрократии, судопроизводстве, культе и культуре. Под влиянием условий, рассмотренных в начале нашей лекции, такие обширные государственные образования периодически возникали и под влиянием обстоятельств, описанных только что, столь же периодически рассыпались. Тяготение к дробности, к человеческой конкретности хозяйственной, политической и духовной жизни, к сохранению семейно-родовых, общинных, полисных связей и обязательств было не проявлением чьей-то ретроградной воли, а инстинктом самосохранения тогдашнего человечества. Поэтому, хотя ранняя римская империя с ее всеобщностью и единообразием обеспечила народам, в нее включенным, определенный хозяйственный прогресс и избавила их от истребительных междоусобных войн, тем не менее в той мере, в какой она несла с собой разрушение этого непреложного органического принципа бытия, она была неотделима от массового постоянного насилия и от ощущения ее враждебной противоестественности.

Империя состояла из покоренных стран, превращенных в провинции. Тот факт, что это завоеванные области, не забывался ни на мгновение. После установления римской власти лучшая земля изымалась в пользу победителей. Как это делалось, ясно видно, например, из недавно обнаруженного земельного кадастра владений г. Араузиона в Галлии. План указывает на разделение всей территории — около 700 кв. км — на равные прямоугольники по 200 югеров, или 50 га, каждый; такой прямоугольник состоял из одного или нескольких участков. Лучшая земля принадлежала ветеранам; та, которую они не смогли или не захотели освоить, отдавалась галлам; обрезки после этого геометрического разделения предоставлялись общине, в свою очередь сдававшей их в аренду. Колония, основанная

при Августе, пополнялась ветеранами на протяжении всего I века н. э., т. е. конфискация земель местных жителей продолжалась. Раз земля больше не являлась собственностью провинциала, то за пользование ею он должен был платить ее подлинным хозяевам, римлянам, прямой налог — деньгами, а чаще — плодами этой же земли. Единый для всей империи налог дополнялся налогами косвенными, также общими для большинства провинций: 1% на товары, продаваемые внутри провинции, 2,5% на товары, ввозимые в провинцию или вывозимые из нее, 5% на наследство, 5% за отпуск раба на волю.

В зависимости от отношения к римлянам в период завоевания города новообразованных провинций получили тот или иной статус: союзных Риму, свободных, податных, и так же иерархически строились категории личного гражданства. Принадлежность города или человека к той или иной из этих категорий могла меняться по решению римских властей. Это создавало постоянную зависимость провинциалов не столько от закона, сколько от данного представителя римской власти, что, в свою очередь, порождало скрытые и явные подкупы, интриги, подхалимство, доносы. Непрерывные и подчас совершенно произвольные изменения статуса городов были излюбленной римлянами формой укрепления их господства в Греции. Взятничество и произвол наместников и их подчиненных отмечаются на протяжении I в. многократно. В таких случаях провинциалы имели право привлечь наместника после завершения им своей магистратуры к суду. В 57 г., например, в сенате слушалось несколько таких дел, дающих ясное представление об их характере и обычном исходе. Провинция Азия предъявила ряд обвинений своему бывшему наместнику Публию Целеру, настолько обоснованных, что опровергнуть их было невозможно. Но Целер незадолго перед тем оказал ряд важных услуг Нерону и его матери — принцепс сумел так затянуть процесс, что обвиняемый, бывший уже в весьма пожилом возрасте, умер до осуждения и сохранил тем самым семейное имя незапятнанным, а награбленное состояние нетронутым. От Эприя Марцелла жители Ликии добивались возмещения незаконно присвоенных им сумм. Однако, как пишет Тацит, «давление покровительствовавших ему оказалось столь могущественным, что некоторые из его обвинителей были наказаны ссылкой, как вознамерившиеся погубить ни в чем не повинного человека». Такое положение не было исключительным — оно сильно выправилось при Домициане, но начало правления Траяна вновь ознаменовано несколькими скандальными процессами того же рода.

Подчеркивание военного характера оккупации неизменно было направлено на унижение племенной или полисной гордости доримского населения. В Южной Галлии над морем на упоминавшейся уже оживлённой Юлиевой — Августовой дороге высился 40-метровый трофей с надписями, где перечислялись «усмиренные» Августом местные племена; в Пиренеях стояла огромная статуя покоренной Галлии; в Араузионе на триумфальной арке были воспроизведены в

камне отрезанные головы побежденных галлов. Немедленно после оккупации римляне или уничтожали старые племенные центры, или переводили их на равнину, где они оказывались беззащитными. Города умирали мучительно и долго — в Герговии, центре могучего племенного союза арвернов, замененном сразу после освоения Галлии галло-римским городом Августонеметом, следы местного ремесленного производства обнаруживаются еще в конце правления Тиберия.

Та же тенденция проявлялась и во многих мерах, проводившихся римлянами по административно-политической и социальной организации империи. В Галлии они осуществляли своеобразную перетасовку племен, расчлняя их слишком большие, на взгляд завоевателей, и потому опасные, исторически сложившиеся союзы и, напротив, сливая мелкие племена, издавна существовавшие раздельно, в единые административные единицы. В малоазийских провинциях учреждались судебные округа, полностью игнорировавшие бывшее политическое и этническое разделение. С приходом римлян здесь начинался распад прежней системы гражданских статусов: храмовые рабы нередко превращались в рабочих — уже не рабов, но еще не граждан; из жреческих семей, некогда хранивших секреты местного производства, выходят ремесленники, использующие эти секреты для личного обогащения. В городах Греции и Азии с начала II в. начинают назначаться особые римские «кураторы». Задача их состояла в том, чтобы, взимая значительные штрафы, ограничивать непроизводительные расходы полисов и подчинять их общеимперской финансовой политике. Но именно потому, что она была ориентирована на интересы империи в целом, деятельность кураторов приводила к принижению инициативы и роли местных властей и воспринималась как форма гнета, вызывавшего раздражение и протест. Сохранилась любопытная надпись из г. Апамеи во Фригии, где жители с ликованием сообщают, что город получил в дар крупную сумму и на проценты с нее сможет выплачивать ежегодные штрафы в императорскую казну, «так что впредь не будет больше кураторов согласно постановлению полиса во веки веков». Та же реакция на римскую политику унификации видна в том, что свое куцее право чеканки мелкой медной монеты греческие города используют для прославления своих героев, своих святынь. На монетах Эфеса видны изображения архаической Артемиды Эфесской, на монетах Книда — шедевр Праксителя Афродита Книдская, на монетах Самоса — Пифагор, Коса — Гиппократ, Приены — Биант.

Разрушительно действовало на общественную структуру в провинциях, особенно восточных, римское обыкновение опираться на местную аристократию и богачей, что приводило к удвоению гнета, ложившегося на плечи неимущих, обостряло социальные противоречия, окончательно уничтожало бывшую полисную и общинную солидарность. До нас дошли сведения о том, какую ненависть неимущих сограждан вызвал, например, философ и оратор Дион Хрисостом, близкий римлянам, входивший в окружение Веспасиана, Тита, Нервы, в своем родном городе Прусе в Малой Азии.

Несмотря на богатство малоазийских провинций, в них с конца I в. отмечаются многочисленные голодные бунты; ненависть сограждан к Диону проявилась как раз во время одного из них. Несколькими годами позже начался голод в соседней Апамее; в Аспенде, в Памфилии, богачи прятали зерно, чтобы вздуть на него цену, и это неоднократно приводило к волнениям. Социальные конфликты раздирали Смирну, где, как сообщают источники, дело дошло до подлинной войны между «верхним городом», районом богачей, поддерживаемых римлянами, и «людьми с побережья», т. е. рыбаками и ремесленниками; такая же вражда разделяла жителей г. Тарса, в Киликии.

В описанных условиях римская власть не могла не вызывая протест со стороны постоянных живых сил общества, связанных исконными и неизбежными формами общественной организации.

Поверхность империи все время сотрясается от глухих подземных ударов, редко достигавших очень большой силы, не слишком частых, но сливающихся в постоянный, ясно различимый гул.

Восстания в провинциях отмечаются на протяжении всей эпохи ранней империи. Напомним лишь о самых крупных: Галлия — в 21, 69, 70 гг.; Британия — в 50, 61 гг.; Иудея — грандиозная война 66—73 гг. и не менее грандиозное восстание Бар Кохбы в 132—135 гг. Во всех случаях явно заметно стремление защититься от римской унификации, отстоять право быть самими собой и жить по своим представлениям и обычаям. В движении Марикка (Галлия, 69 г.), судя по тому, как оно описано у Тацита, моменты идеологические и социально-психологические преобладали над собственно практическими. Лозунги свободы и галльского самоуправления были основными в начавшемся почти одновременно, но гораздо более широком движении Классика (Галлия, 70 г.). Иудеи относительно спокойно терпели римское господство, пока Гай Калигула не приказал установить в главной святыне народа свое изображение — тогда началась серия восстаний, не затихавших до 135 г.

Разумеется, идеологические моменты нигде и никогда не существовали в изоляции от моментов социально-экономических — практических и непосредственно жизненных. Разрушение римлянами местных традиций и норм выступало обычно как многосторонний процесс, в котором тяжесть взимаемых империей налогов, произвол и алчность чиновников, колонистов, торговцев, оскорбительное пренебрежение к исторически сложившимся местным верованиям и убеждениям сливались в единое ощущение бремени империи, нестерпимого и морально и материально. Именно так (в вольном изложении древнего историка) говорил о римлянах вождь восставших британцев, обращаясь к своему народу перед решительным сражением у горы Гравпий в 83 г. «Расхитителям всего мира, им уже мало земли: опустошив ее, они теперь рыщут по морю; если враг богат — они алчны; если беден — спесивы, и ни Восток, ни Запад их

не насытят; они единственные, кто с одинаковой страстью жаждут помыкать и богатством и нищетой; отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовется господством, и, создав пустыню, они говорят, что принесли мир. Природа устроила так, что самое дорогое для каждого — его дети и родные; но их у нас отнимают наборами в войско, чтобы превратить в рабов где-нибудь на чужбине, а нашим женам и сестрам и тогда, когда они избегли насилия, враги приносят бесчестье, присваивая себе имя наших друзей и гостей. А между тем имущество и богатства британцев уничтожаются податями, ежегодные урожаи — обязательными поставками хлеба, самые силы телесные — дорогами, которые они своими руками, осыпаясь побоями и поношениями, прокладывают сквозь леса и болота».

Чем разветвленное, чем отдаленней от всего местного и особенного становилось римское государство, тем более делалось оно громоздким и дорогостоящим, тем больше оно должно было извлекать из населения и тем меньше могло ему вернуть. Империя, огромная и единая, с ее бюрократией, финансами, дорогами, муниципальной организацией, с ее форумами и амфитеатрами, оказывалась все менее по силам и по средствам этому обществу, еще прикованному к ограниченным, замкнутым и местным, формам производства, обмена, жизни, и приходила во все углубляющееся противоречие с ними.

Изменения в социальной структуре.

Рим и покоренные им народы находились не только в противоречии друг с другом. Постепенно в их отношениях все большую роль играют взаимодействие, взаимовлияние и, наконец, взаимопроникновение.

Между рабами и свободными во времена расцвета республики существовала пропасть. Свободный пользовался всей полнотой гражданских прав или мог ее добиваться, раб не обладал ни одним из них. С первых же десятилетий империи это положение начинает меняться. С одной стороны, Август, а за ним и последующие принцепсы, осуществляя политику укрепления традиций гражданской общины и старых рабовладельческих порядков, принимают меры к ужесточению рабского статуса. К ним относятся Силанов сенатус-консульт 10 г. н. э., подтвержденный при Нероне, о казни всех рабов, находившихся вместе с господином под одной кровлей или в путешествии, в случае убийства кем-либо их господина, законы о казни рабов, проникших на военную службу, законы последних Антонинов о преследовании беглых рабов и т. п. С другой стороны, в порядке унификации империи принцепсы стремятся подчинить рабовладельцев общим правовым нормам и тем самым ограничить бесконтрольное использование ими рабов. В обоих случаях раб становится объектом закона, и положение его определял уже не полностью хозяин, а в растущей мере и государственная власть. При республике раб принадлежал фамилии как ее инвентарь; только она образовывала его мир и его общество; членом государственно-правовой структуры он не являлся. Теперь в качестве объекта закона,

благоприятного для них или направленного против них, рабы так или иначе втягиваются в общество.

Введение раба в систему общественных связей начиналось с того, что он включался в имущественные отношения. Его пекулий, в принципе считавшийся безусловной собственностью господина, открывал тем не менее перед рабом ряд возможностей накопления денег, а к концу рассматриваемой эпохи появляются и законы, защищающие пекулий от чрезмерных претензий хозяина. Раб теперь мог приобретать своих рабов; в этом случае он назывался ординарием, а его рабы — викариями, и собственность господина, которому принадлежал раб-ординарий, на викариев последнего не была ни прямой, ни безусловной. Признавая собственность рабов, законы мало-помалу начинают признавать и их семьи, оговаривая возможные случаи сохранения рабом приданого сожительницы, недопустимость продажи в разные руки детей и родителей, распространяя на раба ответственность за отцеубийство.

Сходную эволюцию переживают и отпущенники. Принципы усиленно и постоянно заботятся об ограждении гражданских общин от проникновения в них вчерашних рабов. При Августе принимаются законы, ограничивающие отпуск рабов на волю и расширяющие права патронов на имущество отпущенников; Клавдий карал тех из них, кто пытался окружить себя не подобавшим их сословию престижем; при Антонинах отработкам, которыми отпущенник был обязан патрону, придается форма своеобразного денежного оброка. Но, как и в случае с рабами, меры эти оказывались в противоречии с тенденцией, более соответствовавшей общему ходу исторического развития.

Рабов и отпущенников в Риме всегда было много, но с начала империи их количество начинает придавать всему обществу иное, новое качество. Интересные данные об этом процессе можно найти в сохранившемся большом отрывке из бытового сатирического романа, созданного в середине I в. н. э. римским писателем Петронием и известного под названием «Сатирикон». Действие в этом отрывке происходит в городках Южной Италии, а центральный эпизод составляет пир в доме местного богача Тримальхиона — хотя и шаржированная, но в деталях вполне реалистическая зарисовка римской провинциальной жизни середины I в. Из этого описания встает целый мир отпущенников. Как отпущенный на волю раб начинал свою карьеру сам хозяин дома, ныне архимиллионер, занимающий почетные должности в своем городе. Отпущенники составляют добрую часть его приглашенных, и в пиршественном зале для них отведены особые постоянные места. Они чувствуют себя уверенно не только в своем кругу, но и при встрече с людьми из господствующих общественных слоев — один из них обрушивается с резкими нападками на римского всадника. Их уверенность в себе основана на том, что почти все они выбились из нищеты, обрели положение, даже власть. Отпущенник — казначей Тримальхиона имеет своих клиентов, носит платье, окрашенное тирским пурпуром,

помыкает рабами. Он не одинок — из рассказов гостей мы узнаем о семьях обычных торговцев, где также всем правят отпущенники. Противоположного общественного полюса — двора, сената — Петроний не касается. О нем рассказывают другие источники, но картина остается сходной. Политику Клавдия делают его отпущенники; Нерон, уезжая в Грецию, оставляет править Римом своего отпущенника Гелия; при Вителлии огромная власть сосредоточивается в руках его отпущенника Икела; в большой степени из отпущенников состоит римская интеллигенция — от секретаря и биографа Цицерона, Тирона, до философа и наставника римского аристократического юношества Эпиктета. Древние видели в Риме Антонинов «империю отпущенников», современные исследователи той же эпохи утверждают, что «большинство римского населения было потомством рабов».

Отпущенник, как и раб, в принципе 'не мог быть по происхождению римлянином и почти никогда не мог быть италиком. Нарушение статусных делений имело своим следствием космополитизацию римского общества: три четверти отпущенников этой поры, известных по надписям, имеют нелатинские имена. В том же направлении действовали другие, более общие причины — политика *раh Romana*, муниципализация, развитие общеимперского торгового обмена. На могильных надписях г. Рима времени ранней империи 75% имен неиталийского происхождения, в Медиолане, Патавии, Беневенте их больше 50%, даже в маленьких городках — около 40%. Из 1854 римских ремесленников, известных по прямым данным надписей, лишь 65 — определенные италийцы, из 300 владельцев кораблей в Остии — 4. Из 14 районов Рима один почти сплошь еврейский, очень значительны поселения сирийцев, финикийцев, каппадокийцев. Могильные и иные надписи Великой Галлии указывают на засилье и в провинциях чужеземцев — италиков, греков, сирийцев, евреев, африканцев. В Лугдунуме засвидетельствованы помимо них дунайские кельты и представители местностей почти всей Галлии. Председатель коллегии, ведущей торговлю по обе стороны Альп, происходит из Августы тревиров; один судовладелец является жрецом-августалом одновременно у себя в Лугдунуме и в ПUTEОЛАХ, в Южной Италии. А ведь западная часть империи была несравненно патриархальней и консервативней, чем восточная, в городах которой смешивались люди всех племен, стран и континентов.

Вливавшиеся в римскую общественную организацию внеримские силы, и прежде всего рабы и отпущенники, обнаруживают значительную имущественную дифференциацию, от которой зависели и формы их включения в структуру государства, и социальный уровень, на который они попадали, и результаты всего процесса. Чтобы нагляднее представить себе эту картину, расскажем вкратце о двух отпущенниках. Одного из них звали Марк Антоний Паллант, другого просто Эхион. Паллант происходил из знатного греческого рода, и в рабах он оказался у Антонии, племянницы императора Августа и жены его пасынка Друза. Отпущенный ею на волю, он рано

втягивается в дворцовые интриги, а вскоре обнаруживает не только хитрость и решительность, но и ясный ум, трезвое понимание государственных интересов, талант организатора и руководителя. При Клавдии он становится *a rationibus*, т. е. своего рода министром финансов, и в этой должности подготавливает упоминавшийся выше закон, запрещающий сожителство свободных женщин с рабами. В том заседании, в котором этот законопроект был принят, сенат постановил присвоить Палланту преторские знаки отличия, наградить его 15 млн. сестерциев и официально выразить благодарность от лица государства. При Нероне он впал в немилость, был отставлен от управления финансами и, сопровождаемый целой толпой приближенных, навсегда покинул дворец. Он умер в 62 г., как предполагали, отравленный Нероном, глубоким стариком и обладателем несметных богатств.

Две черты примечательны в этой биографии. Во-первых, могущество и власть, сосредоточенные в руках этого грека-отпущенника. Среди членов сената он входил в почетный разряд преториев, чего, как правило, не удавалось добиться большинству римских сенаторов, располагал состоянием в 300 млн. сестерциев — вдвое большим, чем личное имущество императора Августа, в течение 10 лет единолично ведал финансами Римской державы, которыми сенаторы-квесторы ведали лишь в ограниченной мере, только коллегиально и только в течение года. Пользуясь внемагистратским характером своей власти, он сумел добиться того, что было совершенно немыслимо для любого коренного римлянина, — обязательства принцепса никогда не вменять ему в вину ни одно из его действий, т. е. фактически неподотчетности перед государством. Управление империей переставало быть делом только римлян — в Палланте лишь наиболее ярко и резко выразились черты, присущие деятельности бесчисленных отпущенников и провинциалов в имперской администрации.

Но не менее важно в рассказанной биографии и другое. Неумное честолюбие Палланта состояло в том, чтобы влиться в исторически сложившуюся структуру римского государства, добиться успеха по его критериям, и смысл своей деятельности соответственно он видел в укреплении этого государства. Он начинает свою карьеру с того, что предупреждает Тиберия о замыслах Сеяна (Луций Элий Сеян был префектом преторианской гвардии.), т. е., рискуя жизнью, срывает планы авантюриста, угрожавшего существованию строя. Вершиной его законодательной деятельности был законопроект, призванный предохранить римское гражданство от растворения его в пришлых и отпущенниках, т. е. в таких, как он сам. Преторские знаки отличия и премия были вотированы ему по предложению патриция Корнелия Сципиона и оппозиционного сенатора-стоика Барей Сорана — очевидно, деятельность отпущенника шла в направлении, их устраивавшем.

На протяжении всего I века отпущенники и провинциалы, попадавшие в верхние социальные слои, не разрушали традиционную структуру римского общества, а заполняли ее изнутри, принимая сложившуюся систему ее ценностей и престижных представлений. Коллега Палланта Нарцисс сорвал заговор Мессалины, жены императора Клавдия, угрожавший последнему, за что получил квесторские знаки отличия, и погиб, не сумев справиться с влиянием Агриппины. Тацит рассказывает, что в связи с политическими переменами после свержения Нерона «воспрянули духом клиенты и вольноотпущенники осужденных и сосланных». Провинциалы, объективно игравшие по отношению к римской гражданской общине ту же роль, что отпущенники, в сходном положении вели себя так же. Испанец Сенека Старший — отец знаменитого философа Сенеки и сам видный ритор и историк — скорбел о падении республиканских нравов; популярные в Риме второй половины I в. философы-греки Деметрий, Аполлоний, Артемидор были связаны с сенатскими семьями и участвовали в их конфликтах с принцепсами; первый дважды консул из галлов Валерий Азиатик принимал участие в устранении Гая Калигулы, Сенека Младший (испанец) и Афраний Бурр (галл) руководили Нероном на протяжении первых, наиболее «просенатских», лет его правления, и реквием по уходящей гражданской общине Рима создал сын прокуратора из галлов, сенатор и консул Корнелий Тацит.

В отличие от Палланта Эхион, казалось бы, не слишком преуспел в жизни. На пиру у Тримальхиона (откуда мы только его и знаем) он фигурирует как *centonarius*, т. е. портной, латающий и перешивающий старую одежду. Грек по национальности, он, очевидно, сравнительно недавно был отпущен на волю и сохраняет еще полностью зависимость от патрона. Он вступает в разговор, чтобы возразить собеседнику, рассуждающему в духе древних римских моралистов или оппозиционных сенаторов: было-де хорошее время, да прошло; в старину были граждане, преданные интересам города, прямые, резкие, выступавшие на форуме и в суде как настоящие ораторы и настоящие люди дела, чтившие богов, а теперь кругом одно воровство да безбожие, и скоро боги голодом покарают нашу колонию. Эхиону все это кажется напыщенным вздором: «Часом густо, часом пусто, как сказал мужик, когда у него пропала пестрая свинья. Нынче не повезло — повезет завтра, в жизни так уж заведено. А ворчать ни к чему—небо везде с тучками». Критерий в общественных делах у него один — хорошо то, что приносит ему пользу, и потому сам круг этих дел ограничивается для него зрелищами и раздачами. Традиционные римские установления не интересуют его совершенно. Красноречие, это искусство искусств древней республики, для него профессия, как любая другая, оправдываемая лишь заработком: «Если сын не захочет заниматься по дому, пусть обучится какому-нибудь полезному ремеслу, станет цирюльником, глашатаем, на худой конец судебным оратором». При всей скромности своего положения он далеко не нищ — у него есть «дача», где всегда найдется чем закусить, «не

курочкой, так яичком», к сыну ходят два учителя, отец не жалеет денег ему на книги. За Эхионом, как и за Паллантом, стоит целый социальный слой, только несравненно более широкий. Он органический член общества ранней империи, но принадлежит к той его части, для которой республиканские традиции римской государственности и вся ценностная структура, унаследованная от гражданской общины, просто не существуют. Поскольку же приток таких «пришлых элементов» был, как мы видели, очень мощен — и в низах, естественно, несравненно более мощен, чем в верхах, — поскольку Рим на протяжении I и особенно II в. действительно превращался из общины граждан в «империю отпущенников», то все официально римское, по традиции ориентированное на полис и характерный для него набор добродетелей, превращалось в сферу отдельной от масс, от простых людей и их дел, абстрактной государственности со своей отчужденной ортодоксией и своей столь же отчужденной оппозицией. Самые глубокомысленные из сенаторов, вышедшие из этой среды моралисты и историки, остро и трагично ощущали упадок агонизировавшего, но еще живого полисного мира, думали и писали о падении политической свободы, о влиянии разлагающей провинциальной новизны на старый Рим. В их страстных печалях оглядывался на себя и приходил к самосознанию духовный опыт векового города-государства. Недооценивать все созданное Сенекой, Луканом, Тацитом нельзя. Но чем глубже пролегали описанные выше перемены, тем глуше доносился в их особняки и библиотеки нарастающий шум живой и изменившейся народной жизни, тем слабее — запах очага и хлеба. Жизнь искала себе других, не столь величественных и далеких, более соразмерных человеку форм и ценностей.

Среди простых людей.

Для широких масс населения империи единство замкнутой гражданской общины существовать переставало, но принцип концентрации жизни в ограниченных самостоятельных ячейках оставался неизменным. Прогрессировавший распад полисной макрообщности вел не к созданию социальной взвеси изолированных человеческих атомов, а к развитию компенсаторной системы микрообщностей. В Помпеях, как известно, за месяц до катастрофы, уничтожившей город, проходили выборы местных магистратов, и на стенах домов сохранились самые разнообразные избирательные призывы. Среди них очень немногие выражают пожелания отдельных лиц, подавляющее же большинство выглядит так: «Гая Куспия Пансу предлагают в эдилы все мастера-ювелиры совокупно», «Прошу вас — сделайте эдилом Требия, его выдвигают кондитеры»; «Марка Голкония Приска и Гая Гавия Руфа предлагают в дуумвиры Феб со своими постоянными покупателями». Признак, объединяющий авторов надписи, мог быть самым странным: «Ватию предлагают в эдилы, объединившись, все любители поспать» или: «Гая Юлия Полибия — в дуумвиры. Любитель ученых занятий, а вместе с ним булочник».

Эти избирательные союзы — лишь одно из частных проявлений характерного для времени более общего процесса — идущей снизу, из гущи жизни, тенденции к сплочению людей в своеобразные микроколлективы. Главное в самосознании таких групп — ощущение своей противоположности мертвеющим традиционным добродетелям, ритуалам, словам. «Битвы и мужа пою...» — сказано в первой строке «Энеиды». «Валяльщик шерсти пою и сову, а не битвы и мужа», — написал местный остроумец на стене в Помпеях. Единой производственной основы у таких групп не было, во всяком случае, не совместный общественный труд был главной силой, которая сводила в них людей. Скорее наоборот, здесь искали отдыха от трудных и жестоких условий жизни и объединяли силы, чтобы как-то с ними справиться, но чаще — чтобы от них уйти, искали ту простоту и человечность отношений, которой уже не было ни в военно-бюрократическом единообразии империи, ни в искусственном элитарном общежитии полиса, ни во все более изнурительном труде ради поддержания и одной и другого. В некоторых из них преобладали простота и человечность, в других — острое ощущение распада всех органических связей, который, в сущности, и порождал подобные новообразования. Примером последних может служить харчевня, первых — исподволь складывающаяся рабская семья, а также «коллегии простых людей», как их официально именовали римские законодатели.

Харчевни и постоянные дворы в I—II вв. резко растут числом. К середине I в. в Помпеях, например, на 10—12 тыс. населения было около 120 таких заведений. Если даже предположить, что половина жителей в них не ходила, получается, что на каждые 40—50 человек имелся кабачок. Поскольку население города и размещение его по кварталам было относительно стабильно, встречаться в каждом таком кабачке должны были в основном одни и те же люди. В этих условиях подобные заведения перестают обслуживать одних лишь приезжих, становятся местами скопления и сплочения тех, кто выпал из традиционных общественных связей. В царившей здесь особой атмосфере главным было забвение социальных перегородок: «Все там вольны равно, и кубок общий. Особых кресел нет никому, и стол ни к кому не придвинут», — писал Ювенал. Многие жили при харчевнях постоянно. Сохранилась стихотворная полемика поэта Флора с императором Адрианом, показывающая, что люди, ведущие такое существование, ясно понимали, что они делают и чему себя противопоставляют. Тиберий специально засылал в харчевни своих соглядатаев, Домициан распорядился вообще снести большую их часть. Префекты Рима и дуумвиры городов периодически запрещали приготовление здесь горячей пищи, за которой люди могли засиживаться и вступать в нежелательные разговоры.

Оборотную сторону кабацкой оппозиционности составляли случайность встреч и связей, грубость и неуважительность, цинизм и распутство. Харчевня почти всегда представляла собой также публичный дом, и кабачник тем самым выступал и как сводник. В

«Дигестах» есть целый раздел, говорящий о наказании хозяев харчевен за пропажу имущества постояльцев. В поквартальных списках городского населения содержатели харчевен записывались рядом с ворами. Продажа недоброкачественной пищи и разбавленного вина считалась чем-то само собой разумеющимся — Тримальхион уверял, что кабатчики рождаются «под знаком Водолея». Возникали и укреплялись, однако, в эту эпоху и человеческие объединения иного характера.

Семья в старом Риме была величиной хозяйственной, гражданской, биологической — какой угодно, но не эмоциональной и лирической. «Если бы мы могли жить без жен,— говорил в 131 г. до н. э. цензор Метелл,—то все охотно обошлись бы без этой тяготы». Отцы, собственноручно казнящие своих детей, и жены, неизвестно почему изгоняемые из дома, заполняют страницы истории республиканского Рима. Это положение имело определенный смысл, пока человек исчерпывался своими обязанностями члена гражданской общины, а абсолютное единоначалие было условием выживания семейного хозяйства. К началу нашей эры этот смысл исчезает, но еще законы Августа о семье и браке, принятые между 18 г. до н. э. и 9 г. н. э., во многом ориентированы на эту модель. Поскольку, однако, реальных условий для выполнения этих норм в жизни не было, а они оставались тем не менее обязательными, семья в господствующих слоях римского общества погружается в глубочайший кризис. Тацит и Светоний, Марциал и Ювенал в один голос рассказывают о тайных отцеубийствах с целью поскорей овладеть наследством, о сожительстве мачех с пасынками, бесконечных предательствах женой мужа и мужем жены, о полном отсутствии эмоционально-нравственной основы брака. Импульсы к формированию семьи нового типа идут в эту эпоху из слоев, не связанных с традициями римской гражданской общины. Интересные свидетельства тому дает римская эпиграфика. Есть ряд надгробных надписей, показывающих, что зачастую, отпуская раба на волю, хозяин рассчитывал на его готовность принести самые большие жертвы ради выкупа жены и детей. В одной из них рассказано, как раб, по завещанию отпущенный господином на волю с небольшой суммой денег, «не захотел взять ничего, кроме единственной величайшей награды — свободы своей жены». Рабский брак не оформлялся по закону, и поэтому ничто не препятствовало его расторжению — тем более показательно, когда он длился всю жизнь: «Меркуриал Сильвине, разделявшей с ним рабство, с которой он прожил 45 лет и от которой имел 7 детей».

Не нужно ни идеализировать эти отношения в целом, ни противопоставлять их чистоту и искренность всеобщему якобы разврату, царившему в рабовладельческой верхушке. Дело не в статистике удачных и прочных браков среди свободных или среди рабов и отпущенников. Распад традиционных групп и приток новых людей исподволь создавали новый тип общности, где связи гражданской общины играли все меньшую роль и выбор спутников все больше определялся мыслями и чувствами каждого человека.

Возникнув в среде, раньше всего и дальше всего отошедшей от полисного устройства, этот принцип распространялся вверх и вширь. Он сказывался не только в сфере семьи, но также в дружбе, приобретающей в эту пору для многих особенное значение, в тесных сообществах поклонников какого-либо божества. Особенно ярко проявился он в так называемых *collegia tenuiorum*— «коллегиях простых людей».

Коллегии, изначально представлявшие собой свободные союзы граждан, объединившихся по признаку принадлежности к одной ремесленной профессии или для совместного отправления какого-либо религиозного культа, сложились в Риме еще при царях и просуществовали почти до конца его истории. Независимо от своих прямых функций коллегии привлекали людей царившей в них атмосферой неофициальной солидарности и приязни. Рассказывая о собраниях коллегий, учрежденных в Риме в конце III в. до н. э. для почитания Великой Матери, Старший Катон даже не упоминает о культовом их назначении и говорит, что «очарование этих трапез состояло для меня не столько в еде и питье, сколько в общении с друзьями и беседе с ними». Сохранив некоторые свои древние черты и утратив другие, пережив сложные перипетии отношений с властью, такие коллегии широко распространились в период ранней империи, и к концу его их деятельность была регламентирована рядом законов. Главное требование этих законов — разграничение коллегий, которые «дозволены решением сената или цезаря», и коллегий, такого дозволения не имеющих. Деятельность товариществ последнего рода объявлялась категорически запрещенной, и за нее полагались предельно тяжелые наказания. Коллегии первого рода предусматривались только для лиц малоимущих или имеющих низкий социальный статус. С согласия хозяев в коллегии разрешалось принимать рабов. Предусмотренная законом деятельность коллегий состояла в сборе денег на общие нужды членов, в ежемесячных совместных трапезах и в отпращивании признанных государством культов.

Чем же стали древние коллегии к этому времени, т. е. к концу II — началу III в.? Они были разнообразны по числу членов — от 3 до 2000 человек — и особенно по мотивам, сведшим их воедино. В число коллегий входили и профессиональные объединения ремесленников — портных, лодочников, зеленщиков, шерстобитов, погонщиков мулов и др.; и землячества, охватывавшие как просто соседей (известно, например, общество жителей римского района Велабра), так и людей, проживающих в данном городе, но происходящих из другой части империи — в Путеолах имелась коллегия выходцев из финикийского города Берита, в Малаге — две коллегии азиатских торговцев и т. д.; почитатели различных божеств, и особенно союзы лиц, вкладчину обеспечивавших себе место на кладбище или в колумбарии. Они обычно располагали своим помещением для собраний, храмиком при нем, кое-каким другим имуществом, приобретавшимся на взносы членов, а чаще на пожертвования какого-нибудь видного лица,

который считался патроном коллегии и получал от нее знаки внимания и почета. Такие коллегии объединяли в эту эпоху действительно «простых людей» — известны, например, союзы, состоявшие только из отпущенников и рабов. Дела, которыми они занимались совместно, выборы руководителей, сбор денег, религиозные церемонии, обсуждение расходов, совместные трапезы — были связаны с чисто местными вопросами. Выбирали «старшину трапезы», который обязан был обеспечить, как говорится в сохранившемся уставе одной из коллегий, чтобы перед каждым сотрапезником стояла бутылка «доброго вина», хлеба на 2 асса и 4 сардинки, а если кто будет с ним непочтителен, то заплатит штраф в 12 сестерциев. Приходовали (как, например, коллегия почитателей Сильвана в Филиппах Македонских) пожертвования членов храмику коллегии: статую ценой в 25 денариев или картину, стоившую 15 денариев. Без конца выражали восторженную покорность — богам, императорам, патронам. Разрешения на такие коллегии выдавались, судя по их числу, легко и широко.

Чтобы понять исторический смысл этих коллегий, надо представить себе пережитую ими эволюцию. При республике они существовали 600 лет, в течение которых никто их не закрывал, и тем не менее распространены они были мало. В первые полтора века принципата с ними боролись ожесточенно и непрерывно — запрещение при Юлии Цезаре, запрещение при Августе, запрещение при Клавдии; Нерон объявил себя патроном всех коллегий, рассчитывая, что такой контроль будет эффективнее любых запретов; Траян давал разрешения на создание коллегий необычайно скупой и всячески старался их ограничить. И тем не менее к середине II в. подобных объединений насчитывалось множество даже в пределах одного провинциального города. Лишь в этих условиях Антонины и Северы отказываются от борьбы с коллегиями и оформляют их существование упоминавшимися выше законами. Движущие силы этой эволюции очевидны. Пока уклад древнего Рима сохранял прямые связи с гражданской общиной, хозяйственная и частная жизнь человека была переплетена с его политическим и тем самым общественным, государственным существованием. Потребность в солидарности с себе подобными он естественно реализовывал в рамках гражданской общины, в повседневном обсуждении ее дел, в народном собрании, на форуме и сходках. Частные объединения граждан в этих условиях либо растворялись в государстве (как произошло с древними жреческими коллегиями или с ремесленными центуриями), либо погружались в борьбу с ним (например, в рамках движения Клодия в 50-х годах I в. до н. э.), либо, наконец, на их долю оставались дела, периферийные для такого строя жизни, — вопросы профессиональной конъюнктуры и ремесленного опыта, а то и просто приятельское общение. Стремительный рост коллегий в первые два века империи при одновременном сосредоточении деятельности многих из них на внеполитических полубытовых вопросах выражал забвение традиций гражданской общины и распад, если можно так выразиться, самой

полисной структуры сознания. Государственная общность стала настолько абстрактной и искусственной, что потребность античного человека в местной конкретности существования, в повседневной солидарности с тесным кругом других людей должна была реализоваться вне имперских институтов. Правительство, продолжавшее в политике и пропаганде отстаивать культ римской государственности, всячески укреплять и развивать ее, требовать от подданных империи постоянной готовности служить и чтить, постаралось покончить с этим опасным для него партикуляризмом. Там, где труд объединенных в коллегии ремесленников имел значение для обороны и строительства, их закрепили за городами, а сами коллегии сделали полувоенными формированиями; там, где заложенный в них партикуляризм прямо обращался против государства, он был объявлен тягчайшим преступлением; там, где он безобидно и послушно сосуществовал с ним, его законодательно замкнули в сферу внеполитической повседневности и разрешили как ни для кого не опасный. Но, как стало постепенно выясняться, главная опасность крылась именно здесь, в этих невинных и послушных группах обывателей.

Положение коллегий в конце II — начале III в. показывало, что развитие шло в сторону, противоположную запланированной: реального человеческого, а потому и общественного смысла постепенно лишалась не повседневность, а официальная государственность. Именно она оказывалась все менее адекватной потребностям и чаяниям масс, и, напротив, находившее себе выражение в коллегиях неприметное бытие неприметных людей на глазах становилось той сферой, в которой все реальнее и полнее сосредоточивалась жизнь народа, лишенная более глубоких и ярких форм выражения. Это проявлялось прежде всего в бурном распространении коллегий вширь и количественном их росте. За исключением, пожалуй, Африки, нет ни одной области римского мира, где их существование не было бы засвидетельствовано многочисленными надписями. Уже в переписке Плиния с Траяном о них идет речь как о важной и привычной составной части имперской действительности, опасной именно своей распространенностью. «Они наполняли Рим,— пишет про середину II в. один старый их исследователь,— прокрадывались в самые маленькие городки, проникали в лагеря, откуда их более всего старались изгнать, и покрывали собой богатейшие провинции». Секрет и причины их роста состояли в том, что в этом в общем еще античном мире они единственные удовлетворяли потребность в человеческой солидарности — еще на античный лад. Официальные формы общественного самовыражения становились настолько парадными и пустыми, что обрести и выразить себя в них никто не мог, а расходы на участие в них росли и утрачивали смысл. С середины II в. массовыми становятся случаи отказа от почетных выборных должностей в городах. Закон, направленный на борьбу с этим явлением, характеризует его достаточно ярко: «Те, кто хотят обмануть

совет города и, чтобы избавиться от отправления выборных должностей... перешли в число колонов в имениях, дабы подлежать меньшим тяготам, не достигают этим освобождения». — «Дигесты», 50, 4, 4,2 (Ульпиан).

В отличие от римского государства полнокровное, насыщенное бытие которого отодвигалось все дальше в прошлое, социальная и духовная среда, заполнявшая коллегии простых людей, жила непосредственной сегодняшней жизнью, достаточно напряженной, несмотря на всю свою скудость. Здесь цвел культ дружбы и взаимной выручки «маленьких людей», о котором мы бегло упоминали выше. Здесь складывались новые религиозные представления, далекие от традиций греко-римской мифологии. Множество коллегий исповедовало культ Геракла, Приапа, особенно Сильвана — богов, воплощавших в их единстве животворную силу природы и оплодотворяющий эту природу человеческий труд. Из подобного отношения к природе развилось особое направление изобразительного искусства, охватывающее период с середины I до начала III в. Ярче всего оно представлено провинциальными мозаиками, где красота людей, цветущая сила растений и хищная энергия животных сливаются в единую картину природной жизненной мощи, свободной и в то же время дружественной человеку. Само техническое несовершенство этого искусства подчас лишь усиливает впечатление его простоты и искренности.

Полнее всего, однако, органическая связь этих сообществ с движением жизни и истории выражалась в том, что элементы античного строя здесь не только сохранялись, но и подвергались внутреннему изменению. Возникнув из чисто античного, полисного, принципа локальной конкретно-человеческой общности, коллегии в то же время строили солидарность своих членов на упразднении основных, конститутивных, противоположностей полисной жизни: граждане — неграждане, свободные — несвободные, свои — чужие. Поэтому в них яснее, чем во многих других областях, выявлялось внутреннее омертвление исходного зерна античного мира, прообраза всех его частных структур — гражданской общины, а вместе с ней и основной оппозиции всей разобранной в этой лекции исторической эпохи — империи и полиса.

Литература:

Кнабе Г.С. Римское общество в эпоху Ранней империи. /История Древнего мира. Упадок древних обществ. - М.:Знание, 1983 - с.73-101

Лекция 5: Культура Ранней римской империи.

Литература, философия и наука.

Центральной идеей, объединяющей все остальные элементы официальной идеологии в период империи, была идея величия и вечности Рима и его провиденциальной миссии, слившейся теперь с миссией самого Августа: господствовать над всеми народами, принося им счастье и мир. Эта идеология во многом предопределила дальнейшее развитие духовной жизни общества.

Литературой в то время занимались почти все образованные люди, начиная с самого императора. Ближайшие друзья и соратники Августа — Меценат и Азиний Поллион писали сами и собирали вокруг себя литераторов, поощряли их, выдвигали, одаривали. Август принимал талантливых людей у себя, читал их сочинения еще до опубликования, давал советы. Особенно он одобрял книги, наиболее полно отразившие дух времени: труды историка Тита Ливия и разнообразные произведения поэта Вергилия («Эклоги», поэму о земледелии «Георгики» и знаменитый эпос «Энеида»).

Ливии не был глубоким мыслителем и теоретиком. Он стремился показать, не избегая при этом легендарного или занимательного, благодаря каким нравам, образу жизни, искусствам империя возвысилась настолько, что и сама уже с трудом выносит свое величие. Философия истории у Ливия сводится к извлекаемой из истории морали. Исчезает и всемирно-исторический подход к прошлому. Для него история — это в первую очередь история Рима, римского народа, сената, великих людей, подвигам которых Ливии уделял много места. В его творчестве нашел свое наиболее полное и художественное завершение «римский миф», оставшийся в веках именно таким, каким его создал Ливии.

Те же идеи лежат в основе «Энеиды» Вергилия. Она трактует, правда, не всю историю Рима, а лишь легенду о странствиях троянского героя Энея, закончившихся его браком с дочерью царя латинов Лавинией, который знаменовал союз троянцев с аборигенами Италии.

Покровительствовавшая разрушителям Трои — грекам и преследовавшая Энея в его странствиях богиня Юнона по заступничеству Юпитера соглашается на примирение: Что ж, я теперь отступлю, ненавистные битвы покину... Пусть примирятся враги, пусть на счастье празднуют свадьбу, Но, с пришлецами союз на любых заключая условиях, Древнего имени пусть не меняет племя латинян; Тевкрами ты не вели иль троянцами им называться, Речь ли родную менять, в чужеземное платье рядиться... Лаций да будет всегда, и

веками пусть царствует Альба, Римский да будет народ италийскою доблестью мощен, Трои нет. Так дозволю, чтобы с ней даже имя исчезло(Перевод С. Ошерова.).

Согласно философским взглядам Вергилия, весь мир проникнут и питаем единым духом или разумом, движущим массу космоса и оживляющим тела, в которые нисходит. Так вызываются к жизни и люди, и животные, и птицы, и рыбы. В них во всех присутствует животворный, идущий с неба огонь, но под воздействием тела он ослабевает, что порождает страх, желания, горе, радость в земных существах. В телесной тюрьме их души слепы, не видят своей небесной родины и, даже выйдя из тела, не сразу освобождаются от зла и пороков, вызванных соединением с ним. Лишь после долгого очищения они могут войти в поля блаженных, откуда затем, испив из источника забвения — Леты, будут посланы в новые тела. Жестоким мучениям подвергаются в загробной жизни души тех, кто ненавидел отцов и братьев, кто обманул доверившихся им клиентов; скупцов, ни с кем не деливших своим богатством; мятежников, поднимавших нечестивые гражданские войны, и особенно тех, кто изменил родине, за плату предал ее тиранам. Напротив, в полях блаженных пребывают души воинов, погибших в битве за отечество, жрецов, поэтов и всех тех, кто своими искусствами и науками облагодетельствовал людей и способствовал их цивилизации.

В «Энеиде» с особой силой дано о себе знать отношение к прошлому как к залогом и оправданию настоящего, predetermined судьбой и волей богов. Юпитер провел Энея через все испытания, а Эней прошел их, жертвуя личным (например, любовью к Дидоне, царице Карфагена, куда он попал в своих странствиях) ради священного долга, потому что ему предназначалось стать предком основателя Рима — Ромула и спасителя Рима — Августа.

«Энеида» стала своего рода «библией» культа Рима и Августа, что в соединении с высокими художественными достоинствами, многочисленными экскурсами в историю древних верований, легенд, обычаев, живо интересовавших поклонников «предков», сделало ее самым популярным произведением как у современников Вергилия, так и у их потомков, преданных идее «вечного Рима». Поэму Вергилия изучали, комментировали, по ней гадали, отрывки и отдельные стихи из нее цитировали безымянные авторы эпитафий, они превращались в общеизвестные афоризмы.

Однако тематика поэзии отнюдь не ограничивалась прославлением императора. В это время своего полного развития достигают разнообразные стили и жанры. Введенные в моду Катуллом любовные стихи нашли многочисленных подражателей. Авторам любовных элегий — Овидию, Тибуллу, Проперцию и др. — не хватало подлинного сильного чувства Катулла, но изящество форм и разнообразие сюжетов обеспечивали им большой успех, особенно среди светской молодежи. Любви были посвящены «Героиды» Овидия — письма

знаменитых мифологических героинь к покинувшим их любовникам, любовь играла немалую роль и в его «Метаморфозах», сборнике поэм на мифологические темы о превращении людей в растения и животных, заканчивавшемся рассказом о превращении души обожествленного Цезаря в звезду. Даже в свои «Фасты», поэтическую обработку римского календаря, Овидий в связи с разнообразными версиями происхождения праздников и праздничных обрядов вставил немало эротических эпизодов. Особенно большим успехом пользовалось его «Искусство любви» — остроумная пародия на дидактические поэмы, содержащая наставления, как выбрать, завоевать и удержать любовницу или любовника, обмануть бдительность мужа, утешиться в случае измены. По распространившимся тогда слухам, именно за «Искусство любви» Август, увидев в поэме насмешку над своим брачным законодательством, сослал Овидия на западный берег Черного моря, в страну народа готов, откуда поэт писал в Рим печальные послания с просьбами о прощении, но, так и не дождавшись его, умер в изгнании.

О любви писал и Гораций, но творчество этого поэта было глубже и разностороннее, чем его собратьев, сочетая разнообразие ритмов, совершенство формы и языка с философскими раздумьями и меткими наблюдениями. Возможно, тому отчасти способствовал его сложный жизненный путь. Сын небогатого отпущенника, из всех сил старавшегося дать сыну хорошее образование, участник гражданской войны на стороне убийц Цезаря — Брута и Кассия, лишенный в наказание отцовского имения, Гораций после многих бедствий по ходатайству Вергилия был принят Мecenатом в его кружок. Он получил небольшую виллу и пользовался дружбой и покровительством Мecenата, но, видимо, иногда страдал от зависимого положения и от косых взглядов некоторых светских снобов, презиравших его за низкое происхождение.

Несмотря на все восхищение Римом и Августом и уверенность, что нет ничего выше служения родине и смерти за нее, у Горация постоянно проскальзывает мысль, что спокойнее всего не думать о государственных делах: жизнь слишком коротка, чтобы отвлекаться от ее маленьких радостей ради больших забот.

Сын бывшего раба, Гораций не был чужд презрения к грубым вкусам простонародья. Он, по собственному признанию, писал лишь для тех, кто мог его оценить, и не хотел пробовать свои силы в комедии для невежественных зрителей, способных потребовать, чтобы в действие были введены дрессированные медведи или гладиаторы.

Вместе с тем он высоко ценил миссию поэта и поэзию как средство воспитания тонкого вкуса и добродетели. (Взгляды Горация на принципы поэзии изложены им в стихотворном «Послании к Пизонам», известном также под названием «О поэтическом искусстве». Положения Горация считались безусловно обязательными множеством поколений поэтов, и его «Поэтическому искусству» подражали еще в

XVII в. Буало, в XVIII в. А. Поп и А. П. Сумароков, в XIX в. Байрон.). Поэт не смеет довольствоваться малыми и средними удачами. Не достигший первого ранга неизбежно попадает в последний. Совершенство же требует сочетания таланта и культуры. Поэт должен изучать философию, дабы знать сущность вещей, осознавать свой долг перед родиной, семьей, друзьями, понимать права и обязанности консула, сенатора, патрона, отца. Главное же, он обязан изучать человеческую природу, дабы каждый обрисованный им персонаж был живым, действовал и говорил так, как это свойственно его возрасту, характеру, положению. Сам Гораций был мастером портрета и создал целую галерею своих современников. Из-за своих сатир он нажил много врагов, но, ссылаясь на одобрение Августа, отстаивал свое право высмеивать тех, кто того стоит, и исправлять нравы.

Приобщив вечный Рим к греческому искусству высокой лирической поэзии, Гораций считал, что завоевал себе право на бессмертие в памяти людей: Создал памятник я, бронзы литой прочней, Царственных пирамид выше поднявшийся, Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой Не разрушат его, не сокрушит и ряд Нескончаемых лет, время бегущее. Нет, не весь я умру, лучшая часть меня Избежит похорон. Буду я вновь и вновь Восхваляем, доколь по Капитолию Жрец верховный ведет деву безмолвную...(Перевод С. Шервинского. В последней строке Гораций имеет в виду обряд восхождения на Капитолий весталки, целомудренной жрицы, хранительницы вечного огня.)

Замечательным историком конца I — начала II в. был Корнелий Тацит. По мастерству драматического изложения событий, глубине и тонкости психологического анализа, сжатости и яркости характеристик, умению несколькими штрихами нарисовать образ или картину, безошибочно воздействующие на читателя в нужном автору направлении, Тацит не имеет себе равного в античной литературе. Он начал сенаторскую карьеру при Флавиях и тогда же написал первые произведения: жизнеописание своего тестя, Агриколы, наместника в Британии, «Германию», где рассказывалось о зарейнских племенах, не входивших в состав империи, «Диалог об ораторах». Уже в этих ранних сочинениях видны основные черты его стиля и мировоззрения. В биографии Агриколы и «Германии» он противопоставляет свободную, суровую, чистую от близости к природе жизнь бриттов и германцев развращенным, изнеженным, безвольным римлянам. С большим сочувствием изображает Тацит вождей восставших против римского владычества британцев, особенно Калгака, обратившегося к повстанцам с речью, в которой призывал не жалеть жизни в борьбе против алчных и жестоких римлян, поработивших все народы. «На своем лживом языке,— говорит Калгак,— убийство, грабеж, захват они называют правлением, а причиненные ими опустошения — миром».

В полной мере талант Тацита развернулся при Антонинах, когда он мог более свободно высказывать свои мысли — хотя бы по отношению к правлению «тиранов». В это время он написал «Истории» о

гражданских войнах между претендентами на престол после свержения Нерона и историю Юлиев — Клавдиев, известную под названием «Анналов». Тацит обещал писать «без гнева и пристрастия», не вдаваясь ни в свойственное одним историкам злоречие, «имеющее фальшивый вид свободы», ни в характерную для других неумеренную лесть, содержащую в себе «гнусное преступление рабства». Формально он действительно как будто не отступает от истины, основываясь на документальном материале. Признает он неоднократно и необходимость установления единовластия в государстве, где долгие годы борьба знати и плебса дезорганизовывала нормальную жизнь, приводила к насилиям и беззаконию.

Вместе с тем «Истории» и особенно «Анналы» Тацита — это страстное и гневное обличение императорского режима. Ужасны жестокость и самодурство полуобезумевших от неограниченной власти над миром деспотов, но еще ужаснее для Тацита то развращающее влияние, которое они оказывают на общество. Сенаторы спешат превзойти друг друга в раболепстве, воздавая почести Нерону, убийце жены, брата и матери. Заподозренные в заговоре, они выдают друг друга, клеветают на родных и друзей, лишь бы спасти свою жизнь. Льстят и заискивают не только перед императорами, но и перед их любовницами, отпущенниками, рабами. Доносчики процветают, и даже когда после свержения Нерона честные люди предлагают с ними разделаться, большинство предпочитает их не трогать, так как слишком многие замешаны в их деяниях. Римляне, утратившие былое достоинство, жадно ловят подачки и стремятся на зрелища. Чем хуже император, тем любезнее он черни. Солдаты готовы поддержать каждого претендента на престол, сулящего им возможность наживы и грабежа. По существу, это они ставят и смещают императоров, превратившись из защитников государства в его бич. И хотя Тацит на словах признает, что в правление Антонинов все стало по-другому, в сущности он не верит, что при единовластии, даже если оно и необходимо, будет найден выход из нарисованного им мира низости, жестокости, разврата, всеобщего разложения.

Из философских направлений наиболее популярными среди представителей господствующих классов и интеллигенции I— II вв. были стоицизм и частично примыкавший к нему умеренный кинизм, стремившиеся с наибольшей последовательностью обосновать соотношение единства и множественности, целого и части, человека и человечества, империи и гражданина, утвердить чувство общности с окружающим миром и его законами, избавиться от ощущения несвободы и отчужденности. Самыми известными стоиками того времени были Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий, представлявшие разные социальные слои. Сенека нажил огромное состояние, пользуясь часто весьма неблагоприятными средствами, и вплоть до того, как впал в немилость, участвовал во всех придворных интригах. Эпиктет был сперва рабом, затем отпущенником любимца Нерона — отпущенника Эпафродита. Его заметил философ Музоний Руф, стал

заниматься с ним и преподавал ему стоическую доктрину. Беседы Эпиктета пользовались большой популярностью, их посещали самые высокопоставленные люди, они были записаны и изданы сенатором Аррианом. Марк Аврелий — император, правивший в конце II в., когда внешнее и внутреннее положение империи резко ухудшилось и она вступила в полосу длительного кризиса, от которого полностью уже не смогла оправиться.

Для Сенеки цель философии — свобода мудреца от страхов и желаний, порабощающих невежественного человека. Только философия дает знание природы, ее законов, господствующей в ней необходимости, подчиниться которой добровольно и есть истинная добродетель и истинная свобода. Познание не сводится к изучению отдельных наук. Они дают сведения или применимые к отдельным случаям, или вовсе бесполезные. Не одобряет Сенека и увлечения логическими построениями. Может ли, говорит он, рассуждение: «Тайну доверяют хорошему человеку, пьяному тайну не доверяют, значит, хороший человек не пьет» — удержать кого-нибудь от пьянства или логически доказанное положение о том, что смерть — не зло, побудить человека к смерти за родину? Очищающее душу знание философа состоит в созерцании природы и постижении разумом ее высших общих законов.

Живущий согласно природе мудрец равнодушен ко всему внешнему, оно его не смущает, не делает несчастным, не сбивает с избранного пути. Он целостен, как мировой разум, не знает колебаний и сомнений, заставляющих невежественного и лишенного добродетелей человека метаться между делом и бездельем, жизнью в обществе и в одиночестве, завидовать другим и чувствовать вечное недовольство собой, проклинать весь мир из-за собственных неудач. Однако это не означает, что мудрый должен жить вне мира и не участвовать в его делах. Напротив, природа создала человека для жизни в теснейшей взаимосвязи с другими людьми. Мудрый обязан служить им всеми силами и при всех обстоятельствах. Его долг — участвовать в жизни государства, служа на том посту, на который поставила его судьба. Если государство оказалось в такой степени испорченным, что философу в нем нет места, то, памятуя, что он гражданин не только своего родного города, но и всего мира, он должен приносить пользу человечеству в целом, поучая его и подавая пример собственной жизнью.

Эпиктет, вышедший из низов, претерпевший много унижений от своего господина Эпафродита, известного жестоким обращением с рабами, поскольку и сам прежде был рабом, несколько по-иному, чем Сенека, интерпретировал стоические доктрины. Признавая высшим началом природы всепроникающий разум и высшим критерием истины — умозаключения, выводимые из показаний чувств, он в гораздо большей мере, чем Сенека, персонифицирует этот первичный принцип и исходящие от него логосы, воплощенные в человеке и роднящие его с природой целого. Первичный принцип для него — бог Зевс, логосы

он отождествляет с гениями, направляющими дела людей и знающими все их мысли и побуждения. Познание себя, своего гения, логоса, есть путь к познанию своего божественного начала и самого бога. Именно оно, а не изучение строения космоса, сущности материи и т. п. делает человека счастливым, добродетельным, а главное, свободным. Задача философии — открыть критерий истины, который не может не существовать.

Главная задача философа, по мнению Эпиктета, в том, чтобы личным примером научить людей, как можно и нужно жить так, чтобы быть истинно свободным. Изменить существующий порядок вещей нам не дано, не дано изменить и людей, но можно привести свою волю в гармонию с реальными условиями нашей жизни и окружения. Для этого нет необходимости уходить из жизни или бежать в пустыню. Напротив, человек должен всегда помнить, что он часть целого, гражданин космоса и своего государства, и исполнять свой долг на том посту, который назначил ему бог, мужественно терпеть испытания, посылаемые ему богом, тренирующие его, как тренируют хороших солдат и гладиаторов. Он должен исходить не из своего личного блага, а из блага целого, вне которого отдельно взятый человек вообще не человек.

Но, исполняя свой долг гражданина, подданного, правителя, отца, сына, мужа, соседа, он должен показать людям, как можно при этом жить без страха, боли, волнений, страстей. Для этого он должен ничего не считать своим, не бояться изгнания, бедности, простого труда, избавиться от зависти, гнева, желаний, жалости, не осуждать богов и людей, если все идет не так, как хотелось бы, довольствоваться минимумом, всегда доступным, и не стремиться к излишнему. Счастье не в исполнении желаний, а в их уничтожении.

То основное, что характерно для стоической философии,— стремление к духовной независимости и перенесение идеи свободы из реального в моральный план — так или иначе определяло интересы как высших, так и средних слоев общества.

Среди последних особенно живой интерес вызывали вопросы морали, приспособленные к их повседневной жизни. Сочувствием по-прежнему пользовалось обличение испорченных нравов. Этой теме были посвящены едкие и желчные сатиры Ювенала, выходца из среды небогатых италийских землевладельцев. Как и другие писатели времени Антонинов, он мог себе позволить свободно бичевать пороки, разъедавшие общество прежде, при «тиранах». Богатые и невежественные выскочки, чванные аристократы, жестокие к рабам господа, их самодурки-жены, развратные юноши, ищущие покровительства богатых патронов, авантюристы, со всей империи стекающиеся в Рим, плебеи, ради хлеба и зрелищ готовые сегодня приветствовать императора, а завтра тащить его тело в Тибр и славить его убийцу, император Домициан, попирающий все законы и приличия,— таковы основные персонажи его сатир. Им он

противопоставляет старые добрые простые нравы, еще сохранявшиеся кое-где в маленьких городках Италии, и «нравы предков».

Тем же духом проникнут обширный энциклопедический научный труд «Естественная история» Плиния Старшего. Писал ли он о земледелии, металлах, драгоценных камнях, он всегда находил повод заклеить современную испорченность и противоестественную жажду роскоши. Темам морали в связи с темами воспитания уделял много внимания ритор Квинтиллиан в своем труде о подготовке юноши к карьере оратора. Им же посвятил ряд специальных сочинений грек Плутарх, собирая и сопоставляя высказывания различных, преимущественно древних, авторитетов по поводу того, как следует вести себя с рабами, с друзьями и недругами, как воспитывать детей, соблюдать приличную благородному человеку умеренность и воздержанность и т. п. По существу, и его знаменитые биографии римских и греческих деятелей написаны как иллюстрации к правилам морали. Нравственному облику своих героев Плутарх придает наибольшее значение, наиболее рельефно его обрисовывает.

Совсем новым жанром, появившимся в первые века нашей эры, был роман — латинский и греческий. Что касается первого, то до нас дошли отрывки «Сатирикона» Петрония и полностью «Метаморфозы» Апулея, уроженца африканского города Мадавра. О «Сатириконе» речь шла выше (см. лекцию 4). В романе Апулея, платоника и адепта культа Иисуса, привлеченного к суду по обвинению в чародействе родственниками богатой вдовы, вышедшей за него замуж, обрабатывается бродячий сюжет, встречающийся также у Лукиана, о юноше, превращенном в осла. Пережив множество приключений, герой наконец с помощью Иисуса обретает человеческий облик. «Метаморфозы», написанные живо и остроумно, со множеством бытовых подробностей, имели большой успех. Вставленные в текст рассказы об Амуре и Психее, о неверной жене мельника, спрятавшей любовника в бочку, потом неоднократно использовались писателями Возрождения и нового времени.

Общее умонастроение сказалось и на судьбе науки этого времени. Под влиянием непосредственных требований жизни продолжала развиваться агрономия, разрабатывавшаяся рядом видных теоретиков и практиков. Все они подчеркивали необходимость соединять знания, почерпнутые из книг, с непрерывным экспериментированием и учетом опыта достигших наилучших результатов земледельцев. Однако успехи агрономии сужались невозможностью организовать достаточно интенсивное рациональное хозяйство, основанное на рабском труде.

Непрерывно развивались также теория и практика юриспруденции. Право при империи было необычайно сложным. Основой римского права были «Законы XII таблиц», составленные еще в эпоху борьбы патрициев и плебеев. Потребностям общества с развитыми товарно-денежными отношениями, многослойной структурой различных статусов и прав они не удовлетворяли, но приверженность римлян к

установлениям предков не позволяла им отменить устаревшие законы. Они дополнялись многочисленными новыми законами, принятыми сенатом или народным собранием, эдиктами магистратов, а со времени установления империи — законами, издававшимися императорами, и рескриптами, т. е. ответами на различные обращения к императорам прошения, становившимися прецедентами для аналогичных случаев. Так или иначе должны были учитываться и многообразные правовые нормы провинций.

Чтобы разобраться во всей этой массе материала, требовались большие специальные знания. Их получали в юридических школах, из которых выходили наиболее видные юристы, становившиеся затем императорскими чиновниками и советниками императоров. Обширные толкования и комментарии юристов к действующим законам также превращались в источники права. Уделяя основное внимание практическому приложению римского права, юристы вырабатывали и основные теоретические положения — о видах собственности, договоров, контрактов, исков, сущности и границах правоспособности контрагентов различного статуса, юридических лицах и т. п. Наибольшее значение в теоретическом плане приобрело учение о природном равенстве людей, об обычном праве, общем для разных племен и народов, и, наконец, о гражданском (цивильном) праве, действительном для римских граждан и не совпадающем с естественным правом, например в вопросе рабства: человеку от природы по естественному праву присуща свобода, рабом его делает лишь закон. Рабство, таким образом, определялось как результат насилия, лишь санкционированного законом, что было большим шагом вперед по сравнению с прежними теориями прирожденного рабства варваров и вообще людей, неспособных самостоятельно управлять своими поступками в силу низшей их природы. Сводка основных положений права давалась в составлявшихся для учебных и практических нужд сборниках. Полностью кодифицировано римское право было только при византийском императоре Юстиниане в VI в. Составленный тогда «Корпус гражданского права» римских граждан лег в основу как средневекового, так и буржуазного права Европы.

В Александрии пышного расцвета достигла математика и связанные с нею науки. Итог им был подведен в трудах Птолемея. Наибольшее влияние на последующую науку оказал его «Математический свод», известный у арабов под названием «Алмагест» трактат по астрономии. В своей системе Птолемей исходил из шарообразности Земли, расположенной в центре вращающихся вокруг нее сфер небесных тел, движение которых он вычислял, основываясь на тригонометрии и сферической геометрии Гиппарха и Менелая. Он рассчитал продолжительность самого длинного дня для каждой широты, сроки затмений и составил каталог 1022 звезд, приведя координаты каждой из них. На математических принципах основывалась и его «География» с приложением руководства по черчению карт. Определив размеры Земли, Птолемей дал координаты 8000 географических пунктов (впрочем, весьма неточно).

Неприятие низами официальных ценностей, их пока еще пассивный протест против настойчивых попыток власть имущих «подчинить себе их суждения», растущая склонность в широких слоях господствующих классов к легко и бездумно воспринимаемым готовым истинам, к острым ощущениям, позволяющим отвлечься от действительности, перенесение людьми всех проблем в область морали, проповедь добродетели и мудрости ради даваемого ею покоя и исполнение долга ради долга без дальнейших реальных положительных целей — все это были предвестники надвигающегося кризиса античной культуры. Она еще порождала многих замечательных деятелей, стоявших не ниже, а в некоторых отношениях, может быть, и выше своих более или менее отдаленных предшественников. Но в отличие от историков, писателей, философов, ораторов, некогда обращавшихся ко всему афинскому или римскому народу и находивших у народа живой отклик, они оставались чуждыми современному им простому, трудящемуся народу. Культура империи превращалась в культуру элиты, не предназначенную для «плебса, не имевшего мудрости». А это было несомненным показателем ее близкого упадка.

Раздел 1 представляет собой сокращенный вариант глав 2 и 3 книги Е. М. Штаерман «Кризис античной культуры» (М., 1975).

Общественные предпосылки возникновения христианства.

Кризис старых духовных ценностей требовал какого-то социально-психологического замещения их. Искать замену в пределах греко-римского культурного круга было бесполезно, потому что его мыслители еще долго не могли преодолеть обаяния идей, созданных полисным миром, который формально продолжал существование еще в течение столетий. Правда, в более скромных социальных слоях, не затронутых учениями философов, отмечены и сообщества такого типа, где подготавливалась моральная атмосфера, в которой позднее могло расцвести христианское учение. Уже в I в. до н. э. в Малой Азии сложились общины митраистов (см. лекцию 12). В Греции еще ранее, со времен расцвета полиса, существовали и продолжали существовать в период империи общины орфики. Учение их возводилось к древнему мифическому певцу и музыканту Орфею, якобы нисходившему в преисподнюю в тщетной попытке высвободить оттуда свою супругу Эвридику. Признавая весь пантеон греко-римских божеств, орфики переосмыслили мифы о них в этико-символическом духе: из яйца Хроноса («Времени») родился Эрос—божество любви и света, который и создал первичный мир, лишь видоизмененный Зевсом и олимпийскими богами. Орфики учили, что душа человека проходит круг перевоплощений, но он может быть сокращен «орфической» жизнью, которая предполагала презрение к плоти и аскетизм; выходя из круга перевоплощений, душа человека вступала в вечный мир блаженства и божественного бессмертия.

Учение орфиков, однако, тоже не могло ответить на болезненные вопросы эпохи — хотя бы потому, что не порывало с уже опостылевшими «полисными» культами и с культом императора, делая упор на самосовершенствование в пределах существующей системы ценностей. Еще важнее было то, что орфические общины были тайными, строго замкнутыми группами. Но трудно отрицать, что и орфизм подготавливал среди населения империи многие идеи будущего христианства — прежде всего идею неокончателности смерти, возможности бессмертия для каждого праведника и воздаяния человеку по делам его в загробном бытии.

На Ближнем Востоке дело обстояло по-иному. Здесь уже по крайней мере с VI в. до н.э. возникли эсхатологические (От греч. эсхатос — «крайний, конечный». Эсхатология — религиозное учение о «последних временах», о конечных судьбах мира и человека.) течения — мистика абсолютного будущего, ожидания прихода спасителя мира для учреждения нового, окончательного и безупречно справедливого порядка на земле. Ожидание спасителя было свойственно многим направлениям зороастрийской религии, но особенно характерно было упование на будущего спасителя «помазанника» для течений, слагавшихся на почве ветхозаветной религии, видимо, не без влияния зороастризма. В связи с перипетиями эллинистической истории, с многократными переселениями этнических групп — ив том числе иудеев — во все концы эллинистического мира ветхозаветные идеи получали все более широкое распространение. Иудеи, принадлежащие к «диаспоре» (выселенцы из Палестины), занимались привлечением новообращенных в ортодоксальный иудаизм, но, кроме того, в разных местах образовывались, как мы уже видели («Расцвет древних обществ», лекция 20), различные более или менее обособленные группы и течения, такие, как терапевты в Египте, ессеи в Иудейской пустыне у Мертвого моря, сторонники Иоанна «Крестителя», а затем и многие другие. Для всех них были характерны не только эсхатологические чаяния вообще, но и ожидание избавления, которое будет принесено в «конечные времена» конкретным лицом. Для ортодоксальных иудеев это должен был быть непременно потомок древнего царя Давида, помазанный Богом в цари («помазанник» подревнееврейски *машиах*, по-греч. мессия или Христос); ожидалось, что он восстановит конкретное государство, но не в его прежнем виде, а в виде идеального, утопически-справедливого царства, доступного только праведникам, выполнявшим боговдохновенный «Закон» Торы, или Пятикнижия, приписывавшегося Моисею. Вера в приход мессии утвердилась по крайней мере еще с VI в. до н. э. Часто считали, что перед пришествием мессии будет новое явление пророка Илии, который якобы не умер, а вознесся живым на небо и может вновь появиться на земле в «конечные времена». Другие религиозно-этические движения сходного происхождения сохраняли веру в будущее пришествие мессии, хотя рассматривали его более в нравственном аспекте. Как уже говорилось («Расцвет древних обществ», лекция 20), иудеи

считали, что Яхве заключил со своим народом особый «завет» (договор, материальным признаком которого было обрезание: оно должно было отличать поклонников Яхве от всякого другого народа). Новые секты и религиозные движения стали выдвигать идею о «Новом завете», т. е. новом договоре между богом и людьми, основанном на более высоких нравственных требованиях единого божества к личности человека. Представление о таких личных отношениях между богом и человеком не могло сложиться в хаотическом мифологическом мире греко-римской культуры — оно могло сложиться лишь на почве монотеизма, веры в одного бога, лицом к лицу с которым оказывается человек. Монотеизм же реально существовал в I в. до н. э. — I в. н. э. только в учениях, развившихся на библейской почве. Кроме того, именно здесь неизбежно было наиболее резкое столкновение с официальной идеологией Римской империи: монотеизм был абсолютно несовместим с идеологическим обоснованием империи — культом императора как одного из «божеств».

Редакционная коллегия использовала любезно предоставленные материалы С. С. Аверинпева.

Состав источников по истории начальных стадий христианского движения.

Генезис христианства принадлежит к проблемам, которые могут ставиться исторической наукой в двух различных планах — более общем и более узком. Возведение эсхатологизма в новое качество и одновременно его преодоление, приведшее к возникновению христианства, было обусловлено общественно-психологической ситуацией Римской империи. Систематически проследивать эту обусловленность и означает решать в широком плане проблему возникновения христианства. Материал для решения проблемы в таком плане более чем обилен: по сути дела, это вся совокупность наличных данных о повседневной жизни, духовной тревоге, идейных исканиях жителей Римской империи в начале нашей эры.

Совсем другое дело — постановка проблемы генезиса христианства в узком плане, т. е. реконструирование фактической истории малозаметных событий в Палестине I в. н. э., послуживших началом собственно христианского движения. Как уже не раз отмечалось многими советскими историками, вопрос о фактической достоверности того или иного события или об историчности того или иного лица — это не мировоззренческий, а фактографический вопрос. В качестве такового он и должен решаться. Но при этом полезно напомнить, как Энгельс, сам разрабатывавший проблему происхождения христианства исключительно в широком плане, протестовал против попытки Бруно Бауэра вообще снять постановку этой проблемы в узком плане: «Разумеется, Бауэр, как и все, кто борется с закоренелыми предрассудками, во многом далеко хватил через край. Чтобы установить на основании также и литературных источников влияние

Филона и особенно Сенеки на формирующееся христианство, а новозаветных писателей представить прямыми плагиаторами упомянутых философов, Бауэру пришлось отнести возникновение новой религии на полсотни лет позже, отбросить не согласующиеся с этим сообщения римских историков и вообще позволить себе большие вольности при изложении истории. По его мнению, христианство как таковое возникает только при императорах из династии Флавиев, а новозаветная литература — только при Адриане, Антонине и Марке Аврелии. Вследствие этого у Бауэра исчезает и всякая историческая почва для новозаветных сказаний о Иисусе и его учениках; эти сказания превращаются в легенды, в которых фазы внутреннего развития первых общин и духовная борьба внутри этих общин переносятся на более или менее вымышленные личности» (Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 474.).

Необходимо отметить, что вплоть до 60-х годов значительная часть советских исследователей, захваченная пылом борьбы с «закоренелыми предрассудками», шла скорее за Бауэром, чем за Энгельсом, утрируя даже передержки «хватившего через край» Бауэра. Так, например, если для Бауэра новозаветные авторы — «настоящие плагиаторы» более ранних писателей — Филона (ум. около 40 г. н. э.) и Сенеки (ум. в 65 г. н. э.), то для Р. Ю. Виппера это плагиаторы Плутарха (ум. после 119 г. н. э.), что гораздо более странно с точки зрения хронологии, да и в прочих отношениях.

С течением времени накопление нового материала (в частности, кумранские открытия, находки в Египте фрагментов евангелий, относящихся к началу II в. н. э., общее развитие научных теорий мифотворчества) создало предпосылки для более строгого отношения к фактам и евангельской традиции; это ощущается, в частности, в последних работах И. Д. Амусина, М. М. Кубланова, И. С. Свенцицкой.

Ф. Энгельс, критиковавший тюрингенскую школу за то, что она сохраняет все евангельские рассказы, отбрасывая только чудеса, и Бруно Бауэра — за его гиперкритицизм, писал, что между этими границами лежит истина и что «новые находки, в особенности в Риме, на Востоке и прежде всего в Египте помогут в этом вопросе гораздо больше, чем какая угодно критика» (Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 474.). Открытия, сделанные в послевоенные годы, оправдывают эти слова Ф. Энгельса.

Для историка обобщающие схемы и принципиальные конструкции никогда не могут заменить конкретность фактов и персоналий. Постановка проблемы генезиса христианства в широком плане не отменяет постановку этой проблемы и в узком плане. Однако с источниками во втором случае дело обстоит куда менее благополучно, чем в первом.

Разумеется, особую ценность имели бы сообщения об Иисусе из Назарета и его первых последователях, исходящие от «сторонних» и постольку более или менее «незаинтересованных» свидетелей — римских хронистов первой половины и середины I в. н. э. К сожалению, вся актуальная историография ранней империи, предшествующая Тациту и Светонию, утрачена (за единственным исключением конспективного труда Веллея Патеркула, набросанного к тому же слишком рано — в 29 г.).

Упоминание христианства у Тацита вкраплено в рассказ о знаменитом пожаре Рима при Нероне в 64 г. н. э., подавшем повод к слухам о намеренном поджоге. «И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время, это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев». После этого историк описывает казни христиан, оформленные как зрелище. Нет никаких оснований считать это место подложным или хотя бы интерполированным. Другой вопрос, какую информацию оно содержит. По достоверным сведениям, имевшимся у Тацита, к 64 г. христианство существовало, дошло до Рима и было уже настолько известно столичному обывателю, что могло пригодиться официозной пропаганде в качестве политического козла отпущения. Все это само по себе важно. Однако дает ли это сообщение сведения о начале христианского движения? Тацит писал в 116—117 годах. В эти годы о том, что христианство зародилось в Иудее, что основателем его был некто «Христос», казненный римскими властями, и что при этой казни играл какую-то роль прокуратор Понтий Пилат, можно было услышать от первого встречного христианина (а ведь друг Тацита Плиний Младший лично допрашивал христиан в Вифинии). «Анналы» Тацита — гораздо более ценный источник для истории римской стадии христианства, чем для истории его палестинской стадии: То же самое в еще большей степени относится к сообщению Светония об императоре Клавдии: «Иудеев, постоянно волнуемых Хрестом(Хрест — лингвистически закономерная латинская передача греческого Христос.), он изгнал из Рима». Из-за этого «Хреста», о котором Светоний больше ничего не знает, при Клавдии происходили беспорядки в римской еврейской общине.

На этот раз мы узнаем, что, по-видимому, не только Нерону, но еще его предшественнику Клавдию пришлось в какой-то мере считаться с фактом мессианского движения последователей Иисуса. Стоит вспомнить о рескрипте того же императора Клавдия от 41 г. к александрийцам, текст которого был обнаружен на папирусе, найденном в 1920 г. в Египте. Император в нескольких темных выражениях запрещает александрийским иудеям приглашать к себе

иудеев из Сирии и Египта, разносящих «как бы некий общий недуг всей вселенной».

Толкование этого рескрипта вызывает споры, нельзя быть вполне уверенным, что в нем идет речь именно о христианстве; но он, во всяком случае, говорит о распространении из Сирии и Египта учений, связанных с библейской традицией и опасных для империи. В этом смысле свидетельство рескрипта смыкается с сообщением Светония о распространении христианства при Клавдии; но все это, к сожалению, еще не может дать нам в руки сведения о самих палестинских истоках христианства.

Естественно обратиться к историку Палестины Иосифу Флавию (37 — около 100 г.). В его «Иудейских древностях» (XX, 199— 201) сообщается под 62 г. об убиении Иакова «брата Иисуса, прозванного Христом», и есть раздел о самом Иисусе (XVIII, 63—64); этот раздел сразу резко разочаровывает исследователя: в нем бросаются в глаза заявления о мессианском достоинстве и даже божественности Иисуса, которые никак не могут принадлежать верующему иудею, каким был Иосиф, но только верующему христианину, каким он ни в коем случае не был. Безусловно, раздел испорчен переделками и вставками (интерполяциями) христианских переписчиков; но правильно ли считать его в полном объеме одной большой интерполяцией, или можно попытаться вычленить его подлинное ядро, отбросив наслоения? Этот вопрос до недавнего времени был предметом острой, но довольно безрезультатной дискуссии, пока в 1971 г. семитолог Ш. Пинес не доказал при помощи строгого филологического анализа, что первоначальный подлинный текст сохранился в средние века в ближневосточном рукописном предании благодаря раннему переводу «Иудейских древностей» на сирийский язык с оригинала, еще не подвергнувшегося христианской переработке. Этот сирийский перевод сообщения Иосифа об Иисусе сберегла для науки цитата из него (по-арабски) во «Всемирной истории» («Китаб аль-унван») христианского историка X в. Агапия с прямой ссылкой на Иосифа Флавия (Текст Агапия был издан еще в 1910 г. русским ученым Васильевым, по па пего не обратили надлежащего внимания.). Интересующее нас место читается так: «...В это время был мудрый человек по имени Иисус. Его образ жизни был похвальным, и он славился своей добродетелью; и многие люди из числа иудеев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и смерть; однако те, кто стали его учениками, не отреклись от своего ученичества. Они рассказывали, будто он явился им на третий день после своего распятия и был живым. В соответствии с этим он-де и был Мессия, о котором пророки предвещали чудеса...»

В отличие от переделанного христианским редактором греческого текста здесь нет ни сомнений в человеческой сущности Иисуса, ни упоминания о его чудесах, ни возложения ответственности за его смерть на иудейских старейшин (противоречащего общей тенденции сочинений Иосифа); что касается воскресения Иисуса и его

мессианского достоинства, то они всецело оставлены на совести Иисусовых учеников. Это голос не враждебный, но чуждый христианству. Иначе говоря, отпадают все препятствия к тому, чтобы рассматривать весь раздел в таком виде как подлинный текст Иосифа Флавия (конечно, со скидкой на несущественные деформации, возникшие при последовательном переводе с греческого на сирийский и с сирийского на арабский).

Другое из двух главных сочинений Иосифа Флавия — «Иудейская война» — было написано в двух вариантах: по-гречески — с расчетом на римскую публику и по-арамейски — с расчетом на иудейскую публику. Сохранился только греческий вариант, в котором христианство ни разу не упомянуто, что само по себе довольно понятно: официозному историографу династии Флавиев, доказывающему грекоязычному читателю историческую правоту империи и политическую безобидность иудейства, не к чему было распространяться о мессианских движениях. Что касается древнего славянского перевода «Иудейской войны», возможно хотя бы отчасти восходящего к арамейскому подлиннику и доносящего колоритные подробности о политическом фоне выступления и гибели Иисуса, то проблема этого перевода является одной из самых интересных, но и самых спорных проблем источниковедения. Формулировать ее итоги еще не время.

Иносказательные упоминания об Иисусе и ранних палестинских христианах (миним—«еретиках», «отщепенцах») в Талмуде представляют собой довольно позднюю (II—V вв. н. э.) запись своеобразного «фольклора» раввинских школ за полтысячелетия. Устное предание имеет свои свойства: оно крайне легко искажает факты, но порой очень цепко удерживает образ. Анекдоты и слухи о начале христианства, записанные в Талмуде, не отличаются в этом отношении от всех других анекдотов и слухов. Сообщаемые в них данные не следует ни переоценивать, ни отвергать целиком.

Христианская литература первых десятилетий дошла главным образом в составе канонического сборника, носящего название «Новый завет»; это комплекс религиозных сочинений, выбранных церковью среди им подобных как наиболее адекватное выражение новой веры, прибавленных к Септуагинте (Септуагинтой называется перевод еврейской Библии на греческий язык, выполненный в III—II вв. до н. э. в Египте для тамошней иудейской общины; он содержит некоторые книги, впоследствии исключенные из иудейского канона.) и вместе с ней составляющих христианскую Библию. Отбор новозаветного канона в основном произошел во II в., но завершился только к концу IV в. В него входит 27 сочинений различных жанров: четыре «Евангелия» («Евангелия» (греч. «благовестия») первое и четвертое — от Матфея и от Иоанна — написаны от имени учеников Иисуса; второе евангелие приписывается Марку, спутнику апостола Петра, а третье — Луке, спутнику апостола Павла. Само слово «евангелие» в лексиконе Павловых посланий I в. применяется к

христианской проповеди в целом), примыкающие к ним «Деяния апостолов», 21 «послание» (поучения в эпистолярной форме), из которых 14 принадлежат или приписываются традицией апостолу Павлу, а остальные — апостолам Петру (два), Иоанну Богослову (три), Иакову и Иуде (Речь идет, конечно, не о предателе Иуде Искарите, а о его тезке.) (по одному), и, наконец, «Откровение Иоанна Богослова», или «Апокалипсис» — фантастическая картина грядущего конца мира. Все эти сочинения сохранились на греческом языке — международном языке Восточного Средиземноморья; там, где традиция сообщает о семитическом (еврейском или арамейском) подлиннике, как в случае с «Евангелием от Матфея», этот подлинник утрачен.

Четыре «Евангелия» составлены в форме рассказа о жизни и проповеди Иисуса, о его смерти и воскресении. Наиболее краткое и, возможно, самое древнее «Евангелие от Марка» ничего не говорит ни о происхождении, ни о детстве и юности своего героя; рассказ начинается прямо с того, что аскет и пустынный Иоанн «Креститель» (не смешивать с Иоанном «Богословом», учеником Иисуса, которому приписывается авторство ряда новозаветных текстов) выступает с проповедью покаяния и крестит своих последователей в реке Иордан (т. е. подвергает их ритуальному омовению, укорененному в иудейских религиозных традициях), предсказывая при этом приход «более сильного», чем он сам; как бы в ответ на эти слова Иисус (Иисус — позднегреческая форма имени Иешуа.) приходит из Галилеи к Иоанну и принимает крещение. В самый момент обряда Иисус (по другой интерпретации текста — Иоанн) имеет видение: над ним разверзаются небеса, Дух божий (упоминаемый в Ветхом завете, но ни там, ни в Новом завете еще не признаваемый одной из трех ипостасей Божества, как позже у христиан) спускается к нему в виде голубя, и глас с небес утверждает Иисуса в мессианско-царственном звании «Сына Божия». Подготовившись сорокадневным уединением в пустыне, Иисус возвращается в родную Галилею, на севере Палестины, и начинает свою проповедь с возвещения мессианского времени («исполнились времена», «приблизилось царство божие», «покайтесь!»). Описывается призвание им первых учеников (апостолов—греч. «посланцев») из среды рыбаков Тивериадского озера, его странствия, преимущественно в Галилее, творимые им чудеса. Об учении Иисуса в этом Евангелии говорится мало. Постоянный мотив — столкновения с иудейскими ортодоксами из числа господствующих религиозных течений фарисеев и саддукеев (и отчасти с учениками Иоанна «Крестителя»), в связи с тем что Иисус, во-первых, проявляет непринужденность по отношению к запретам иудейской религиозной практики (например, нарушает предписание абсолютного бездействия в субботу), во-вторых, притязает на право прощать людям их грехи, принадлежащее-де только богу, и, в-третьих, поддерживает «оскверняющее» общение с отверженными грешниками. Далее рассказывается о чудесном видении: поднявшись с тремя избранными учениками на «высокую гору» (отождествленную

позднейшей традицией с горой Табор, в другом произношении — Фавор), Иисус явился им «преображенным», в засиявших одеждах, и на их глазах беседовал с Моисеем и Илией — легендарными пророками древности. После этого приведены изречения Иисуса, осуждающие богатство и утверждающие самоотверженную готовность на добровольное страдание в качестве решающего критерия духовной жизни(В «Евангелии от Матфея» Иисус начинает знаменитую «Нагорную проповедь» словами: «Блаженны добровольно нищие!» Эта формула находит параллели в кумранских текстах; по традиции, она переводится как «блаженны нищие духом», что приводит к ложному пониманию.). Наконец, накануне главного иудейского праздника — пасхи — Иисус приближается к Иерусалиму, въезжает в этот город на случайно найденном осленке, принимает приветствие от народной толпы, обращающейся к нему с ритуальными возгласами как к царю-мессии, и властно изгоняет из помещений Иерусалимского храма менял и торговцев жертвенными животными. «Подосланные» люди задают ему опасный вопрос: допустимо ли платить налоги императору? (Если Иисус ответит отрицательно — он разоблачит себя как подстрекатель к сопротивлению, если он ответит утвердительно — он восстановит против себя свободолюбивых «ревнителей» веры.) Иисус просит подать ему римскую монету и спрашивает, чье изображение и чье имя на ней отчеканены. Этот вопрос уже содержит в себе ответ: «Возвращайте цезарево — цезарю, а божье — богу» (На одном из евангельских фрагментов, найденном в Египте, Иисус уклоняется от ответа на вопрос (он говорит только: «Зачем вы называете меня своими устами "учитель", если не слушаете того, что я говорю...»; в «Евангелии от Фомы», тоже найденном в Египте, Иисус добавляет: «...а мне — мое».)). Вслед за тем Иисус предсказывает неудачу иудейской освободительной борьбы и разрушение Иерусалима; он отвергает также традиционное обозначение мессии как «сына Давидова», переводя таким образом понятие мессии из области политики в область религии. Все это не спасает его от смертельной опасности: старейшины решают предать его суду синедриона, чтобы затем выдать на казнь римским властям (синедрион был лишен права приговаривать к смерти). Иисус в кругу двенадцати ближайших учеников тайно справляет обряд пасхального ужина(Если считать, что «Тайная Вечеря» была ритуальным пасхальным ужином (др.-евр. седер), как полагает ряд исследователей, то приходится предположить, что приверженцы Иисуса справляли седер на день раньше, чем ортодоксальные иудаисты. В света кумранских текстов это находит свое объяснение.) (так называемая Тайная Вечеря), во время которой предсказывает, что один из учеников предаст его, а затем подает ученикам хлеб и вино, называя их своим телом и своей кровью, а себя уподобляя жертвенному пасхальному ягненку (прообраз христианской евхаристии—«причастия»). Ночь он проводит с учениками на Масличной горе в предместье Иерусалима, «ужасается и тоскует», просит троих самых избранных апостолов бодрствовать вместе с ним и в смертельной тоске обращается к богу с молитвой: «Авва(Слово авва

(точнее, абба) по-арамейски и означает «отче»; оно введено в греческий текст наряду с его же переводом как отражение арамейского подлинника (письменного или устного).) Отче! Всё возможно для тебя; пронеси эту чашу мимо меня! Но пусть будет не так, как я хочу, но как ты хочешь». После этого приходит один из учеников, по имени Иуда Искариот, вместе с вооруженными приверженцами иудейских старейшин; он подходит к Иисусу и целует его — это знак, кого надо схватить. Ученики разбегаются, Иисус отведен на суд синедриона, где подтверждает свое притязание на мессианское достоинство, за что старейшины выносят ему (предварительный) смертный приговор. Ранним утром Иисуса ведут к римскому прокуратору Иудеи Понтию Пилату для подтверждения приговора. Пилат спрашивает Иисуса, считает ли тот себя царем иудеев, и получает утвердительный ответ. Однако Пилат явно сомневается в политической серьезности дела и не прочь спасти необычного узника. По обычаю к празднику пасхи можно было помиловать одного осужденного; Пилат предлагает Иисуса, но толпа требует помиловать вместо него некоего Варавву, «который во время мятежа совершил убийство» (Несколько иначе о суде над Иисусом рассказывается в апокрифическом «Евангелии от Петра»: главная роль там отводится Ироду Антипе, правителю Галилеи; Пилат умывает руки в судилище, а не перед народом; народ возмущается казнью Иисуса и т. д.). Иисуса ждет участь неправых — телесное наказание и затем распятие на кресте. Его ведут на место казни (Голгофу) и распинают между двумя разбойниками. Описываются его страдания на кресте в течение шести часов и последние слова: это цитата из библейского псалма («боже мой, боже мой, почему ты меня оставил?»), приведенная не по-гречески, как остальной текст, и не по-древнееврейски, как в подлинном псалме, а на родном галилейско-арамейском наречии Иисуса: «элохй, элохй, ламма шебактани?» Тело Иисуса было выдано одному знатному иудею и спешно похоронено в каменном саркофаге, в пещере, в присутствии двух последовательниц Иисуса. На следующий день была пасхальная суббота — день, когда по иудейским верованиям нельзя ничего делать и нельзя никуда ходить. Когда же по истечении субботы Мария Магдалина и еще две женщины («мироносицы») пришли, чтобы омыть и умастить благовониями тело Иисуса, саркофаг оказался пуст, а на его краю сидел «юноша, облеченный в белую одежду», который сказал, что Иисус из Назарета «восстал и его здесь нет» и что ученики увидят его в Галилее. Женщины в изумлении и страхе ушли. Дальнейший текст содержится не во всех рукописях, и многие исследователи считают его неподлинным. Кратко повествуется о явлениях Иисуса Марии Магдалине и «в другом образе» двум неназванным ученикам; оба раза видевшие не встретили к себе доверия. В конце изображается, как еще одно явление происходит перед всеми одиннадцатью апостолами, после чего они идут на всемирную проповедь новой веры. На этом кончается «Евангелие от Марка».

Другие евангелия прибавляют к рассказу новые черты. Повидимому, одним из главных препятствий к тому, чтобы иудеи признали в Иисусе мессию, было его скромное происхождение из семьи галилейского плотника. Поэтому «Евангелие от Матфея» и «Евангелие от Луки» предлагают списки предков Иисуса, возводящие его к царю Давиду и прародителю Аврааму. Плотник Иосиф оказывается обедневшим отпрыском царского рода. Далее подчеркивается, что рождение Иисуса по особому стечению обстоятельств произошло не в безвестном галилейском Назарете, но в «Давидовом» городе Вифлееме, с которым были связаны древние пророчества о мессии. Оба евангелия рассказывают, что Иисус был чудесно зачат и рожден девственной матерью; «обручник» (фиктивный супруг) девы Марии — Иосиф был только приемным отцом таинственного младенца, он усыновил его как потомок древней династии Давидов. «Евангелие от Матфея» повествует об астрологах из Месопотамии («волхвах»), которые были приведены звездой на поклон новорожденному мессии, «Евангелие от Луки» — о вифлеемских пастухах, которых научил поклоняться младенцу явившийся им ангел. Жизнеописание Иисуса у обоих этих евангелистов в общем сходно с тем, которое дано у Марка, хотя порядок событий несколько иной, детализация более обстоятельна, чудесному отведено больше места.

Но главное отличие состоит в том, что в эти евангелия введено большое количество афоризмов и притч (др.-евр. машалим), приписываемых Иисусу. Так называемая Нагорная проповедь особенно пространно дана в «Евангелии от Матфея» (Согласно «Евангелию от Матфея», проповедь была произнесена «на, горе»; согласно «Евангелию от Луки» — «на равнине» (гл. 6, ст. 17). Повидимому, то и другое — перевод одного и того же арамейского слова, означающего любую незаселенную местность (в противоположность заселенной).); она содержит этико-религиозную программу христианства.

На место древней этики любви к «братьям», к «своим» по крови поставлен универсалистский идеал любви ко всем людям, объемлющей друзей и врагов; на место заповеди возмездия — заповедь прощения; на место принципа деловой озабоченности — требование презирать все земные заботы, не думать о завтрашнем дне и ждать «конечных времен». В «Евангелии от Луки» особенно много притч, и среди них такая известная, как притча о блудном сыне, иллюстрирующая мысль об открытом грешнику прощении.

Что касается «Евангелия от Иоанна», то в нем жизнеописание Иисуса существенно отличается от того, которое предложено в первых трех евангелиях, — настолько, что его трудно, даже невозможно согласовать с повествованием первых трех евангелий. Здесь упомянуты события совсем иные, действие происходит преимущественно в Иудее и специально в Иерусалиме, а не в Галилее. Именно «Евангелие от Иоанна», по существу, впервые подчеркивает

божественность Иисуса. Этому евангелию предпослан богословский пролог, звучащий как гимн, в котором идет речь о «Логосе» (др.-греч. «слово», «мысль», «смысл») как втором лице бога, существовавшем до начала времен и воплотившемся в Иисусе. Этот пролог—начало христианской теологии(В первых трех («синоптических», т. е. «сводящихся воедино») евангелиях Иисус ни им самим, ни его учениками не отождествлялся прямо с богом, хотя его и называют Сыном Божиим и мессией (Христом). Заметим, что всякий, принявший учение Христа, тоже «сын божий» — так, например, по «Евангелию от Иоанна» (гл. 1, ст. 12). Но в том же «Евангелии от Иоанна» впервые появляется обозначение Иисуса Христа как «бога» (в начальных строках и особенно в гл. 20, ст. 28); он понимается (хотя чаще всего прямо не обозначается) как божество также в апостольских посланиях и вполне ясно провозглашен богом в «Откровении» («Апокалипсисе»)).).

Многозначительное название канонического христианского сборника «Новый завет», включающего кроме евангелий и другие части, обусловлено сложной эволюцией идей. Как уже упоминалось, в основе иудейства лежит представление о «союзе» или «договоре» («завете») между богом и человеком (или общиной людей) , в силу которого человек принимает заповеди бога и творит на земле его волю, а бог охраняет человека и ведет его к спасению. Термин «Новый союз» («Новый завет») встречается в VI в. до н. э. у пророка Иеремии (гл. 31, ст. 31); затем, что особенно важно, он служил самоназванием кумранской общины ессеев (II в. до н. э.— I в. н. э.). Христианство жило верой в то, что новый союз бога с людьми осуществлен в результате примирительной миссии и жертвенной смерти Христа. В отличие от кумранской секты в обиходном языке христианства термин «Новый завет» стали прилагать не к самой общине, а к сумме канонических текстов, в которых видели новые заповеди, заменяющие «ветхий» Моисеев «Закон» (Тору). Слово «новый», вошедшее в обозначение самой чтимой книги христиан, как нельзя лучше передает эсхатологический историзм раннехристианской религиозности; члены христианских общин чаяли космического обновления и сами ощущали себя «новыми людьми», вступившими в «обновленную жизнь».

Каждое евангелие, входящее в «Новый завет», представляет собой не только рассказ, но «весть», не только жизнеописание Иисуса, но прежде всего проповедь о Христе, Сыне Бога. Евангельские тексты прежде всего предназначались для культовых чтений-декламаций на общинных собраниях, для богослужения, их композиция определена логикой литургического (богослужебного) мышления, а словесная ткань — литургическим ритмом. Наиболее характерно в этом отношении «Евангелие от Иоанна». Вообще миф о раннем христианстве без обрядов и таинств не соответствует исторической действительности. Внешняя примитивность и скудность обрядов молодой и гонимой церкви сочеталась с тем, что само слово евангельских текстов, тоже очень простое и необработанное,

воспринималось по своей внутренней установке как ритуальное, богослужбное (литургическое) слово, словесное «действие» и «таинство». Такому слову отводилось особое место в жизни, с чем должен постоянно считаться источниковедческий анализ. Первые три евангелия, которые ввиду общности материала принято в отличие от четвертого называть «синоптическими», не столь интенсивно литургичны в каждой своей фразе, как «Евангелие от Иоанна», а «Евангелие от Луки» выявляет даже сознательную ориентацию на стандарты и нормы «мирской» эллинистической историографии; однако и они предполагают скорее заучивание наизусть, ритмическую распевную рецитацию и замедленное вникание в отдельные единицы текста, чем обычное для нас читательское восприятие. Это роднит их с другими «священными» книгами Востока, например с Кораном (самое арабское название которого выражает идею громкого чтения вслух), с «Ведами», с текстами буддийского канона.

Важная источниковедческая проблема — выяснение относительной и абсолютной хронологии евангельских текстов, а также их зависимости или независимости друг от друга. К началу XX в. была разработана схема, до сих пор служащая с известными модификациями отправным пунктом для многих исследователей: «Евангелие от Марка» и гипотетический, искусственно реконструируемый текст под кодовым обозначением Q (от нем. Quelle — «источник») рассматриваются как база, на которой построены «Евангелия» от Матфея и Луки, причем к Q восходят речения Иисуса, общие для Матфея и Луки (А также для недавно найденного в Египте неканонического «Евангелия от Фомы», содержащего одни приписанные Иисусу афоризмы, без его жизнеописания. Однако «Евангелие от Фомы» не тождественно Q, как можно было бы предположить, поскольку в нем ощущается позднейшее гностическое влияние. Число афоризмов в нем значительно больше, чем в канонических евангелиях.), но не встречающиеся у Марка. Предполагается, что «Евангелие от Марка» и Q возникли до падения Иерусалима в 70 г., «Евангелия» от Матфея и от Луки — между 70—90 гг., «Евангелие от Иоанна» — между 90 и 120 гг.

Вопрос о датировке новозаветных текстов и об их связи с палестинской стадией христианства будет, без сомнения, еще не раз пересматриваться в связи с новыми публикациями кумранских текстов и новыми археологическими открытиями.

Редакционная коллегия использовала любезно предоставленные материалы С. С. Аверинпева.

Евангельское повествование и проблема его достоверности.

Поскольку наука, не связанная религиозным вероучением, не имеет никаких оснований априорно принимать или априорно отвергать

евангельский рассказ в каждой его детали, перед ней встает проблема критики источника.

В поисках реальной основы для такой критики необходимо помнить, что тексты евангелий — отнюдь не плод вольного литературного или религиозно-философского творчества. Уже в самом процессе своего становления они были жестко привязаны к совершенно конкретной утилитарной задаче: служить закреплением и подсобным инструментом проповеди, которой они и были порождены.

Из этого вытекает практический вывод: целесообразно попытаться выделить в составе евангельского повествования такие моменты, которые по своим ассоциациям, реально доступным для людей той эпохи и так или иначе всплывающим в текстах, могли лишь помешать делу христианской пропаганды и скомпрометировать самую проповедь. Если это удастся сделать, очевидно, что совокупность указанных моментов даст тот минимум безусловно непридуманных фактов (достоверных уже своей невыгодностью), которые не связанная религиозными догмами история обязана принять. Разумеется, вовсе не каждый подлинный факт непременно должен быть неудобным для пропагандируемого учения, но зато каждое неудобное сообщение должно восходить к подлинному факту, ибо провозвестник христианского учения был не в таком положении, чтобы взваливать себе на шею бремя этих неудобств иначе, как под давлением истины.

Целесообразно как можно полней использовать все еще недостаточно оцененный способ выяснить, какие именно пункты евангельского повествования были неудобны. Для этого нужно установить, что вызывало желание задним ' числом «исправить». Возможность эта связана с рассмотрением евангелий на фоне апокрифов, апологетических толкований и тому подобной несколько более поздней литературы. Чтобы определить, чем являются канонические евангелия, полезно для начала понять, чем они не являются, а для этого нет лучшего пути, чем прочувствовать контраст между ними и апокрифами. В апокрифах (как позже и в житиях апостолов и святых) царит ничем не сдерживаемая стихия эллинистической ареталогии (жанра повествований о чудесах) и восточного мифа (а порой, как в рассказах «Фомы Израильянина» о детстве Иисуса, и восточной сказки). Фантазия работает в них так же беспрепятственно — и порой с такой же странной убедительностью, — как в сновидениях: чего стоит рассказ «Деяний апостола Иоанна» о том, как Христос дорастает головой до неба, как великан, а после этого оборачивается карликом и больно щиплет поставленного в тупик Иоанна за подбородок, приговаривая с таинственным видом: «Иоанне, не будь неверующим, но верующим и не умствуй!» Тот же апокриф расписывает, как один из апостолов видит Христа в образе статного мужа, а другой апостол — одновременно в образе младенца. Даже в сдержанном «Евангелии от евреев» можно было прочесть, что Дух святой за один волосок перенес Иисуса по воздуху на гору Фавор, а в

«Евангелии от Петра», столь близком по времени и стилю к каноническим, крест сам шествует и говорит. Неверие оказывается в апокрифах незамедлительно посрамленным: рука дерзкой повивальной бабки, усомнившейся в девстве Марии, отсыхает; раб, ударивший на пиру апостола Фому, оказывается растерзанным еще до окончания этого пира; и даже мальчишка, сломавший запруду, которую соорудил маленький Иисус, поражен недугом. Извечная человеческая мечта о компенсации унижений исполняется в апокрифах, точь-в-точь как в сновидениях.

Читая апокрифы, мы видим, какими были бы канонические евангелия, если бы евангелист рассказывал события так, как хотелось ему самому, его слушателям и его читателям. Вот один пример. В «Евангелии от Марка» мы читаем поразительное свидетельство о том, что в Назарете, где Иисуса встречали с недоверием, как слишком привычного земляка, он «не мог совершить никакого чуда... и дивился неверию их» (гл. 6, с. 5). Одного этого достаточно, чтобы высоко оценить совесть рассказчика и понять, что он здесь во всяком случае не мифограф. Перед нами вовсе не какое-то особо тактичное и сдержанное применение установок жанра ареталогии, а некая противоположность этим установкам: получается, что, хотя чудотворство Иисуса реально для верующих, именно там, где оно было бы нужно, чтобы по всем правилам посрамить неверующих, заткнуть им рты, принудить к вере эффектным, показательным чудом, его как раз и нет, оно куда-то пропадает.

Конечно, дело совсем не в том, что евангелические рассказы сколько-нибудь правдоподобнее апокрифических. Элемент чуда играет в канонических евангелиях очень важную роль: Иисус описывается в них как чудесно родившийся, чудесно преображавшийся, чудесно исцелявший и чудесно воскресший. Впрочем, история рождения Христа, присутствующая только у Матфея и Луки, имеет свой особый колорит, отнюдь не характеризующий евангельское повествование в целом (Эта история, по-видимому, создавалась в грекоязычной среде и, по всей вероятности, когда никого из родных Иисуса уже не было в живых. Характерно сохранившееся возражение против веры в непорочное зачатие Девы Марии от Духа Святого, восходящее к иудео-христианской среде и состоящее в том, что Мария не могла зачать от женского начала: по-древнееврейски слово «дух» (руах) — женского рода.). Без этого элемента евангелие в принципе могло обойтись, как это видно на примере двух других евангелистов; напротив, оно не могло обойтись без чудесных исцелений и чуда воскресения. Но надо различать чудеса сказочно-мифологического характера от превращения молвою определенных совершившихся событий в чудеса. Нет никакого сомнения в том, что Иисус из Назарета жил в народной памяти как чудотворец. Известен ряд хорошо засвидетельствованных случаев, когда люди, в исторической реальности которых нет ни малейших сомнений, с полной искренностью и серьезностью считали себя и считались другими за чудотворцев, за сердцеведов, читающих мысли, и т. п.

(вспомним хотя бы французскую народную героиню Жанну д'Арк). Разумеется, относясь к Иисусу как к «чудотворцу», евангелисты могут время от времени говорить условным языком установившихся жанров, и соответствующие случаи давно отмечены. Но когда стоит вопрос о своеобычности евангелий и достоверности евангельского рассказа, важно не то, какие черты ареталогии есть в евангелиях, а то, каких черт этого жанра там решительно нет. И в этом смысле одна фраза «Евангелия от Марка» о том, как чудотворец «не смог» совершить чуда перед буднично настроенными земляками — не то что не пожелал, а именно не смог,— важнее многих сверхъестественных эпизодов, ибо она ощутимо выявляет границу благочестивой стилизации, предел, положенный ей реальностью.

Авторы всех четырех «Евангелий», как и вообще их единоверцы, твердо убеждены в телесном воскресении Иисуса после смерти; они могли бы сказать на языке Павловых посланий: «Если Христос не воскрес, вера наша тщетна» («I Послание к коринфянам», гл. 15, ст. 14). Однако это характеризует именно веру евангелистов, но отнюдь не их рассказ в его собственно историческом аспекте. Для характеристики последнего существенно отметить, что ни в одном из четырех евангелий само по себе «событие» воскресения не описано (в отличие от апокрифов Петра и Никодима, где живописуется, как ангелы выводят Христа из гроба, причем головы ангелов доходят до неба, а голова Христа превышает небесный свод). Евангельский рассказ сначала фиксирует только пустой гроб, позже — и явление Христа ученикам, причем для веры это означает воскресение, для неверия — нет (из самого евангельского рассказа мы узнаем, что пустой гроб был тут же истолкован официальными инстанциями Иерусалима как инсценировка — ученики-де выкрали тело; что касается «явлений» и «видений», то они в древние времена нередко бывали засвидетельствованы среди определенных, возбужденных какими-либо реальными событиями групп населения). Как проповедники, евангелисты возвещают свою веру и ручаются за нее; но как рассказчики в собственном смысле слова, они и здесь поступают, как и везде,— не дают воли своей фантазии. Даже в рассказе о воскресении мы имеем депо не с мифологическим эпосом: триумф Иисуса над враждебными силами остается явным только для поверивших, но лишен доказательности и показательности, лишен наглядности.

На фоне общей картины полного внешнего провала дела Иисуса, закончившегося его осуждением законными властями как иудейской общины, так и Римского государства, позорным унижением и смертью, можно отметить еще ряд деталей, для нашего восприятия менее бросающихся, но тогда достаточно важных; сочинителям мифов выдумывать их было бы по меньшей мере неразумно. Таково, во-первых, происхождение Иисуса из Галилеи. С точки зрения иудейской богословской мудрости «Галилея языческая» была населена не слишком высоконравственными и даже не очень-то умными людьми (гелилаа шоте — «бестолковый галилеянин», говорится в Талмуде).

Галилейская Тивериада, в окрестностях которой происходят евангельские события,— это новостройка Ирода Антипы, названная в честь царствующего императора Тиберия и поначалу населенная преимущественно язычниками. Приозерный городок Капернаум, избранный Иисусом для первых мессианских выступлений, ни разу не упоминается в Ветхом завете и лишь однажды случайно назван в автобиографии Иосифа Флавия. А Назарет, родина Иисуса, вообще нигде не упомянут — ни в библейских текстах, ни у Иосифа, ни в талмудической литературе, (это привело к тому, что некоторые ученые вообще считали Назарет выдумкой евангелистов, основанной на ложной этимологии прозвища «назорей», которое означает человека, принявшего на себя определенные ритуально-аскетические запреты; однако наукой теперь доказано существование Назарета уже в I в. н. э.— I в. н. э.). Действительно ли Иисус по особому стечению обстоятельств родился в легендарном Вифлееме городе мессианских пророчеств, связанном с памятью царя Давида, наука знать не может, да это и не представляет для нее интереса. Но не приходится сомневаться, что его детство и юность прошли в безвестном галилейском городке, просто потому, что измышление такой подробности практически невозможно, ибо противоречит интересам повествователей, и это важно для историка, поскольку дает возможность конкретизировать представления об этнической и социальной среде, из которой вышел Иисус.

Признание историчности Иисуса не имеет отношения к вопросу о бытии божьем, к атеизму, зато оно позволяет ввести частные обстоятельства возникновения важного фактора человеческой истории, каким явилось христианство, в конкретную рамку социальных условий определенного места и времени.

Приведенные нами выше аргументы убеждают не всех историков-марксистов. Однако, с нашей точки зрения, нет серьезных оснований сомневаться в том что в первой половине I в. н. э. в Палестине, преимущественно в Галилее, действовал странствующий «учитель» по имени Иисус (Иешуа) (Следует отметить, что Ф. Энгельс считал весьма вероятным существование апостола Иоанна (Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 476), хотя сведений о нем сохранилось меньше, чем об Иисусе.), который имел в своем образе жизни и общественном статусе много общего с раввинами своей эпохи, но также и с аскетами ессейского типа, хотя сам не входил ни в круг раввинов, ни в какой-либо сектантско-аскетический «орден», вроде кумранской общины; что среда, из которой он вышел и которая первой приняла его проповедь,— это галилейские бедняки, подпадавшие наряду с общим социально-экономическим гнетом Рима и собственных богачей еще и духовному давлению из Иерусалима и как раз в I в. н. э. давшие множество свободолюбцев и бунтарей, например из секты зелотов; что он в начале своей деятельности пришел к Иоанну «Крестителю» и дал совершить над собой главный обряд «крестительской» общины, тем самым продемонстрировав принципиальную солидарность с ее

эсхатологическими чаяниями и нравственными принципами; что после этого он основал собственную общину и объявил себя (или дал себя объявить спасителем и провозвестником наступающего мессианского времени (Любопытно, что гностическая религиозная община мандеев, сохранившаяся в Южном Ираке читающая себя потомками учеников Иоанна, отвергает Иисуса, как изменившего своему учителю.); что его проповедь, направленная прежде всего неимущим и встречающая наибольший отклик среди них, принципиально обращалась ко всем категориям палестинского общества, допуская к нему в отличие от фарисейской и ессейской проповеди также и «нечистых», религиозно отверженных лиц, почему его последователи и смогли обратить проповедь к неиудеям и превратить локальное галилеиское движение в мировую религию Средиземноморья; наконец, что он был казнен римскими властями в результате сговора между ними и иерусалимской верхушкой, так что политическому осуждению Иисуса со стороны римлян предшествовало его религиозное осуждение со стороны санhedрина (синедриона).

Так обстоит дело с наличным преданием о событиях до казни Иисуса. Проповедь Иисуса стала зерном учения, развивавшегося далее уже на греко-римской почве (см. подробно в лекции 12).

Редакционная коллегия использовала любезно предоставленные материалы С. С. Аверинпева.

Литература:

Редакционная коллегия Культура Ранней римской империи./История Древнего мира. Упадок древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.102-129

Лекция 6: Китай в первой половине I тысячелетия н.э.

Упадок и гибель рабовладения в Китае.

С правления Гуан У-ди (25—57 гг. н. э.), пришедшего к власти на волне восстаний трудового населения и недовольной части господствующего класса, начинается Младшая династия Хань. Жестоко подавив народные движения, Гуан У-ди, однако, вынужден был пойти навстречу некоторым требованиям повстанцев, он даже объявил о намерении вернуться к «добрым временам» Лю Бана. За время восстаний многие рабы вырвались на свободу; Гуан У-ди оставил им ее; кроме того, он неоднократно объявлял амнистии осужденным; еще до воцарения Гуан У-ди провозглашал свободу (больше на словах) продавшимся в рабство из-за голода или насильно обращенным в рабство во время всеобщей смуты. Действительно были освобождены государственные рабы, попавшие в рабство из-за нарушений законов Ван Мана, и в ряде областей империи некоторые категории частных рабов, незаконно приговоренных по суду к рабству (Речь шла о нарушениях «Закона о продаже людей и захвате в рабство», обнародованного Гуан У-ди в 30—31 гг. н. э.). Указом 35 г. было запрещено клеймить рабов, и, наконец, тогда же было ограничено право хозяев убивать своих рабов. Был отменен закон о позорной казни рабов на базарной площади, причем в указе заявлялось (официально—впервые), что раб по природе своей—человек.

Восстания 17—25 гг. способствовали консолидации класса рабовладельцев в целом и тем самым реставрации империи. Если при Ай-ди и Ван Мане любые попытки ограничить частное рабство и вторгнуться в права землевладельцев вызывали с их стороны отчаянное сопротивление, то теперь, после того как правительство Гуан У-ди взяло на себя и успешно справилось с функцией подавления восстаний рабов и бедняков, частные собственники уже не протестовали против законов Гуан У-ди о рабах, в том числе и ограничивающих самоуправство господ: большинство признавало уже, что эти меры необходимы, тем более что в главном Гуан У-ди отстаивал интересы землевладельцев и рабовладельцев. Обнародованный им «Закон о продаже людей», несмотря на вводимые там ограничения, безусловно способствовал упорядочению, а тем самым и дальнейшему развитию работорговли — этого важного источника частного рабства. Кроме того, стал изменяться и характер землевладельческих хозяйств, в первую очередь самых крупных. Ко времени Гуан У-ди относятся многочисленные упоминания о большом количестве у землевладельцев так называемых гостей — кэ, или бинь кэ (Термин бинь кэ можно перевести как «добровольно подчинившийся гость»). Так, в 52 г. за участие в мятежах «сильных домов» было казнено несколько тысяч лично зависимых от них бинь кэ. Видимо, в

это время многие хозяйства использовали «гостей», правда, «за неимением рабов». Категория кэ определялась так: «Это те, кто своей земли не имеет, но берет у богатых и возделывает ее» («Хань ту»).

Волнения 17—25 гг. охватили Северный Китай от Шаньдуна до Ганьсу и прокатились широкой полосой примерно в 300 км, захватив прежде всего районы междуречья Хуанхэ и Янцзы. Но особенно пострадала от военных действий столичная область. Чанань была разгромлена. Знаменитый канал Чжэнго и гидротехнические сооружения в бассейне р. Вэй были разрушены, и вся сложная оросительно-мелиоративная система Вэйбэй вышла из строя. Этот важнейший экономический район Западно-Ханьской империи пострадал настолько, что на восстановление в нем хозяйственной деятельности у новой династии не хватило возможностей. Кроме того, здесь, видимо, особенно значительны были позиции крупнейшей землевладельческой знати — «сильных домов», сторонников сепаратизма, резко оппозиционно настроенных в отношении Гуан У-ди. Сыграли свою роль и возобновившиеся набеги сюнну, частично снова «осевших» в Ордосе и угрожавших непосредственно Чанани. После казни Ван Мана их вожди даже претендовали на престол Ханьской империи, провозгласив было своего ставленника новым императором династии Хань.

В связи с изменением экономической и политической ситуации Гуан У-ди перенес столицу из Чанани на восток, в Лоян. Для восстановления ирригационных сооружений на Хуанхэ и приведения в порядок хозяйства страны были предприняты энергичные меры, в частности касающиеся упорядочения денежного обращения. Поощрялось земледелие и шелководство, бедноте выделялись на льготных условиях государственные земли (гун тянь), а после подавления мятежа 52 г.— земли опальных «сильных домов». Были сделаны налоговые послабления.

Постепенно империя Хань вновь обрела внешнеполитическое могущество мировой державы. В 43 г. был опять подчинен отложившийся было Северный Вьетнам, а народно-освободительное движение вьетов жестоко подавлено. Во второй половине I в. (при умелом использовании китайцами раскола сюнну на «северных» и «южных») (Сюнну еще в I в. до н. э. разделились на две ветви: одна ушла на запад, другая осталась у границ Северного Китая. В середине I в. н. э. эта часть сюнну раскололась на «северных», откочевавших на северо-запад, и «южных», переселившихся на территорию Ханьской империи, в Ордосский край. Южные сюнну стали первыми из кочевников, образовавших (в начале IV в.) в Северном Китае «варварское государство».)) восстановилось влияние Китая в Восточном Туркестане, во время военных кампаний было взято в плен якобы до 200 тыс. кочевников.

Образцом гражданина в официальной истории династии изображен известный рабовладелец, заслуженный военный Ма Юань (14 г. до н.

э.—49 г. н. э.), прославившийся усмирением вьетов и удостоенный почетного звания «главнокомандующего — сокрушителя волн». Сказанная им перед кончиной (на поле брани с гуннами) фраза стала знаменитой: «Командиру подобает быть доставленным домой в шкуре боевого коня, а не умирать дома в постели, в окружении сыновей и внуков».

Особенно отличился как в войнах с «северными» сюнну, так и на дипломатическом поприще в Западном крае ханьский полководец Бань Чао (32—102) — брат историка Бань Гу, назначенный наместником Западного края. Он был одним из организаторов мощной антисюннуской коалиции племен динлинов и сяньби, с успехом осуществляя традиционную внешнеполитическую линию империи Хань: «варваров уничтожать руками варваров».

По мере продвижения империи Хань на северо-запад обострялись ее отношения с Кушанским царством. В 90 г. Бань Чао в Средней Азии разбил войска кушанского царя Канишки — скрытого союзника сюнну, поддерживавшего врагов империи Хань в Западном крае, после чего кушаны некоторое время посылали в Китай дары. Один из эмиссаров Бань Чао достиг Персидского залива; вновь, хотя и ненадолго, был установлен Шелковый путь — важнейшее звено на торговой оси Лоян (ранее Чанань) — Рим.

Международная китайско-римская торговля, оставаясь непрямой, приобрела к этому времени довольно регулярный характер. Упоминания о китайских товарах проникают даже в художественную литературу, их можно встретить у Горация, Вергилия, Птолемея, Плиния Старшего (Торговля между Ханьской империей и Римом впервые началась в 36 г. до н. а. и была возобновлена при Августе.). В I в. н. э. в «Великую страну Цинь», как китайцы называли Римскую империю, отправилось ханьское посольство; правда, оно дошло лишь до римской Сирии.

Одновременно китайцам удалось через Верхнюю Бирму и Ассам установить связи с Индостаном и наладить морское сообщение из портов Вьетнама (в частности, из известного римлянам под названием «Каттигара» порта в Бакбо) до восточного побережья Индии, а через Корею — и с Японией.

Развитие внешнеторговой экспансии империи Хань в направлении стран южных морей, государств Южной Индии и Шри Ланки становится особенно заметным во второй половине II в. н. э.— с утратой ханьского контроля над Великим шелковым путем.

Внутри страны происходит рост производительных сил. Проводились крупные ирригационные работы; поддержание в порядке ирригационных сооружений имело особенно важное значение в Северном Китае, где из-за специфических геологических условий прорыв плотин приводил к страшным бедствиям. Для помола зерна

вместо ручных зернотерок начали применять примитивные водяные мельницы, агротехнические изобретения Старшей династии Хань получили большее распространение, были придуманы воздуходувные кузнечные мехи, действовавшие при помощи водяного колеса с вертикальным валом, и водоподъемный насос. Однако распространение все эти нововведения получают лишь с III—IV вв. н. э.

При Младшей династии Хань в империи ясно определились два направления социально-экономического развития. Главным из них оставалось рабовладение.

Рабовладельческие хозяйства продолжали существовать, хотя труд рабов применялся теперь прежде всего в специфических видах производства (выращивание камфарных и лаковых деревьев, пастьба скота, рыбные и соляные промыслы). Для земледелия, если не считать ирригационных работ, рабский труд не был характерен. Жалобы на непроизводительность его появились уже во второй половине Старшей династии Хань (в правительственной дискуссии «О соли и железе» и докладе сановника Гун Юя); теперь они усилились. Это было связано, в частности, с усовершенствованием навыков труда и хозяйственных методов — не менее важным показателем подъема производительных сил, чем технические достижения. Развивается новый тип полеводства, требовавший тщательного ручного ухода буквально за каждым растением в поле; рабский труд для этого не годился. Получают развитие сложные хозяйства крупнейших собственников земли, где применялся труд зависящих от них (но лично еще свободных) земледельцев (Исследователи отмечают двойственность их положения: они сохраняли право приобретать землю, но не могли самовольно покинуть арендуемый ими участок господской земли.). Процесс концентрации земли принял неслыханные размеры: новые землевладельцы, никак не связанные с чиновной знатью, иногда обладали имениями, тянувшимися «от области до области». Их влияние распространялось на всю округу, включая и мелкие города. Эти земельные магнаты назывались, как мы уже знаем, «сильными домами». Они имели тысячи рабов, табуны коней, стада крупного и мелкого скота, владели большими мастерскими, значительную часть персонала которых составляли закованные рабы, наживались на торговле и ростовщичестве. На полях этих огромных имений было крайне трудно, а то и невозможно организовать необходимое наблюдение за рабами. Здесь использовался труд бу цюй (посаженной на землю личной стражи) и всякого рода кэ — «гостей», «полевых работников», «гостей-приживальщиков», «нахлебников» и др. Эта группа, напоминающая клиентов или колонов, существовала на правах арендаторов (дянь кэ) или на положении отроков-рабов (тун ли). Часто нужда заставляла задолжавшую бедноту брать в издольную аренду и обрабатывать землю «сильных домов» на тяжелых условиях. В обширнейших поместьях, имевших по несколько тысяч «гостевых дворов», наметился переход к предфеодальным формам хозяйствования. Второе направление социально-экономического

развития в империи Младших Хань и представляло крупное землевладение, где устанавливались отличные от рабовладельческих отношения, игравшие все более важную экономическую роль.

В государственном секторе получили распространение так называемые тунь тянь («поля при селении—тунь»). Впервые эта форма государственного полеводческого хозяйства возникла на северо-западных границах империи на рубеже II—I вв. до н. э., но затем нашла применение во внутренних областях империи (что, возможно, свидетельствует об усилении значения императорской собственности). Для изучения этих хозяйств имеются крайне редкие для древнего Китая источники — подлинные документы хозяйственной отчетности на бамбуковых планках. Сельскохозяйственные работы здесь выполняли поселенцы и их семьи, которым выдавали посевной материал, земледельческие орудия и скот: урожай (целиком или в размере 60%) сдавался в казенные амбары, откуда земледельцы получали натуральные выдачи и одежду. Выдачи и выполненные работы строго учитывались. Несмотря на тяжелые условия эксплуатации, жители этих селений не были все же рабами в юридическом смысле (так как известны случаи их дальнейшего порабощения властями), но находились на положении государственно-зависимых, прикрепленных к земле землепользователей. Это аграрное устройство, видимо связанное и с воссозданием общин, получило дальнейшее развитие и стало в известной мере прообразом государственной «надельной системы» — цзюнь тянь, нашедшей широкое применение со второй четверти III в. н. э., уже после падения ханьской династии, в китайских предфеодалных государствах периода так называемого Троецарствия и в раннефеодалной империи Цзинь.

Между тем ко второй половине II в. ханьский Китай снова потерял Западный край, хотя заинтересованность империи в нем была несомненна. Восстановление империей Младших Хань в I в. международной торговли по Великому шелковому пути и овладение торговыми путями на северо-востоке и юго-западе явилось мощным стимулом для развития товарно-денежных отношений, роста частного предпринимательства и накопления личных богатств. В феноменальном росте фамильных состояний и безудержном мотовстве богатейших домов современники усматривали чуть ли не первопричину оскудения государственной казны и массового разорения земледельцев. Два крайних полюса социальной действительности — скопление несметных сокровищ в руках немногих собственников (в частности, тех, кто был связан с торговлей и ростовщичеством) и обнищание массы мелких и средних собственников — обозначились к началу II в. с предельной остротой. Создавшееся положение многие деятели рассматривали как катастрофу для государства и связывали его с чрезмерным распространением товарно-денежных отношений.

Представление о том, что торговля и монетное обращение являются «червем», подтачивающим благосостояние государства, сложилось у ряда древнекитайских экономистов давно, в предимперский период. С конца II в. до н. э. в докладах на высочайшее имя появляются предложения запретить деньги и изъять металлическую монету из обращения. Однако объективная действительность, вызвавшая к жизни эти внешне схожие настроения, в разные периоды была различна.

В предимперскую эпоху, когда распространение товарно-денежных отношений стимулировало развитие рабовладельческих хозяйств, работавших на продажу, такое отношение отражало прежде всего реакцию общественных слоев, наиболее пострадавших от «победного шествия денег», в первую очередь прежней знати. Вместе с тем оно показывало реакцию правящих кругов — идеологов «фацзя», не связанных со старой знатю, но ставящих превыше всего интересы авторитарного государства, которые, по их мнению, ущемлялись новой денежной знатю. Эти воззрения шли вразрез с развитием рабовладельческой экономики той эпохи.

Теперь обстоятельства переменились. В условиях укрупнения рабовладельческих хозяйств, изменения самого их характера при усиливающейся натурализации хозяйства дальнейшее расширение и углубление денежных отношений (обусловленное также и политическими причинами (В частности, притязаниями фиска: подушный, а зачастую и поземельный налог, составлявший важнейшую статью доходов империи, правительство пыталось исчислять в деньгах.)) становилось отрицательным фактором, подрывающим экономику общества в целом. Вызванные этим противоречием общественные сдвиги давали себя знать во всех областях жизни и объяснялись современниками по-разному, но, как правило, пагубностью денег, как таковых. Подлинная причина этого кризисного явления заключалась в том, что достигнутый к тому времени уровень товарно-денежных отношений не соответствовал существовавшему тогда характеру производства. Поскольку в древности производство из-за низкого уровня производительности труда в целом носило натуральный характер, постольку товарно-денежное обращение затрагивало лишь относительно небольшую часть производимого продукта и капитал был торговоростовщическим, т. е. к производству не имел прямого отношения. Таким образом, рост денежных накоплений не стимулировал производства. И если оборотную сторону обогащения частных домов в империи Хань многие современники видели только в безмерной роскоши и беспредельном расточительстве—на фоне все возрастающей бедности подавляющего большинства населения и за его счет,— то в некотором смысле они были недалеки от истины.

Все это привело к обострению внутренней борьбы в правительстве и самом императорском доме. Две группировки боролись при ханьском дворе за влияние на императоров, в какой-то мере отражая две

указанные тенденции общественно-экономического развития. Во внешней политике это были линии на ее активизацию и на затормаживание. Сначала одержала победу первая, и ее выражением были успехи Бань Чао, действовавшего в Западном крае в течение 30 лет. Но вскоре, и не случайно, взяла верх вторая. Еще во времена Бань Чао придворные советники настаивали на прекращении походов в Восточный Туркестан. После его смерти наместничество в Западном крае было уничтожено. Сын Бань Чао еще некоторое время продолжал дело отца. Однако государственной поддержки его деятельность уже не встречала, а в сложнейшей обстановке Западного края это означало постепенную сдачу империей ключевых позиций на Великом шелковом пути. Уже с конца первого десятилетия II в. северные сюнну при поддержке владетелей Западного края возобновили набеги на Китай. Активизировались племена цянов. Северные и северо-восточные границы империи стали подвергаться нападению сяньби, занявших прежние кочевья сюнну. У династии едва хватало сил для обороны границ.

На отказ от активной внешней политики повлияла и наметившаяся в первой четверти II в. убыль числа налогоплательщиков государства. Во 2 г. н. э. — в конце правления Старшей династии Хань — в Китае впервые была проведена перепись населения по числу хозяйств и душ, показавшая соответственно цифры: 12 233 062 и 59 594 978, т. е., как и обычно в древности, около пяти душ на хозяйство. При Младшей династии Хань составление фискальных списков стало одним из важнейших мероприятий имперской администрации. «История Младшей династии Хань» сохранила нам данные поголовного учета податного населения, производившегося примерно через каждые десять лет вплоть до середины II в. н. э. Столь пристальное внимание к проблеме народонаселения и регулярная регистрация основных непосредственных производителей государства обнаруживают жизненную важность для империи этой проблемы. В самом начале правления Младшей династии Хань перепись зафиксировала всего 21 млн. человек, но в течение длительного правления Гуан У-ди имел место неуклонный рост числа налогоплательщиков, количество которых к концу I в. н. э. достигло 53 млн. человек, что означало соответствующее возрастание доходов казны. Однако уже через полтора десятка лет и перепись показала убыль подданных империи почти на 10% — и * это в то время, когда, по свидетельству источников, у империи «не было дел», т. е. ни внутренних смут, ни внешних кровопролитных войн. Важная статья государственных доходов оказалась под угрозой. И хотя войны с кочевниками стоили жертв, однако причина этого неблагоприятного экономического положения была глубоко внутренней. Не срабатывала одна из основных функций государства: непосредственного изъятия прибавочного продукта у основной массы трудового земледельческого населения (притом что сельское хозяйство было важнейшей отраслью общественного производства в империи). Сокращение количества налогоплательщиков не означало, конечно, их физической гибели, но

знаменовало их гибель «гражданскую», поскольку они отдавали себя под покровительство частных лиц. Это положение принципиально отличалось от того, которое вызывало тревогу ханьских политических деятелей примерно за полтора-два столетия до этого. Тогда донесения местных властей сообщали, что, несмотря на сокращение поземельного налога до 1/30 доли урожая, бедняки в действительности лишаются половины в пользу богачей — обычно своих кредиторов, что вынуждает бедный люд закладывать поля и отдавать членов семей в рабство. Речь шла об общинниках, попавших в долговую кабалу, но остававшихся в числе граждан — налогоплательщиков империи. Ни о какой личной зависимости бедствующего люда от частных лиц тогда не было речи, во всяком случае как о массовом явлении. И тогда и сейчас государство пеклось о своих доходах, о налогоплательщиках империи, и болезненно реагировало на их сокращение, но за внешним сходством явлений скрывалось их принципиальное различие. Многие должники и теперь продавали членов своих семей и даже себя в рабство, но общая тенденция развития становилась иной. Заметно возрастало число маломощных семей, «добровольно» отдающих землю «сильным домам» с условием пользования ею на правах лиц, лично зависимых от земельных магнатов. К концу II в. под покровительством отдельных крупнейших представителей «сильных домов» находилось по несколько тысяч кэ, бу-цзюй и дзянь-кэ. Практика перехода под покровительство формально ве носила характера торговой сделки, не скреплялась актом купли-продажи земли и не означала порабощения личности должника. Фиксировались отношения личные, патронажные; фактически они приводили к переходу распоряжения землей должников и значительной части доходов с нее к заимодавцу или другому «покровителю» обедневшего общинника и к потере в конечном итоге последним какой-то доли своей гражданской свободы.

Патронаж привязывал отдавшегося под покровительство к земле, что, очевидно, было в интересах обеих заинтересованных сторон. Если доведенные до разорения земледельцы отдавались под покровительство крупных собственников, попадали в личную зависимость от них, то такой ценой они сохраняли известные владельческие права на свои участки. Покровительство патрона, видимо, освобождало их самих и от уплаты государственных налогов. О том, что в основе этих процессов часто лежали долговые сделки, можно судить по постоянным упоминаниям источников об огромном количестве должников у земельных магнатов.

Из подданных государства, его свободных граждан, попавшие в долговую кабалу лица теперь превращались в людей, лично и поземельно зависимых, вышедших из-под фискального надзора имперской администрации. Для государства этот процесс означал потерю доходов, для земельных магнатов — их приобретение, причем явно в ущерб государству (Очевидно, к концу описываемого периода «гостевые дворы» получают какой-то официальный статус и начинают учитываться властями на предмет налогообложения, но не как

самостоятельные хозяйства, а как податные единицы, подчиненные «сильным домам», приписанные к ним.)

Создалась своеобразная ситуация: общинники — основные налогоплательщики государства могли распоряжаться своей землей, передавать ее на определенных условиях другим лицам, в частности «сильным домам», которые, в свою очередь, также имели право распоряжаться своими поместьями, расширяя их до любых мыслимых пределов. Государство же, чьими подданными они являлись, не имело реальной возможности помешать этому. Таким образом, ни императору, ни ханьскому государству не принадлежала и в это время собственность на всю территорию империи, на которую распространялся их публично-правовой суверенитет.

Но с течением времени — по мере ослабления императорской власти — главы «сильных домов» постепенно присваивали себе и публично-правовые функции государства (или часть их). Магнат почти «естественно» делался носителем судебной-правовой власти для своих «зависимых», как бы становясь между ними и государством. Новая зависимость могла ассоциироваться в их глазах с патриархальной зависимостью младших родичей в домашней общине, которые в пределах каждой большой семьи и ранее фактически были лишены собственности на средства производства. Коммендация вела к изменению гражданского статуса общинника, отдавшегося под патронат частного лица. В хозяйствах «сильных домов» по мере их укрупнения возникали в зачаточном виде те формы отношений собственности, которые делали магнатов в собственных глазах принципиально неотличимыми от правителей, а их поместья — неотличимыми от государств. Так постепенно в одном лице соединялись публично-правовые функции суверена и частнопровые функции собственника, которые в рабовладельческом обществе не совпадали. Но процесс этот здесь едва лишь начинался.

Многим политическим деятелям империи казалось, что можно воспрепятствовать концентрации земли у «сильных домов» и задержать процесс обезземеливания общинников, прижимая торговцев и искусственно сокращая приток в страну богатств, чрезмерно разжигающих страсть к наживе. Одно это убеждение могло представляться достаточным основанием для изменения внутренней и внешней политики империи. Стремление к личному обогащению противопоставлялось государственным интересам страны и мыслилось основным источником финансовых бедствий империи. Но действительная причина происходивших процессов коренилась в намечавшемся изменении характера общественного производства. Новые формы личной зависимости и поземельных отношений становились доминирующими в крупных поместьях, свидетельствуя о снижении товарности частных хозяйств, дальнейшей натурализации производства, изменении способов выжимания прибавочного продукта.

При таких формах внеэкономического принуждения, как рабство, крупнейшие хозяйства не только не могли бы функционировать как полеводческо-земледельческие, но оказались бы во многих случаях просто не обеспеченными достоянной рабочей силой.

Латифундиальное рабовладельческое хозяйство на больших пространствах поместий «сильных домов» было практически невозможным, как из-за трудности надзора за рабами и из-за боязни рабских восстаний, так и потому, что это должно было изменить я полеводческий характер этих владений, ибо латифундии в их чистом виде, как правило, приводят к замене огородничества и зернового земледелия скотоводством или другими экстенсивными формами сельского хозяйства (что и наблюдалось в империи Хань с рубежа нашей эры). А это последнее обстоятельство само по себе обрекало их на гибель, поскольку земледелие оставалось основной отраслью ханьской экономики. Хозяйства, продолжавшие ориентироваться на рабский труд, экономическая невыгодность которого проявлялась все больше и больше в условиях натурализации экономики, оказывались менее жизнеспособными, чем крупное землевладение, где доминировали иные, более гибкие формы зависимости мелких производителей. Деграция рабовладельческого хозяйства на определенном уровне развития была связана также и с этим фактором.

Отсутствие перспектив развития при старом типе экономики, видимо, главная причина гибели рабовладельческой империи Хань.

Конечно, указанные процессы в разных частях империи протекали неодинаково, однако общая тенденция экономического развития в сторону усиления натурализации так или иначе давала себя знать, отражаясь на эволюции государства и являясь одной из глубоких причин изменения курса внешней и внутренней политики правящих кругов империи.

Советники настаивали на действенном использовании рычагов государственной машины для противодействия сокращению количества налогоплательщиков и уменьшению числа свободного общинного населения. Многие полагали, что как массовое обнищание, так и усиление мощи богатейших семей, противостоящих государственным интересам, были неизбежным следствием сильнейшей коррупции государственного аппарата, вымогательства властей и роста налогов и повинностей. Все это действительно имело место и с начала II в. стало принимать угрожающие размеры. Утяжеление податного бремени было вызвано и тем, что уменьшение числа налогоплательщиков естественным образом вело к увеличению налогов для оставшейся массы гражданского населения империи.

Это должно было, в свою очередь, повести к усилению процесса коммемдации. Целые общины (наличие их засвидетельствовано источниками) могли превращаться из собственников в «держателей»

земли у «сильных домов», поскольку за недоимки каждой семьи перед властями отвечала вся община. Последующие переписи показали всю тщету усилий правительства добиться в этом вопросе хоть какого-то улучшения. Когда в 146 г. обнаружилось дальнейшее сокращение податного населения — причем за один только год на 4%, — наиболее дальновидные государственные деятели сочли это показателем агонии государства, тем более что в то время сильнейший голод поразил центральные районы империи. Регистрируемая государством площадь пахотных земель заметно сокращалась. Число податного населения катастрофически падало (от 50 млн. единиц в середине II в. до 7,5 млн. в середине III в.), что лишь отчасти можно объяснить голодом, эпидемиями и военными действиями. Государство все увеличивало налоговый гнет, цены на продукты непомерно поднялись, в результате «люди превратились в людоедов, и кости мертвецов были разбросаны по всей стране», — сообщает «История Младшей династии Хань». Начался стремительный упадок товарно-денежных отношений: хозяйства «сильных домов» все в большей степени становились самодовлеющим целым со своими мастерскими и внутренними рынками, а крестьянство — еще свободное — не имело средств для участия в товарообороте. Городская жизнь замирала. Чиновники предлагали исчислять все сборы в зерне и тканях, и наконец в 204 г. был издан указ о замене всех денежных налогов натуральными, а в начале 20-х годов III в. указом была «отменена» монета.

Начиная со второй четверти II в. в Китае непрерывно вспыхивали локальные восстания; за полвека их зарегистрировано почти сто. Из-за разрушения плотин наводнения на Хуанхэ несли неисчислимые бедствия сотням тысяч семей. Особенно губительным было наводнение 153 г. Малолетние императоры оказывались пешками в руках враждующих придворных группировок гаремных евнухов и «ученых» чиновников. Их распри, доходившие до вооруженных столкновений в столице, отражали накал внутривластной борьбы центробежных и центростремительных сил; выразителями первых выступали «сильные дома», домогавшиеся в своих поместьях не только экономической, но и политической независимости. Усиление к середине II в. их влияния в общественно-политической жизни знаменовало собой упадок императорской власти.

В 184 г. вспыхнуло грандиозное восстание «Желтых повязок». Его возглавил основатель тайной даосской секты, маг-врачеватель Чжан Цзюэ, назвавшийся Учителем Высшей добродетели. Он уже в течение десяти лет проповедовал учение «Путь Великого Спасения». Учитель предвещал, что несправедливым порядкам империи Хань, конспиративно именуемой «Синим небом», скоро будет положен конец и наступит новая эра «Желтого неба» («Желтым небом» Чжан Цзюэ называл и себя самого, выступая в роли божественного спасителя человечества от ала греховного мира «Синего неба». Его учению не чужды были эсхатологические настроения.) — всеобщего благоденствия. Ему удалось завоевать себе множество сторонников. Они тайно в общинах обучались военному делу. Чжан Цзюэ создал

трехсоттысячную армию, организованную в 36 отрядов: это было возможно в условиях полного разложения ханьского государственного аппарата и крайнего обострения политической борьбы различных группировок господствующего класса. Деятели секты проникли даже в придворные круги. Но незадолго до назначенного дня восстания главный агент Чжан Цзюэ в столице был выдан и казнен, а за ним схвачены и другие его сторонники, действовавшие в Лояне. Чжан Цзюэ дал сигнал к повсеместному немедленному выступлению. Число повстанцев нарастало лавиной. Восставшие брали города, громили имения, затопляли поля, сжигали правительственные здания, убивали богачей и чиновников, открывали тюрьмы, освобождали рабов. Везде создавали пункты даровой раздачи продуктов питания. В движении принимали активное участие рабы, но основной контингент, видимо, составляли разоряющиеся мелкие собственники и зависимый люд. Показательно, что повстанцы ограничивались захватом имущества и продовольствия и не выдвигали требований перераспределения земли, столь характерных для позднейших крестьянских движений. Идея уравнительного наделения землей появляется в учениях даосских сект начиная лишь с IV в.

Восстание ширилось, а при дворе тем временем шла грызня клик, обвинявших друг друга в случившемся. Императорская армия оказалась бессильной против сил повстанцев, и дело подавления восстания взяли в свои руки главари из «сильных домов», создавшие частные армии. Сражаясь не на жизнь, а на смерть в открытых боях, повстанцы не могли устоять в борьбе с противниками, более опытными в стратегии, которым удавалось разъединять их и разбивать по частям. Чжан Цзюэ умер в разгар восстания; борьба продолжалась, но в течение года основные силы «Желтых повязок» были разбиты. В ознаменование победы над повстанцами у главных ворот столицы была сложена целая башня из сотен тысяч отрубленных голов. Однако по стране прокатились волны новых движений, поддержанные пограничными племенами, и они были окончательно подавлены только к 205—208 гг. Беспрецедентной жестокостью отличился при этом полководец Цао Цао.

После подавления восстаний началась война между усмирителями. Этим воспользовались сюнну. Об их страшном нашествии и разорении ими «Цветущего Китая» донесла воспоминания «Песня о скорби» — народная песня тех времен. Опасной силой стали сяньби, организовавшие союз племен и начавшие вторжение в Китай на северо-востоке. Вообще с первой четверти II в. варварские вторжения в Китай участились, и в дальнейшем интенсивность их все возрастала. При этом варвары попеременно заключали соглашения то с «сильными домами», то с поднимающимися против них восстания эксплуатируемыми массами.

В ходе междоусобиц «сильных домов» Цао Пи, старший сын Цао Цао, основал в Северном Китае новое царство Вэй (около 220 г.), но и два его соперника основали свои царства—У (на юго-востоке и юге

страны) и Шу (в Сычуани и других западных областях страны); время существования этих государств называется «Троецарствием». Земельные магнаты в это время забрали в свои руки столь обширные пространства, что это привело к вооруженным конфликтам между ними и государством. Обе стороны призывали на помощь отряды кочевников: сяньбийцев, ухуаней, южных гуннов. В этих царствах постепенно устанавливались предшествующие феодальным и раннефеодальным отношениям, ибо к земельным магнатам переходила не только экономическая, но также политическая власть и юрисдикция.

С того времени, когда в руки нового, экономически уже ведущего господствующего класса, эксплуатирующего путем принуждения работников, не лишенных собственности на все средства производства, перешла и политическая власть, можно считать переход от древнего (рабовладельческого) к средневековому (феодальному) общественному строю законченным. Этот переход в Китае происходил на протяжении двух-трех веков, завершившись окончательно к середине I тысячелетия н. э. Толчком, который был необходим для распада старой политической системы и перехода власти в руки нового класса, в Китае послужило не столько варварское вторжение (как это было в Римской империи), сколько народные восстания. Но окончательному утверждению феодализма также содействовали завоевания кочевых племен, которым подвергся Северный Китай.

История Китая с начала «Троецарствия» (220 г.) до образования сильной феодальной империи Тан (618 г.) была наполнена непрерывными внутренними и внешними усобицами. В Северном Китае с начала IV в., в связи с вторжением кочевников, начинают возникать многочисленные «варварские» государства, а в период V—VI вв. весь север был объединен под властью сяньбийского племени тоба. Однако «варварское» завоевание не захватило южной части страны.

Идеология и культура эпохи распада древнего общества в Китае.

Наиболее характерным идеологическим явлением и признаком серьезных социально-психологических перемен в Китае первых веков нашей эры является ясно наметившаяся тенденция к превращению ряда социально-философских учений древности в религиозно-философские — если не прямо в религиозные — доктрины. В конфуцианстве все более усиливаются идеи о сознательном вмешательстве Неба в жизнь людей и воздаянии за хорошие и дурные дела.

Закреплению идеологических устоев империи послужила теоретическая разработка ханьскими конфуцианцами учения о «Полномочии Неба» и их мифа о раннечжоуской империи, созданной

по воле Неба. Конфуцианская традиция выставляла императоров династии Хань преемниками царей Чжоу и Лу, причисленных к богам, и способствовала теократическому оформлению императорской власти.

В конфуцианстве образовались два толка (один исходил из письменной традиции, другой—из устной). О разногласиях внутри этих «школ» или «толков» свидетельствуют соборы, на которых с окончательным решением выступал император — фактически как глава церкви, чье мнение непогрешимо. Утверждение конфуцианской ортодоксии проходило в ожесточенной борьбе толков, логически завершавшейся казнями инаковерующих. Собор конца I в. н. э. признал «ложной» всю апокрифическую конфуцианскую литературу — весьма обширную в это время. Во II в. был высечен на камне «государственный экземпляр» «Пятикнижия», знаменуя окончательное утверждение древнего канонического ортодоксального конфуцианства. С этого времени нарушение конфуцианских заповедей каралось смертью как «наитягчайшее преступление». «Добродетельнейшие» же причислялись императором к «лику святых» согласно их прижизненным рангам; «наиправеднейшие» из числа верноподданных чиновников удостоивались «соуслаждения жертвами» с божествами в храме Конфуция; правда, канонизация их предусмотрительно производилась лишь посмертно.

Параллельно с начавшимися гонениями на «ложные», «еретические» учения в стране стали распространяться тайные секты религиозно-мистического толка.

В сторону превращения в религиозное учение продвинулся оппозиционный даосизм: во II в. это уже настоящая религия. Основателем религиозного даосизма считается Чжан Лин (середина II в.), которого его приверженцы называли «учителем». По профессии он был врачом, жил на юго-западе империи, в Сычуани, где проповедовал свое учение «Путь пяти мер риса» о достижении бессмертия. Считалось, что сам Лаоцзы через посредство Духов поручил Чжан Лину осчастливить людей, его пророчества привлекали к нему толпы народа. Многочисленная паства жила замкнутой колонией под его руководством, вызывая серьезные опасения властей. Чжан Лин положил начало особым даосским религиозным организациям. По преданию, Чжан Лин вместе с учениками, как и другие «бессмертные», при жизни вознесся на небо, не оставив после себя тела для погребения, эта характерная для даосской религии легенда была, видимо, вызвана отрицанием культа предков как части религии конфуцианской.

Как всегда при возникновении догматической религии, в даосизме начали образовываться секты. Проповедью всеобщего равенства перед богами даосская ересь привлекала к себе самые широкие массы. С даосскими сектами был связан и буддизм толка Махаяны, ставший влиятельным в Китае при Младшей династии Хань. К тому

времени буддизм из этико-философского учения вполне определенно превратился в религию со своим каноном доктрин. В дальнейшем религия даосов немало восприняла от более организованного буддизма. Со II в. в Китае появились буддийские монастыри. Они давали покровительство разоряющимся земледельцам и местным собственникам, включившись, таким образом, в общий процесс феодализации китайского общества.

Однако импульсы для создания философских учений и научных достижений типа, характерного для эпохи расцвета рабовладельческого общества, при Младшей Хань далеко не были исчерпаны. Так, упоминавшийся выше философ Ван Чун (27— 97), был одним из крупнейших материалистов древности тогда, когда в Европе время античного материализма давно миновало. По Ван Чуну, основу мира составляет материальная субстанция; все в природе возникает путем, ее естественного сгущения. Источником познания являются чувства, а не мистическая интуиция древних мудрецов, как утверждают конфуцианцы; мертвые не превращаются в духов — таковы важнейшие постулаты его «Критических рассуждений» — острополемиического произведения, направленного против конфуцианской ортодоксии. Ван Чун страстно и убежденно выступает как горячий апологет империи Хань, провозглашая ее абсолютное совершенство и незыблемость ее устоев. Он воспекает империю как наивысший образец государственного строя, но обращается к разумному ее началу, долженствующему, как он надеется, при надлежащем рациональном управлении страной обеспечить всеобщее процветание.

Слабый и болезненный человек, Ван Чун отличался необыкновенно широкими познаниями, а благодаря выработанному им строгому ежедневному режиму, диете и соблюдению комплекса гигиенических мер и терапевтических приемов прожил очень долгую и весьма плодотворную жизнь, показав пример стойкости и жизнеутверждающего оптимизма. Он разработал научно обоснованную систему жизненного режима и правил сохранения здоровья, противопоставив свой лечебно-профилактический метод бесплодным поискам бессмертия и ритуалам культа предков и конфуцианских норм поведения, только вредящим здоровью — этому «единственному богатству человека».

Значительны были и научные открытия в Китае этой эпохи. В теоретической обработке эмпирических данных значительный вклад был внесен даосской натурфилософской школой. В I в. до н. э. в Китае — впервые в истории (по преданию, Цай Лунем) — была изобретена бумага. Чжан Хэн (78—139) создал глобус, воспроизводивший движения небесных тел, а также самый древний в мире прототип сейсмографа. В области математики ханьские ученые впервые в мире выработали представления об отрицательных числах. Фань Шэнь-чжи создал трактат по агрономии и почвоведению, появились также трактаты по медицине и фармакологии. Выше упоминалось о важном

достижении этого времени в области магнетизма — изобретении удивительно остроумного прибора, названного «указателем юга». Сначала он применялся лишь для гадания, но с I в. н. э. стал использоваться по своему прямому назначению — как мореходный компас. В это же время была создана и оригинальная конная «повозка, указывающая на юг», на которой было установлено механическое устройство, фиксирующее отклонение дышла от заданного направления «север — юг».

Ханьские ученые смогли вполне точно описать явления резонанса и законы гармонии. Была установлена уникальная «абсолютная» система единиц измерения, в которой основной линейной мерой служила длина эталонной трубки бамбуковой свирели, рассчитанной на определенную ноту. По длине такой трубки умещалось 90 просяных зерен. Диаметр зерна служил минимальной мерой длины, а его вес — минимальной мерой веса.

Свои естественнонаучные взгляды ханьские мыслители нередко выражали в стихотворной, обычно одической форме. Так, в ханьском трактате II в. в поэтической форме постулируется необходимость выравнивания весов в соответствии со сжатием и расширением от холода и жары.

Традиции историографии продолжал историк Бань Гу, а после его смерти — его сестра, поэтесса Бань Бяо — единственная женщина-историк во всем древнем мире; ими была составлена официальная «История Ранней династии Хань» («Цянь Хань шу»).

Ханьское время отмечено творчеством многих талантливых поэтов и поэтесс — авторов лирических стихов и ритмической прозы. Императоры собирали при дворе известных поэтов и мыслителей, знатоков песен, направляя их творчество на прославление самодержавия империи. В среде аристократии тоже процветало меценатство.

Произведения лучших поэтов, испытавших влияние «Музыкальной палаты» — «Юэ фу», реалистичны по содержанию, отражают волнения и горести эпохи. Вместе с тем литература отдает дань анакреонтической и сказочной тематике, получают распространение книги легенд, насыщенные фантастическими описаниями.

Популярность приобретают своего рода театрализованные представления — особенно связанные с обрядовыми действиями, — весьма поощряемые властями, ибо организация зрелищ входила в задачу государственного управления Ханьской империи. Появились зачатки сценического искусства. Однако драма как род литературы так и не получила развития в древнем Китае.

Текстологические штудии, широкое комментирование памятников старины, изучение диалектов и лексикологии (в словаре «Шо вэнь»)

свидетельствуют о появлении и развитии в Ханьском Китае филологии.

Ханьское изобразительное искусство и в этот период попрежнему отличается реалистической трактовкой образов и сюжетов. Таковы рельефы из Сычуани (I в.), свободные по композиции, с элементами перспективы; здесь среди прочих мы находим рыночные сцены, сцены охоты, жатвы, изображение тяжелого труда в соляных рудниках. Замечательны росписи II в. из Ляодуна. Знамениты рельефы того же времени из склепа семьи У (в Шаньдуне), где наряду с сюжетами религиозно-мифологического и назидательного характера изображены охоты, сражения, торжественные выезды, сцены приготовления пира и приема гостей. Они отличаются четкостью композиции, притом что многочисленные фигуры часто заполняют все поле рельефа.

В империи Хань, так же как и в Цинь, существовал обычай хоронить вместе с покойником как заменители натуры глиняные изображения всего, что окружало его при жизни. Эта терракотовая погребальная пластика широко представлена в могилах и знати, и простого народа. Мы находим здесь модели зданий и различных транспортных средств, скульптуры людей и животных (как мелкие, так и в натуральную величину), в том числе баранов, свиней, овец в загоне, коней, собак, носильщиков с грузом, воинов, скоморохов, певцов, танцовщиц, кормилиц, углекопов и других слуг за работой, многофигурные группы и целые сюжетные композиции. Художники проявляли жизненную наблюдательность, форма изделий отличалась простотой и изяществом.

Высокого мастерства достигло лаковое производство, зародившееся еще в эпоху Чжаньго, чему способствовало развитие горнорудного дела (в частности, добыча киновари и других минеральных красителей) и деревообделочного ремесла. Центры лакового производства сложились во многих районах империи. В ханьское время изготовление лаковых изделий было рассчитано на широкое рыночное производство и массовое распространение. Совершенством лаковых изделий особенно славилась область Шу-ба в Сычуани — вообще одна из самых экономически развитых областей империи. Работа в этом материале была более приспособлена к передаче наследственного мастерства художников-ремесленников, чем живопись или рельеф, дававшие больше простора для индивидуального творчества, и именно здесь четче всего намечаются черты будущих средневековых условных канонов китайского искусства.

Цинь-ханьская и непосредственно предшествующая ей эпоха в принципе имела то же значение для дальнейшего культурно-исторического развития Китая, и даже шире — всей Дальней Азии (Мы принимаем вслед за Г. Г. Стратановичем данный термин как наиболее удачный для обозначения широкого круга стран Восточной и Юго-Восточной Азии, связанных с древнейшими времен известной

культурно-исторической общностью.), что и греко-римская античность для европейской истории. В этом смысле мы можем говорить об этом времени как о периоде дальневосточной античности, заложившей основы той культурной традиции, которая прослеживается на протяжении десятков веков, вплоть до нового и новейшего времени.

Литература:

Степугина Т.В. Китай в первой половине I тысячелетия н.э./История Древнего мира. Упадок древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.130-147

Лекция 7: Кушанское царство.

Кушанское царство.

В «Истории Младшей династии Хань» так рассказывается о племени да-юэчжей и созданной ими династии: «Когда Дом Юэчжи был уничтожен гуннами, то он переселился в Бактрию, разделился на пять княжеских домов... По прошествии с небольшим ста лет кушанский князь Кюцзюкио(На кушанских монетах и в надписях он носит имя Куджула Кадфиз.) покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием кушанского». Это первое и единственное сообщение о том, как и когда возникло Кушанское царство. Но содержащееся в нем хронологическое указание слишком неопределенно: неясно, отсчитывать ли эти «с небольшим сто лет» от первого столкновения даюэчжей с Греко-Бактрией (оно произошло до 128 г. до н. э.) или от их переселения на юг от Амударьи и полного покорения Бактрии (т. е. во всяком случае после 128 г. до н. э., но, возможно, и после 25 г. н. э.). Нет твердых привязок к нашему летосчислению и во всей последующей истории Кушанского царства. Расхождение между датами, которые разные исследователи предлагают для одного и того же события, составляет (если брать крайние точки зрения) двести лет. Каждый год приносит все новые материалы, но проблема кушанской абсолютной хронологии пока остается спорной и ожидает своего решения.

Основатель Кушанского царства Куджула Кадфиз, проживший более 80 лет, не только объединил под своей властью пять юэчжийских «домов» (племен или княжеств?), но и совершил крупные завоевания к югу от Амударьи, подчинив себе почти всю территорию современного Афганистана.

Ему наследовал его сын Вима Кадфиз, при котором к Кушанскому царству были присоединены новые обширные владения (современный Пакистан и северо-западные провинции Индии), и в основном границы Кушанского царства стабилизировались. Очевидно, при Виме Кадфизе сложилось и административное устройство нового государства. Китайская хроника сообщает, что он доверил управление «Индией» своему наместнику, а надписями засвидетельствовано существование в разных частях Кушанского царства должностных лиц, носивших титулы «сатрапа» и «великого сатрапа». Сам кушанский царь именовался «царем царей».

Важной мерой, свидетельствующей о больших переменах в экономике, был осуществленный при Виме Кадфизе переход к выпуску монеты нового образца. Юэчжи, еще находясь к северу от Амударьи, стали выпускать свою монету — так называемые варварские подражания монетам греко-бактрийских царей (из плохого металла, не имевшие устойчивого веса, с искаженными изображениями и не поддающимися чтению греческими надписями). Куджула Кадфиз,

совершив первые завоевания, стал чеканить монеты по образцу тех, что обращались среди покоренных им народов, но помещал на них свои имя и титул. Все монеты основателя Кушанского царства были медными. Вима Кадфиз стал выпускать не только медные, но и золотые монеты. Их вес был строго выдержан (кушанский золотой динар весил чуть больше 8 г; также выпускались монеты достоинством в 2 динара, в 1/2 динара и в 1/4 динара; над изготовлением штемпелей работали квалифицированные художники; надписи — и греческие и индийские (письмом кхароштли)—были вырезаны уверенной рукой грамотного человека.

При Виме Кадфизе или несколько позже произошло повторное завоевание Средней Азии кушанами, сопровождавшееся сооружением ирригационных каналов большой протяженности и земледельческим освоением вновь орошенных земель, а также строительством городов и крепостей.

Виму Кадфиза сменил на троне наиболее знаменитый из кушанских царей, Канишка, очевидно принадлежавший к другой ветви династии. Его имя окружено легендами и славой в буддийской традиции, чтившей Канишку как праведного царя — покровителя и даже реформатора буддизма. Действительно, в куйанскую эпоху буддизм переживает очень важные перемены: из учения с ограниченным числом приверженцев, одной из многих в древней Индии сект, он превращается в «мировую» религию, завоевавшую в сравнительно короткий срок десятки стран и миллионы последователей. Этот бурный процесс буддийской экспансии был связан с появлением в буддизме нового толка—учения Махаяны («Большой Колесницы»), провозглашавшего «широкий путь» спасения. Гибко находя в своем пантеоне место чужеродным по происхождению божествам, буддизм Махаяны был хорошо приспособлен к внедрению в новой для него среде. С именем Канишки буддийская традиция связывает созыв буддийского собора, на котором якобы нашли окончательное оформление принципы Махаяны, а также постройку наиболее знаменитых монастырей и священных для буддистов сооружений — ступ.

Трудно судить, что в приписываемом Канишке благочестии легенда, а что действительно было им сделано. Широкая веротерпимость этого царя засвидетельствована его монетами, на которых изображались многочисленные божества — не только иранские (бог солнца Михр, бог луны Мах, бог изобилия и царской славы Фарр, богиня плодородия Ардохш, бог огня Атш и др.), но и греческие (Гелиос, Селена, Гефест) и индийские (Шива). Встречаются, правда весьма редко, на монетах Канишки и изображения Будды. Но он здесь — лишь один из многих, и ничто не указывает на его особое место в кушанском пантеоне или на то, что буддизм был государственной религией Кушанского царства, как это предполагали некоторые исследователи. Однако, во всяком случае, при Кушанах буддизм получил значительное распространение и в Средней Азии.

Важное место в кушанских культовых представлениях занимало поклонение царю. Царские (или династийные) святилища, представлявшие собой величественные архитектурные сооружения, украшенные статуями, возводились в разных частях государства. Но конкретные формы, в которых осуществлялся этот культ, далеко не всегда нам известны.

Ко времени Канишки относится и появление кушано-бактрийской письменности: для передачи бактрийского языка был приспособлен несколько дополненный греческий алфавит. Новым письмом выполнены надписи на монетах Канишки и его преемников. В последние годы был открыт ряд надписей (в том числе и официального содержания), сообщающих очень важные сведения по истории Кушанского царства. При преемниках Канишки (их было не менее пяти, а правили они более семидесяти лет) постепенно усиливается индианизация правящей верхушки и самой династии. На монетах последнего Кушанского царя, носившего индийское имя Васудева, уже не изображаются никакие другие божества, кроме индийского Шивы.

Несмотря на большое число надписей кушанской эпохи (главным образом индийских), часто датированных (даты отсчитывались от первого года правления Канишки — «эра Канишки»), о последних десятилетиях существования Кушанского царства известно мало. Не затрагивая «больных» вопросов кушанской абсолютной хронологии, о которых уже упоминалось выше, можно только сказать, что Кушанское царство пало под ударами сасанидских армий на западе и возвышающейся индийской державы Гупт на востоке. И произошло это не позднее последних десятилетий IV в.

Индия при Кушанах.

Включение значительных индийских территорий в Кушанскую империю способствовало оживлению их экономических и культурных связей с внешним миром, но оно не оказало заметного воздействия на внутреннюю жизнь индийского населения. Влияние индийской культуры на Кушан было более сильным. Как уже упоминалось, их цари начинают принимать индийские имена и титулатуру. Ускоряется распространение в Средней и Центральной Азии буддизма.

Власть Кушан на индийских территориях, более удаленных от их столицы, г. Пурушапуры (ныне Пешавар в Пакистане), была недолговременной. Уже к середине II в. н. э. вполне независимым стал Гуджарат; зависимость от Кушан расположенного здесь государства, в науке условно называемого государством Западных кшатрапов, и раньше была слабой, а временами и вовсе номинальной. К концу II в. отпадают области в долине Ганга; возникшие здесь государства были невелики, и только два в западной части долины, оба возглавлявшиеся династиями Нагов (возможно, родственными), со столицами в Матхуре и Падмавати, играли важную роль в

политической жизни Северной Индии во II—IV вв. В первой половине III в. независимыми стали области Раджастхана и Пенджаба. Здесь находилось несколько республик (ган) с племенными наименованиями; крупнейшими из них были ганы яудхеев, арджунаянов и малавов. К концу III в. под властью Кушан в Индии оставалась небольшая территория по среднему течению Инда.

Империя Гупт.

В начале IV в. Индия представляла собой массу мелких и мельчайших государств, различных по формам правления и уровню развития. В обстановке, свободной от внешней угрозы (вследствие войн Кушан с Сасанидами, а Сасанидов еще и с Римом), в Индии постепенно создаются предпосылки для возникновения нового государства общеиндийского масштаба. Наиболее развитая в экономическом и культурном отношении область Магадха, как и в IV в. до н. э., во времена Нандов и Маурьев, стала ядром новой империи во главе с династией Гупт.

Основателем династии явился один из местных царьков, Гупта (III в.), по имени которого и называется вся династия. Но только при его внуке Чандрагупте I (320—335) государство Гупт становится политической силой. По-видимому, Чандрагупта I добился этого не только военными средствами; во всяком случае, источники как самое важное событие его царствования отмечают заключение им союза с весьма влиятельным племенем личчхавов (в северной части современного штата Бихар), скрепленного его браком со знатной кшатрийкой этого племени.

С каким-то важным событием Царствования Чандрагупты I (может быть, с его воцарением) связано установление «эры Гупт» (319-20 г.), от которой ведется отсчет лет во многих древнеиндийских надписях.

Если Чандрагупта I заложил фундамент новой империи, то его сын Самудрагупта (335—380) возвел само здание. В то время главным средством этого была война, и именно его Самудрагупта использовал. В одной из надписей рассказывается, что он участвовал в ста сражениях и тело его покрыто шрамами. В результате пятнадцати лет жестоких завоевательных войн государство Гупт превратилось в самую мощную политическую силу тогдашней Индии.

Его основной частью была долина Ганга; прежние царские династии, правившие здесь, были истреблены или изгнаны, а их владения включены в состав империи в качестве провинций, управлявшихся непосредственно гуптской администрацией. Империю окружали государства, находившиеся в разной степени зависимости от Гупт. На севере это был Непал, на северо-востоке—Камарупа (в совр. Ассаме), на юге—«лесные царства» (территории племен, населявших глухие районы верховьев рек Нармады, Сона и Маханади). В глубь Южной Индии (вплоть до г. Канчи, недалеко от совр. Мадраса)

Самудрагупта совершил победоносный поход, но, по-видимому, ограничился взиманием единовременной дани, а крупных территориальных приобретений здесь не сделал. К западу и северо-западу от долины Ганга находились зависимые республики; но, по-видимому, они были вскоре полностью поглощены, потому что к концу IV в. об их государственном существовании данных нет. Вне пределов власти Самудрагупты, хотя и в сфере его политического влияния, оставались территории современных Гуджарата, Западного Пенджаба, заиндские территории и Кашмир.

Период расцвета империи совпадает с царствованием Чандрагупты II Викрамадитьи (380—415). Важнейшим внешнеполитическим успехом Чандрагупты II было разрушение государства Западных кшатрапов (это произошло после длительной борьбы). В результате в империю вошли новые богатые территории, открылся прямой выход к Аравийскому морю и возникла возможность установления непосредственных связей со странами Ближнего Востока. Все это дало дополнительный толчок развитию торговли, ремесла и культуры.

При Чандрагупте II государство достигло максимальных пределов, внутреннее положение было прочным, во всех областях экономики наблюдался подъем, а это способствовало развитию науки, литературы и искусств. Период IV—V вв. часто именуется в исторической литературе «золотым веком Гупт», и это в первую очередь относится ко времени царствования Чандрагупты II. В исторической традиции он известен под почетным названием Викрамадитья («Солнце могущества»). Широкое покровительство его и других гуптских царей ученым и писателям привлекало к их дворам выдающихся культурных деятелей своего времени.

Когда воцарился внук Чандрагупты Скандагупта (455 г.), ему пришлось отражать вторжение «белых» гуннов-эфталитов. Богатая Индия всегда привлекала к себе внимание иноземных завоевателей и на протяжении периода древности неоднократно подвергалась нападениям — персов, греко-македонцев, греко-бактрийцев, саков, парфян, кушан. Нашествие эфталитов превзошло их по размаху, кровопролитию, разрушениям и политическим последствиям. Первая их атака была Скандагуптой отражена, и столь решительно, что до начала VI в. новых крупных набегов на Индию из Средней Азии не было.

Роль общеиндийского лидера Гупты смогли бы играть дальше только при условии сохранения внутренней прочности империи. Но после смерти Скандагупты (467 г.) начались династические распри и ослабление центральной власти. Поэтому, когда в начале VI в. натиск эфталитов на Индию возобновился, сопротивление им оказалось значительно менее эффективным. В течение примерно 30 лет продолжались войны с захватчиками; одно время им подчинялась вся Северная Индия и даже Гупты платили им дань. Но в конце концов,

вследствие раздоров среди самих эфталитов, они были оттеснены на северо-запад.

Даже конечный успех в борьбе с эфталитами не привел к укреплению внутриимперских связей. Продолжавшиеся две трети века войны потребовали огромного напряжения сил, вызвали разорение страны и массовую гибель населения. В окончательном изгнании чужеземцев из Индии были заинтересованы местные правители, и поэтому они оказывали Гуптам поддержку до полной победы, но затем империя начала быстро распадаться. Территория, на которую все еще распространялась власть Гупт, быстро уменьшалась, а в середине VI в. прекращаются упоминания о существовании даже самой династии. С этого времени карта Северной Индии опять стала представлять собой мозаику мелких и мельчайших государств, ни одно из которых не было способно играть роль политического гегемона.

Южная Индия в I-IV вв.

Ранее уже упоминалось, что около начала нашей эры ранее отстававшая Южная Индия начинает быстро догонять Северную. Этому способствовали как укрепление внутрииндийских связей, так и развитие (благодаря достижениям в области мореходства) непосредственной торговли Южной Индии со Средиземноморьем и Юго-Восточной Азией. Кроме того, южные области в отличие от северных не подвергались иностранным нашествиям, а это обеспечивало стране относительно спокойное развитие. Заметно совершенствуются сельское хозяйство, ремесло, развивается денежное обращение, растут города, убыстряется процесс социальной дифференциации, возникают крупные и относительно прочные государства.

В политической истории можно отметить гегемонию в Южной Индии государства с династией Сатаваханов, возникшего еще на развалинах империи Маурьев. Оно было крупнейшим до III в. Разноречивые и сбивчивые сведения не позволяют достоверно восстановить даже основные вехи династической и военной истории; еще меньше мы имеем фактов о внутренней истории этого государства. Столь же фрагментарны наши данные о другом крупнейшем государстве — Вакатаков, доминировавшем в Южной Индии в III—V вв. Известно о его дружественных отношениях с империей Гупт, из которых обе стороны извлекали большую выгоду: Вакатакам они облегчали поддержание их гегемонии в Южной Индии, Гуптам — ведение войн с Западными кшатрапами и эфталитами. Распалось государство Вакатаков около 565 г., немного пережив империю Гупт.

По отрывочным данным известно о существовании в I—V вв. ряда других южноиндийских государств — Паллавов, Икшваков, Гангов, Кадамбов. Факты их политической истории почти неизвестны. Малоизвестна и история трех более древних государств крайнего юга—Чера (Керала), Чола и Пандья. Только в тамильских преданиях

содержатся некоторые рассказы о частых войнах между ними и Цейлоном, о проникновении в Южную Индию римских торговцев, называвшихся здесь яванами(Т. е. греками (собственно, «ионийцами»); смешение греков с римлянами на Востоке было обычно, тем более что здесь имели дело главным образом с жителями восточной, грекоязычной части Римской империи.); это подтверждается и находкой в Арикамеду римской колонии.

Экономика и общественные отношения.

Дальнейшее накопление научных знаний и практического опыта, длительные периоды политической стабильности, укрепление внутренних и внешних торговых связей способствовали расцвету экономики. В земледелии это выразилось в интенсификации производства и широком распространении таких сложных для выращивания культур, как рис, сахарный тростник, хлопок, пряности. Расширилось применение искусственного орошения, хотя оно попрежнему не играло ведущей роли, поскольку Индия, за исключением северо-запада, обеспечена атмосферными осадками удовлетворительно или даже хорошо.

Ремесленная продукция становится известной далеко за пределами страны. Высоким мастерством обладали металлурги. Строители сооружали многоэтажные жилые дома, монастыри на сотни монахов. Имеется немало данных о мастерстве индийских ремесленников в ткачестве, изделиях из терракоты, резьбе по дереву и кости, парфюмерии и косметике. Особенно заметны качественные успехи в производстве предметов роскоши и религиозного культа.

Характер работы в рудниках, на строительстве крупных жилых и культовых зданий, строительстве крупных речных и морских судов или при изготовлении Делийской железной колонны весом 6,2 т и многотонных статуй требовал кооперирования большого числа работников в устойчивых производственных коллективах. Крупные мастерские были и в других отраслях, но производство было все же преимущественно мелким; чаще всего трудился сам хозяин с членами семьи и учениками.

Важным явлением рассматриваемого периода было резкое улучшение морского транспорта. Корабли, которые строили индийцы, способны были совершать путешествия с сотнями пассажиров и грузами в Египет, страны Юго-Восточной Азии, Китай. Учитывая, что условия навигации в Индийском океане значительно сложнее, чем в Средиземном море, следует признать, что в мореходном искусстве индийцы не уступали даже финикийцам и грекам.

Это обстоятельство наряду с общим ростом товарности производства способствовало заметному расширению внешней торговли. Ранее ее вели со Средней Азией и Парфией, а через них со странами Средиземноморья и Китаем, в основном сушей, через города Таксилу,

Пурушапуру и долину р. Кабул. Теперь же с улучшением морских транспортных средств и открытием периодичности муссонных ветров большое значение приобрело плавание прямо через океан. Основными предметами вывоза были пряности, благовония и лекарства, лаки, красители, рис, сахар, хлопок, драгоценные и полудрагоценные камни, ткани, железо и изделия из него, рабы. Ввозились драгоценные и цветные металлы, лошади, вино, гончарные и стеклянные изделия, рабы. Баланс внешней торговли (особенно с Римской империей) был для Индии активным: в Индии найдено множество античных монет, тогда как в странах Средиземноморья древнеиндийских не обнаружено вовсе.

Монетное обращение было обильным и разнообразным. Впервые золотые монеты появляются еще при Кушанах. В чеканке монет индийцы во многом следовали эллинистическим образцам; под их влиянием местные монеты приняли круглую форму, на них стали изображать царей, богов или их символы, наносить надписи.

В V—VI вв. наблюдается экономический спад. Резко уменьшается количество монет всех видов; даже серебряные встречаются редко, золотые же исчезают вовсе. Заметен явный упадок городов; так говорят очевидцы, подтверждается это и данными археологии. Все это вело к замедлению развития науки, литературы, искусств, отчетливо проявившемуся в раннее средневековье. Многие можно отнести за счет вторжения «белых» гуннов-эфталитов, однако последствия этого нашествия не могли сказываться в течение нескольких веков, тем более что, например, Южную Индию оно совсем не затронуло. Натурализация экономики была следствием общих исторических причин.

На протяжении всего периода поздней древности (I—V вв.) происходили важные изменения в общественно-экономических отношениях. Это касается прежде всего рабства и земельных отношений.

Во всех странах древности в период расцвета рабовладельческих отношений проблема рабства не занимала заметного места в общественной мысли. Рабство считалось естественным институтом, право господина на личность раба было безусловным и неограниченным. В период поздней древности в обществе обостряется интерес к институту рабства, его роли, значению и т. д. В законодческой литературе Индии все чаще появляются предписания об ограничении произвола рабовладельцев. Делаются также попытки ограничить обращение в рабство свободных; так, только млечхам (варварам) не возбранялось продавать в рабство родственников, для членов же четырех варн такое деяние стало рассматриваться как наказуемое. Провозглашается как общий принцип, что член низшей варны не может иметь рабом члена высшей.

Знаменательно также, что если раньше отпуск раба на свободу был только проявлением доброй воли господина, то теперь и здесь государство пытается установить определенный порядок. За основной критерий берутся обстоятельства порабощения. Считалось, что в отношении урожденного арья, а также продавшего себя (он считался самым презренным из рабов) хозяин может поступать по своему произволу; но остальных рабов он обязан был отпускать при соблюдении определенных условий — уплаты выкупа, уплаты долгов с процентами и др. Интерес к этому вопросу, несомненно, был вызван увеличением числа отпусков рабов на волю — явного признака начавшегося кризиса рабовладельческих отношений.

Однако изменения в общественных отношениях выражались не только в упадке прежних форм, но и в возникновении новых. Главным при этом было превращение свободных общинников в класс феодально-зависимых крестьян.

Практика пожалования деревень крупным государственным служащим существовала издавна. В условиях слабой развитости денежных отношений это было естественной формой вознаграждения за службу. Пожалованный отчуждал в свою пользу те налоговые поступления с деревни, на которые имело право государство, и это продолжалось до тех пор, пока он занимал соответствующую должность. Ни количество земли, ни число сельских жителей при этом никогда не упоминается. Никаких новых отношений собственности при этом не возникало, так же как и отношений личной зависимости. Другим видом пожалования было вечное и не связанное с несением службы; получателями его были выдающиеся своей ученостью брахманы, храмы и монастыри.

В рассматриваемый период мы обнаруживаем по дарственным грамотам, что дарения производились уже не только государством, но и частными лицами, причем дарились не только участки земли, но и те деревни, которые дарители сами когда-то получили в качестве пожалования; следовательно, они приобретают право распоряжаться ими. В дарственных грамотах начинает все чаще упоминаться освобождение от налогов, постоя, обязанности обслуживания царских курьеров. Несколько позже пожалования приобретают вид освобождения от обязательного исполнения трудовой повинности или закрепления права на разработку полезных ископаемых, на возможно обнаруженные сокровища и клады. Дарения иммунных прав в конце концов ставили крестьян в зависимость от получателя дарения. В дарственных грамотах начинают встречаться требования к крестьянам оказывать должное повиновение получателю дарения и призывы к последнему быть справедливым по отношению к крестьянам. Таким образом, появляются зачатки и политической власти крупных землевладельцев над территорией и ее населением.

Отмеченные выше новые явления можно с уверенностью считать показателями развивающихся феодальных отношений. Явственно

прослеживается возникновение феодальной земельной собственности и превращение прежде свободных общинников в феодально-зависимое крестьянство. Но были и другие пути феодализации, сливавшиеся в общем потоке. Так, в тех областях, где особенно сильными оставались пережитки первобытнообщинного строя (например, в Южной Индии), племенная знать превращалась в феодальную, расхищая племенной земельный фонд, ставя в зависимость от себя основную массу соплеменников, с использованием родовых связей подчинения. Одновременно во многих случаях происходила феодализация и самой общины. Общинная верхушка захватывала в свои руки органы управления, распоряжение земельным фондом; скупкой и изъятием за долги она сосредоточивала у себя большую часть пахотной земли, превращая основную массу общинников в неполноправных крестьян.

В рассматриваемый период еще больше увеличился разрыв между положением варн в действительности и тем, как оно описывалось в брахманской законоведческой литературе. Основным элементом в сословно-кастовой системе постепенно становятся касты-джати по некоторым признакам (замкнутость, наследственность, традиционность основных занятий, эндогамность) сходные с варнами, но и обладающие существенными отличиями.

В отдельности каждая джати (буквально «происхождение», т. е. объединение людей, принадлежность к которому определяется происхождением) не была общеиндийской, а охватывала относительно небольшую группу лиц, населявших ограниченный район. Это были люди, занятые в одной сфере хозяйственной деятельности, связанные общностью экономических и общественных интересов. Джати отличались от варн также наличием органов управления, системы взаимопомощи, общей кассы, пополняемой отчислениями членов джати, существованием многочисленных правил общения между членами джати (совместное проведение религиозных празднеств, участие в семейных торжествах и обрядах).

Джати, по-видимому, начали возникать в городах из союзов ремесленников и торговцев, неизбежно приобретающих характер замкнутых общин. Стали объединяться в джати музыканты, актеры, писцы. Затем элементы кастовой организации проникают и в деревню. Касты-джати возникли в основном в пределах варн вайшьев и шудр, но некоторые оказались вне системы варн и считались «неприкасаемыми», так как даже только прикосновение к членам такой касты оскверняло членов четырех варн (даже шудр) и требовало очистительных действий. неприкасаемость для некоторых категорий тружеников становилась пожизненной и даже наследственной.

Возникновение понятия «неприкасаемости» связано с примитивными магическими представлениями о табу и ритуальной нечистоте. С возникновением общественного неравенства

представление о неприкасаемости стало часто использоваться верхушкой общества в своих интересах. Способными повлечь за собой нечистоту были объявлены некоторые преступления (например, убийство брахмана), нарушения сословно-кастовых предписаний, особенно касавшихся привилегий высших варн, а также занятие некоторыми профессиями — мясников, кожевников, мусорщиков, похоронной прислуги, палачей и пр. Некоторые отсталые племена, включавшиеся в жизнь классового общества, становились в нем неприкасаемыми, если вынуждены были по-прежнему заниматься охотой, рыболовством, лесными промыслами.

Уделом неприкасаемых было не только занятие самыми низкооплачиваемыми и презируемыми работами, но и полная незащищенность перед законом. Они не были рабами, так как не были чьей-либо собственностью. Вместе с тем зависимость этих бесправных и постоянно унижаемых париев общества может считаться формой частичной рабской зависимости.

Религия.

Изменения, происходившие в общественных отношениях, культуре и внешних связях, нашли отражение и в религиях. В буддизме это выразилось в выдвижении на первый план течения Махаяны («Большая колесница», т. е. широкий цуть спасения) в отличие от господствовавшей ранее в долине Ганга Хинаяны («Малая колесница», т. е. узкий путь спасения)(Сами приверженцы этого течения не принимают такого наименования, а называют свое учение Тхеравада — «Учение старших».).

Если в Хинаяне достижение «спасения» требовало вступления в монахи, то в Махаяне и мирянин мог достичь нирваны, если старательно исполнял моральные предписания. В Хинаяне каждый верующий должен был самостоятельно идти по указанному Буддой пути, не опираясь на чужую помощь; в Махаяне же он мог рассчитывать на помощь бодисатв — святых, которые уже вплотную подошли к тому, чтобы стать буддами, но добровольно воздерживаются от этого, дабы помогать страждущему человечеству. Обоожествление бодисатв — характерное явление в Махаяне. Соответственно возникают обряды богослужения, молитвенный и жертвенный ритуал, большое значение приобретают магия слова (молитвы, заклинания), реликвии и амулеты. Происходит и обоожествление будд (считалось, что в каждую новую космическую эпоху появлялся новый будда). Монахи из числа отрешившихся от всего земного проповедников учения Будды становятся служителями культа.

Таким образом, в Махаяне заметно стремление превратиться в массовую религию, сблизиться с более примитивными верованиями, для которых характерны богопочитание, жертвоприношения, насыщенность элементами магии, сложная обрядность. Это облегчило

распространение буддизма даже в таких далеких от Индии странах (не только географически, но и по условиям Жизни), как Китай, Корея и Япония, а также некоторые области Средней Азии.

Буддизм в это время не был единственной религией в Индии; его нельзя считать даже господствующим, так как преобладал он главным образом в экономически развитых частях страны — в крупных городах и прилегающих к ним районах. Сельские жители, в том числе местная знать и жрецы, во многих случаях продолжали придерживаться своих традиционных верований, поклонялись прежним богам. Неизменной осталась и бытовая обрядность даже у буддистов — при рождении, посвящении, свадьбе, похоронах и т. д. приходилось приглашать брахмана, произносить ведические тексты и пр.

Ведическая религия не только продолжала существовать, но и развивалась. Для ее формы, сложившейся во второй половине I тысячелетия до н. э., многие исследователи предпочитают даже другой термин — брахманизм. Но лишь к началу нашей эры можно говорить о возникновении новой религии — индуизма. С началом экономического упадка и политической раздробленности, с утратой буддизмом поддержки государства он терял свое значение, а индуизм, оказавшийся весьма подходящей идеологической основой для местного сепаратизма, все больше укреплялся.

Многие основные положения ведической религии сохранились и в индуизме — вера в переселение душ, закон кармы, ритуалы, древние магические представления, признание святости «Вед». Но появились и новые моменты.

Главные боги ведизма — Агни, Индра, Сома, — племенные по своему характеру и связанные с ведическим жертвенным ритуалом утратили былое значение. На первый план выдвигаются божества образы которых были менее определены и легче приспосабливались в период укрепления межплеменных связей к изменившимся представлениям и потребностям. Отношение к богам также стало другим, оно отошло от примитивного «договора» «я тебе, ты мне», стало более эмоциональным; боги превращаются в объект безусловного почитания.

К началу нашей эры главными божествами становятся Брахма» Шива и Вишну; культ их преобладает и в настоящее время. Брахма (творец мира) — необходимый член триады, но обрядовое почитание его никогда не имело широкого распространения. Но Шива и Вишну приобрели большую популярность; и теперь индусы (т. е. индийцы, исповедующие индуизм) делятся на две основные группы — шиваитов и вишнуитов. Шива при слиянии и унификации племенных культов поглощал образы богов грозных, преисполненных таинственной энергии, Вишну — олицетворяющих благодетельные силы природы. Много таких богов сохранилось, но они были объявлены сыновьями и женами главных божеств или воплощением тех же божеств под другим

именем. Некоторые эпические герои—Кришна (один из героев «Махабхараты») и Рама (главный герой «Рамаяны») —также были включены в индуистский пантеон как воплощения (аватары) Вишну. До сих пор во многих деревнях, особенно в Южной Индии, почитаются местные божества-покровители — громадэваты, обычно называемые «матерями» (матар, амба и др.). Стойко держится культ семейных божеств и предков.

Индуизм еще сохранял много архаических особенностей. Так, он не потерял черты замкнутости. В индуизм нельзя было вступить, и сам обряд вступления отсутствует; в него можно было только вступить принятием всего строя жизни. Сохранилось почитание животных; например, умерщвление коровы считалось не меньшим грехом, чем убийство человека; объектами почитания были также кобры и обезьяны. Чтились многие предметы неорганического мира: почти всякое крупное скопление воды считалось священным, особенно воды Ганга, способные очистить человека от всякого греха. Почитались также многие горы; народная фантазия сделала их обиталищами богов. Важнейшую роль в мифологии играли высочайшие горы — Гималаи.

Огромное влияние на индуизм оказал его соперник — буддизм. Ему индуизм обязан, например, появлением храмов. Сооружение и украшение храмов стало важнейшим внешним проявлением благочестия, но храмовое богослужение в индуизме не приобрело большого значения; важнейшее место оставалось за домашними культами и обрядами. Храмы представляли собой автономные организации, мало связанные друг с другом; они никогда не были объединены не только в общеиндийском, но даже в областном масштабе. В древней Индии не известно ни одного теократического государства. Индуистское жречество никогда всерьез не угрожало политической гегемонии светской знати, хотя постоянно играло важную общественную и культурную роль.

Расцвет древнеиндийской культуры.

I—V века н. э.— период расцвета древнеиндийской культуры. Именно в эту эпоху индийский народ добился наибольших достижений в науке, искусстве и литературе. Индия слыва страной мудрецов, и много образованных людей из разных стран стремились побывать в ней и ознакомиться с ее культурными достижениями.

Свидетельством высокого уровня индийской культуры является развитая философия, многообразие ее школ и направлений, острая борьба между ними, и прежде всего между материализмом и идеализмом. Существование материалистических воззрений отмечено еще упанишадами. К концу древности наиболее известно было материалистическое учение чарвака. Последователи чарваки признавали единственной реальностью материю, а единственным источником познания—чувственное восприятие. Весь мир они считали

состоящим из основных элементов — воздуха, огня, воды и земли. Живые организмы после смерти превращаются снова в исходные элементы. Сознание присуще только живому телу и вне его не существует. Смерть — конец индивида; души как бессмертной нематериальной субстанции не существует. Поэтому чарваки отвергали все измышления о переселении душ, о законе кармы, об аде и рае; богов нет, и никто не доказал их существования. Религиозные верования чарваки объявляли выдумками жрецов. Они издевались над ритуалом, в действенность которого могут верить только глупцы, а «Веды» объявили сочиненными невеждами и мошенниками. Воззрения чарваков являются весьма редким для древности примером воинствующего атеизма.

Материалистам противостояли многочисленные системы идеалистической философии, прямо связанные с той или иной религией. В основе каждой из них лежит особая теория пути к достижению конечного «спасения», которое мыслилось как освобождение души от телесных оков. Все эти системы исходили из теории переселения душ и закона кармы. Среди них были последовательно идеалистические и содержащие те или иные уступки материализму, вполне агностические и признающие познаваемость мира, правда, не средствами опыта, а одним лишь мышлением, мистическим озарением. К достижениям философов-идеалистов разных школ можно отнести идею постоянной изменчивости мира, веру в могучие способности человеческого разума, исследование источников правильного познания (восприятие, вывод, сравнение, свидетельство авторитетов), системы доказательств и методов ведения дискуссии, создание атомистической теории строения всего существующего и др.

Из естественных наук нам лучше всего известны достижения индийцев в области математики и астрономии. Исключительным по важности вкладом в мировую науку было создание индийскими математиками десятичной позиционной системы счисления с применением нуля, общепринятой в настоящее время. Получившие всеобщее распространение «арабские» цифры на самом деле заимствованы арабами у индийцев (и несколько изменены); сами арабы называли их «индийскими». Древние индийские математики знали такие действия, как извлечение квадратных и кубических корней, решение уравнений первой степени с двумя неизвестными, пользовались таблицами синусов. Астрономы (наиболее известные из них Арьябхата, V в., и Варахамихира, VI в.) знали, что Земля — шар и вращается вокруг своей оси, что видимые планеты находятся на разных и притом огромных расстояниях от Земли, утверждали, что Земля движется в космосе, а небо неподвижно, предполагали наличие земного тяготения.

Относительно познаний индийцев в других науках (механике, гидростатике, сопротивлении материалов, химии) мы можем судить в основном по их практическим достижениям в строительстве дворцов,

храмов, каналов, плотин, кораблей, по их успехам в металлургии, в приготовлении красок, лекарств, ядов и противоядий. Высоко ценилась медицина (аюрведа—«наука о жизни»). Индийские врачи славились далеко за пределами Индии.

Из древнеиндийских языков к концу древности наибольшее значение приобрел санскрит, прямой потомок языка, на котором были записаны «Веды». Уже к середине I тысячелетия до н. э. он перестал быть разговорным, но остался языком не только священных текстов и культа, но и науки, литературы и вообще образованных людей. С расцветом письменной литературы в рассматриваемый период санскрит стал ее основным языком.

На санскрите были записаны огромные по объему и по их роли в духовной жизни индийцев эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», сборники преданий о богах и героях глубокой древности «Пураны», трактаты по различным отраслям знаний — шастры. Записываются и многие произведения религиозной литературы, ранее передававшиеся изустно, обширные комментарии и толкования к ним. Появляются художественные произведения самых различных жанров — историко-эпические поэмы, лирика, драматургия, сборники нравоучительных рассказов, широко использующие фольклорный материал. Сборники эти («Панчатантра», буддийские «Джатаки») распространились за рубежом особенно широко и оказали влияние на многие более поздние памятники литературы («Тысяча и одна ночь», итальянские фаблио и др.).

До этого времени писатели не стремились утверждать свои права творческой личности и для придания своему сочинению большей значительности обычно приписывали его авторство какому-нибудь древнему персонажу. Объявляемое фактическое авторство — важная отличительная особенность рассматриваемого периода. Первое художественное произведение, авторство которого твердо установлено, относится к I—II вв. н. э.: это жизнеописание Будды «Буддхачарита», принадлежащее писателю Ашвагхоше. Он считается автором еще нескольких исторических поэм и драм.

Древнеиндийская литература дала ряд замечательных писателей. Из них самым прославленным является классик мировой литературы Калидаса (IV—V вв.). Особенно известны его драматические произведения, отличающиеся изяществом стиля, благородной простотой и глубоким проникновением во внутренний мир человека. Жизнерадостное творчество Калидасы явно противостояло религиозной поэзии, воспевавшей идеалы монашеской жизни, аскетической отрешенности от всего человеческого в человеке.

Сведения о народном театральном искусстве Индии все еще скудны, но придворный театр известен хорошо. Прозаический текст в пьесах перемежался со стихотворным, особенно в лирических монологах героев и изречениях назидательного свойства. Частыми были

песенные и танцевальные номера. Сюжет составляли чаще всего героические или любовные истории, заимствованные из эпоса. Не полагалось изображать на сцене убийства, сражения, а тем более такие нежелательные для избранной аудитории события, как мятежи или государственные перевороты. Пьесам полагалось иметь счастливый конец. Действующие лица должны были выражаться разным стилем — соответственно их общественному положению. Занавес на сцене отсутствовал, реквизит был минимальный. Существовали специальные трактаты о театральном искусстве. В них определялись его задачи, принципы выбора и построения сюжета, виды и жанры драматических произведений, основные типы персонажей, рассматривались вопросы стиля и языка.

В архитектуре для частных, даже состоятельных, жилых домов характерна простота форм; такие детали, как арки, купольные своды, портики, колонны и т. д., отсутствовали. Фасады домов в нижнем этаже представляли собой глухую стену, верхние имели окна и веранды. Дворцы царей и знати были больше и сложнее по внутренней планировке, но в большинстве случаев тоже не отличались величественной внешностью. Жилища бедноты и в деревне и в городе были совсем просты и непритязательны.

Из культовых сооружений характерными для эпохи являются буддийские ступы — хранилища реликвий, восходящие к холмообразной могильной насыпи. Самые ранние и простые из дошедших до нас относятся к III в. до н. э. К концу древности их было построено великое множество — разных размеров, форм, из разных материалов, на открытом воздухе и в помещениях. Другим примером культовых сооружений явились пещерные монастыри и храмы, иногда обширные и сложные по архитектуре.

Появление первых буддийских наземных храмов относится к I в. н. э.; под их влиянием начинают сооружаться и индуистские храмы. Ранние храмы имели плоские крыши, были приземисты и массивны. Только к концу периода Гупт они устремляются в высоту и приобретают величественный вид. Основным элементом храма становится башня, возведенная над маленьким темным святилищем, где помещались идолы или символы божества. Такой тип постройки можно считать имитацией горы и в ней — пещеры.

К первым векам нашей эры относится расцвет изобразительного искусства. В скульптуре лучше всего известны матхурская и гандхарская школы. Первая, названная так по городу Матхуре, возникла на чисто индийской основе и является развитием традиций маурийского периода. Вторая называлась по имени Гандхары — исторической области на крайнем северо-западе страны; гандхарская скульптура явилась сложным сплавом индийских и среднеазиатских традиций при сильнейшем воздействии эллинистического искусства.

Живопись древней Индии мы знаем главным образом по настенным росписям (сюжетным и декоративным), сохранившимся в буддийских пещерных храмах и монастырях Аджанты; древнейшие из них относятся к началу нашей эры. Художественные достоинства росписей позволяют считать, что и в этом искусстве индийцы вряд ли уступали какому-нибудь другому народу древности.

Быт и нравы.

Уже отмечалось, что жилые дома индийцев не отличались сложностью архитектуры. Под стать была и мебель: она состояла даже в зажиточных домах в основном из сидений и лож, иногда покрытых подушками.

По мере того как охота и скотоводство в древнеиндийской экономике отступали на задний план, в питании древних индийцев все меньшую роль играло мясо. Это нашло свое отражение и в религиозных запретах: говядины, например, вследствие святости коровы кастовые индусы уже не ели. Обычным блюдом была рисовая или просяная каша. Пекли также ячменные лепешки. Широко использовались молоко и молочные продукты. Индия и в древности изобиловала фруктами и овощами. Употребление вина в законодических трактатах осуждалось как грех, но на деле воздержание практиковалось только брахманами и монахами.

Одежда изготовлялась из хлопчатобумажных, шерстяных, льняных и шелковых тканей. Она отличалась простотой покроя и состояла из двух частей — нижней, представлявшей собой юбку или повязку вокруг бедер, и верхней накидки. Дома и мужчины и женщины ходили только в нижней одежде; менее состоятельные в таком виде ходили на людях. Древние индийцы очень любили украшения (браслеты, серьги, кольца, бусы), причем в этом отношении мужчины вряд ли уступали женщинам.

Индийцы отличались чистоплотностью. Особое значение придавалось водным процедурам; при любой возможности совершались купания, омовения рук и ног, полоскание рта. Исполнение многочисленных бытовых семейных и личных обрядов сопровождало индийца всю жизнь. Важнейшими были совершаемые при рождении, наречении имени, первом кормлении рисом, первой стрижке, свадьбе, похоронах. Особое социальное значение имело посвящение мальчика в свою варну — «второе рождение». Известно много предписаний и правил общения между людьми в обыденной жизни. Оказание гостеприимства приравнивалось к исполнению религиозного долга.

Для семейных отношений характерна деспотическая власть главы патриархальной семьи. Только он распоряжался семейной собственностью. Все члены семьи обязаны были ему безусловным повиновением. Он мог наказать любого из них и даже продать в

рабство. Но многочисленное потомство было предметом гордости; особенно приветствовалось рождение сыновей.

Индийцы очень любили музыку и танцы. Даже боги, ведшие, по тогдашним верованиям, на небесах жизнь земной аристократии, имели развлекавших их музыкантов (гандхарвов) и танцовщиц (апсар). В местах сборищ горожан и селян народ развлекали бродячие сказочники, актеры, плясуны, акробаты, кулачные бойцы. Распространены были петушинные бои и бои баранов, быков, слонов.

Очень популярной с самой глубокой древности была игра в кости. Ей предавались и знать, и простой народ. Существовали специальные игорные дома. Уже в древности в Индии появились шахматы, распространившиеся затем по всему миру. Любимым развлечением и средством военной тренировки для знати оставалась охота, хотя она как развлечение и осуждалась религией.

Литература:

Зеймалем Е.В., Ильиным Г.Ф. Кушанское царство./История Древнего мира. Упадок древних обществ. - М.:Знание, 1983 - с.148-165

Лекция 8: Гуннская держава на востоке (III в до. н.э.- IV в. н.э.).

Жуны и дунху. Первые известия о гуннах.

В середине II — начале I тысячелетия до н. э. на востоке Евразии окончательно сформировались два отличных друг от друга хозяйственно-культурных региона: собственно китайский (в среднем и нижнем течении Хуанхэ) и центральноазиатский (охватывающий огромную территорию от Восточного Туркестана на западе до Южной Маньчжурии на востоке, от Гоби и Ордоса в излучине Хуанхэ на юге до Тувы и Забайкалья на севере).

В большей части центральноазиатского региона основой хозяйственной деятельности стало кочевое и полукочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием и охотой. В начале I тысячелетия до н. э. племена, населявшие Центральную Азию, создали кочевническую культуру скифского типа; они освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, колесные повозки и всадничество; жилищем им служила полусферическая с коническим верхом войлочная кибитка, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекаемой быками. Свойственный скифам тип вооружения и конского убора, характерная «скифская» одежда, «звериный стиль» в искусстве засвидетельствованы раскопками на Алтае, в Туве, в Монголии так же хорошо, как и в Причерноморье.

«Китайский Геродот», историк Сыма Цянь (145—87 гг. до н.э.), систематизировавший в своих «Исторических записках» ранние рассказы о северных соседях Китая, сообщает о них лишь отрывочные сведения. Примерно с VII—VI вв. до н. э. он именует кочевников Монголии жунами, а позднее — ху. В степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили шаньжуны («горные жуны») и дунху («восточные варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских государств, то сражаясь с ними, то вступая в коалиции воюющих друг с другом царств и получая за это вознаграждение.

Сыма Цянь ярко описывает образ жизни «варваров» и их общественное устройство. Жуны и дунху не были политически объединены, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и, хотя нередко собиралось свыше ста племен жунов, они не сумели объединиться в одно целое». Источники отмечают у жунов и дунху посевы проса, но главным их занятием было скотоводство: «Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют

старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают... Войну ставят важным делом...»

Трудно нарисовать более выразительную картину родо-племенного общества, еще не знавшего классового расслоения и насильственного авторитета. По словам китайского наблюдателя VII в. до н. э., у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т. е. выборным старейшинам и вождям.—С. К.), руководствуясь искренностью и преданностью». Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни. Но даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств жуны никогда не угрожали им завоеванием. Отдельные набеги кочевников сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах «варварской» конницы и иногда перенимали одежду и оружие своих противников.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период «Воюющих царств» (403—221 гг. до н. э.). Вместо прежних жунов на севере и западе появляются сильные объединения кочевых племен сюнну (гуннов) и юэчжей, а про дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них появился единый правитель. В IV в. до н. э. китайцы впервые называют гуннов среди своих противников; позднее те начинают ожесточенную борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом; за это время в составе гуннского объединения оказались те жунские племена, которые прежде были независимыми. На западе соседями гуннов были юэчжи — восточноскифские (сакские) племена, занимавшие вместе с родственными им усунями огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, недавно обнаруженные на черных скалах ущелья Цагангол в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель.

Благодаря работам советских и монгольских археологов оказалось возможным проверить, дополнить и конкретизировать сообщения письменных источников. Раскопками обнаружены два типа культур скифского круга (I тысячелетие до н. э.). Один тип Представлен «культурой плиточных могил» и «оленными камнями». Плиточные могилы сооружались из неглубоко погруженных в землю плоских каменных плит, образующих прямоугольный ящик. Погребенных клали головой на восток вместе с оружием, украшениями, сосудами. Специфическими предметами в захоронениях являются сосуды на трех полых ножках и бронзовые ножи с выемчатыми фигурками людей и животных, бронзовые удила, часто кости коня. Плиточные могилы располагаются на местности цепочками, образующими родовые

кладбища. К сожалению, большинство плиточных могил начисто ограблено. «Оленные камни» — это каменные стелы, на которые нанесены изображения стилизованных оленей с вытянутыми вперед клювообразными мордами, закинутыми за спину длинными ветвистыми рогами и подогнутыми в летучем галопе ногами. Вместе с ними на камень нанесены изображения других предметов — боевых топоров, кинжалов, зеркал, круто изогнутых луков. Подлинные предметы, изображенные на «оленных камнях», — бронзовые изделия и роговые обкладки луков — найдены в плиточных могилах. Находки железных предметов в них крайне редки.

Культура плиточных могил распространена на огромной территории от Забайкалья до Северного Тибета, охватывает степную часть Маньчжурии, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию, резко обрываясь здесь на западных склонах Хангайских гор. Тут начинается область другой культуры скифского типа: каменные ящики сменяются курганами, такими же, как раскопанные на Алтае знаменитые гробницы Пазырыка. Эта область охватывает Западную Монголию, Туву, Алтай, Восточный Казахстан. Антропологически погребенные различаются так же резко, как и тип захоронений. В плиточных могилах погребены монголоиды северной (палеосибирской) ветви этой расы, а в курганах — европеоиды. В III—II вв. до н. э. плиточные могилы и скифские курганы вытесняются иными по облику погребениями, в которых железный инвентарь сменяет бронзовый.

Теперь, накладывая сведения письменных источников на археологическую карту, логично заключить, что носителями культуры плиточных могил были племена жунов и дунху. Культура курганных захоронений Западномонгольского и Саяно-Алтайского регионов, датируемая V—III вв. до н. э., принадлежала восточноскифским (сакским) племенам — юэчжам и усуням.

Источники отмечают политическую зависимость ранних гуннов от юэчжей. Поразительным художественным свидетельством первых гунно-юэчжийских войн конца V—IV в. до н. э. является хранящаяся в Эрмитаже узда боевого коня из оледенелой гробницы юэчжийского вождя (Гробницы устраивались в слое вечной мерзлоты.) в Пазырыке. Украшающие узду деревянные подвески выполнены в виде уплощенных «моделей» отрубленных человеческих голов. Символика изображения очевидна и вполне соответствует военным обычаям скифов, сарматов, гуннов, описанным древними авторами: головы поверженных врагов победитель отрубал и как трофеи привозил царю. Подвески из Пазырыка мастерски изображают лица людей с ярко выраженными монголоидными чертами; они совсем не напоминают захороненных здесь юэчжей. Зато эти изображения почти портретно схожи с лицами гуннских воинов на каменных барельефах гробницы ханьского «военачальника сильной конницы» Хо Цюйбина (ум. в 119 г. до н. э.).

Государство гуннских Шаньюев.

В последние десятилетия III в. до н.э. союз гуннских родов, возглавлявшийся военным вождем — шаньюем, вместе с подчиненными племенами испытал ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного государства.

В повествовании Сыма Цяня о событиях, положивших начало гуннскому могуществу, сохранился отзвук легенд, рожденных в далеких кочевьях: «В то время дунху были сильны, а юэчжи достигли расцвета. Шаньюем у гуннов был Тоумань». Он имел двух сыновей от разных жен. Для того чтобы сделать наследником младшего, шаньюй решил пожертвовать старшим, Маодунем, и отправил его заложником к юэчжам. Затем Тоумань напал на юэчжей. Маодунь не погиб, он украл коня и ускакал к своим. Тоумань дал ему под начало отряд. Маодунь, обучая, воинов, приказал им стрелять туда, куда летит его «свистунка» (боевые стрелы гуннов снабжались костяными шариками с отверстиями — сотни свистящих стрел наводили ужас на врагов и пугали их коней). Вскоре Маодунь пустил стрелу в своего прекрасного коня. Тем из его отряда, кто не стрелял, он приказал отрубить головы. Некоторое время спустя Маодунь пустил стрелу в свою любимую жену. Он отрубил головы тем, кто не посмел стрелять. На охоте Маодунь выстрелил в коня своего отца, и никто из его воинов не опоздал выстрелить. Маодунь понял, что время настало. Когда он пустил стрелу в Тоуманя, тот был утыкан стрелами. Казнив младшего брата, мачеху и приближенных отца, Маодунь стал шаньюем. Узнав о событиях в орде (так называли гунны военный лагерь и княжескую ставку), правитель дунху, решив, что смута ослабила гуннов, потребовал от Маодуня уступить пограничную территорию. Многие старейшины, страшась войны, советовали Маодуню отдать землю. «Крайне разгневанный, Маодунь ответил: „Земля — основа государства, разве можно отдавать ее!“ Всем, советовавшим уступить землю, он отрубил головы». Затем Маодунь разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял в плен людей из народа и захватил домашний скот. Так описал Сыма Цянь начало гуннских завоеваний.

В 203—202 гг. до н.э. Маодунь подчинил племена Саян, Алтая и верхнего Енисея (в том числе древних кыргызов на территории современной Хакасии) и установил северные границы своей державы. Но оставались два главных противника — Китай и юэчжи.

В 202 г. до н.э. закончилась гражданская война в Китае. К власти пришла династия Хань. Ее основатель Лю Бан (император Гаоди), стремясь обезопасить границу, зимой 200 г. лично повел войска против гуннов. После первых столкновений Маодунь отступил, а ханьский авангард в преследовании оторвался от основных сил. С авангардом был сам император. Гунны сразу же прекратили отступление и окружили императора в горах Байдэн. Спасло императора только обещание заключить с гуннами мирный договор, основанный на родстве, т. е. выдать за Маодуня принцессу из

императорского дома. Маодунь снял окружение. Император выполнил обещание лишь после нескольких новых набегов гуннов и вместе с принцессой прислал богатые подарки, обязавшись возобновлять их ежегодно: шелковые ткани и вату, вино и рис, украшения. Фактически это была замаскированная дань. Между гуннами и империей Хань на 40 лет установились мирные отношения, лишь ненадолго прерванные гуннскими набегами в 166—163 гг. до н. э., после чего договор о мире и родстве был возобновлен.

Самую жестокую войду Маодуню и его наследнику Лаошан-шаньюю (174—161 гг. до н. э.) пришлось выдержать с юэчжами. Борьба длилась четверть века. Окончательная победа была одержана гуннами между 174 и 165 гг. до н. э. Вождь юэчжей пал в бою, а из его черепа Лаошан-шаньюй сделал чашу для питья. Оттесненные в Среднюю Азию юэчжи завладели землями в верховьях Амударьи и впоследствии стали создателями Кушанской державы. А западная граница гуннов надолго стабилизировалась в Восточном Туркестане, где они не раз сражались с ханьцами за власть над богатыми городами-оазисами бассейна Тарима.

Дань, которую получали шаньюи от ханьского двора, была совершенно недостаточна для удовлетворения потребностей значительного кочевого населения в продуктах оседлого хозяйства. Поэтому для гуннов более существенна была пограничная торговля, которую, однако, не разрешало императорское правительство, видевшее в торговле только инструмент политического давления на «варваров».

Добиваясь открытия рынков на границе, шаньюи начал в 158 г. до н. э. новую серию набегов и опустошил несколько северных округов. «После этого [в 152 г.] император Сяо-цзин снова заключил с гуннами мир, основанный на родстве, открыл рынки на пограничных пропускных пунктах, сослал гуннам подарки и отправил принцессу согласно прежнему договору».

Экономика гуннского общества, по описанию Сыма Цяня, была весьма примитивна: «В мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений... Начиная от правителя, все питаются мясом домашнего скота, одеваются в его шкуры и носят шубы из войлока». Столь же простой кажется и проистекающая из характера экономики программа отношений с Китаем, сформулированная одним из шаньюев: «Я хочу открыть вместе с Хань большие заставы для торговли, взять в жены дочь из дома Хань, хочу, чтобы мне ежегодно посылали 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху (мер) проса, 10 тыс. кусков различных шелковых тканей, а также все остальное, и в этом случае на границе не будет взаимных грабежей».

С представлениями о чисто кочевом характере гуннского общества никак не вяжутся неоднократные упоминания о городках в глубине гуннских земель, о хранимых там запасах зерна. Но основным видом хозяйственной деятельности гуннов всегда было кочевое скотоводство, что подтверждают как сообщения письменных источников, так и результаты археологических раскопок. Первостепенную роль у гуннов играла лошадь. При экстенсивном скотоводческом хозяйстве, когда корма для скота на зиму не заготавливались, лошадь имела и то преимущество, что она могла тебеневать, т. е. круглый год находиться на подножном корму, добывая траву зимой из-под неглубокого снега. Судя по костям, находимым в гуннских погребениях, лошади были типично монгольскими — небольшого роста, грубого, но мускулистого сложения, с короткой и широкой мордой. Кроме огромных табунов лошадей богатством гуннов были стада быков, яков и верблюдов, громадные отары овец и коз. Скот находился в семейной собственности; каждая семья имела право на достаточную часть родовой территории для выпаса скота и пользовалась защитой всего рода. Для сохранения численности и нераздельности имущества семьи гунны, как отмечает Сыма Цянь, «после смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах» (у гуннов, как и у многих кочевников, существовало многоженство). Предусматривалась и семейная ответственность за кражу чужого имущества, прежде всего скота,— семья виновного могла быть обращена в рабство.

Социальное устройство гуннского общества и его государственная организация не могут быть реконструированы с достаточной полнотой, но раннеклассовый характер гуннской империи несомненен. Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанные между собой брачными отношениями, т. е. мужчины любого из этих родов брали себе жен только из трех других знатных родов. Глава государства, шаньюи, мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, иерархия родов и племен играла в гуннском обществе немалую роль, причем на низшей ступени находились покоренные племена, включенные в гуннскую родо-племенную систему. Еще ниже были покоренные племена, не включенные в состав гуннских; они подвергались особенно безжалостной эксплуатации. Так, покоренные дунху выплачивали постоянную дань тканями, овчинами и кожами. Если дань задерживалась, то гунны казнили родовых старейшин, отнимали и обращали в рабство женщин и детей, требуя затем особый выкуп за их освобождение.

Рабство у гуннов часто упоминается источниками. Рабами были пленные, но в рабство попадали за различные преступления и сами гунны. Рабы-иноплеменники жили вместе с гуннами в укрепленных городках, копали оросительные каналы, пахали землю, участвовали в строительных и горных работах, в различных ремесленных

промыслах. Положение рабов-гуннов неясно; возможно, они составляли низшую часть большой патриархальной семьи.

Устройство гуннского государства было столь же строго иерархично, как их общественная структура. Государство гуннов, выросшее из военной демократии жунских племен V—IV вв. до н. э., сложившееся в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенными союзами и китайскими царствами, государство, цель которого его создатели и их преемники видели в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками), и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над оседлыми землепашцами),— такое государство могло существовать только как централизованная империя, организованная на военно-административных принципах.

Во главе государства стоял шаньюй, чья власть была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли «Сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй». Его власть определялась его функциями и правами: а) суверенным правом распоряжаться всей территорией государства, всеми землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия в защиту и соблюдение культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонения восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне». Шаньюя окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решающее слово всегда оставалось за шаньюем.

Высшими после шаньюя лицами в государстве были «левый» и «правый» (т. е. западный и восточный) «мудрые князья», сыновья или ближайшие родственники шаньюя. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали левым и правым крылом армии. Ниже их стояли другие родичи шаньюя, управлявшие определенной территорией,— все они носили различные титулы и назывались «начальниками над десятью тысячами всадников» (т. е. темниками (Этот принятый в науке термин происходит от древнерусского тьма - «десять тысяч», восходящего к древнетюркскому тюлень.)). Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределенные между левым и правым крылом войска, западной и восточной частями империи. Тот или иной пост занимался в зависимости от степени родства с шаньюем. Темников назначал сам шаньюй. Он же выделял подвластную каждому темнику территорию вместе с ее населением. Перемещение населения без приказа шаньюя строго возбранялось.

Наибольшее значение имела не территория, а численность, ее населения, которой и определялась власть и военная сила темников; число в 10 тыс. воинов, находившихся под их командой, было условным — Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 начальников имел от десяти тысяч до нескольких тысяч воинов.

В пределах своих владений темник, подобно шаньюю, назначал тысячников, сотников и десятников, наделяя их землей с кочующим на ней населением. Сместить и наказать темника мог только шаньюй.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином, и малейшее уклонение от исполнения военных обязанностей каралось смертью. Каждый с детства и до смерти был приписан к строго определенному воинскому подразделению и сражался под командованием своего темника.

При Лаошан-шаньюе началось систематическое взимание податей, о размере и характере которых сведений нет. Трижды в год все начальники — как правило, выходцы из четырех аристократических родов, — съезжались в ставку шаньюя для «принесения жертв предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам», для обсуждения государственных дел и один раз, осенью, для «подсчета и проверки количества людей и домашнего скота». Эти совещания были не столько каким-либо правительственным органом, сколько семейным советом родственников; все их участники были родичами шаньюя.

Таким образом, правящий класс гуннской империи сложился из родо-племенной знати; отношения родства и свойства сохраняли решающее значение для определения социального положения и политической роли каждого, кто принадлежал к высшим слоям гуннского общества. В то же время вся эта знать, сохраняя внутривидовые и внутривидовые связи, выступала и как патриархальная верхушка общества, как его «естественные» вожди, кровно связанные с рядовыми соплеменниками.

Основу общественного влияния и политической силы знати составляла собственность на пастбищные земли, проявлявшаяся в форме права распоряжаться перекочевками и тем самым распределять кормовые угодья между родами. Степень реализации права собственности целиком зависела от места того или иного знатного лица в военно-административной системе, что, в свою очередь, предопределялось его местом в родо-племенной иерархии. Вся эта структура обладала достаточно высокой устойчивостью, чтобы обеспечить более трех веков существования гуннской империи и еще несколько веков жизни мелких гуннских государств.

С образованием гуннской империи и после окончания долгой гунно-юэчжийской войны в степях наступил мир. Большая часть II в. до н. э. была временем подъема гуннского кочевого хозяйства. В ходе

нескольких гунно-китайских войн кочевники вернули захваченные циньскими императорами пастбища к югу от пустыни Гоби и добились своей главной цели — непрерывного поступления тканей и зерна из Китая через рыночную торговлю на границе и «даров» (замаскированной дани) шаньюям.

Новый цикл гунно-китайских войн был начат в 133 г. до н. э. по инициативе ханьцев. Император У ди (140—87 гг. до н. э.) решил вновь захватить гуннские земли к югу от Гоби и Навсегда сокрушить мощь северных кочевников. В 127 г. до н. э. началось успешное наступление ханьцев. В 124—123 гг. война была перенесена на коренные земли гуннов, в степи современной Монголии, где шла с переменным успехом. В 119 г. до н. э. огромная китайская армия захватила северную ставку шаньюя и перебила около 90 тыс. гуннов, но и сама понесла тяжелые потери.

Одновременно началось продвижение ханьских войск на запад, в Среднюю Азию, где в 101 г. до н. э. ими были разграблены ферганские города, а гунны отрезаны от восточнотуркестанских оазисов. В 99 и 97 гг. до н. э. ханьцы вновь предприняли два крупных наступления против гуннов, но успеха не добились. Наконец, в 90 г. до н. э. 70-тысячная китайская армия под командованием полководца Ли Гуан-ли вторглась в гуннские земли и разгромила передовые отряды гуннов. В это время Ли Гуан-ли узнал, что его семья арестована в столице по обвинению в колдовстве и всем его родичам, а по возвращении и ему самому грозит смерть. Он решил купить милость императора победой, но в первом же бою понес тяжелые потери. Старшие командиры войска решили взять его под стражу, но Ли Гуан-ли казнил участников заговора и начал генеральное сражение. В тяжелом бою китайцы были окружены, и Ли Гуан-ли сдался в плен. У Китая больше не осталось полевой армии для продолжения войны. Китай не сумел сломить гуннов своими силами, но через 20 лет нанес им тяжелые поражения с помощью других кочевых народов — в 71 г. до н. э. усунь с запада, ухуани (часть дунху) с востока и енисейские динлины с севера ворвались в гуннские земли; гунны потеряли до трети населения.

В 56 г. до н. э. гунны раскололись на южных и северных. Южные гунны во главе с Хуханье-шаньюем установили мирные отношения с Китаем, отказавшись от набегов, а Китай делал все для их умиротворения. Более 50 лет на гунно-китайской границе не было крупных столкновений. Северные гунны во главе с Чжичжи-шаньюем ушли в Среднюю Азию, на Сырдарью, но здесь были настигнуты китайским войском и уничтожены — ханьские власти опасались, что Чжичжи в союзе с местным народом — кангюйцами — будет угрожать их господству в Восточном Туркестане.

Единство и могущество гуннской империи было восстановлено на короткий срок в начале I в. н. э., но в 48 г. н. э. произошел новый раскол гуннов на северных и южных. Вся дальнейшая судьба южных

гуннов вплоть до падения Ханьской империи является, по существу, обычной историей варваров-федератов, целиком зависимых от правительства в имперской столице. Северные гунны под ударами с юга и натиском древнекиргизских племен Енисея и в особенности потомков сяньби и дунху — протомонгольских племен Юго-Западной Маньчжурии — с каждым десятилетием утрачивали свое могущество и территории. Их ставки сместились в Западную Монголию, в Юго-Западную Сибирь и Восточный Туркестан, где до середины II в. н. э. они продолжали сопротивляться ханьскому продвижению на запад. Наиболее тяжелые поражения они понесли в войнах с сяньби в 93—94 гг., когда десятки тысяч гуннских семей были включены в состав сяньбийской племенной федерации, и в 151—155 гг., когда создатель эфемерной сяньбийской империи Таньшихай вытеснил гуннов из их последних владений в Джунгарии. Именно в первой половине II в. началась миграция гуннских племен сначала в Восточный Казахстан и Семиречье, где они создали государство Юэбань, просуществовавшее до V в., а затем вместе с угорскими племенами Западной Сибири — в Приаралье, в прикаспийские и заволжские степи.

Начало переселения гуннов на запад.

Идентификация «азиатских» и «европейских» гуннов нередко вызывала сомнение, так как в источниках нет прямых указаний на их миграцию к западу из среднеазиатских степей. Достоверно неизвестен и язык гуннских племен Востока и Запада, хотя по косвенным данным можно предположить, что их основную массу составляли и там и тут прототюркские племена, язык которых был предком современного чувашского. Это, конечно, не исключает многоязычия гуннских объединений, куда входили предки монголов, тунгусов, угров, а в Средней Азии и на Западе — ираноязычных племен.

Наибольшую трудность вызывает объяснение того обстоятельства, что в степях Юго-Восточной Европы гунны появились внезапно в 70-х годах IV в. Первой их жертвой стали приазовские ираноязычные аланы, лишь часть которых (предки осетин) спаслась в горах Северного Кавказа. Вслед за тем, овладев Прикубаньем, гунны зимой, по льду, переправились через Керченский пролив и разгромили богатые города Боспорского царства. Вся причерноморская периферия античного мира вплоть до Днестра, сармато-аланские и готские племена были сокрушены в течение нескольких лет; частью они были включены гуннами в состав их орд, частью бежали за Днестр. К 376 г. гунны продвинулись непосредственно к границе Римской империи.

«Невиданный дотоле род людей,— пишет автор IV в. Аммиан Марцеллин, — поднявшийся как снег из укромного угла, потрясает и уничтожает все, что покажется навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор». Для римского эрудита, изучавшего труды ранних авторов, гунны были новым племенем, «о котором мало знают древние памятники». В середине II в. автор стихотворного «Описания населения земли» Дионисий упоминает гуннов где-то в Прикаспии. Во

второй половине II в. их отмечает там и знаменитый александрийский географ Клавдий Птолемей. Но даже для образованного человека IV в. эти краткие упоминания мало о чем говорили. Поэтому столкновение с невиданным дотоле народом казалось ужасным. По словам Аммиана Марцеллина, гунны, «которые превосходят всякую меру дикости», были «семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий»; «все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей... кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду; на чужбине они не входят в жилище, за исключением разве крайней необходимости... они плохо действуют в пешеходных стычках, но зато как бы приросли к своим выносливым, но безобразным на вид лошаденкам, и иногда, сидя на них по-женски, они исполняют все обычные свои дела; на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон... Если случится рассуждать о серьезных делах, они все сообща советуются в том же обычном порядке; они не подчиняются строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути... У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея определенного места жительства... кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина, он зачат в одном месте, рожден далеко отсюда, вскормлен еще дальше».

В своем ярком описании гуннов Аммиан Марцеллин допустил ряд преувеличений, наделив гуннов традиционными чертами самых диких северных племен. Гунны имели достаточно развитую материальную культуру и такие навыки военного дела, вплоть до стенобитной техники, которые позволяли им сокрушать хорошо вооруженных противников, брать их укрепления и города. Но несомненно, что пришедшие в Европу племена утратили многое из достижений экономического, социального и культурного развития, которые были характерны для гуннского государства в Центральной Азии. Собственные производительные силы европейских гуннов были ничтожны. Захват продуктов труда оседлых народов, пленение и обращение в рабство ремесленников сделались для гуннов основным источником добывания жизненных благ, а их общество стало полностью паразитическим. Все это с особой силой проявилось в последующий период, когда гунны прорвали пограничную линию Римской империи.

Литература:

Кляшторный С.Г. Гуннская держава на востоке (III в до. н.э.- IV в. н.э.). /История Древнего мира. Упадок древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.166-177

Лекция 9: Сасанидская держава в III-V вв.

Раннесасанидское государство.

Весной 227 г. н. э. поблизости от Стахра, столицы Парса (Персиды), короновался на власть в Иране царь Парса Арташир, сын царя Папака, происходившего из рода Сасана. Коронации предшествовала победа над парфянским царем Артабаном V. И то и другое событие были запечатлены для потомства на скальных рельефах. Были отчеканены монеты с новым титулом Арташира—«Поклоняющийся (Ахура-)Мазде, бог, царь царей Ирана, происходящий от богов». Так окончательно пришла к власти в Иране новая династия — Сасаниды, объединившая страну на четыре столетия.

Еще в 208 г. государство парфян раскололось на две части: одни области признали царем Валарша V, другие — его брата Артабана V. Несколько позже в борьбу за Парфию включился римский император Каракалла. Процесс распада парфянской державы на ряд независимых и полузависимых царств был проявлением глубокого кризиса обществ Средиземноморья. Его же проявлением был и захват власти в Стахре Папаком — мелким правителем и жрецом одного из районов Парса. После смерти Папака его сын Арташир предпринял ряд победоносных походов в соседние области. Завоевав их, он двинул войска в Месопотамию, где получил поддержку правителей ряда мелких полузависимых государств. Объединенные силы союзников осадили Селевкию, которая пала в 223 г. Все эти успехи превратили нового повелителя Парса в грозного противника парфянского царя царей, но в решительном сражении разбить армию Артабана удалось лишь с помощью месопотамских союзников и владетелей некоторых «царств» (шахров), расположенных на территории Ирана, а также представителей части знатнейших парфянских родов.

Парфянскую династию ослабляли внутренние распри и неудачи во внешней политике, а Сасаниды были связаны с одним из древних религиозных центров Ирана. Между тем тяжелое экономическое положение страны, ее распад на ряд владений, ослабивший внутриэкономические связи, и почти полное прекращение международной торговли требовали сильной государственной власти, которая могла бы наладить хозяйственную жизнь в стране в интересах и знати, чьи доходы падали, и торговых городов. Для создания сильной власти нужно было держать в руках экономическое «сердце Ирана» — Месопотамию.

В III в. судьба сасанидского государства решалась на его западных границах. Через три года после коронации новый царь царей (шаханшах), Арташир I, повел персидскую армию в Сирию и Малую Азию.

Угроза персидского вторжения была настолько серьезной, что в 232 г. римскую армию в Северной Месопотамии вынужден был возглавить император Александр Север. Римлянам не удалось достичь иранской столицы, но в то же время они добились некоторых успехов в Армении. Стычки на границе не прекращались до 237 г. Сын шаханшаха и его наследник Шапур, командовавший персидской армией, овладел Хатрой в Месопотамии, но не добился решающей победы. В 242 г. император Гордиан III снова начал военные действия. В течение двадцати лет провинции Месопотамии испытывали ужас чужеземных вторжений. Ни один год с 242 по 260 г. практически не был спокойным.

Судя по торжественной надписи Шапура I (243—273) на так называемой Каабе Зороастра в местности Накш-и Рустам, три войны с Римом принесли успех Ирану. Первая война кончилась смертью императора Гордиана, пленением знатных римлян и большого количества римских солдат и выплатой значительной дани — 500 тыс. денариев. Между 244—251 гг. персидскими войсками была завоевана часть Армении, а также Адиабена (район древней Ассирии). Вторая война была снова развязана римлянами. Военные действия развернулись на территории Сирии. Армия Шапура I сокрушила многочисленные римские легионы и овладела штурмом важнейшими городами в Сирии и на востоке Малой Азии. Заключенный мир был непрочен: военные действия фактически не прекращались. Временный успех императора Валериана в 257 г. опять сменился поражениями; на западных границах римлян теснили варвары, а в восточных провинциях в течение 15 лет (с 251 г.) свирепствовала чума. В этот тяжелый для Рима момент «судьба Востока вновь затрубила в страшную трубу, возвещая о страшных опасностях», — говорит римский историк Аммиан Марцеллин. Шапур напал на Карры (Харран) и Эдессу в Северной Месопотамии. Римляне наконец поняли, что имеют дело с великой державой. Речь шла не только о месопотамской границе. Под угрозой была власть Рима во всех восточных провинциях. Решительное сражение у Эдессы было проиграно римлянами. В плен попал сам Валериан, сенаторы и другие вельможи. Шапур в своей надписи сообщает, что иранская армия взяла 36 городов и крепостей. Такого поражения Римская империя еще не знала.

Успехи Шапура I на западе показали силу и сплоченность молодого государства или, может быть, скорее слабость Рима: Шапуру I в год смерти пришлось еще пережить позор поражения. Во II—III вв. основной торговый путь между Западом и Востоком стал проходить напрямик из Месопотамии к Средиземному морю через Сирийскую степь, чтобы миновать трудные перевалы в Закавказье и Армении, где бушевали почти непрерывные войны. Нейтральный оазис Пальмира (Тадмор) среди пустыни стал важным перевалочным пунктом для международной торговли, и здесь выросло государство, при царице Зенобии заявившее претензии на великодержавное положение на Ближнем Востоке; однако оно было уничтожено римским императором

Аврелианом. Персидский корпус, посланный на помощь Зенобии, был разгромлен. Но и этот успех Рима не нарушил устойчивости западных границ Ирана.

В результате этих войн к Ирану были присоединены значительные территории, и к 60-м годам III в. его пределы простирались от Нижней Месопотамии и Сирии до Инда, от Большого Кавказа до Оманского полуострова в Аравии. Шапур I претендовал на «владение» такими землями, как Согд, Чач (район Ташкента) и Кушанское царство. Первый тур в единоборстве двух основных держав Ближнего Востока и Средиземноморья — Римской империи и Сасанидского Ирана — выиграл Иран. В завоеванных иранцами областях утверждался зороастризм.

В дальнейшем взаимоотношения Ирана с Римом не раз приобретали трагическую остроту. Так было, например, в царствование Шапура II (309—379), когда интриги Ирана в Армении вызвали вооруженное вмешательство римского императора Констанция II, что привело к изнурительным и губительным для Армении войнам, длившимся около 15 лет. Однако в июле 363 г. в одной из небольших стычек у самой границы Ирана погиб император Юлиан, и это решило исход войны. Персы получили по мирному договору ряд опорных пунктов в Северной Месопотамии и полностью покорили Армению. В дальнейшем, уже после смерти Шапура II, Армения и Грузия были поделены на иранскую (Восточная Армения, Иверия) и римскую сферы влияния. Однако в Закавказье и в Армении не раз вновь возникали войны.

Начиная с середины IV в. основной границей, которую приходилось удерживать Ирану, стала восточная. Здесь, как и ранее на западе, Сасаниды начали с крупных военных успехов. В царствование Арташира I здесь происходило постепенное укрепление власти Ирана с опорой на союз с местными династиями, но и позже продолжали существовать полусамостоятельные царства, которыми правили владыки старых, досасанидских династий. Вероятно, впервые между 245 и 248 гг. шаханшах Шапур I предпринял большой завоевательный поход в пределы восточных земель. В результате на востоке Иранского нагорья был основан новый «царский» город Нишапур; на монетном дворе древнего города Мерва (ныне Мары в Туркмении) чеканились золотые «денары» Шапура I, а его сын Нарсе получил в удел все только что завоеванные восточные провинции. Этот удел назывался «Сакастан, Турестан и Инд до побережья моря» и сохранялся, судя по надписям, по крайней мере до 20-х годов IV в.

После походов на восток Шапура I и до середины IV в. сасанидские цари вряд ли вели какие-нибудь серьезные войны на востоке своей державы: все их силы в то время были исчерпаны тяжелой борьбой на западных границах. Первое достоверное сообщение о восточной войне Шапура II датируется началом 357 г. (или концом 356 г.) и принадлежит Аммиану Марцеллину, который основывался на

проверенных агентурных сведениях. Шапур в это время с трудом сдерживал натиск «враждебных племен», пытавшихся перейти границу Ирана. Он нес большие потери в упорной борьбе и в конце концов в 358 г. заключил с ними «союзный договор». Затем он втянулся в войны на западе и получил возможность для активных военных действий на востоке лишь в самом конце 60-х годов IV в., когда, вероятно, и предпринял большой поход, окончательно сокрушив Кушанское царство. Территория Кушанского царства была включена в новый важнейший удел, называвшийся «царством Кушан» (Кушаншахр). Им владели сасанидские царевицы, имевшие право выпуска собственной серебряной и золотой монеты. Во всех этих событиях принимали участие кочевники-хиониты, в то время выступавшие как союзники Сасанидов.

В начале V в. бывшие кушанские земли завоевывает Кидара — основатель царства кидаритов. Союз с кочевниками помог ему вытеснить сасанидские войска из Бактрии. Тогда же на этих и соседних территориях возникло княжество, возглавляемое представителями кочевого племени эфталитов. Сасаниды удерживали лишь Мерв, Герат и некоторые другие города. Война с кидаритами произошла около 442 г. К 449—450 гг. относится победа над ними шаханшаха Ездигерда II и захват Южной Бактрии. Однако в 457—459 гг. в междоусобной войне между Сасанидами Хормиздом и Перозом последний уступил эфталитам в обмен на их помощь Восточный Тохаристан (Бактрию) вместе с культурным и религиозным центром этих земель — городом Балхом. С 70-х годов V в. Пероз вел упорные войны на востоке против кидаритов и эфталитов, постоянно терпя неудачи. В последнем походе (484 г.) сасанидская армия была наголову разбита эфталитами. Пероз погиб в бою. Победители захватили гарем царя, обоз с казной и множество пленных. Иран был обложен тяжелой данью, которую Сасаниды платили эфталитам вплоть до 60-х годов VI в. Однако в отличие от Римской империи Иранская держава не рухнула под давлением варварских племен.

Общественное и государственное устройство сасанидского Ирана.

Для раннесасанидского периода характерно сохранение трех основных зон позднепарфянской эпохи: зоны самоуправляющихся городов (преимущественно на западе), зоны полузависимых царств и владений (шахров) — по всему Ирану — и зоны царского домена (дастакерта). Однако эта структура постепенно нарушается.

Картина гибели самоуправляющихся городов, вероятно, наиболее наглядна. Они начали терять свои органы управления еще при парфянах, а распад Парфии привел к ослаблению экономических связей и торговли. После объединения Ирана под властью новой династии в областях, которые в середине III в. становятся доменом царя царей, старые города заново «основываются», получая имена

шаханшахов и, вероятно, теряя самоуправление. Создатель монархии Арташир I «основал» лишь три города на западе Ирана, тогда как его сын Шапур I, расширив границы дастакерта, «основал» уже 16 городов как на западе, так и на востоке страны. Отныне ими стали управлять шахрабы — государственные чиновники, осуществлявшие в городах и округе как гражданскую, так и военную власть. Сельская округа, приписанная к этим городам, перешла в ведение центральной администрации.

Таким образом, вместо самоуправляющихся городов селевкидской и парфянской эпох, которые помимо центрального правительства осуществляли контроль над значительными территориями, в сасанидскую эпоху возникают города — ставки центрального управления. Вместо «союза» царя и городов теперь характерны расширяющийся царский дастакерт и гибнущие «вольные» города. В III—IV вв. институт шахрабов становится важнейшим в системе сасанидской администрации. Однако и этот институт, развитие которого тесно связано прежде всего с расширением царского домена, теряет свое значение, видимо, уже в конце IV в.

К моменту захвата власти Сасанидами в Иране было велико число «союзных» полузависимых царств и областей. Некоторые из них были просто крупными имениями, охватывавшими ряд сельских общин, но хозяева имений действовали в них как маленькие государи. Уже в системе парфянского государства они были столь независимы, что от политической ориентации того или иного царька иногда зависела судьба царства. Тенденция отдельных правителей к сепаратизму проявлялась в любой сложной политической ситуации. В сущности, и переход власти в Иране от парфянской династии к сасанидской, первоначально захватившей власть в Парсе, был проявлением именно такой тенденции, бывшей чертой процесса феодализации общества.

Сасанидский период характерен постепенно растущей централизацией, однако и раннесасанидское государство первоначально представляло собой лишь федерацию отдельных царств и более мелких владений, находившихся в разной степени зависимости от центральной власти, по-разному связанных с ней экономически. В раннесасанидских надписях все еще упоминаются прежние местные полузависимые «цари» в различных областях Закавказья, Ирана, Месопотамии. Однако уже при Шапуре I была уничтожена самостоятельность ряда шахров. Часть ранее автономных царств (например, Сакастан) стала управляться сыновьями царя царей Ирана. Лишь царство Элимаида (Иногда его неправильно отождествляют с древним Эламом, хотя оно находилось к северу от него (древнее Эллипи).—Примеч. ред.) в Западном Иране просуществовало до середины IV в., и цари Элимаиды, так же как и владельцы завоеванных Сасанидами кушанских земель, сохранили право выпуска собственной монеты.

Управление важных областей сасанидскими царевичами, как и сходный по функции и возникший в результате той же ситуации институт шахрабов, прекращает свое существование к концу V в. На быстрый процесс феодализации указывает растущий сепаратизм владетелей отдельных шахров и более мелких областей. Он проявлялся по-разному, например в попытке некоторых царевичей присоединить к своим шахрам соседние территории или во внутрдинастийной борьбе. Так, в 282 г. Сасанидский наместник восточных провинций, двоюродный брат шаханшаха Варахрана II Хормизд попытался даже захватить престол Ирана. Восстание было подавлено, и Хормизд был казнен. Подобные восстания известны и в более позднее время. Тенденции к сепаратизму проявились особенно бурно в конце V в.

Согласно позднейшим зороастрийским дидактическим сочинениям, все население Ирана делилось на четыре сословия: жрецов, воинов, писцов и земледельцев. Это деление, восходящее к религиозным представлениям «Авесты», естественно, не отражало реальной классовой стратификации сасанидской эпохи, но освящалось религией и традицией. Многие вельможи и землевладельцы принадлежали к воинам, государственные чиновники и придворные формально входили в сословие писцов, зороастрийские жрецы составляли особое сословие, а врачи, астрологи, купцы, ремесленники — в податное сословие земледельцев, так же как и рядовые крестьяне. Зороастризм в его новой, догматической форме стал при Сасанидах государственной религией; жрецы (маги) были наставниками царя царей и цариц, сосредоточили в своих руках судопроизводство и образование.

Представители рода Сасанидов—васпухры, высший ранг знати — вазурги, а также мелкие землевладельцы — азаты (букв. «свободные») составляли высший разряд иранского общества эпохи Сасанидов. Владетельные принцы, шахрабы и другие вельможи, составлявшие высшую знать, образовывали совет царя царей с правом голоса по местнической системе. Каждый вельможа имел определенное место в зале совета в зависимости от его знатности. При дворе армянских Аршакидов, обычаи которого были сходны с сасанидскими (видимо, продолжавшими парфянские), знать, имевшая право заседать в царском совете, получала отличительные знаки своего ранга (трон, подушку и почетную головную повязку — джадему). Младшие цари, кроме того, восседали на драгоценных тронах, которые им даровал шаханшах за особые отличия (Этикет сасанидского двора был во многом заимствован Римской империей и Византией. Эдиктом Диоклетиана императору был присвоен пародий венец — золотая диадема с драгоценными камнями — и был принят обычай падать ниц перед императором и лобызать край его одежды.). При дворе существовал сложный церемониал с целой иерархией придворных должностей.

Создание Сасанидской державы было попыткой создать централизованную империю, которая (подобно Танской в Китае) была бы основана на раннефеодальных общественных отношениях.

В середине III в. в Иране происходит значительное перераспределение земельного фонда. Растет царский дастакерт, постепенно охвативший значительную часть территории государства. Расширение царских земель шло за счет сокращения уделов крупной знати (прежде всего владений тех представителей знатнейших парфянских родов, которые не поддерживали династию) и земель, приписанных ранее к самоуправляющимся городам. Однако в то же время источники отмечают крупные и все увеличивающиеся пожалования земель из этого фонда как знати, так и храмам. В особенности растет землевладение зороастрийских храмов. Шаханшахи жалуют храмам не только земли, но и стада, сады, виноградники, рабов и т. д. Из этих царских пожалований, а также из дарений знати на благотворительные цели и отправление определенных литургий складывались весьма крупные владения. Основной доход с этого имущества шел храмам, а на долю жертвователя оставался очень небольшой процент. В одной из своих надписей Шапур I объявил, что он жертвует храмам и этот процент, который составлял ежегодно тысячу ягнят, более двух тонн зерна и громадное количество вина.

Существовали и частные дастакерты; иногда они могли включать целые провинции, иногда же ограничивались крохотным участком земли. Сохранились стандартные описания дастакертов, принадлежавших мелкопоместному дворянству — азатам. Как правило, в него включался участок земли с арыком (часто арык проходил по нескольким дастакертам, и существовали строгие правила пользования арычной водой для орошения), виноградник и фруктовый сад. Преимущественно из фонда царских земель выделялись наделы под условием службы в государственном аппарате или войске, вначале на время отправления должности или с определенной целью (например, «надел на обмундирование всаднику»); затем они становились наследственным владением.

Большие массивы земель все еще находились во владении свободных сельских общин. С течением времени этот земельный фонд также сокращался. Земли общин передавались в условное частное владение знати, иногда — крупному чиновничеству с правом сбора налогов и собственной юрисдикцией. Постепенно такие земли становились фактической собственностью владельцев. Изменение характера собственности на землю и типичное для феодального общества совмещение права собственника с политическими и судебными правами хорошо прослеживается в позднесасанидскую эпоху.

В некоторых крупных частновладельческих хозяйствах, в особенности в западных районах Ирана, использовались рабы, хотя

нет достоверных свидетельств о том, что рабский труд являлся основой их экономики. Напротив, уже к III в. восходят данные источников о частичном освобождении рабов, наделении их землей для ведения собственного хозяйства. «Рабское служение» в таких случаях занимало от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{6}$ времени раба и часто конкретно выражалось в предоставлении ему определенной доли дохода с участка, который он возделывал, что постепенно приближало его в социальном смысле к закрепощенному общиннику. Чаще всего рабы использовались в ремесле и домашнем хозяйстве. В раннесасанидский период известна и практика поселения военнопленных на царских землях; та же практика существовала в крупных хозяйствах вельмож. Рабы имелись также в храмовых хозяйствах, причем иногда «рабами» храма становились (по разным причинам) даже крупные вельможи. Их «рабская служба» заключалась в том, что они возводили на свои средства различные постройки (например, «храмовым рабом» был знаменитый деятель сасанидской эпохи, глава всего хозяйства империи Михр-Нарсе).

О налогообложении податного населения в Иране данные для периода III—V вв. отрывочны и неполны. Податное население платило налоги в зависимости от урожая; земельного кадастра не существовало. Лучше известно о налогах, которые собирались с «иноверцев» — иудеев и христиан, проживавших на территории всего Ирана. Юрисдикция зороастрийского жречества не распространялась на приверженцев других религий — иудеев, христиан и т. п., живших в пределах державы в довольно значительном числе, особенно в западных областях. Сирия (включая в то время уже и всю Верхнюю Месопотамию) была сплошь населена христианами, сначала признававшими византийское православие, а с конца IV и в V в. разделившимися на ряд враждующих сект (несториане, яковиты, монофизиты, православные-мелкиты). Много христиан было в Хузестане и других западных областях Ирана, а в Нижней Месопотамии несколько городов было целиком населено евреями, рассеянными также и по другим областям. Нередко иноверцы подвергались преследованиям со стороны сасанидского правительства. Они были всегда готовы к изгнаниям и переселениям и обзаводились скорее движимым, чем недвижимым имуществом. Поэтому христиане, евреи, а позже и манихеи составляли в значительной части ремесленное и торговое население. Многие сведения о городской жизни сасанидского Ирана историки черпают из религиозно-правовых иудаистических писаний — «Талмуда», часть которого была составлена в позднепарфянский и сасанидский периоды в Вавилонии.

Как евреи, так и христиане имели самоуправление во внутренних религиозных и гражданско-правовых делах. Во главе евреев стоял «начальник изгнания» — реш-галута, во главе христиан — епископы. Они же отвечали за сбор податей со своих единоверцев. Известен, например, конфликт между шаханшахом Шапуром II и епископом Ктесифона Симеоном бар-Саббой, происшедший около 340 г. Царь

приказал наместнику Хузестана арестовать Симеона, пока он не представит подать с христиан за очередной год раньше срока и в двойном размере против обычного — государству нужны были деньги для ведения войн на Западе. Отказ Симеона, который он обосновывал обнищанием христиан в результате непосильных «царских работ» и общего разорения края в связи с войной, повлек за собой его публичную казнь, а также разрушение христианских храмов. Отказ христианских клириков от уплаты повышенных податей расценивался как государственная измена, а христиане обвинялись в том, что являются «друзьями римского императора». Вероятно, сходная практика сбора налогов с христиан-ремесленников и торговцев отражена в подписях различных «глав» и «старшин» под актами христианских соборов. Среди них встречаются «глава ювелиров», «старшина серебряников», «старшина торговцев» и др. Это религиозные главы ремесленных и торговых корпораций, ответственные перед центральной администрацией за налоги на корпорацию, а также за качество ремесленной продукции. Аналогичное положение было и в иудейской религиозной общине.

Корпорации существовали не только у христиан и иудеев. Все они объединялись в общее «собрание» ремесленников того или иного города или провинции, «глава» которого (независимо от вероисповедания) был ответствен перед специальным государственным чиновником — «главой ремесленников». Налоги с целых областей в отдельных случаях могли фактически отдаваться в откуп.

Международная торговля.

Международная торговля сохраняла при Сасанидах огромное значение. Важнейшие пути, пересекавшие Иран, сложились в основном к началу I в. н. э. Ответвление «царской дороги» от Герата (ныне в Афганистане) шло на север, к Мерву, и далее в Самарканд, где этот путь, вероятно, сливался с Шелковым путем из Китая по оазисам Восточного Туркестана. Районы Малой Азии и Сирии связывались с Шелковым путем сухопутной дорогой вдоль Евфрата, выводившей к гаваням Персидского залива, или древней караванной дорогой из Сирии через Иран. Вне контроля Парфии и сасанидского Ирана были морской путь в Индию (через Красное море и Персидский залив), вновь открытый к середине I в. н. э., а также «Путь благовоний» — караванный путь из приморской Сирии в Южную Аравию.

Главными международными товарами были предметы роскоши — китайский шелк-сырец, торговля которым осуществлялась при посредничестве согдийских торговых факторий, распространившихся по трассе Шелкового пути, а также индийские товары, попадавшие в Иран преимущественно сухопутным путем, — драгоценные камни, благовония, опиум, пряности. Особую торговую активность и в парфянский и в сасанидский периоды проявляли христиане-сирийцы

(арамеи), торговые поселения которых существовали не только в городах Месопотамии, но и на востоке Ирана, в Средней Азии, а в более позднее время — вплоть до границ Китая.

Международная торговля Ирана была в основном караванной; плавание иранских купцов по Персидскому заливу были нерегулярны. Караваны из Месопотамии доставляли в восточные области Ирана сирийское стекло, шелковые ткани египетской и малоазийской работы, сирийские и египетские шерстяные ткани (начиная с IV в. к ним, вероятно, прибавились и иранские), изделия из металла, вино, масло. Далее эти товары переправлялись, главным образом караванами местных купцов, в Китай и Индию. Прежде чем заключался тот или иной торговый договор, необходимо было установить характер товара — «надежный» или «ненадежный». «Ненадежными» считались прежде всего товары международной караванной торговли; они подвергались таким опасностям, как «море», «огонь», «враги» и «власть». Сильнее стихийных бедствий были, конечно, опасности, зависевшие от «власти»: бесконечные пошлины, которые приходилось платить на любых границах и в любых городах, государственная монополия на продажу определенных товаров (прежде всего на шелк-сырец), военные действия в районе караванной торговли и т. д. В эпоху общеэкономического кризиса III в. на Ближнем Востоке караванная торговля почти прекратилась. Однако с образованием сасанидского государства она вскоре была снова налажена. Как и раньше, главным товаром был шелк; шелковыми тканями платили налоги, ими одаривали послов и монархов, покупали союзников, расплачивались с солдатами.

Кроме сведений разноязычных письменных источников о торговле Ирана своеобразными свидетельствами о ней являются глиняные буллы (ярлыки) с оттисками печатей, обнаруженные при раскопках городищ сасанидского времени. На буллах оттиснуты печати различных частных лиц, составлявших «торговую компанию», и, как правило, одна официальная печать (только с надписью, без изображения), принадлежавшая должностному лицу и удостоверявшая достоинство товара. Булла сопровождала тук с товаром, служа гарантией, а после того как товар был продан — отчетным документом: печати, оттиснутые на булле, показывали, кому и какое количество долей прибыли следует получить.

Как и в парфянский период, в сасанидскую эпоху известны крупные международные торговые рынки. Но международная торговля была тесно связана с политикой: медь и железо считались «стратегическим товаром», и византийские императоры запрещали продавать их персам.

Религия Ирана.

В сасанидский период зороастризм становится государственной религией. Свидетельством этому является принятый Арташиром I

после коронации новый, зороастрийский, царский титул — «Поклоняющийся (Ахура-)Мазде...» — и основание им «царского» (коронационного) храма огня, ставшего общегосударственным святилищем. В это время Арташир сосредоточил в своих руках не только гражданскую и военную, но и религиозную власть. В списках его двора нет титула «верховный жрец», как нет его и в списках двора его наследника Шапура I. Первоначально зороастризм сасанидских монархов отражался в их официальных памятниках лишь посредством титулатуры и символов. Зороастризм раннесасанидского времени был сходен с его формами в парфянском мире. Существенную роль играл культ не только Ахурамазды, но и Анахиты, в то время преимущественно богини войны и победы, и культ бога Митры. Несколько позже большое значение приобрел и культ самого Арташира I, храм которого в гроте Накш-и Раджаб долго почитался.

Все это было фоном деятельности первого реформатора сасанидской религии — жреца Картира, карьера которого началась, вероятно, в последние годы царствования Арташира I. Тогда он имел скромное звание хербед — нечто вроде учителя при храме, знакомящего будущих жрецов с зороастрийским ритуалом. Картир возвысился при Шапуре I, который поручил ему организацию зороастрийских храмов и жреческих общин в Иране и в завоеванных областях. Заняв выдающееся положение в государстве, став духовником внука Шапура I, Варахрана II (276—293), который занял престол Ирана при его активном содействии, затем «владыкой» храма Анахиты в Стахре, родовом святилище Сасанидов (и до и после него жрецами здесь были сами шаханшахи Ирана), затем единственным толкователем «воли богов», вершителем судеб всего государства, Картир, уже глубокий старик, вероятно, был убит при очередном государственном перевороте.

Его жизнь и деяния по созданию государственной религии и организации церкви и провозглашенная им «исповедь веры» изложены в надписях самого Картира, где он молит богов, чтобы они дали ему возможность объяснить «живущим», в чем состоит божественное воздаяние праведникам, чтобы боги открыли ему «существо» ада и рая, чтобы с божественной помощью Картир показал, «каких божественных дел ради, что именно сделано, чтобы для них (т. е. для «живущих») все эти дела стали бы твердо установленными». Далее Картир подробно рассказывает о том, что с помощью богов он (вернее, его «двойник»-душа) якобы совершил путешествие в потусторонний мир к престолу Ахурамазды в сопровождении персонификации зороастрийской веры — Наиблагороднейшей Девы. У некоего золотого трона происходит пир, и здесь же находятся весы (на них божество Рашну взвешивает добро и зло). Здесь же находятся души праведников, достигшие этого почета благодаря исполнению определенных ритуалов и исповеданию определенных религиозных догматов. Отсюда, совершив ритуальную трапезу, эти души (в том числе и «двойник» Картира) проходят по мосту Чинват в рай.

Таким образом, Картир считал себя пророком, подобным Заратуштре. Вот как завершается текст его надписей: «...и тот, кто эту надпись увидит и прочтет, тот пусть по отношению к богам и владыкам станет благочестивым и справедливым. И также в этих именно молитвах и догматах, в делах религиозных и вере, которые теперь установлены мной для жителей этого земного мира, пусть он станет более твердым, а другие (молитвы, дела .и веру) — пусть не исповедует. И пусть он знает; есть рай и есть ад, и тот, кто избрал добро, пусть попадет в рай, а тот, кто избрал зло, пусть в ад будет низвергнут. И тот, кто избрал добро и неуклонно следует по пути добра, брренное тело того человека достигнет славы и процветания, а душа его достигнет праведности, чего и я, Картир, достиг».

Картир был не только создателем первого канона государственной религии, но еще более политиком. В своих надписях он пишет об основных итогах своей деятельности по созданию государственной религии: «И от шахра к шахру, от области к области, по всей стране дела Ормизда (Ахурамазды) и богов возвысились, и вера и маги получили по всей стране великое господство... И Ахриман (Ангхро Манью) и дэвы получили великий удар и мучение (?), и вера Ахримана и дэвов отступила из страны и была .изгнана. И иудеи, и буддийские жрецы, и брахманы, и назареи (по-видимому, гностическая секта мандеев.—В. Л.), и христиане... и зиндики (== манихеи) были разбиты, а изображения (их) богов разрушены, и убежища дэвов (= ложных богов) были разрушены... И от шахра к шахру, от области к области многие... храмы были основаны...» (далее перечисляются области, захваченные войсками Шапура, где насильственно насаждался зороастризм).

Картир проводил свою реформу в весьма напряженной обстановке — при дворе Шапура I во время его коронации был принят еще один пророк и создатель собственной религии — Мани, пропаганда учения которого была разрешена по всему Ирану. Это было вызвано прежде всего тем, что завоевания Сасанидов открыли для Ирана новые идейные горизонты: христианство, гностические учения, неоплатонизм, древневосточные космогонические и космологические идеи, различные толки зороастризма, иудаизм. Возможно, что именно политический расчет создать идеологическую основу власти не только в Иране, опираясь на такую веру, которая могла бы всюду стать популярной, заставил Шапура принять Мани и разрешить пропаганду его учения. Обрывки когда-то обширной манихейской литературы и произведения противников манихейства дают нам представление об учении весьма сложном и очень противоречивом. Применив сирийский алфавит для записи религиозных текстов на среднеперсидском языке, Мани особенно подчеркивал, что его учение в отличие от учения зороастризма записано самим пророком и поэтому едино. Но на самом деле манихейство было разным в разных странах. Принцип веры заключался прежде всего в том, что она должна быть понятной «в любой стране, на любом языке». Но вскоре вера Мани обрела повсюду собственную судьбу. В Месопотамии манихейство успешно

соперничало со многими гностическими школами; например, оно было похоже на учение маркионитов, которые, как и манихеи, утверждали, что кроме бога, творца телесного мира, мира зла и скверны, есть еще более высокий бог, проявляющий себя в благости и доброте. В учении Мани можно было найти идеи, сходные с идеями неоплатоника Плотина; манихейские книги много говорили и о Христе. Главная проблема, которая ставилась Мани, одинаково волновала тогда и гностиков и христиан: в мире существуют добро и зло, ибо он создан из двух начал; высший бог не мог создать зла в мире, значит, он не создал и мира. Материя существует помимо бога, а человек — это «смесь материи и сияния горнего света». В зороастрийской среде учение Мани тоже казалось знакомым. Верховное божество манихейского пантеона выступало под именем Зрвана — Божественного Времени, почитавшегося в некоторых зороастрийских толках, а первым, вступившим в бой с силами тьмы, был Ормизд, т. е. Ахурамазда. Но зороастризму было чуждо отрицание возможности участия человека в конечной победе добра над злом.

Так же как и в христианстве, иудаизме и зороастризме, в учении Мани содержалась идея Страшного суда, идея прихода мессии; последователи Мани признавали Христа, Будду, Заратуштру. Сам Мани писал об этом так: «Мудрость и (добрые) дела неизменно приносились людям посланниками бога. Раз они были принесены в Индию, через посланника, именуемого Буддой, другой раз — в Иран, через посредство Зардушта (= Заратуштры), другой раз — в страны Запада, через посредство Иисуса. В настоящий последний век написано вот это откровение в страну вавилонскую и объявилось пророчество в лице моем, Мани, посланника бога Истины». По учению Мани, основное в человеке — даже не душа, которая, как и весь мир, порождена злом, а «искра божьего света», и задача истинного праведника — способствовать ее освобождению. Этого можно достичь лишь крайней степенью аскетизма. Истинный праведник, кроме того, должен поститься определенное количество раз в году, исповедоваться главам общин, заботиться об «избранных», т. е. о религиозных наставниках. «Избранные» должны воздерживаться от некоторых видов пищи, соблюдать обет безбрачия, не должны даже касаться руками всего «тленного и злого». Их задача — молиться за свою паству, за то, чтобы души попали в «царство света», пройдя предварительно целый цикл превращений, являясь на земле снова и снова, пока наконец сами не станут «избранными». Основной акцент учения Мани — крайний пессимизм, отрицание любых активных действий (кроме проповеди учения), замкнутость и обособленность (последователь учения, например, не должен делать добра никому, кто «против священного долга»). В III в. учение Мани возбуждало в Риме и в Иране интерес горожан и простого народа, но преимущественно все же образованных людей, потому что тогда эта вера была еще во многом философией. Громадное значение для распространения манихейства в это время имела гибкость организации его адептов и в особенности хорошо поставленная

пропаганда. На востоке Ирана при жизни Мани действовали двенадцать проповедников его идей; в Мерве, тоже при жизни Мани, существовала большая манихейская община, многочисленные общины были в Месопотамии.

Стройная замкнутая структура общин последователей учения Мани, таинственность мистических обрядов, изучение «гороскопа, судьбы и звезд», слава манихеев как превосходных врачей, знающих самые сильные заклинания,— все это привлекало к ним и тех, кому не было дела до «познания сущности бытия». Но разные школы и секты манихеев развивали свои особые идеи, во многом отличные от первоначальных. Западные общины манихеев были особенно близки к иудео-христианам, на Востоке они ближе смыкались с различными неортодоксальными сектами зороастризма.

В хаосе различных вероучений, сект и школ эпохи падения эллинизма шли поиски единого «религиозного языка», напряженная борьба, ценою больших жертв подготовившая почву для успеха «великих религий». Но именно зороастризм как религия, традиционная для Ирана, мог скорее всего занять в переработанном виде место идеологического фундамента централизованного государства, и поэтому увлечение манихейством Шапура I и части иранской знати было лишь эпизодом. Во вновь завоеванные области вместе с сасанидскими войсками шли и зороастрийские жрецы Картира.

Судьба «пророка» Мани была трагична. Он был казнен через несколько лет после смерти своего царственного покровителя; его учение было объявлено вреднейшей ересью, и, несмотря на отдельные благоприятные для манихеев обстоятельства, члены этой секты (зиндики) вынуждены были действовать тайно.

Манихейство — одно из тех учений, которые Картир называл «верой дэвов». Другим учением, стоявшим в оппозиции к зороастризму, но гораздо более распространенным, было христианство (в надписях Картира «назарей и христиане»). Христианские общины (часть из которых затем оформилась в епископства) появились в Иране в начале III в. Их роль в жизни империи особенно усилилась в IV в., когда было основано много новых христианских общин по всему Ирану вплоть до Мерва. Сасанидские монархи преследовали христиан, исходя из принципа, который поздние авторы приписывают Шапуру II: «Они населяют нашу землю, но разделяют чувства императора, нашего врага».

В 484 г. сирийская церковь в Иране официально приняла несторианское вероисповедание, в византийском православии считавшееся ересью, и порвала с византийской церковью. Кроме того, в Иране и особенно в Закавказье (в Армении и Алвании), был распространен монофизитский толк христианства, который в Византии

также считался еретическим. В конце V в. несториане и монофизиты были легализованы иранским правительством.

Громадная роль Картира при дворе первых сасанидских монархов привела к тому, что государство быстро шло к теократии. Молодой шаханшах Варахран II полностью находился под влиянием Картира и его партии, провозгласившей даже доктрину «идеального государя». Согласно этой доктрине, государь должен быть религиозен, всегда доверять своему духовному наставнику, действовать согласно догматам веры. Но переворот Нарсе (293 г.) привел, в частности, к реставрации династийного культа — жрецами Анахиты снова стали сами повелители Ирана, и в Парсе на рельефе в Накш-и Рустаме Нарсе венчала на царствование эта богиня. «Реставрация» подвела итог. и напряженной борьбе различных придворных групп и жречества, разгоревшейся вокруг концепции власти царя царей,— вновь возобладали идея единства «светской» и «духовной» власти шаханшаха.

Новая реформа зороастризма, предпринятая главным жрецом страны (магупатом) Атурпатом Михраспанданом, являлась результатом этих событий и также сопровождалась разного рода «чудесами». Ее существо в формулировке зороастрийских жрецов мало отличалось от реформы Картира: действуя по приказу Шапура II, Атурпат «очистил от скверны и наново возродил древнюю веру», проведя новую кодификацию «Авесты».

Имя Атурпата — одно из самых почитаемых имен в позднезороастрийской традиции, а имя первого реформатора, Картира, не упоминается ни в одном религиозном сочинении, ни в одной исторической хронике, ни в одном предании. Для жрецов позднезороастрийского периода такого человека не существовало — его место занял мифический Тусар, абстрактный- «идеальный религиозный подвижник», всю свою жизнь якобы посвятивший собиранию и изучению разрозненных остатков «Авесты» и прославленный в позднесасанидском сочинении «Тусар-намак» (не ранее VI в.), наполненным его скучными проповедями, оправдывавшими любое деяние шаханшаха.

Реформа Атурпата прежде всего коснулась магу стана — зороастрийской церкви. При дворе шаханшахов появляются несколько магупатов различных областей Ирана, а сам Атурпат получает титул магупата магупатов (по аналогии с титулом «царь царей»). О некоторых новшествах, введенных Атурпатом, можно судить по косвенным данным. Так, например, не случайно в это время и в религиозном искусстве, и в литературе становится популярным олицетворение божества «царской предназначенности» и символа царского благополучия — Хварены: в силу ряда политических причин именно в IV в. сасанидские шаханшахи стали возводить свою генеалогию к древним царям ахеменидского времени «Дариям» (случайные сведения о которых сохранила традиция) и «Кейанидам»

(т. е. Кавианидам, полумифической династии царей, известной из «Авесты»). В созданном в это время варианте «Карнамака» («Книги о деяниях Арташира I» — романа, где говорилось о приходе к власти династии Сасанидов) «царская Хварена» в образе барана сопровождала первого сасанидского шаханшаха.

В IV в. по всему Ирану распространяется и новый тип зороастрийских храмов — открытые со всех четырех сторон павильоны (так называемые «четыре арки»), совершенно непохожие на традиционные храмы позднеахеменидской и раннесасанидской эпох.

Позднесасанидская держава.

В V в. в Иране завершается установление раннефеодальных социально-экономических отношений и возрастает политическое могущество земельных магнатов. Следует лишь вкратце упомянуть об историческом эпизоде маздакитского движения и о последнем возвышении централизованной сасанидской монархии.

После поражения шаханшаха Пероза в борьбе с эфталитами (484 г.) его сын Кавад остался у них заложником. Когда же преемник Пероза был ослеплен и низложен знатью, заговорщики возвели на престол Кавада, прибывшего с эфталитскими отрядами. Умный и тонкий политик, Кавад ясно сознавал опасность оказаться марионеткой в руках сильных вельмож. Чтобы ослабить их, он, с одной стороны, организовывал придворные интриги, а с другой — пожелал воспользоваться демагогическими лозунгами жреца одного из зороастрийских храмов, Маздака, который в то время начал проповедовать свое учение. В нем было сравнительно мало нового. Религия, к исповеданию которой призывал Маздак, была, разумеется, зороастризмом, но с добавлением некоторых идей из проповедей Мани и неортодоксальных школ зороастризма. В отличие от манихейства, однако, Маздак призывал к активным действиям верующих для окончательной победы «царства света» (порождением «царства света» признавалась, в частности, и «сильная и разумная» царская власть). Подлинное царство «силы и разума», по этому учению, должно быть построено на всеобщем равенстве и уравнительном распределении жизненных благ и должно наступить в ближайшее время. По-видимому, самого Маздака прежде всего интересовали вопросы веры, участия зороастрийских жрецов в политической и экономической жизни страны, влияния верховного жреца на шаханшаха, характера центральной власти. Но новое религиозное учение в условиях феодализации общества, крупных неудач во внешней политике, голода, неурожая стало идеологическим знаменем открытого восстания крестьян и городской бедноты.

Сделав Маздака своим ближайшим советником и пожаловав ему титул верховного жреца, Кавад хотел воспользоваться его авторитетом и абстрактными призывами к общему благу и равенству, чтобы

нейтрализовать оппозицию при дворе и среди духовенства. Для него это было временной политической акцией, направленной на ослабление позиции крупных вельмож, превратившихся к тому времени почти в независимых правителей в своих землях, и получение широкой опоры у азатов и служилой знати. Но вскоре движение уже нельзя было втиснуть в рамки контролируемого процесса. Лозунг об уравнивании собственности у богатых и бедных, возможно, был лишь «революционной интерпретацией» в низах зороастрийских формул о духовном равенстве, но он пользовался большой популярностью, и сторонники Маздака получили на время безраздельную власть в стране. Размах движения потребовал консолидации сил знати. В 496 г. царский совет сместил Кавада с престола и заточил его в тюрьму. На престол Ирана был возведен брат Кавада. Однако, бежав из тюрьмы, Кавад опять получил помощь у государя эфталитов, на дочери которого он был женат, и в 499 г. при поддержке эфталитских отрядов снова занял престол Ирана. Но в новых обстоятельствах он не мог уже поддерживать маздакитов. Широкие реформы налогообложения, объявленные Кавадом (их провел в жизнь его сын Хосров I), откололи от крайних маздакитов мелких землевладельцев. За прошедшее десятилетие мелкопоместная аристократия заняла ключевые позиции и в армии, и в администрации и могла стать сильной опорой центрального правительства. Кавад отходит от маздакитов. В 528 г. после диспута между зороастрийскими жрецами и Маздаком последний был признан «отступником от праведной веры», схвачен и казнен. Его последователей ждала жестокая кара (Роль Маздака как политического главы широкого народного движения должна быть отделена от его роли реформатора зороастризма. Поздние источники, несомненно, сильно искажают учение Маздака. Это, вероятно, касается и «общности женщин» — одного из наиболее распространенных обвинений против маздакитов. Возможно, какие-то попытки изменить сложное сасанидское брачно-семейное право были истолкованы как «проповедь разнузданности». Сам Маздак считал, что восстанавливает первоначальное учение Заратуштры.).

С подавлением движения маздакитов процесс феодализации Ирана можно считать законченным. Закреплению нового социально-экономического порядка, прежде всего в интересах мелкой феодальной заати, служила сильная централизованная царская власть, установившаяся при последних Сасанидах и направленная на подавление сепаратизма крупных феодалов. Как на всем Ближнем Востоке, в Иране средневековые наступило в результате внутренних процессов.

Последние завоевания Сасанидов. Южная Аравия.

Дальнейшая история сасанидского Ирана выходит за рамки эпохи древности. Скажем о ней лишь вкратце. Годы правления последних Сасанидов казались временем небывалого процветания державы. Сын

Кавада Хосров I провел решительные меры по упорядочению всей государственной, военной и налоговой системы и, казалось, вновь создал централизованную империю. Около 570 г. персы завоевали Йемен на Аравийском полуострове и обеспечили себе господство на морских путях в Красном море.

Завоевание Южной Аравии вовлекло в орбиту мировой истории еще одну, до той поры почти совершенно изолированную цивилизацию.

Классовое общество и государство самостоятельно возникли на юго-западе Аравии, на территории современных Йеменской Арабской Республики и Народно-Демократической Республики Йемен, еще во второй половине II тысячелетия до н. э. Это была цивилизация южноаравийских семитских племен (отличных по языку от арабов), распространившаяся в I тысячелетии до н. э. и на территорию Африки (совр. Эфиопию)(Не смешивать с древней Эфиопией-Нубией, расположенной в совр. Республике Судан). Два фактора определили своеобразие этой культуры: положение на перекрестке торговых путей, связывавших Средиземноморье с Восточной Африкой и Индией, и большая отдаленность от всех других государств. Здесь была создана высокая техника ирригации, основанная на системе плотин и бассейнов и приспособленная к местным условиям: отсутствию постоянных источников и осадкам, выпадающим дважды в год в дождливые периоды. Соседство скотоводческих арабских племен способствовало возникновению обмена на границе оседлой и кочевой зон. Особое значение в экономике Южной Аравии получили производившиеся здесь благовония, высоко ценившиеся во всех древних странах. Культура благовоний стала основой сказочных богатств, заслуживших Йемену прозвище «Счастливой Аравии». До наших дней среди песков сохранились развалины дворцов и храмов, плотин и целых городов. Известны бронзовые и каменные скульптуры и рельефы, тысячи надписей на камне и бронзе, нанесенные особым письмом, которое восходит к общему с финикийским алфавитом предку. Они — практически единственный источник по истории древнего Йемена, так как археологические раскопки здесь почти не производились.

В древней Южной Аравии существовало много государств; наиболее значительные — Саба', Ма'ин, Катабан, 'Авсан и Хадрамаут(Ранняя социальная организация древнего Йемена обнаруживает параллелизм с «домовыми» государствами Шумера III тысячелетия и государствами Сирии и Палестины II тысячелетия до н. э. Государство сохраняет внешние формы племенной организации, приспособленные для нужд классового общества. Верховным органом управления был совет старейшин, объединявший законодательные и административные функции. Верховные правители—мукаррибы формально были племенными магистратами, несшими строго определенные и ограниченные хозяйственные, религиозные и политические функции. Должность царя была временной магистратурой для ведения войны или проведения реформы. В IV в. до н. э.— I в. н. э. власть царей

резко усиливается, они освобождаются от опеки совета старейшин; территориальное деление преодолевает племенные связи. Города-государства объединяются крупными централизованными царствами). Ма'инские купцы доходили до Египта, Газы (в Палестине) и даже до греческого острова Делос. В I в. до н. э.

Маин был поглощен Сабейским, или Савским, царством(Саба', самое известное из южноаравийских государств, существовало с конца II тысячелетия до н. э. Царица Савская упомянута в Библии как современница палестинского царя Соломона (X в. до н. э.).). Еще одно государство, 'Авсан, держало в своих руках морскую торговлю с Африкой и, по-видимому, с Индией.

В I в. до н. э. начинается возвышение нового государства — Хымьяра, занимавшего юго-западную оконечность Аравии и монополизировавшего морскую торговлю. В течение II и III вв. н. э. идет борьба между несколькими южноаравийскими династиями в пределах Саба' и Хымьяра. Активное участие в борьбе принимает царство Аксум (в Эфиопии). С IV в. Хымьяр постепенно охватил всю территорию Йемена. Около того же времени начинается процесс феодализации, сопровождавшийся проникновением в Южную Аравию соответствующих идеологий: христианства и иудаизма. В их взаимодействии складывается особая неопределенно-монотеистическая религия. В конце V в. Южная Аравия включается в борьбу великих держав — Византии и Ирана — за господство на торговых путях из Индии и Китая; христианство и иудаизм становятся знаменами враждующих политических группировок, ориентирующихся на Византию и Иран. Опорой Византии становится Аксум, в то время как Хымьяр ориентируется на Иран. Ожесточенные хымьяро-эфиопские войны VI в. привели к распаду хымьярского государства и к завоеванию Йемена сасанидским Ираном(После мусульманского завоевания в первой половине VII в. древняя южноаравийская цивилизация прекратила существование. Южноаравийские народности на территории Аравийского полуострова, если не считать небольших остаточных этнических групп, вошли в состав арабского народа. Часть племен, переселившихся еще задолго до начала нашей эры— возможно, еще со II тысячелетия до н. э.— в Африку, дала начало ряду народностей современной Эфиопии.).

Сасанидским войскам сопутствовали громкие победы и на западе: полководец Хосрова II (591—628) захватил в 605 г. византийскую часть Армении и всю Месопотамию, угрожал Константинополю, а в 614 г. другой полководец Хосрова овладел Иерусалимом и захватил главную христианскую святыню — часть креста, на котором, по преданию, был распят Иисус. В 618 г. персидская армия переправилась в Африку и оккупировала Египет. Однако успехи вскоре сменились поражениями. В союзе с хазарами византийский император Ираклий вновь завоевал Закавказье и подошел к сасанидской столице Ктесифону. В 628 г. Иран и Византия заключили очередной «вечный мир». Расшатанное внутренними смутами,

дворцовыми переворотами и борьбой партий, резкими противоречиями между крупной феодальной знатью и центральным правительством, сасанидское государство еще поражает блеском своего двора, еще гордится величию своей культуры, но уже бессильно сдерживать натиск соседей. После смерти Хосрова II обострилась борьба придворных партий, судьба престола решалась евнухами и жрецами, а чаще — солдатами шахской гвардии. В стране началась хозяйственная разруха, отдельные правители вели самостоятельную политику. Началось массовое вторжение арабов-мусульман, которым феодальные войска Ирана не смогли противостоять. Битва у Нехавенда (642 г.), где был разбит последний Сасанид, Ездигерд III, окончательно решила судьбу Ирана.

В разделе использованы материалы А. Г. Лундина

Культура Сасанидского Ирана.

Выше уже говорилось о реформах зороастризма, проведенных Картиром и Атурпатом. Уже к позднесасанидской эпохе относится введение так называемого авестского алфавита, созданного специально для записи зороастрийских религиозных текстов. Это дало возможность главному жрецу Ирана при Хосрове I, Вех-Шапуру, с комиссией жрецов — знатоков «Авесты» предпринять письменную новую кодификацию священных текстов, язык которых давно уже был не понятен никому, кроме жрецов. Записанная новым алфавитом «Авеста» была разделена на 21 наск (часть) (Помимо богослужебных текстов «наски» включали в себя ныне не сохранившиеся разделы о мироустройстве, предсказания конца мира, разделы по истории, толкования законов, выдержки из древних мифов и эпосов. Здесь были использованы работы греческих и индийских философов, математиков, медиков, астрономов и астрологов, обычно переведенные с сирийского в V—VI вв. Сверх дошедших до нашего времени четырех «насков» самой «Авесты» о позднем зороастризме и позднесасанидском обществе мы знаем из судебника VI (?) в. н. э., — «Сборника тысячи судебных решений», из позднезороастрийских нравоучительных и религиозных сочинений, из сообщений мусульманских авторов.) и в важнейших частях переведена с древнего языка на среднеперсидский язык эпохи Сасанидов. Перевод был абсолютно дословным: каждое авестское слово переводилось соответствующим среднеперсидским. В результате был получен столь сложный и темный по смыслу текст, что он потребовал подробнейшего комментария — зенда («разъяснения»), хотя иногда вставшие в тупик комментаторы вынуждены были писать: «мне это неясно». Тогда же был создан словарь авестских слов с их переводом на среднеперсидский.

Сасанидское искусство возникает как бы внезапно. В царствование пяти первых шаханшахов в различных районах Парса было создано тридцать громадных скальных рельефов. На них, а также на монетах,

резных камнях-печатах и серебряных чашах за какое-то десятилетие сформировались новые для Ирана каноны «официального портрета» царей, вельмож и жрецов, каноны образов основных зороастрийских божеств — Ахурамазды, Митры и Анахиты. В сасанидском искусстве заметно влияние Кавказа, Средней и Центральной Азии, а его влияние, в свою очередь, ощущается на обширной территории от Атлантики до Китая.

Копирование ахеменидских персепольских дворцов или использование в строительстве отдельных фрагментов их каменного убранства свидетельствует о попытке подражания великим памятникам прошлого. Но, быть может, и о сознательном стремлении подчеркнуть преемственность власти над Ираном говорит создание одного из первых сасанидских религиозных комплексов — Накш-и Рустам в царской святыне ахеменидской эпохи. Под гробницей Дария I и рядом с гробницами других ахеменидских царей помещены восемь сасанидских рельефов, представляющих сцены божественного венчания на власть Ахурамаздой основателя государства Арташира I, Анахитой — его внука Нарсе, триумфа над римским императором Шапура I и несколько других триумфальных сцен. Некоторые из олицетворения различных зороастрийских божеств, распространенные в искусстве Ахеменидов, были перенесены в сасанидское искусство. Среди них — крылатые быки, крылатые и рогатые львы, грифоны, львы, нападающие на быка, и др.

Не меньшим, чем вклад Ахеменидов, был вклад искусства парфян и восточноримских провинций. Рельефы парфянской эпохи отражают, в сущности, те же идеи, что и рельефы сасанидских шаханшахов: они также прокламировали законность династии и победы царей.

Влияние искусства восточноримских провинций наиболее ярко отразилось в Бишапуре, городе, построенном Шапуром I руками римских пленных. Мозаики, украшавшие пол парадного зала дворца, выполнены в сирийско-римском стиле, их сюжеты те же, что и на современных им мозаиках Антиохии. В сохранившихся частях, исполненных, видимо, сирийскими художниками, представлены портреты актеров и театральные маски, танцовщицы, музыканты, цветы, фрукты. Вероятно, персы хотели изобразить один из самых значительных зороастрийских праздников — осенний праздник Михраган, и, быть может, потому их выбор склонился к сюжетам, связанным на Западе с дионисийским культом. На части металлических изделий и сасанидских печатей также изображаются такие «западные» персонажи, как эроты, пегасы, сфинксы, которые включены в зороастрийскую религиозную иконографию.

Захват восточных территорий в конце IV в. не мог не повлиять на сасанидскую идеологию, религию, искусство — ведь речь шла о «священных зороастрийских землях», где Заратуштра проповедовал: свою веру Кави Виштаспе — царю из династии Кавианидов. Приблизительно в IV в. создается новая династийная доктрина —

сасанидские монархи связывают себя с династией Кави Виштаспы, повышается интерес к легендарным частям «Авесты» и эпосу и в искусстве Ирана появляются изображения древних царей-героев и всадники-змееборцы, сражающиеся с ахримановскими чудищами — драконами.

Из разного рода источников известно около сотни названий различных религиозных, литературных и научных произведений сасанидской эпохи; несколько десятков сасанидских книг разных жанров было переведено на арабский, а затем и на новоперсидский языки в эпоху средневековья. Именно с такими переводами и переложениями позднейшей эпохи чаще всего приходится иметь (дело современным ученым. Здесь трудно различить наслоения разного времени, учесть смешение разных стилей и жанров (при переводе со среднеперсидского языка создавались обычно своего рода «свод» или «компендиумы»). Несомненно существование эпоса, наполненного квазиисторическими именами царей, героев и целых династий. Этот жанр литературы был неразрывно связан с религиозными сочинениями, но, по-видимому, не соприкасался с реальной историей, о чем свидетельствует хотя бы то, что генеалогия династии не простиралась далее ближних предков Арташира I.

В раннесасанидских надписях упоминается о «государственных записях, постановлениях и сборниках», которые велись при каждом сасанидском царе. Эти документы были, видимо, чем-то вроде «разрядных грамот», но, возможно, включали в себя и описание основных событий царствования того или иного шаханшаха. Однако это не были летописи, а скорее нечто вроде манифестов. К IV в. восходит первое достоверное свидетельство о беллетризации и объединении их в своды с определенным сюжетом, перенесенным, как правило, в глубокую древность. В середине IV в. секретарь Шапура II Хорбуд перевел на греческий язык произведение некоего Абарсама — своего современника, которое называлось «Правдивое слово». Это был первый вариант «Книги о деяниях Арташира, сына Папака». В нем генеалогия династии простиралась до Ахеменидов («Дариев»)(О «Дариях» в сасанидское время было, по-видимому, известно не из подлинной исторической традиции, а из какого-то извода позднего греческого «Романа об Александре». — Примеч. ред.). Это первый известный нам «исторический» официозный роман. В IV—V вв. были составлены восточноиранские эпические циклы, повествующие о мифических «первых правителях». В это же время распространяются среднеперсидские переводы старых парфянских «исторических» поэм, таких, например, как «Воспоминание о Зарере», где рассказывается о битве иранцев за веру Заратуштры с их извечными врагами — «турами» (в сасанидском варианте они названы хионитами).

Литература:

Луконин В.Г. *Сасанидская держава в III-V вв./История Древнего мира. Упадок древних обществ.* - М.:Знание, 1983 - с.178-200

Лекция 9: Закавказье и сопредельные страны между Ираном и Римом. Христианизация Закавказья.

Армения.

Первая половина времени правления аршакидской династии в Армении (64—226) была сравнительно благополучным периодом жизни армянского народа, который, обитая на перепутье стратегических дорог между двумя великими державами — Римом и Ираном, постоянно терпел от военных нашествий и погромов. От признания независимости первого аршакидского царя Армении, Тиридата I (64 г.), и до установления персидской сасанидской династии в Иране (226 г.) за 160 лет было только три серьезных римских выступления против Армении: поход императора Траяна в 115 г., когда была сделана попытка обратить Армению в римскую провинцию; поход соправителя императора Марка Аврелия (161—180), Луция Вера (161—169), в результате которого опять был разрушен столичный город Армении Арташат, и поход императора Каракаллы в 215 г. Ни один из этих походов не повлек за собой уничтожения Армянского государства. Отношения его с Парфией, с властителями которой армянских царей связывали тесные семейные узы, обычно были хорошими, конфликты редкими. Парфянские «цари царей», видимо, считали просто «царей» или «великих царей» (как они названы в греческой надписи царя Тиридата) Армении подчиненными себе союзниками, но нет сведений, чтобы они, например, обременяли Армению данью.

Серьезное бедствие представляли собой набеги кочевников из степей к северу от Кавказа через Дарьяльский и Дербентский проходы. Первый набег, совершенный скифско-сарматским племенем аланов, которое пропустил через Дарьял один из иверийских царей (Иверия была в тот момент разделена на два царства. Второй царь, возможно, выступал против аланов.), омрачил уже правление Тиридата I (в начале 70-х годов н. э.; точная дата несколько спорна). Сам Тиридат едва не погиб от аланского аркана; но в целом набег меньше затронул Армению, чем Алванию и Атропатену. Армянским войскам удалось, по преданию, нанести поражение аланам, а также союзным с ними иверам и дагестанским горцам — по-видимому, уже на отходе кочевников. В дальнейшем аланская угроза надолго прекратилась — возможно, отчасти вследствие дружеских и мирных отношений, установившихся с аланами у Иверии. Лишь в 30-х годах II в. аланы вновь вторглись в Алванию, Атропатену, Армению и даже Каппадокию в Малой Азии — снова с ведома иверийского царя (Фарасмана II). Предполагают, что в конце I и во II в. н. э. аланы

служили наемниками в войске иверов. Возможно, были и другие аланские набеги.

Но, несмотря на отдельные войны с римлянами и аланами, в целом положение Армении в этот период было хорошим. Здесь процветала транзитная международная торговля: через Армению шли караваны в Рим с железом, драгоценными камнями, с тканями и коврами, иранским жемчугом, индийскими пряностями и слоновой костью, китайским шелком-сырцом и иранскими шелковыми тканями. Навстречу везли итальянскую шерсть, финикийские пурпурные ткани и крашеную шерсть и из разных частей империи — стеклянные, бронзовые и другие ремесленные изделия, вино и оливковое масло. В самой Армении развивалось собственное ремесло и сельское хозяйство. Правда, с караванным путем через Армению конкурировал не менее важный караванный путь из Месопотамии в Сирию, который проходил через оазис Пальмира в Сирийской пустыне (Ассортимент грузов, проходивших через Пальмиру, несколько отличался от тех, что шли через Армению. Здесь помимо других товаров, которыми обменивались Восток и Запад, перегоняли скот, провозили южноаравийские благовония, египетский папирус и т. п.).

В идеологическом отношении армяне также не испытывали особого угнетения. Та форма полужизничества, полужороастризма, которой придерживались в отдельных центрах Армении, не вызывала беспокойства у соседей — ни у языческого Рима, ни у весьма терпимой в своем зороастризме Парфии, свободно допускавшей, особенно в городах, существование греческих языческих культов.

Это был период сильного культурного влияния Парфии на Армению — влияния, не вызывавшего никакого протеста, поскольку в нем не было ничего насильственного и чуждого нравам и интересам ни господствующего класса, ни народа. Доныне в армянском языке сохранились в почти неизменном виде более тысячи слов, заимствованных из давно вымершего парфянского, а также из мидийского (атропатенского) языка.

В Армении уже выработался общий — древнеармянский — язык (грабар), но своей письменности не было: пользовались греческой, парфяно-арамейской. Эта иноземная графика долго удовлетворяла немногочисленные потребности в составлении письменных документов. Небольшая часть населения была причастна греческой образованности. Государственное устройство и администрация в основном были сходны с парфянскими установлениями, общественно-политическая терминология также была преимущественно парфянской.

Однако к началу III в. в обществе Армении стали намечаться серьезные перемены. В Армении было немного отраслей производства, где экономично было бы применять рабский труд. Страна не располагает широкими плодородными равнинами, где можно было бы создавать сельскохозяйственные рабовладельческие латифундии, а в

горах годные для земледелия участки разбросаны, не составляют сколько-нибудь крупных массивов. Поэтому здесь рано стали переходить на систему, которая соответствовала римскому колонату. Рабский труд мог применяться на строительстве, в ремесле (главным образом, очевидно, на подсобных операциях), в горном деле и в домашних работах. Ремесло сосредоточивалось в городах, которые и были оплотами рабовладельческого строя. Но и тут рабов вряд ли было много, так как страна не вела наступательных войн и приток рабов извне мог происходить только за счет покупки. Внешняя же торговля Армении в это время была в основном транзитной, и количество денежных средств, оседавших в стране, было сравнительно ограничено.

Вне городов возникают иные отношения. Труд самостоятельного сельского хозяина был продуктивнее, чем труд раба, и господствующий класс стремится подчинить именно таких хозяев эксплуатации.

Приближенные царя и военачальники были мало связаны с городами и их товарно-денежным хозяйством. Их имения давали не много товарной продукции: Армения не могла конкурировать по вывозу зерновых — с Египтом и Причерноморьем, по вывозу масла и вина — с Малой Азией, Грецией и самой Италией. Поэтому в больших имениях господствовало хозяйство в основном натуральное, самодовлеющее.

Сейчас трудно сказать, путем ли царских дарений, в результате ли военных пертурбаций или путем скупки земли у обедневших свободных общинников знать приобрела много земли айреник, находившейся в ее наследственном владении, практически ае отличавшемся от собственности. Но, кроме того, областеначальники и военачальники вознаграждались царем, по стародавнему восточному обычаю, наделами под условием службы (паргевакан), которые переходили к одному из сыновей владельца, если он продолжал службу отца.

Эти наделы иногда были очень велики и включали земли со многими общинами и общинниками. Владелец не вел собственного хозяйства, довольствуясь поборами с общинников. Порой областеначальнику, видимо, целиком передавалось право поборов с управляемой им области.

Армянское общество разделилось на два основных сословия помимо рабов и горожан: крестьяне-общинники — шинаканы платили налоги и несли повинности в пользу царя, храмов или вельмож — владельцев собственной или служебной земли; им противостояли язаты (парфянск. «свободные»), обязанные только военной службой. Горожане, несмотря на сохранившееся у них, по-видимому, самоуправление (или именно поэтому), общегосударственной военной службы не несли (В соседней Парфии — может быть и в Армении — и

горожане могли привлекаться для службы во вспомогательных частях; римляне с удивлением констатировали, что у парфян и рабы служат в армии. Здесь, видимо, перед нами ранние черты феодализации.), но несли налоги, поборы и повинности, причем не только в пользу своего города, но и непосредственно в пользу царя.

Азаты подразделялись на несколько категорий. Высшие были не только землевладельцами (аллодиальными, если они владели землей айреник, или феодальными в узком смысле слова, если владели землей паргевакан), но одновременно и представителями государственной власти. Такие азаты назывались нахарарами (из парфянского нахвадар — «областенаачальник»).

Главы нахарарских домов занимали высшие государственные должности (Все должности раздавались по принципу местничества, и каждой соответствовали особые головные уборы, одежда и даже обувь. Так, цари носили красные сапоги, бдешхи (наместники пограничных провинций) — один красный, другой зеленый, нахарары — только зеленые.), остальные члены рода служили на более низких командных армейских должностях и в коннице. Другую группу, типа иранского воинского сословия, составляли азаты-воины; это были мелкие землевладельцы — видимо, остаток общинного крестьянства, почему-либо сохранивший известное благосостояние и не подпавший под власть нахараров и т. п.

Это общество можно было бы назвать феодальным, если бы не наличие самоуправляющихся городов. Хотя армянские горожане попали в приниженное по сравнению с прежним положение, однако город все же был институтом рабовладельческой формации, и здесь более чем где-либо сохранялись соответствующие формы свободного и эксплуатируемого труда.

Такое изменение в характере общества должно было повести и, как мы увидим, действительно повело к коренной ломке и в области идеологии.

Между тем с конца II — начала III в. внешнеполитическое положение Армении сильно ухудшилось. Пала Парфянская держава, в общем дружественная Армении, и на ее месте возникла сильная и агрессивная держава Сасанидов. В первые годы существования сасанидского государства его царям удалось нанести серьезные поражения римлянам и лишить их возможности завязать отношения с Арменией, которая могла бы стать для них важным союзником.

Сасанидский царь Шапур I вторгся в Армению и подчинил себе также царей Алвании и Иверии. Третья четверть III в. проходит в Армении под знаком тяжелых войн, в которые были вовлечены Иранцы, римляне, армяне, иверы и др. При этом Шапур I насильственно насаждал повсюду зороастризм в его новой, реформированной, догматической форме, разработанной

могущественным главой сасанидского жречества Картиром. Одновременно в связи с ослаблением римской власти на периферии правитель Пальмиры Оденат создал крупное государство (261 г.), которое теперь в большей мере, чем раньше, стало отвлекать на себя международную торговлю Армении. Лишь к 80-м годам III в. положение Армении улучшилось. В 287 г. на престол Армении с помощью императора Диоклетиана вступил Аршакид Тиридат III Великий (287—330). Он поддержал Рим в борьбе с Сасанидами, и по миру 298 г. в Нисибине обе великие державы признали независимость Армении, причем Армения была отнесена к сфере интересов Рима.

Как внутренняя обстановка в стране, явно требовавшая не только применения насилия, но и создания идеологической силы для удержания в покорности общинников, попавших в феодальную зависимость, так и международная обстановка, требовавшая что-то противопоставить идеологическому давлению зороастрийского Ирана, заставили Тиридата III обратить серьезное внимание на возможности, которые предоставляло распространявшееся в Армении христианское движение. Оно в это время приобретало в народных массах все большую популярность. В первую половину правления Тиридата христианство нигде не было признано официально, его все еще либо преследовали, либо едва терпели (Лишь в 313 г. в Восточной Римской империи/христианство было уравнено в правах с другими религиями.). Государственное признание оно получило сначала лишь в маленьком сирийском (точнее, верхнемесопотамском) княжестве Осроэне со столицей в г. Эдессе (ныне Урфа).

Проводником идеи христианизации Армении был выдающийся церковный и политический деятель Григорий Просветитель. Тиридат III прекратил преследования христиан, в результате которых еще недавно погибли привлекавшие много последователей странствующие проповедники Рипсимэ и Гайанэ, и в 314 г. (традиционная дата — 301 г.) христианство стало государственной религией Армении. Принятие христианского вероучения давало в руки Тиридату необходимое идеологическое оружие и в то же время пока не втягивало ни в какое идеологическое подчинение великим державам: Восточная Римская империя официально еще не стала целиком христианской. Все «языческие» (в том числе зороастрийские) святилища были закрыты, уничтожены или переделаны в церкви, их владения переданы христианскому духовенству. Духовенство составило в обществе особое сословие, примыкавшее к азам (поскольку не было податным). Возникли многочисленные монастыри. Во главе церкви стоял наследственный (в роду Григория Просветителя) епископ-католикос (не только от низшего, но и от высшего священства в то время не требовалось безбрачия). Католикос был одним из крупнейших феодалов. Церковь и монастыри владели помимо сельскохозяйственных угодий также ремесленными мастерскими; в качестве рабочей силы использовались люди, добровольно ухажившие в монашество, но также рабы, лица, совершившие религиозные

проступки, и шинаканы, сидевшие на епископских и монастырских землях.

Христианская проповедь равенства людей перед богом и загробного воздаяния находила отклик в народе и несколько успокоила нараставшее недовольство крестьянства. Однако почти сразу стали возникать секты, указывавшие на то, что официальное духовенство, собирая десятину (1/10 дохода) со всего населения, смыкается с ненавистными народу нахарарами, и требовавшие возвращения к уравнительному устройству первых христианских общин.

Богослужение велось в течение всего IV века, вероятно, сирийски (Отсюда множество сирийских слов, связанных с письменностью и церковным обиходом, сохранившихся в армянском языке.), что затрудняло миссионерско-проповедническую деятельность христианского духовенства. Первоначально, по-видимому, делались попытки писать по-армянски греческими или арамейскими буквами, однако ни тот, ни другой алфавит совершенно не подходили к звукам армянского языка. Поэтому впоследствии (в начале V в., незадолго до окончательного падения древнего Армянского царства) был создан специальный, весьма совершенный армянский алфавит. Создатель его Месроп Маштоц, сын свободного крестьянина, успел побывать воином, чиновником и монахом. Он хорошо знал сирийский и греческий, вероятно, и парфянский, позже изучил и кавказские языки, а его изобретение исходило из последних достижений греческой филологической науки. Оно открыло возможности создания церковных школ и литературы на родном языке. В течение V—VI вв. на армянский язык было переведено помимо Библии и евангелий много других религиозных, философских, исторических и литературных произведений с греческого, сирийского и, может быть, с парфянского. Появилось несколько выдающихся историков (Фавст Бузанд, Корюн, Агатангелос, Елише, Лазарь Парбский, Моисей Хоренский) и философов (Езник, Давид Непобедимый), писавших по-армянски. Развивались различные науки.

В течение правлений Тиридата III (до 330 г.) и Хосрова II Короткого (330—338) положение Армении все еще было удовлетворительным, хотя нахарары были недовольны централизаторской политикой царей. Не случайно Хосров перенес свою резиденцию из Арташата в укрепленный замок Двин, вокруг которого лишь позже вырос город. В 337 г. в Армению в нарушение мирного договора вторгся Сасанид Шапур II, поддержанный некоторыми армянскими нахарарами. После первоначальных поражений, в результате которых часть мятежных нахарарских родов была вырезана, война окончилась тубедой армян, поддержанных римскими войсками. Однако царь Армении Тиран попал впоследствии в руки персов и был ими ослеплен, поэтому на престол был возведен его сын Аршак П (350—367).

Крестьяне, разоренные войной и самовольством нахараров, которые обирали их хозяйства, захватывали общинные леса и пастбища, во

множестве разбегались из своих сел. Усиливались «еретические» крестьянские секты. В 354 г. официальная армянская церковь созвала собор в Аштишате, где было постановлено принять ряд мер для облегчения существования больных, бесприютных и нищих. Собор умиротворяюще призывал господ умерить эксплуатацию «слуг», а «слуг» — признавать господскую власть.

Царь Аршак II, со своей стороны, тоже решил принять меры, которые можно охарактеризовать как последнюю отчаянную попытку сохранить старый общественно-экономический строй в борьбе с феодализацией. Опорой против феодализма он справедливо считал города. Поэтому он решил основать новый город у южного подножия горы Арарат — Аршакаван, куда он разрешил селиться беглым крестьянам, неоплатным должникам и рабам, предоставив им льготы, полагавшиеся горожанам. Эти меры вызвали ярость нахараров. Они взяли Аршакаван штурмом; историк Моисей Хоренский говорит, что «все мужчины и женщины, кроме грудных детей, были преданы мечу». Началась гражданская война между царским войском и войсками нахараров. В центре страны некоторые мятежные роды были почти полностью истреблены Аршаком, часть нахараров бежала к Сасанидам. Однако некоторые из видных нахараров в конце концов примирились с царем, так как стране грозило новое иранское нашествие в связи с тяжелым поражением, которое Шапур II нанес римлянам в Месопотамии в 361 г.

Войска Сасанидов действительно вторглись в Армению и разорили ее. Сражения шли с переменным успехом, но все время на армянской территории. В конце концов Шапур под предлогом переговоров заманил к себе Аршака II и его главного полководца, и оба погибли. Войну пыталась продолжить царица Парандзем, но осаждающие измором взяли крепость, которую она обороняла (369 г.), а царицу увели в Иран и там, по преданию, замучили до смерти. Иранские войска опустошили и разрушили все армянские города, в том числе Арташат, Тигранакерт и множество других. Население от мала до велика убивали, топтали боевыми слонами" оставшиеся в живых угонялись в Иран.

Нашествие не походило на один из многих погромов, какие неоднократно учиняли в Армении римские и иранские войска. Было прекращено само существование античных городов в Армении.

Эпоха древности подходила к концу. Новые города, постепенно выросшие в течение средневековья, часто на других местах, носили совсем иной характер по своему политическому и социальному устройству.

Юному сыну Аршака, Папу, удалось, однако, бежать к римлянам, и с помощью их вооруженных сил и армянского ополчения он еще в тот же год сумел вернуться и воцариться в Армении. Попытка Шапура II повторить разгром Армении в 371 г. не удалась: его войска были

разбиты соединенными силами римлян, армян и грузин, и он должен был признать Папа царем Армении, а Саурмага — царем Иверии.

Пап пытался продолжать политику Аршака II, опираясь на рядовых азов и подавляя сепаратистские попытки нахараров. Он попытался также обуздать и церковных феодалов, сократив численность духовного сословия и монахов, лишив род Григория Просветителя наследственного права на сан католикоса. При этом он не позволил рукоположить нового католикоса римскому (византийскому) епископу г. Кесарии в Малой Азии, как это делалось до тех пор, и тем самым порвал организационные связи с византийским православием. Император Валент приказал командиру расквартированного в Армении римского легиона организовать убийство Папа. Со смертью Пала (374 г.) попытки задержать феодальное развитие в Армении прекратились. Само армянское государство быстро шло к упадку и гибели. Персы и римляне боролись за обладание страной, а армянские цари и их военачальники были бессильны отразить грозившую с двух сторон опасность. В конце концов в 387 г. Армения была разделена на сферы влияния. В каждой сфере часть земель была присоединена непосредственно к Римской или Сасанидской империи, а часть оставлена под номинальным управлением армянского царя из династии Аршакидов. Но и эта номинальная власть была упразднена Римом около 390 г., а Сасанидами — в 428 г.

Раздел Армении, однако, отнюдь не привел к распаду армянского народа, и это свидетельствует, что сложение армянского народа было уже давно свершившимся фактом. Но следует четко отличать древние и средневековые народы от современных наций: их в гораздо меньшей степени, чем нации, скрепляли воедино экономика и даже язык и гораздо больше — общинная или государственная принадлежность, а также идеология и культура. В условиях поздней древности и раннего средневековья огромную роль играла религия. В состав армянского народа вошли элементы протоармянские, хуррито-урартские, лувийские, арамейские (в городах) и некоторые окраинные протогрузинские; если армянский язык, вероятно, еще до начала новой эры был лингва франка, то уже к I в. н. э. он стал койнэ (как это видно из указания Страбона). И тем не менее еще важнее, чем язык, было сознание государственной, а в отсутствие государства — религиозной общности.

«Персидская» Армения с конца IV в. стала управляться наместником (марзбаном) из числа армянской знати, которую, однако, стали вынуждать принять зороастризм (хотя бы для виду); армянских воинов отправляли на долгие годы служить на восточных границах Сасанидской державы. Армяне вместе с другими народами Закавказья еще дважды восставали против персов — в 450—451 гг. под руководством армянского полководца Вардана Мамиконяна и в 481—484 гг. под руководством Вагана Мамиконяна и при поддержке грузинского царя Вахтанга I Волчьей Головы. Была сделана попытка восстановить Армянское государство. Это не удалось; однако

оказалось возможным добиться официального признания христианства в Армении и назначения армянского нахарара-христианина (Вагана Мамиконяна) марзбаном Армении. При этом, однако, следует учесть что еще в 451 г. армянская (так называемая монофизитская) церковь не приняла участия в созванном в Восточной Римской империи православном «вселенском соборе» в г. Халкедоне и тем самым фактически расторгла связи с Римом и Византией; это, конечно, облегчило официальное признание Сасанидами монофизитского христианства в Армении. Отделение от византийской церкви было подтверждено армянским церковным собором в Двине в 506 г. Этим завершилось сложение общественных, политических, идеологических и народных основ раннесредневековой Армении. Последующие войны между Византией и Ираном, часто протекавшие на армянской территории, принципиально не изменили положения.

Что касается «Римской» Армении, то она с конца IV в. разделяла общую судьбу с Восточной Римской империей (см. лекцию 21, «Расцвет древних обществ»). Феодализм наступил в Армении без варварских вторжений.

Атропатена и Алвания.

В течение последних двух столетий существования Парфянской державы Атропатена составляла ее часть и полностью разделяла ее судьбы. Однако, как мы знаем, Парфия не была монолитной империей и делилась на отдельные уделы, или шахры, во многом автономные. Одним из них была и Атропатена (Атурпаткан). Во время тяжелого для страны набега аланов в первой половине 70-х годов н. э. Мидией Атропатеной правил Пакор, брат парфянского царя Вологеса (Валарша) I. В междоусобице между последними парфянскими царями, Вологесом V и Артабаном V (213— 223), Атурпаткан, по-видимому, поддерживал последнего, а затем на короткое время приобрел призрачную независимость, но был завоеван сасанидским царем Шапуром I около 244 г. и с тех пор оставался в составе Сасанидской державы. Самостоятельной роли при Сасанидах Атурпаткан не играл.

Другое дело Алвания. Классовое общество здесь сложилось позже, чем в других частях Закавказья (видимо, ко II в. до н. э.), но зато в начале новой эры цивилизация сделала здесь очень большие успехи. Это было, по-видимому, связано с освоением стальных рабочих орудий в сельском хозяйстве, что позволило наконец наладить широкую оросительную систему, используя воды Аракса и Куры. Географ Страбон говорит о совершенстве этой системы и об исключительном плодородии земли, приносившей хлеб, виноград и фрукты. Стало появляться много городов, правда пока еще сравнительно малозначительных, быстро/развивалось ремесло.

Население Алвании в первые века новой эры было по-прежнему многоязычным.

Как ни далеко расположено было Восточное Закавказье от Рима, он все же неоднократно вмешивался в его жизнь. Уже говорилось о войне римлян с алванским царем Оройсом. Позже, в самом начале нашей эры, первый римский император. Август, упоминает в своей надписи о союзных отношениях, бывших у него с царями Иверии, Алвании и Атропатовой Мидии. До конца I в. римские легионы по разным причинам — иногда, возможно, для охраны от нападений аланов через Дарьял, опасных и для римских владений,— отправлялись в Иверию и в Алванию, а в начале 90-х годов I в. побывали на берегу Каспийского моря. Затем в 116 г. император Траян, временно завоевав Армению, вмешался в дела Алвании и «дал алванам царя». После Траяна римлянам было уже не до Алвании.

Еще со времен скифских походов VII в. до н. э., когда группа ираноязычных скифов, видимо, осела здесь, взяв в жены алванских женщин, жители Алвании имели тесные сношения с кочевниками степей по ту сторону Кавказа — сначала с родственными скифам савроматами, от которых они, возможно, восприняли обычай сражаться в бою и женщинам (легендарные амазонки греческих сказаний, возможно, были савроматками); позже они поддерживали связи с их потомками — сарматами и аланами. Контакты эти, как мы видели, не всегда были мирными — выше уже говорилось о набегах аланов на Алванию в I и II вв. н. э.

Примерно с начала III в. в степях к северу от Кавказа начинают, по-видимому, появляться тюркские племена, оттеснявшие индоевропейских (ираноязычных) кочевников (саков — к югу Средней Азии и в Иран, сармато-аланов — на запад и в горы, на Кавказ) . Правда, поскольку все наши известия об этих событиях восходят к более позднему времени, нужно учесть тенденцию к модернизации у средневековых историков. Часто они обозначают современными им названиями тюркских племен (гуннов, «бунтурков», хазар, печенегов) такие племена, которые не были, а иногда, по всем хронологическим данным, и не могли быть тюркскими; и наоборот, обозначают новые тюркские племена старинным названием скифов. Поэтому действительную дату появления первых тюркских племен на границах Алвании определить трудно. Считается, что в 227 г. через Дербентский проход вдоль Каспийского моря впервые совершили набег на Алванию и Атропатену передовые отряды тюркских племен (гунны и сабиры).

В середине IV в. царь Армении Аршак II, обороняясь от сасанидских войск, вторгся в Атропатену с римско-армянской армией, к которой присоединились отряды «гуннских» и алапских кочевников; весьма вероятно, что и они двигались через Дербент, т. е. прошли через Алванию.

Но все эти войны, нападения и набеги были обычными бедствиями, выпадавшими на долю всех народов древности, и не могли скольконибудь серьезно замедлить быстрый прогресс алванского общества.

Развитие это было своеобразным. С одной стороны, первобытнообщинный социально-экономический строй был здесь не так уж далеко позади, и обществу надо было решать задачи, обычно стоящие еще перед развивающейся рабовладельческой формацией; с другой стороны, алваны имели возможность непосредственно воспринимать все достижения рабовладельческого мира за тысячелетия его существования и нисколько не были склонны отказаться от экономических выгод складывавшегося у их южных соседей строя.

Типичной в этом отношении является позиция Урнаира, царствовавшего в Алвании в 70-х годах IV в. н. э. Это было время наивысшего могущества алванского государства. В войне Шапура II с Арменией, поддержанной Римом, Урнаир активно участвовал на стороне Сасанидов. Армянский историк Фавст Бузанд вкладывает в его уста следующую речь, обращенную к алванским воинам:

«Когда мы заберем в плен греческие (т. е. римские) войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Алванию и заставим их работать как гончаров, каменотесов и кладчиков для наших городов, дворцов и других нужд». Программа вполне достойная эллинистического монарха: основывать города путем переселения туда захваченных чужестранных ремесленников (Однако видно, что вокруг царила уже не эллинистическая, а предфеодалная атмосфера: Урнаир представляет себе переселение будущих жителей своих городов гораздо более насильственным, чем это было возможно, скажем, при Селевкидах.). И тот же Урнаир, следуя примеру армянского царя Тирадата III в приспособлении к потребности создания идеологии феодализирующегося государства, а также не желая попадать в слишком сильную зависимость от своего зороастрийского «союзника» — Ирана, принимает из Армении христианство в качестве официальной государственной церкви, проводя все те же меры по христианизации страны, какие предпринимал Тиридат III.

Подобно тому как в Армении языком письменности много веков был не армянский, а арамейско-иранский или греческий, а с введением христианства богослужение долгое время велось по-сирийски, так и в Алвании первое время языком письменности и богослужения мог, конечно, быть только армянский: вспомним, что в Алвании (как и много позже в родственном Дагестане) еще не было не только собственной системы письма, но даже и общего языка-койнэ, а христианство сюда было введено из Армении.

В этой связи необходимо остановиться на вопросе о распространении армянского языка в части Алвании (Восточное Закавказье распадалось на множество отдельных областей с сильно различавшимися, хотя и родственными языками. Собственно Алванией первоначально называлась, по-видимому, средняя часть долины р. Куры к северу от нее. Позже к Алвании были присоединены и

некоторые области Армении к югу от Куры — Утик, часть Пайтакарана и Арцаха (приблизительно соответствует совр. Нагорному Карабаху). Сейчас неизвестно, где именно в древности проходили языковые границы, поскольку эта проблема, очевидно, не занимала древних жителей Закавказья. Для них важнее была общинная, государственная, а к концу древности религиозная принадлежность. Поэтому в районах, расположенных на стыках ареалов различных языков Закавказья, в средние века и языковые границы часто начинали совпадать с конфессиональными.). Нередко считают, что армянские цари, то и дело расширяя свои границы и периодически владея некоторыми областями Алвании, насильственно арменизировали местное население. Это мнение совершенно ошибочно. Ни одно древнее государство не пыталось насильственно насаждать свой язык среди иноязычного населения. Конечно, чужеземным начальникам надо было как-то объясняться с населением (из практики Ахеменидской державы, а также римлян в Западной Грузии известно, что они пользовались услугами устных переводчиков), но ничто не мешало жителям говорить на родном языке у себя дома.

В отличие от древнего государства церковь поздней древности и средневековья воздействовала на жителей через богослужение, через проповедь и через учреждаемые ею школы. Это могло иметь известное влияние в смысле распространения в Алвании армянского языка—в прослойке образованных людей. Но тем не менее даже через церковь невозможно было заставить переменить язык. Это показывает множество примеров, и в частности пример как Армении, так и Алвании. В обеих странах введение христианства потребовало в конце концов введения письменности на родном языке, чтобы на него можно было перевести священные и богослужебные христианские книги и вести на нем проповеди. Такая письменность — алфавит с использованием армянского и грузинского опыта — и была создана алванами в начале V в.

Вопрос о смене языка в условиях древности упирается в иные обстоятельства — в проблему народного взаимопонимания, которое требовало создание койнэ. Известно, что созданию койнэ предшествует промежуточная стадия — лингва франка. В условиях догматических религий язык церкви, хотя и не может непосредственно стать разговорным койнэ, может стать лингва франка. Вследствие крайнего многоязычия Алвании процесс создания лингва франка шел здесь одновременно разными путями. Прикаспийские районы, где было сильно влияние атропатенского зороастризма, приняли для этого среднемидийский язык, ставший впоследствии народным языком в некоторых районах (в виде талышского и родственных, ныне вымерших диалектов); для областей, примыкавших издавна (по крайней мере с начала нашей эры) к армянским по языку областям, где уже и ранее было сильно армянское христианское влияние, естественно, лингва франка был армянский. Иначе дело обстояло в местностях, более отдаленных как от христианского, так и от

зороастрийского-влияния и где, несмотря на официальное принятие христианства Урнайром, оно, вероятно, внедрялось медленнее. Здесь-то, очевидно, и была создана местная письменность для местного языка (Пока эта письменность еще не дешифрована — слишком мало сохранилось надписей. Однако известно, что число согласных в ней соответствовало нуждам языка восточнокавказского (дагестанского) типа.), намеченного в государственном порядке в качестве церковного, — вероятно, это был язык алванской столицы Кабалаки (язык этот обычно называется собственно алванским или арранским; Арран — это просто иное произношение названия Алван, или Алвания). Однако процесс сложения алванского койнэ не смог завершиться по политическим причинам. Произошло завоевание Алвании сасанидским Ираном, которое окончательно завершилось, по-видимому, к концу IV в. Примерно на это же время — 395—396 гг. — приходится очередное нашествие в Алванию «гуннов» и хазарских тюрок. Христианство из господствующей религии уже через несколько десятилетий превратилось в Алвании в религию едва лишь терпимую, если не прямо гонимую. Вспомним, что IV и начало V в. было временем особого преследования инаковерующих Сасанидами. Сасаниды разрушали христианские церкви, насильственно насаждая зороастризм. Литературный алванский язык и тем более алванский общенародный язык койнэ так и не создались. Напротив, распространялся не только среднеиудейский, но (за счет сасанидских переселенцев с юга) и среднеперсидский язык (остатком этих переселенцев является народность татов). Но ни один из этих языков так и не стал в Алвании общенародным; им уже в средние века стал тюркский азербайджанский.

Сасаниды построили в V—VI вв. у Дербента стену, а потом даже ряд стен, которые должны были закрывать проход на юг для кочевнических набегов. Постройка этих укреплений стоила алванам огромных тягот и материальных и человеческих потерь. Стены бдительно стерегли сасанидские войска. И тем не менее через них то и дело прорывались отряды кочевников.

В течение первой половины V в. в Алвании сохранялся свой царь, подчиненный Сасанидам. Но после того как в 451 г. алваны приняли участие в общем антисасанидском восстании народов Закавказья, а также после самостоятельного восстания алванского царя Ваче в 457 г. Сасаниды ликвидировали алванское царство и передали власть своему наместнику-марзбану со столицей в г. Барда. Однако в 481 г. началось новое восстание алванов, осложненное, а может быть, и поддержанное повторным тюркским вторжением, которое не могли задержать дербентские укрепления. Часть тюрок-сабиров, по-видимому, на этот раз осела в Алвании. Алванскому царю Вачагану III в этой сумятице удалось восстановить христианское Алванское царство. При этом царь опирался на христианское духовенство и крупных феодалов. Тогда-то, видимо, начинается краткий период более широкого применения алванской письменности. К сожалению, подлинных памятников алванской литературы до нас не

дошло (Известен историк Алвании Моисей Каланкатуйский (VII в.), сочинение которого дошло на армянском языке. Это не удивительно, если учесть обстоятельства принятия алванами христианства в его монофизитской форме, о которой говорилось выше, но не исключает вероятности того, что существовали и иные местные авторы, писавшие по-алвански. После того как самостоятельная алванская монофизитская церковь прекратила существование, часть алванских рукописей, очевидно, была перевезена в резиденцию армянского монофизитского католикоса, и некоторые из них, должно быть, сохранялись в Армении довольно долго: еще в XV—XVI вв., очевидно, именно на основании таких рукописей армянские писцы сумели довольно правильно воспроизвести состав алванского алфавита. Однако в тяжелых условиях турецких и персидских завоеваний армяне потеряли множество своих собственных рукописей, и у них не было причин стараться спасти рукописи, написанные на давно вымершем и никому уже не понятном языке. Поэтому до нашего времени эта часть алванских рукописей не дошла, точно так же как и рукописи, остававшиеся в самой Алвании. Последние, видимо, разделили судьбу обширной литературы сасанидского Ирана, уничтоженной мусульманскими фанатиками в период завоевания Ирана и Закавказья.).

Вторжения тюрков продолжались и в VI в., особенно в 552—558 гг. когда большие толпы хазар, теснимые с Волги в результате значительных перемещений кочевых масс, происходивших в это время в степях Евразии, вторглись в Алванию и в Атропатену и здесь были в ряде мест расселены сасанидским царем Хосровом I Аноширваном. В VII в. Алвания, по-видимому, была подчинена Хазарскому царству.

Грузия.

История Грузии, как и история Атропатены и Алвании первых веков нашей эры, источниками освещена плохо. Для Армении мы имеем повествование Моисея Хоренского, который, однако, пытаясь в V в. создать целостную историю своего государства, пользовался различными противоречивыми письменными и устными (эпическими) традициями, что привело его к ошибкам в хронологической концепции и к ряду произвольных исторических реконструкций. Поэтому его богатейший материал можно использовать, лишь подвергая его тщательному источниковедческому анализу. Но в Армении были и другие историки, труды которых, правда посвященные более частным вопросам и более кратким отрезкам времени, в какой-то мере продолжали замечательные традиции античной историографии; кроме того, армянская история документирована известиями римских и византийских историков и подлинными надписями с территории как самой Армении, так и Ирана; в Алвании, видимо, тоже короткое время были свои древние историки. Но из Иверии дошло лишь считанное количество надписей I—II вв. (арамейско-ирапских и греческих) и не сохранилось ни одного древнего подлинно исторического сочинения.

Наиболее ранняя история Грузии содержится в книге «Обращение Грузии» (в христианство; по-грузински «Мокцевай Картлисай»), восходящей в своей основе, видимо, к VII—IX вв.; свод летописей «Житие Грузии» («Картлис цховреба») даже в своих самых древних частях не старше XI в. Все, что там сообщается, записано частью по устным преданиям почти через тысячу лет после событий, о которых идет речь, частью по житиям святых или под влиянием древнейших разделов «Истории Армении» Моисея Хоренского, которые и сами по себе весьма мало достоверны. Что же касается античных и иранских известий, то и они ввиду большей отдаленности Грузии значительно малочисленные аналогичных известий по истории Армении.

В рассматриваемый период Грузия по-прежнему не составляла единого государства. Центральную роль, как и в предшествующее время, играло Иверийское царство (Картли). Вскоре после походов Помпея Иверии удалось наладить добрые отношения с Римом. Поскольку кочевники не могли существовать одними набегами и повседневно нуждались в металлической посуде, муке, в некоторых предметах роскоши и т. п., постольку оказалось возможным установить известное согласие между аланскими племенами, охранявшими Дарьял (и тем самым Иверию) от вторжения племен более северных, и иверами, снабжавшими аланов всем необходимым. В середине I в. аланы не без ведома иверийских царей совершали набеги на Армению, Атропатену и Малую Азию; сармато-аланский этнический элемент был весьма ощутим и среди иверской знати.

Однако в течение I в., в том числе после того аланского набега в 70-х годах, который серьезно затронул как римские, так и парфянские владения и оказался весьма опасным для целостности самой Иверии, она вынуждена была прибегать к помощи римских гарнизонов для обеспечения своей безопасности — сначала более против Армении, с тех пор как там утвердилась аршакидская (парфянская) династия, стремившаяся к расширению своих северных пределов, а затем и против аланов. О постройке римлянами укреплений для иверийского царя Митридата II (против аланской угрозы?) сохранилась греческая надпись напротив Мцхеты, датированная 75 г. Тот римский легион, отряд которого достиг берегов Каспия около 90 г. (вероятно, во время войны с Алванией), надо полагать, был расквартирован в Иверии. Иверийский царь оставался союзником Рима еще и при императоре Траяне (начало II в.).

Наиболее значительной фигурой в истории Иверии II в. был царь Фарасман II Доблестный. При нем владения царства включили восточную Колхиду и на западе достигли Черного моря. Тот же Фарасман II организовал второе большое вторжение аланов на римские владения в Малой Азии, на Армению, Алванию и подчиненную Парфии Атропатену. Отношения Иверии с Римом сначала были напряженными, но позже, при императоре Антонине Пие, по-видимому, в 140 г. н. э., Фарасман посетил Рим. Соответственно испортились его отношения с Парфией. Предание утверждает, что он в

союзе с «греками» (т. е. Римом) и армянами победоносно воевал с «персами» (т. е. Парфией), но был отравлен поваром, подкупленным врагами.

О дальнейшее истории древней Иверии мы знаем мало. Судя по надписям «царя царей» Шапура I, ему удалось подчинить своей гегемонии иверийского царя Амазаспа, однако более вероятно, что отношения Персии с Иверией были лишь союзные. По Нисибинскому миру 298 г. между Римом и Парфией Риму было предоставлено право жаловать иверийским правителям знаки царского достоинства — надо думать, чисто номинально. В дальнейшем, по мере подчинения Алвании сасанидскому Ирану, персидская опасность для Грузии увеличилась; может быть, отчасти с этим связано принятие Иверией при царе Мириане III христианства (традиционная дата — 337 г.), как это сделала и Восточная Римская империя. Главной деятельницей христианизации Иверии традиция называет св. Нину, первоначально спутницу армянских проповедниц Рипсимэ и Гайанэ, скрывавшую свое происхождение и называвшую себя пленницей-чужестранкой. По-видимому, и в Иверии, как и в других странах Средиземноморья и Ближнего Востока, христианство пользовалось популярностью в народных низах и именно поэтому было удобным идеологическим орудием для их примирения с тяжелой действительностью процесса феодализации.

Общность христианской веры сплотила в IV в. Армению, Иверию и Алванию в борьбе с зороастрийским Ираном, и все три народа неоднократно выступали совместно: так было в 360 г. при иверийском царе Мерибане, союзнике Восточной Римской империи и Аршака II, царя Армении, так было в 371 г. при иверийском царе Саурмаге, в 451 г., когда иверы поддержали восстание, возглавляемое армянским полководцем Варданом Мамиконяном, и еще в 481—484 гг., когда восстание всех народов Закавказья против персов поднял иверийский царь Вахтанг I Волчья Голова. В отличие от армянской грузинская церковь не порывала с Византией, оставаясь православной и после 451 г. Эта разница в вере, в догматическом смысле ничтожная (Православие учит, что Христос — бог сын, «единосущный» богу отцу, имеет два естества: божеское и человеческое; армянская же церковь, считая, что оба естества в нем слиты воедино, утверждала, что православная формулировка есть уступка секте несториан, предполагавшей в Христе две «сущности» и, что было гораздо важнее, официально признанной Сасанидами.), но чрезвычайно важная в организационном отношении, имела в дальнейшем печальные последствия, так как постепенно вела к отчуждению между народами Закавказья эпохи средневековья.

Сасаниды держали в Иверии своего резидента — питиахша и всячески стремились насадить в стране зороастризм, однако безуспешно. В 523 г. они упразднили власть иверийского царя и подчинили Иверию своему марзбану, который правил ею, по-

видимому, примерно до 570—580 гг., а затем снова с 605 г. до падения Сасанидской державы.

Хотя существуют гипотезы, возводящие изобретение собственной грузинской письменности к глубочайшей древности, однако древнейшие надписи грузинским письмом относятся к V в. Согласно армянскому преданию, это фонетически очень совершенное алфавитное письмо, учитывающее арамейскую и греческую письменную традицию, было введено грузином Джалаем. Местное грузинское предание относит, правда, изобретение письменности ко времени иверийского царя Фарнабаза, первого царя Иверии (III в. до н. э.). Это представляется маловероятным. Трудно предположить, чтобы в Грузии потребность в своей письменности ощущалась настолько сильнее, чем в соседних обществах Закавказья, что письмо было здесь изобретено на пятьсот лет ранее, чем в Армении и Албании. Никаких следов местной письменности в Грузии столь раннего времени нет. Напротив, нам известно, что еще в I в. н. э. здесь, как и в Армении, пользовались греческим письмом (и языком), и арамейским письмом вместе с арамейским или парфянским письменным языком. Не случайно также, что литература на родном языке, как и в Армении, возникла в Грузии к V—VI вв.— правда, первоначально это были только жития святых.

Надо отметить также, что в Грузии древнего периода, если брать страну в целом, не сложилось ни койнэ, ни даже лингва франка — то и другое существовало только в Картли (Иверии); для западногрузинских племен достоверно лишь то, что они стали пользоваться древнегрузинским (картвельским) письменным языком со времен развитого средневековья; в древности Западная Грузия была почти столь же многоязычна, как и Албания (по словам одного из античных авторов, римляне в г. Фасисе пользовались услугами более чем сотни переводчиков — конечно, не для того, чтобы разговаривать только с жителями этого городка).

О Западной Грузии мы в последний раз упоминали, когда Колхида входила в Понтийское царство Митридата VI Евпатора. После его поражения и бегства в 66 г. до н. э. царство было поделено между различными подчиненными Риму династиями; Колхида досталась некоему Аристарху; позже она сделалась полем битвы между Фарнаком, сыном (и виновником смерти) Митридата VI Понтийского, и позднеэллинистическим, зависевшим от Рима Пергамским царством, затем опять принадлежала восстановленному, но также зависевшему от Рима Понтийскому царству. Но когда в 63 г. н. э. император Нерон превратил Понт из зависимого царства в провинцию, римляне, по-видимому, не сумели удержать за собой Колхиду, кроме приморских эллинизованных городов. В это время в прибрежные области с гор (не только с гор Западного Кавказа, но и с Понтийских) начинают спускаться племенные группы: на севере — абхазо-адыгские, на юге — чанские (западно-грузинские). Последние были известны грекам и

римлянам на Черноморском побережье под разными местными племенными названиями, а позже под общим названием лазов.

По-видимому, в 30-е годы II в. через Сурамский перевал в Западную Грузию и вплоть до Черноморского побережья (между совр. Требзоном и Батуми) прошли войска иверийского царя Фарасмана II, который, однако, владел этими землями недолго, потому что уже в середине II в. впервые в античных источниках упоминается царь Лазики, которого «поставил» (или утвердил) римский император Антонин Пий. В первой половине III в. жителям Колхиды пришлось вместе с римским гарнизоном отражать набеги готов, которым антиримские группировки Боспорского царства предоставляли корабли; готам удалось разрушить Трапезунт и Питиунт (Требзон и Пицунду). По-видимому, после этого Лазика была предоставлена самой себе, но еще и в IV в. она платила римлянам дань, хотя и не входила в состав империи. Лишь к концу IV в. Лазика временно настолько усилилась, что подчинила себе даже горную Сванетию, которой она владела до середины V в. Начиная с IV в. Лазика приобретает для Восточной Римской империи особое значение: на нее ложится оборона кавказских перевалов (очевидно, Мамисонского и Клухорского) от гуннов и других племен, сдвинутых со своих мест Великим переселением народов. Надо полагать, что к этому времени в состав Лазики должна была входить вся страна мегрелов — Эгриси (грузинские источники так называют и само царство Лазики), хотя ранее эта часть Западной Грузии, может быть, подчинялась Иверии. По византийско-персидскому миру 562 г. большая часть Лазики перешла к Византии.

Сведения об общественном строе как Восточной, так и Западной Грузии в первые века нашей эры у нас чрезвычайно скудны. Они почти целиком происходят из грузинских средневековых памятников, несомненно по-своему переосмысливавших древние порядки, о которых составители знали лишь по преданию. Что же касается греко-римских и даже армянских источников, то сообщенные ими сведения весьма недостаточны.

Первоначальное древнее восточногрузинское общество делилось, как обычно для древнего Ближнего Востока, на два сектора; к первому принадлежали свободные общинники-воины — эри, ко второму — царские люди — глехи. По-видимому, еще до создания первых грузинских царств страна состояла из замкнутых самоуправляющихся долин, которые назывались сопели и соответствовали «номовым общинам» раннего периода древности; позже сопели начинают означать «сельскую общину» наряду с обычным названием деревни — дага. Общинники различались сельские (мдагури) и городские (мквидри), сельскую общину, возглавлявшуюся старейшинами, составляли большесемейные «дома» (сахли). Даже царский род имел своего «главу дома», которым обычно (но по-видимому, не обязательно) был сам царь. Позже, однако, «главами домов» стали делать царских ставленников. Словом,

структура общества была очень сходна с обществом всего Ближнего Востока предыдущего тысячелетия. Ранее уже говорилось о большом значении, которое имели в Грузии храмы и храмовые общины с их землями, пережиточно существовавшие у горных грузин-хевсуров вплоть до начала XX в.

Известны были грузинскому обществу поздней античности и частные рабы — мона.

В процессе феодализации грузинского общества из свободных общинников — эри выделяются знатные — мтавари, эристави, соответствующие армянским нахарарам, а сам термин эри начинает соответствовать парфянскому и армянскому азат. Появляется и термин агараки (Другой термин, картаки, или кардаги, восходит к парфянскому картак и в Парфии означал то же, что дастакерт.), обозначавший, как и в Армении, крупные частные земельные владения, не входящие ни в общины, ни в царскую землю. На царской земле тот же процесс феодализации привел к раздаче массивов земли царским должностным лицам (тадзраули — «дворцовые») в условное владение за службу. В то же время и глехи на царской земле образовывали такие же сельские общины, как эри — на свободной. Но знатым лицам, полководцам, а также крупному духовенству и монастырям раздавалась не только царская земля, но и право поборов с земли нецарской — с агараков и сопели.

Как видим, картина складывается та же, что в Армении, в Иране и, надо полагать, в Алвании. Тот же вывод напрашивается в связи с городами Грузии в поздней древности. Известен ряд торгово-ремесленных городов как в Восточной, так и в Западной Грузии. Подобно многим городам поздней античности, они имели смешанное этнически население. Торговые пути через Иверию и Колхиду соединяли, по-видимому, главную восточно-западную магистраль, проходившую через Армению, с Боспорским царством, с населением степей к северу от Кавказа. Соответственно иному значению торговых путей, шедших через Грузию, иной характер носило здесь и денежное обращение: в ходу были только либо римская и парфянская (или персидская) монета, либо местные имитации. Собственного чекана, отличного от имперских, в Грузии не было.

Дошедшие до нас грузинские исторические источники были составлены слишком поздно, чтобы дать представление о структуре античных городов Грузии, однако кажется несомненным, что они представляли собой самоуправляющиеся общины граждан, возникшие частично еще в VI—IV вв. до н. э. на базе наиболее крупных общин сельского типа с более развитым ремеслом. Позже внутри городов слагались особые, также самоуправляющиеся религиозно-этнические подобщины, но полноправными гражданами, которые могли претендовать на земельный надел, были, по-видимому, лишь члены первоначальной коренной общины. Город имел приписанную к нему окружающую землю с подчиненными сельскими, а иногда городского

типа поселениями. Так, округа г. Каспи простиралась по крайней мере на 40 км, включая пещерный город Уплисцихе (видимо, царский).

Городская жизнь в Грузии началась позже, чем в других странах Ближнего Востока (характерно, например, что «торговец» назывался по-грузински парфянским термином вачари, а в Армении — арамейским термином танджар, восходящим еще к шумерскому дамгар и аккадскому тамкарум). По-видимому, города здесь не достигли того развития, как в классических странах Передней Азии, но зато продержались дольше, чем в других местах; неслучайно Иверия поддерживала армянского царя Аршака II в его конфликте с нахарарами по поводу городских привилегий Аршакавана. Но к IV в. старые города Грузии частью были вытеснены «царскими городами», частью сами превратились в царские. С III в. начинают возникать крепости, позже становящиеся центрами городов феодальной эпохи.

Феодализм наступил в Грузии независимо от варварских вторжений: ни одно варварское племя не проникало сюда на длительное время.

Литература:

Редакционная коллегия. Закавказье и сопредельные страны между Ираном и Римом. Христианизация Закавказья./История Древнего мира. Упадок древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.201-220

Лекция 11: Поздняя Римская Империя (III-V вв.).

Кризис Римской рабовладельческой империи в III в.

В истории древнего Средиземноморья III век оказался переломным. Все это столетие заполнено борьбой двух тенденций — отмирающей рабовладельческой и зарождающейся феодальной. Столкновение этих тенденций породило смерч, в который оказались втянутыми все сферы общественной жизни — экономика, социальные отношения, государственный строй, культура. На рубеже III и IV вв. феодальная тенденция взяла верх, и развитие Римской державы вступило в стадию разложения рабовладельческого строя и зарождения феодальных отношений.

С III в. укрепляются крупные автаркические, т. е. самодостаточные, обеспечивающие себя всем необходимым поместья. Благодаря тому что в них кроме сельского хозяйства развивалось собственное ремесло, они были независимы от городского рынка. Отсюда — упадок городского ремесла и торговли. Сокращаются товарно-денежные отношения, ощущается острая нехватка денег. Государство продолжает требовать с подданных налоги в денежной форме, но их уплата становится затруднительной. Казна пытается восполнить недостачу по налогам выпуском неполноценной монеты, а это еще более подрывает экономику. Полноценная монета исчезает из оборота, оседая в виде мертвых сокровищ в руках богачей. Обесценивание монеты способствует росту цен, особенно на продовольствие. Ужесточаются наказания за недоимки по налогам. Задолжавшие колоны бегут со своих наделов (как правило, из разоряющихся мелких имений городских землевладельцев в крупные и экономически более устойчивые владения магнатов, независимые от городов). Усиливается борьба крестьян, колонов и рабов против угнетателей, которая порой выливается в вооруженные восстания. Провинциальная знать предпринимала попытки отделиться от Рима. Происходила частая смена императоров, которых возводила и смещала армия. В III в. изменилось внешнеполитическое положение Рима: кончилось равновесие сил между ним и варварской периферией, характерное для предшествующего столетия, и началось наступление соседних племен на империю. На восточных рубежах Римской империи огромного напряжения сил требовало ее противостояние другой мировой империи — державе Сасанидов. В III в. отчетливо проявился упадок античной культуры; широкое распространение получило христианство, отрицавшее все духовные ценности античного мира.

Основная причина кризиса Римской империи в III в. состояла в том, что ее производительные силы исчерпали возможности развития в рамках рабовладельческих производственных отношений. Во времена

поздней республики и ранней империи выяснилось, что наиболее рациональной формой рабовладельческого производства в сельском хозяйстве была вилла средних размеров с несколькими десятками рабов. В масштабах такого сравнительно небольшого хозяйства еще удавалось обеспечить бдительный надзор за рабами и успешно осуществлять специализацию и кооперацию рабского труда. Как показала практика, рамки виллы были пределом развития товарного сельского хозяйства, основанного на эксплуатации рабов классического типа. Максимальные размеры частной ремесленной мастерской также ограничивались несколькими десятками рабов; более же распространенной была мастерская всего с несколькими рабами. Разбогатевший владелец не расширял свою мастерскую, а открывал новые подобные мастерские в других городах Италии или в провинциях. Для повышения производительности труда работников особенно большое значение имела их узкая специализация. В старинных, традиционных отраслях сельского хозяйства и ремесла сосуществовал труд свободных и рабов; в новых отраслях производства преобладал рабский труд.

Для дальнейшего повышения производительности рабского труда требовалось дальнейшее развитие специализации и кооперации производства, усовершенствование орудий труда и повышение квалификации все большей массы рабов. Но не заинтересованные в своем труде рабы не соответствовали возросшим производственным задачам. Да и господа боялись обучать своих рабов сложным профессиям, развивать их способности и интеллект.

Характер производственных отношений обуславливается формами собственности на средства производства; в Римской империи III в. преобладали две основные формы земельной собственности: муниципальная и экзимирированная. Муниципальные землевладельцы, владевшие имениями на городской земле, издавна вели товарные хозяйства, основанные на эксплуатации главным образом рабов; это становилось уже невыгодным, но перестраивать свои хозяйства в натуральные, самодостаточные, основанные на эксплуатации более заинтересованных работников — колонов, им не позволяли узкие рамки мелких и средних имений. К тому же городские землевладельцы несли большие расходы в связи с исполнением общественных повинностей — литургий. Сюда относились затраты на строительство и ремонт общественных зданий и сооружений (дорог, мостов, водопроводов, терм и др.), на устройство зрелищ, на раздачу городской бедноте и т. п. Литургии были неразрывно связаны с самой сущностью античного полиса как гражданской общины. Переходу к феодальным отношениям на городских землях препятствовал и политический строй самоуправляющегося города (муниципия), соответствовавший античным рабовладельческим отношениям, основанным на свободе граждан и на эксплуатации неграждан. Города являлись опорой рабовладельческого строя империи. Во времена республики и ранней империи села превращались в муниципии, но с III в. эта тенденция гложет. Ее сменяет процесс возрождения

сельских общин — не только там, где они еще сохранялись, как, например, в придунайских провинциях и Северной Галлии, но и там, где их уже не было: на городских, императорских и сенаторских землях зависимое сельское население — колоны (разного рода держатели земельных наделов) и рабы с пекулием — создает свои общины с целью взаимопомощи.

В более выгодном по сравнению с муниципальными землевладельцами положении оказались в период кризиса III в. владельцы экзимированных земель. Будучи независимы от городов, они были свободны от литургий. В III в. многие сенаторы уже безвыездно живут в своих владениях в провинциях, несмотря на попытки некоторых императоров вернуть их в столицу. Крупные имения издавна базировались в значительной степени на труде разного рода зависимых держателей земельных наделов, т. е. таких производителей, которые были больше заинтересованы в своем труде, чем рабы. В III в. широко распространяется перевод сельских рабов на пекулий: их сажают на наделы, предоставляют возможность иметь семью, отдельное жилище, мелкое хозяйство. Положение колонов и рабов с пекулием сближается. Владельцы экзимированных салътусов могли установить для своих держателей менее обременительные платежи и повинности, чем это могли позволить себе менее состоятельные владельцы вилл. Поэтому колоны бегут из мелких имений в крупные. Магнаты были заинтересованы в ослаблении городов, которые оспаривали их политическую независимость. К типу экзимированной, т. е. изъятной из ведения городов, земельной собственности относились и обширные императорские земли. Хотя в сенаторских и императорских поместьях имелось много рабов, но основными работниками на земле были колоны; рабы же использовались главным образом как ремесленники, слуги и поместная администрация.

В соответствии с наличием двух основных форм земельной собственности — муниципальной и экзимированной — в III в. столкнулись две общественные группы, связанные с этими формами собственности: городские (муниципальные) землевладельцы и владельцы экзимированных салътусов. Это было столкновение двух тенденций — рабовладельческой и феодальной.

В политической жизни эта борьба проявилась в противопоставлении друг другу так называемых солдатских и сенатских императоров. Армия выражала в основном интересы муниципальных кругов, из которых в значительной степени она формировалась. Вышедшие в отставку ветераны получали земельные участки на территориях городов, причем некоторые из них становились довольно состоятельными владельцами рабовладельческих имений. Сенат же выражал интересы магнатов — владельцев экзимированных земель. Императоры лавировали между борющимися группировками; одни оказывали покровительство городам, другие — магнатам. Недовольная группировка устраняла неугодного императора, и все повторялось

сначала. За неполное столетие (со 192 по 284 г.) на римском престоле сменилось 32 императора, причем большая часть из них погибла насильственной смертью в результате дворцовых переворотов.

После убийства Коммода развернулась ожесточенная борьба за императорскую власть между выдвиженцами дунайской, сирийской и британской армий, сопровождавшаяся сражениями, в которых гибли десятки тысяч легионеров. Победу одержал ставленник дунайской армии Луций Септимий Север (193—211). Он казнил своих противников из сенатской среды и урезал права сената, запретив ему издавать законы и выбирать магистратов. Септимий Север конфисковал земли многих магнатов Галлии и Испании, которые поддерживали одного из его соперников. Часть конфискованных земель он раздал ветеранам. Септимий Север увеличил армию, набирая в нее провинциалов, прежде всего из дунайских областей: открыл провинциалам доступ к высшим военным должностям; увеличил жалованье легионерам и раздавал им подарки, что в дальнейшем стало традицией; позволил им обзаводиться семьями и вести хозяйство, живя в поселках близ лагерей. Эти меры в отношении армии способствовали укреплению муниципального землевладения. В то же время он назначал в города кураторов, которые контролировали городские финансы и взимали штрафы в пользу общеимперской казны. В связи с нехваткой денег на содержание армии, чиновников и двора основатель-династии Северов прибегал к порче монеты, что при следующих императорах III в. превратилось в систему (Во второй половине III в. серебряные монеты были лишь слегка посеребренными медными.). Умер Септимий Север в Британии во время похода против живших на территории современной Шотландии кельтских племен скоттов и пиктов, прорвавшихся через вал Адриана на земли римской провинции. Престол он завещал двум своим сыновьям, но, убив брата, власть захватил старший из них — Марк Аврелий Антонин, по прозвищу Каракалла (211—217).

В 212 г. эдиктом (указом) императора Каракаллы все свободное население империи, проживавшее на землях городов, получило право римского гражданства. Этот эдикт, первоначально, возможно, преследовавший цель унификации налогообложения, по-видимому, способствовал скорейшей концентрации земельной собственности, так как римский гражданин не мог завещать землю peregrinus (негражданину), теперь же такое ограничение для многих людей отпало. Эдикт Каракаллы содействовал быстрой романизации провинциального населения. Можно полагать, что с ним связан тот факт, что в III в. в состав провинциальной (а позже и столичной) знати вошло значительное количество сравнительно слабо романизованного населения, видимо раньше составлявшего родоплеменную знать, тогда как в первые два века н. э. верхушка общества западных провинций состояла из выведенных в колонии италиков и римлян, а также из наиболее романизованных представителей местной знати, в общем составлявшей меньшинство по сравнению с пришлыми колонистами.

Однако по эдикту 212 г. римского гражданства не получили многочисленные племена, жившие вне городских территорий. В частности, в придунайских, прирейнских и североафриканских областях сельские жители, не приписанные к городам, и после 212 г. оставались Перегринами. Процесс повышения правового статуса некоторой части свободного населения столкнулся со встречным процессом утверждения несвободы большинства населения империи, что век спустя привело к началу закрепощения больших групп населения.

Последний представитель династии Северов — Александр Север (222—235) — ограничил расходы на армию, землю для поселения ветеранов отводил в отдаленных пограничных областях. В армии возник заговор, и император был убит.

Престол занял ставленник армии Максимин (235—238), который преследовал сенаторскую знать и старался снискать популярность у солдат, но в конце концов был ими убит. Далее следует непрерывное чередование императоров, выдвигаемых то армией, то сенатом. Внутри империи углубляется экономический кризис, на рейнской и дунайской границах усиливаются нападения варваров, на востоке постоянно возникают тяжелые войны с державой Сасанидов — Ираном.

Критическое для Римской империи положение создалось в середине III в. Готы перешли Дунай и вторглись в Мёзию и Фракию. В борьбе с ними погиб император Деций (249—251). С 251 г. в течение полутора десятилетий восточные провинции империи были охвачены эпидемией чумы.

В правление Валериана (253—260) и его сына и соправителя Галлиена (253—268) готы и другие, союзные с ними племена продолжали опустошительные набеги на придунайские провинции. Племенные союзы франков и алеманнов совершали набеги из-за Рейна на Галлию, доходя до Пиренеев. На востоке перешла в наступление держава Сасанидов — царь Шапур I вторгся в Месопотамию. Римляне потерпели сокрушительное поражение в решающем сражении у г. Эдессы в Северной Месопотамии, император Валериан попал в плен. Борьба между Римом и Ираном за Месопотамию продолжалась и в дальнейшем — до конца существования Римской империи; шла она с переменным успехом, но неизменно сопровождалась разграблениями страны между Тигром и Евфратом со стороны обеих великих держав.

Галлиен попытался выправить положение империи. Он оказывал поддержку городам, стремился ограничить произвол чиновников, прекратил преследования христиан, проводимые Децием и Валерианом, провел реформу конницы (разрозненные конные отряды, придававшиеся легионам, были сведены в особые крупные части), продиктованную тем обстоятельством, что конница была главной

ударной силой врагов империи — Ирана и варваров. Опорой Галлиена была армия, но сенат ненавидел его.

Земельные магнаты в провинциях поднимают мятежи и пытаются отделиться от империи. Галлия, Испания и Британия отпали от Рима, образовав самостоятельную Галльскую империю с центром в Трире. Ее первый император, Постум (258—268), взял в свои руки борьбу с наступавшими из-за Рейна германскими племенами, для чего использовал наемников, набираемых среди германцев же.

Оборону против Ирана возглавил Оденат, правитель независимого города-оазиса Пальмиры, расположенного на востоке Сирии. В 262 г. он одержал крупную победу над персидскими войсками, вторгшимися в Сирию и Малую Азию, после чего Галлиен признал его вождем и императором Востока и передал ему римскую армию, находившуюся там. Вскоре погибшего Одената сменила его вдова Зенобия, энергичная и честолюбивая женщина. Она захватила Сирию и Египет, порвала с Римом и заключила союз с Ираном. Итак, почти одновременно Рим лишился ряда западных и восточных провинций.

В Галлии в 60-х годах III в. началось восстание багаудов («борцов»), как называли себя восставшие крестьяне, колоны и рабы. Они нападали на богатые усадьбы и даже на города. Напуганный этим восстанием, а также, возможно, и недовольством галльских городов, последний правитель Галльской империи, богатейший магнат Тетрик, в 273 г. перешел на сторону римского императора Аврелиана (270—275). Римские войска разбили армию Галльской империи. Галлия и Испания были возвращены под власть Рима. Однако восстание багаудов продолжалось. Они выбрали своих императоров, Элиана и Аманду, создали армию, чеканили монету. Их центром была крепость при впадении Марны в Сену, близ Лютеции (ныне Париж). Подавленное при Диоклетиане в 80-х годах III в., движение багаудов вспыхивало и позже. Во второй половине III в. происходили также вооруженные выступления крестьян и колонов в Северной Африке, где в связи с ростом крупного землевладения разрушались свободные сельские общины и усиливалась эксплуатация мелких держателей земельных наделов.

В 273 г. Аврелиан разрушил Пальмиру и вернул под власть Рима восточные провинции. Правительница Пальмиры Зенобия была в цепях проведена по Риму в триумфальном шествии Аврелиана.

Но полного восстановления империи не произошло: под натиском варварских племен Аврелиан вынужден был отвести легионы и часть колонистов из Дании на правый берег Дуная. Дакию захватили готы, сарматы и маркоманны. Для защиты от варваров, нападения которых стали реальной угрозой и для Италии (в 271 г. Аврелиану пришлось отражать набег алеманнов, вторгшихся в Северную Италию), Рим был обнесен новой крепостной стеной.

Разорение муниципальных кругов привело к тому, что много городских земель оказалось пустующими. Аврелиан возложил на оставшихся в городах землевладельцев ответственность за сбор налогов с пустующих земель. Если же они не могли обеспечить обработку этих земель и поступление налогов с них, предписывалось присоединять заброшенные земли к владениям соседних городов или магнатов, которые могли бы их заселить и обеспечить сбор государственных налогов. Таким образом, города теряли свои земли и слабели, а владения и политическое влияние магнатов расширялись. Аврелиан раздавал магнатам западных провинций пленных, обращаемых в колонов. Так намечался союз императорской власти с земельными магнатами, получивший дальнейшее развитие при Диоклетиане и Константине. Пока же сенат был недоволен деспотическими замашками Аврелиана, и один из заговоров закончился убийством этого императора.

Борьба рабовладельческой и феодальной тенденций в III в., проявившаяся в антагонизме двух основных группировок господствующего класса, в народных движениях и в наступлении варваров, была началом социальной революции, которая в последующие века привела к полному крушению рабовладельческой формации во всем Средиземноморье.

Реформы Диоклетиана и Константина. Экономическое развитие Римской Империи в IV-V вв.

К концу III в. разные слои господствующего класса Римской империи, имеющие, как было показано выше, весьма существенные противоречия между собой, временно сплачиваются вокруг императорской власти, напуганные экономическим кризисом, народными движениями, вторжениями варваров. В такой обстановке к власти пришел Диоклетиан, иллириец по происхождению, выдвинутый армией.

Диоклетиан (284—305) создал новую форму империи — доминат. Ее название происходит от латинского слова *dominus* — «господин», как приказал именовать себя Диоклетиан. Фактически . уже с начала III в. принципат сменился военной монархией, но формально считалось, что он сохраняется. Диоклетиан покончил с ним. Императорская власть обожествлялась и приобрела откровенно монархический характер. При дворе был введен пышный и сложный церемониал по примеру персидского царского двора. Это до некоторой степени ограждало императоров от покушений, столь частых в III в. Все граждане империи считались подданными императора.

Диоклетиан и его преемник Константин субъективно, по-видимому, стремились к восстановлению прежней (т.е. рабовладельческой) Римской империи, но, как будет показано далее, объективно их реформы, хотя и способствовали преодолению кризиса III в., означали

приспособление к изменившимся историческим условиям и признание того обстоятельства, что империя вступила на рубеже III и IV вв. на путь феодализации.

При Диоклетиане было подавлено движение багаудов в Галлии; возвращена под власть Рима Британия; отражены нападения германцев, вторгавшихся в Галлию; пленных варваров селили в качестве колонов на императорских землях и в имениях магнатов.

Поскольку события III в. показали, что одному правителю невозможно охватить своим надзором всю империю в условиях внутреннего и внешнеполитического кризиса, была создана тетрархия, т. е. четверовластие. Диоклетиан разделил Римскую империю для удобства управления на две части — западную и восточную. Себе он взял восточную половину и сделал своей резиденцией г. Никомедию на северо-западном побережье Малой Азии, а своему соправителю Максимиану поручил управлять западной половиной империи с резиденцией в Медиолане (Милан) в Северной Италии. Диоклетиан и Максимиан приняли титулы августов. Каждый август получил себе помощника-заместителя, который стал называться цезарем. Цезарем Диоклетиана стал Галерий, ставка которого находилась на Дунае. Цезарем Максимиана стал Констанций Хлор, ставка которого располагалась на среднем Рейне. Августы женили цезарей на своих дочерях и обязались через 20 лет возвести цезарей в сан августов и удалиться в частную жизнь. В спорных вопросах решающее слово принадлежало Диоклетиану как старшему августу. Предполагалось, что тетрархия обеспечит централизацию власти и в то же время оперативность управления.

Вся империя была разделена на 12 диоцезов, которые, в свою очередь, делились на провинции, причем образовалось около 100 провинций. Размеры провинций уменьшились по сравнению с прежними, что ослабляло наместников, но в то же время увеличивало число чиновников; каждый наместник имел свой бюрократический аппарат. Гражданская власть в провинциях была отделена от власти военной. Границы военных округов не совпадали с границами провинций. Военный и гражданский чиновники должны были следить друг за другом и обо всем доносить императору. Эти меры должны были предотвратить отпадение провинций, помешать наместникам и военачальникам захватывать власть на местах.

В конце III и первой половине IV в. была проведена военная реформа. Было увеличено общее количество войск, но одновременно проведено уменьшение численности каждого отдельного легиона — теперь это соединение насчитывало около тысячи солдат. До Диоклетиана в войска набирались наемники-добровольцы преимущественно из населения империи. Для комплектования большой армии этого оказалось недостаточно. Диоклетиан обязал крупных землевладельцев поставлять рекрутов из числа рабов, колонов и вольноотпущенников. Обязаны были служить в армии и

леты, пленные варвары, поселенные на римской территории — на императорских и сенаторских землях. Наконец, на военную службу принимались целые отряды варваров, так называемых федератов.

Прежде легионы были расквартированы по провинциям и тесно связаны с местным населением. Такие войска трудно было перебрасывать к угрожаемому участку границы. При Константине войска были разделены на две категории — пограничные и подвижные части. Пограничные постоянно находились на определенных участках границы; подвижные располагались внутри страны и в любое время могли выступить в нужном направлении. Разукрупнением и рассредоточением легионов достигалась большая оперативность военных сил, а также преследовалась цель ослабить власть полководцев и предотвратить захват ими престола.

В связи с упадком в империи товарно-денежных отношений армия, а также чиновники были в значительной степени переведены на натуральное довольствие.

Увеличение армии и бюрократического аппарата, содержание пышного императорского двора и раздачи городскому люмпен-пролетариату (Люмпен-пролетариат—характерное явление (а в поздней Римской империи — уже только наследие) всех древних рабовладельческих обществ, где был мал или отсутствовал государственный сектор экономики, поглощавший безземельных и обнищавших общинников (граждан).) требовали очень больших средств. Они всегда выкачивались государством из трудящегося населения в виде налогов, пошлин и чрезвычайных поборов в денежной и натуральной форме. Для ранней империи было характерно многообразие налогов, причем большую роль играли косвенные налоги, т. е. скрытые, включавшиеся в цену товаров,— государство же изымало эти средства у купцов в виде торговых пошлин. Прямые налоги, например поземельный, существовали и в ранней империи, но их удельный вес в общей сумме государственных доходов был сравнительно невелик.

С упадком торговли, с обесцениванием денег косвенные налоги теряют свое значение. На первое место выдвигаются прямые налоги — поземельный и подушный. Была проведена перепись населения империи, и все, за исключением жителей города Рима и приписанной к нему округа, были обложены прямыми налогами: сельское население — поземельно-подушным (при обложении учитывалось количество и качество земли и число работников на ней); горожане, не имевшие земельных владений,— подушным. В соответствии с хозяйственным состоянием империи взимание налогов было установлено в основном в натуральной форме. За поступление налогов с городов и городских земель отвечали городские советы — курии. Это привело к тому, что муниципии превратились из организаций свободных граждан в органы эксплуатации их государством. Сельские общины попали в подобное положение еще раньше. Близился конец древности с присущими ей

общинами свободных граждан. За поступление налогов с сельского населения, проживавшего на экзимирированных территориях, отвечали земельные магнаты, что вело к усилению зависимости от них крестьян, способствовало закреплению колонов.

После 20 лет правления Диоклетиан отказался от власти и удалился на покой. Между его преемниками началась борьба за единоличную власть.

Константин (306—337), сын Констанция Хлора, истребил или пережил всех остальных претендентов на власть, уничтожил тетрархию и стал единоличным правителем Римской империи. Доминат оформился при нем в самом полном виде. Константин во многом продолжал политику Диоклетиана, но в некоторых отношениях порвал со своим предшественником. Особенно резко различалась их религиозная политика: Диоклетиан жестоко боролся с христианством, а Константин признал его государственной религией (Впоследствии была пущена в ход легенда, будто бы перед одной из битв Константина с соперниками он видел во сне Христа со знаменем, на котором были изображены крест и надпись «сим победить». Конъюнктурный характер сделки с христианством виден из того, что Константин, хотя ему и случалось председательствовать на церковном соборе, принял крещение лишь перед смертью. Однако он позволил своей матери Елене поехать в Иерусалим, чтобы отыскать там мнимые остатки креста Иисуса.).

При Константине христианство фактически стало господствующей религией. В 325 г. церковный собор в малоазиатском городе Никее проходил с участием императора. Были сформулированы общеобязательные основы христианского вероучения. Языческие культы с этого времени начинают вытесняться, хотя официально они были запрещены лишь в самом конце IV в. Господствующая церковь стала называться христианской, апостольской, католической (всеобщей) и православной (т. е. единственно правильной).

Получив официальное признание, христианская церковь превращается из гонимой в сильную и богатую организацию. В ее руки стекаются дарения императоров и магнатов, дарения по завещаниям, платежи за церковные службы, доходы от эксплуатации рабов и колонов в церковных и монастырских хозяйствах. Церковь становится крупным землевладельцем и рабовладельцем. Создается целая иерархия церковных должностей во главе с архиепископами и епископами. Епископы крупнейших городов — Рима, Александрии, Константинополя, Иерусалима и Антиохии — возвысились над прочими и приняли титул патриарха. Римский и александрийский патриархи назывались, кроме того, папами; потом этот титул удержался только за римским патриархом.

Высшее духовенство христианской церкви превратилось в союзника государственной власти и господствующего класса, прежде всего

земельных магнатов. В то же время социальная борьба часто стала принимать форму ересей, т. е. религиозных течений, несогласных с официальной церковью.

Император Юлиан Отступник (361—363) попытался восстановить язычество и порвал с христианством, за что и получил от христианской церкви свое прозвище. Он приказал отнять у христиан переданные им раньше языческие храмы и вернуть их жрецам. Были восстановлены жертвоприношения языческим богам, в которых принимал личное участие император. В жертву приносилось огромное количество животных, главным образом быков белой масти. Юлиан начал конфискацию земли у христианских общин и передачу ее городам, чтобы поддержать разоряющееся сословие куриалов — социальную опору Римской рабовладельческой империи. Христианам было запрещено занимать командные должности в армии и государственном управленческом аппарате, а также преподавать в школах. Последняя мера вызвала осуждение даже со стороны такого поклонника Юлиана, как историк Аммиан Марцеллин, который в целом одобрял попытку императора спасти гибнущую античную культуру. Юлиан был образованным человеком и талантливым писателем. В своих сочинениях он справедливо критиковал христианское духовенство за аморальное поведение, стяжательство и властолюбие. Он не просто решил снова ввести римскую общинную религию в ее прежнем виде, что было явно невозможно, но попытался наполнить ее философским и этическим содержанием и противопоставить христианству в некоем обновленном виде. Попытка оказалась искусственной и неудачной; и в целом политика Юлиана, направленная на восстановление античных городов с их языческой культурой и на поворот вспять развития римского общества, не могла не кончиться провалом. Гибель Юлиана во время войны с Ираном положила конец реставрации язычества. Христианская церковь полностью восстановила свои позиции и продолжала укрепляться в дальнейшем. Христианство больше соответствовало историческим условиям поздней Римской мировой империи, нежели любые общинные (полисные) религии.

Константин перенес столицу из Италии на Восток. Это было вызвано тем, что в IV в. западная половина империи пришла в экономический упадок; хозяйство же восточных провинций оставалось на более высоком уровне. Экономический центр империи переместился на Восток, поэтому Рим утратил значение и политического центра. Кроме того, навсегда покидая Рим, Константин подчеркивал разрыв со старыми политическими традициями и окончательное утверждение домината — деспотической власти императора. Новой столицей Римской империи с 330 г. стал древний греческий город Византии, расположенный на европейском берегу пролива Босфор между Эгейским и Черным морями. Византии был переименован в Константинополь, т. е. город Константина (ныне Стамбул). Место для столицы было выбрано удачно: город расположен на перекрестке военных и торговых (морских и сухопутных) дорог, он имел выгодное

стратегическое положение, занимая возвышенность, обращенную одной стороной к бухте Золотой Рог. В новой столице велось большое строительство. Среди прочих сооружений Константин строил здесь и христианские церкви, и языческие храмы.

Уничтожив тетрархию, Константин сохранил, однако, для удобства управления деление Римской империи на четыре части. Эти части стали называться префектурами; возглавлявшие их чиновники, префекты, подчинялись непосредственно императору.

В IV в. оформились сословия колонов, ремесленников, солдат, куриалов, причем проявилась тенденция к закреплению их законодательным путем для обеспечения сельского хозяйства и ремесла рабочей силой, армии — солдатами, государства — налогами.

В 332 г. указом Константина были прикреплены к земле колоны: их лишили права перехода из одного имения в другое. Беглых колонов предписывалось заковывать в кандалы, обращать в рабство и возвращать на прежние места. Позже законы о прикреплении колонов неоднократно подтверждались, что свидетельствует о распространенности бегства колонов. Эдикт императоров Аркадия и Гонория (конец IV или начало V в.) называет колонов «рабами земли» и разрешает продавать их вместе с имениями.

Ремесленники, занятые в государственных мастерских, были прикреплены к своему ремеслу; рескрипт Аркадия и Гонория от 398 г. предписывал даже клеймить этих работников, «чтобы было легче их найти, если они скроются». Самостоятельно хозяйствующие ремесленники, вынужденные в силу экономической необходимости объединяться по профессиям (сколько профессий в данном городе, столько и корпораций, или коллегий), были прикреплены к коллегиям: записавшись в число ремесленников какой-нибудь профессии, человек уже не мог без разрешения властей бросить свое ремесло. Коллегия в целом отвечала за сбор налогов со своих членов.

В IV в. Константин и его преемники издали ряд указов о закреплении сословия куриалов — городских землевладельцев, из которых состояли городские советы — курии. Им запрещалось покидать город, и были ограничены их права на продажу имений. Принадлежность к сословию куриалов стала наследственной. Важнейшей государственной повинностью этого сословия была ответственность за сбор налогов с городского населения и с сельских жителей, приписанных к городу. Почетная ранее принадлежность к сословию куриалов (в III в. оно называлось сословием декурионов) превратилась для большинства из них в тяжкое бремя.

Согласно рескрипту Константина от 326 г. сыновья ветеранов должны были или стать куриалами или идти на военную службу. Значительная часть римской армии состояла из рекрутов, набираемых

из сельского населения (колонов и др.); рекрутам ставили клеймо на руку.

Рабы не исчезли, производительность их труда оставалась прежней, но выяснилось окончательно, что эксплуатация работников, хозяйствующих самостоятельно, экономичнее, а наличные средства насилия уже вполне позволяли осуществлять такую эксплуатацию; поэтому рабы были низведены до вспомогательной роли в производстве. Это отнюдь не облегчало их положения. Напротив, именно со времени Константина законодательным путем ужесточается обращение с рабами. Указ Константина от 319 г. освободил господина от ответственности за убийство раба, если смерть последнего наступила от бичевания розгами или плетью или заключения в оковы. Запрещалось лишь преднамеренно убивать рабов дубинкой, камнем, оружием, повешением, сбрасыванием с высоты, растерзанием дикими зверями, огнем, отравлением. Приведенный в эдикте перечень запрещенных способов убийства рабов красноречиво свидетельствует о фактически происходивших расправах с ними.

Разложение древнего общества в Римской империи IV—V вв. проявлялось в дальнейшем распаде полисной формы земельной собственности и в укреплении крупной частной земельной собственности, независимой от городов, в сокращении земельных фондов городов, в ослаблении связи между гражданином и полисом. Упадок городов в поздней Римской империи был неразрывно связан с далеко зашедшим процессом социально-экономического расслоения городских землевладельцев. Верхушка куриалов захватывает господствующее положение в городе, обогащается за счет городских доходов, а всю ответственность за сбор государственных налогов возлагает на массу рядовых куриалов — средних и мелких землевладельцев, хозяйства которых приходят в упадок. Куриалы разоряются и бегут из родных городов или стремятся перейти в другие сословия: стараются продать свои имения, поступить на военную или гражданскую государственную службу, становятся колонами магнатов, женятся на рабынях, отправляют своих сыновей учиться в другие города, чтобы они уже не возвращались в свой город. В IV—V вв. куриалы отвечали за сбор налогов уже не только своим имуществом, но и личностью. За недоимки их подвергают конфискации имущества (вследствие чего тает городской земельный фонд), заключению в тюрьму и публичным позорным наказаниям, например бичеванию на городской площади с напяленным на голову шутовским колпаком. Учащаются выступления городского плебса против тяжелых налогов, происходят голодные бунты люмпен-пролетариата. Приходит в упадок городское благоустройство. Сокращается городское население. Однако все эти явления были выражены неравномерно в разных городах империи. В восточных провинциях упадок городов был слабее, чем на Западе, потому что на Востоке было меньше распространено классическое рабовладение, а следовательно, и кризис рабства ощущался несколько слабее.

Мелкие города повсюду в империи переживали более сильный упадок, нежели крупные, так как последние могли успешнее противостоять натиску магнатов. С упадком мелких городов в IV—V вв. некоторые крупные города переживают даже временный подъем, связанный с концентрацией в них ремесла и торговли. Например, в одном из крупнейших городов римского Востока — Антиохии на Оронте, по свидетельству ритора Либания, в IV в. сосредоточивалась оживленная торговля, велось обширное строительство; в то же время многие мелкие города Сирии превращались в села и вместе со своими землями поглощались крупными экзимирированными владениями. Как показал Г. Л. Курбатов, в IV—V вв. рост крупных городов в восточных (ранневизантийских) провинциях происходил не за счет общего подъема торгово-ремесленной деятельности, а преимущественно за счет упадка множества мелких городов, которые попадали в зависимость от крупных: именно в них сосредоточивалась провинциальная администрация и землевладельческая знать и сюда прилиvalo торгово-ремесленное население из городков маленьких. В столицах провинций сооружают дворцы правителей, здания гражданских и военных учреждений, государственные склады и мастерские, отстраивают церковные центры, возводят военные укрепления, а также ведется частное строительство — вырастают богатые особняки и дворцы городской знати.

Новые военно-административные и церковные центры создаются в значительной степени на месте старых общественных центров городов; для их сооружения нередко разбирают общественные постройки. Строительство в крупных городах ведется в большой степени за счет бюджета мелких городов; из последних вывозят строительные материалы, часто разрушая для этого городские здания. В больших городах размещаются постоянные гарнизоны, так как с упадком полисной организации функция поддержания общественного порядка все в большей степени возлагается на государство.

В связи с натурализацией экономики в поздней Римской империи государство было вынуждено переходить к самообеспечению ремесленными изделиями, прежде всего с целью снабжения армии. В крупных городах в начале IV в. было основано много больших императорских ремесленных мастерских, в которых трудились прикрепленные к ним работники, а также рабы.

В городском ремесле в III—V вв., по-видимому, преобладал труд свободных мелких производителей, объединенных в коллегии. Хотя некоторые ремесленники и держали по несколько рабов, а также еще встречались частные ремесленные мастерские, основанные на рабском труде, в целом происходило вытеснение рабов из производства.

В римской Африке в период с конца III по начало V в. продолжался повсеместный рост городов. Однако в отличие от ранней империи теперь строительство и благоустройство, организация зрелищ и

поддержание образования в городах осуществлялись главным образом не за счет городской казны, а на средства частных лиц из среды богатейших городских землевладельцев. В IV в. города продолжали здесь играть важную роль как очаги товарно-денежных отношений, где, в частности, заключались многие торговые сделки по сбыту сельскохозяйственных продуктов, например хлеба и оливкового масла, крупным поставщиком которых оставалась Северная Африка. Социально-экономической основой североафриканских городов и в период поздней древности оставалось землевладение, а не торгово-ремесленное предпринимательство.

Ведущим типом землевладения в IV—V вв. стали крупные имения, изъятые из ведения городов и зависимые лишь от государства. В имениях магнатов развивалась многоотраслевая экономика, существовали местные рынки, постоянные лавки, сооружались храмы, бани. Все это способствовало тому, что они становились центрами притяжения для окрестного сельского населения. Вблизи усадьбы магната располагались поселения колонов, а сама усадьба укреплялась, превращаясь в крепость, где сосредоточивались хозяйственные склады, администрация (видимо, обычно состоявшая из рабов), военная сила, тюрьма. Владельцы крупных сальтусов представляли перед государством население своих земель: собирали и поставляли государству земельную подать — аннону и рекрутов.

В период поздней империи землевладение магнатов растет за счет скупки имений разоряющихся городских землевладельцев, скупки или захвата земель из общественного фонда городов и свободных сельских общин.

Крупное сенаторское землевладение было привилегированным — свободным от муниципальных повинностей, от изнурительных отработочных повинностей (строительной, извозной, военных постоев), от чрезвычайных поборов. Это привлекало в поместья магнатов держателей наделов из имений городских землевладельцев. Рабы и колоны муниципальных владельцев бегут в имения магнатов или отдаются под их покровительство.

В IV—V вв. распространился патроциний, или патронат («отцовское покровительство»). В законе 395 г. говорилось, что крестьяне с помощью патроната «сопротивляются государственным повинностям». Спасаясь от задолженности по податям и повинностям, от притеснения государственных чиновников, от военных погромов в ходе варварских нашествий, под покровительство «сильных» людей — военачальников, сенаторов-магнатов — отдавались отдельные крестьяне, ремесленники, куриалы, целые села и даже города. Отдавшиеся под покровительство уплачивали патрону лишь часть того, что ранее им приходилось отдавать государству или муниципальному землевладельцу. Переход свободных сельских общин под патронат не всегда был добровольным, порой магнаты принуждали их к этому силой. Отдача свободных сельских общин под покровительство

могущественных частных лиц была особенно распространена в восточных провинциях. Патронат приводил к постепенной утрате крестьянами земельной собственности и личной свободы, к превращению их в колонов патрона.

В сельском хозяйстве в IV—V вв. продолжалось вытеснение рабского труда из производства и замена его трудом разного рода зависимых держателей мелких наделов. Все более сближалось положение зависимых земледельцев разных категорий — колонов, рабов на пекулии, поселенцев-варваров и др. При этом положение свободных земледельцев ухудшалось: колоны не только были прикреплены к земле, но и ограничены в распоряжении своей собственностью — указом императоров Валентиниана и Валента 365 г. колонам запрещалось отчуждать что-либо из своего имущества без ведома господина (владельца имения). Колоны фактически перестают рассматриваться как свободные граждане государства, а превращаются в подданных тех магнатов, на земле которых они держат наделы. В то же время рабы с пекулием ведут свои мелкие хозяйства на тех же условиях, что и колоны; живут в деревнях вперемешку с колонами; магнаты выставляют в качестве рекрутов как колонов, так и рабов.

Центры экономической жизни империи постепенно смещались из городов и связанных с ними рабовладельческих вилл в крупные сальтусы, основанные на рабочей силе протофеодального типа. Рост крупного землевладения в сочетании с мелким производством и эксплуатацией зависимых мелких держателей, обязанных натуральными платежами и отработками, вел к натурализации экономики, к свертыванию товарно-денежных отношений. Об этом свидетельствует, например, трактат итальянского землевладельца IV в. Палладия. В отличие от итальянских агрономов поздней республики и ранней империи, придававших большое значение близости имения к рынку, где можно было бы продать производимую продукцию и в то же время закупить необходимые товары, Палладий настойчиво советует владельцу имения обеспечить хозяйство ремесленниками разных специальностей, чтобы можно было обойтись без городского рынка. Сельскохозяйственных работников имения он называет *rustici*, как в эпоху империи обозначали колонов. Поместная администрация, судя по Палладию, состояла из рабов; вероятно, и занятые в имении ремесленники и квалифицированные сельскохозяйственные работники, например садовники, нередко являлись рабами. Основной же рабочей силой, занятой земледелием в описанном Палладием поместье, были, очевидно, колоны, состоявшие из посаженных на землю рабов, вольноотпущенников и свободных арендаторов.

Еще одним новым явлением IV—V вв. был рост церковного землевладения после признания христианства римским государством. Епископское и монастырское землевладение было самым привилегированным: оно не облагалось никакими государственными налогами, а население церковных земель подлежало лишь

юрисдикции церкви. Таким образом, церковное землевладение более, чем крупное светское (сенаторское), приближалось по своему характеру к феодальному землевладению. Будучи особо привилегированным землевладельцем, церковь могла создавать для своих колонов наиболее благоприятные условия держания земельных наделов. Правда, чтобы сохранять влияние на массы верующих, церковь должна была уделять часть своих доходов на раздачу бедным. Таким образом, она взяла на себя частично обязанности муниципальных властей по оказанию помощи бедноте. Церковная благотворительность не ограничивалась сословными рамками. Тут следует отметить, что в период поздней древности сословные различия начали стираться и при городских раздачах: например, в праздники раздавались угощения детям бедняков как свободных, так и рабов. В IV—V вв. церкви нередко приходилось отстаивать свои владения от посягательств со стороны отдельных светских магнатов, поэтому для укрепления своих экономических позиций она нуждалась в союзе с императорской властью.

В последние два века существования Римской империи в ней возросла роль сельских общин — не только свободных сельских общин там, где они еще сохранились, например в дунайских провинциях и в Северной Галии, но и общин зависимых крестьян-колонов, сидевших на чужой земле — частновладельческой, императорской, городской. Процесс возрождения сельской общины был связан с нуждой мелких земледельцев во взаимопомощи. По мере того как колоны становились основной категорией производителей в сельском хозяйстве, сельская община становилась исторической необходимостью. Община этого периода была явлением уже нового качества, поскольку объединяла не свободных граждан, а зависимых (по существу, уже феодально-зависимых) крестьян.

В поздней Римской империи сосуществовали два уклада: рабовладельческий, представленный в городах, и феодальный, представленный экзимирированными сальтусами с колонами и сельскими общинами. Эти уклады взаимодействовали, причем рабовладельческий уклад позволял завести в сальтусах большой штат рабов-ремесленников и администраторов, что делало сальтус автаркичным; в сальтусах возникали также и сельские общины. Когда этот уклад (сальтусы и общины) стал господствующим, преобладающей формой эксплуатации стала эксплуатация непосредственных производителей, владеющих собственными средствами производства, характерная и для стадияльно близких стран Востока. Отсюда распространенный тезис об «ориентализации» империи, который надо понимать прежде всего в социально-экономическом смысле. В конце древности греко-римское («античное») общество приобретает структуру, сходную со структурой других обществ на той же стадии развития.

Процесс экономической и политической децентрализации, предвосхищающей феодальную раздробленность, особенно резко был

выражен в западных провинциях, где частная земельная собственность была развита сильнее, чем в восточных провинциях с их более многочисленными и богатыми городами и крупным императорским землевладением. Это, по-видимому, способствовало завоеванию западной половины Римской империи варварскими племенами в V в.

Литература:

Неронова В.Д. Поздняя Римская Империя (III-V вв.)./История Древнего мира. Упадок древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.221-239

Лекция 12: Идеология поздней Римской Империи.

Философские учения Поздней Империи.

С конца II в. борьба между обреченным античным укладом и феодализирующимся неантичным укладом составляла основу кризиса империи. Решающее влияние оказала она и на судьбу римской культуры.

Крупным философом-стоиком был император Марк Аврелий, но на его произведении «К самому себе» лежит печать вырождения стоицизма. Марк Аврелий, как Сенека и Эпиктет, исходил из общности всего существующего, проникнутого одной материей, душой, разумом, единым логосом, ставшим множественностью в существующих предметах. Он подчеркивает разумность законов природы; все, что происходит, происходит ко благу целого, в результате сцепления причин, образующего необходимость. Человек должен поступать так, как подсказывает ему его ум, его «гений», и не тревожиться, глядя на других, которые поступают иначе. Для него достаточно исполнять свой долг, не желать невозможного, не быть ни рабом, ни тираном.

В то же время идея необходимости и внутренней неизменности мира при видимой его изменчивости переходит у Марка Аврелия в тягостное сознание тщетности какой бы то ни было деятельности. Есть только одна достойная задача: без гнева провести жизнь среди людей, творящих несправедливости, лжецов, столь отвратительных, что их с трудом можно выносить. Отчужденность человека, его бессилие перед необходимостью, по существу непознаваемой,— основное в философии Марка Аврелия. Его философия никакой ориентации для жизни и деятельности дать не могла. И не случайно, что в дальнейшем сколько-нибудь крупных произведений, написанных стоиками, не появлялось.

Вообще обстановка для философии, искавшей рационального обоснования мировой гармонии и апеллировавшей к разуму, складывалась неблагоприятная. В связи с общим ухудшением положения Римской империи усилился идеологический нажим сверху. Недоверие стали вызывать не только сомневающиеся в правомерности апофеоза империи, но и мыслящие вообще. Императоры требовали постоянного восхваления того счастья, которое они принесли подданным. Руководство по составлению речей, написанное одним ритором III в., поучает: всякую обращенную к императору речь следует начинать с утверждения, что в его правление установился «золотой век». Любое несогласие с официальной позицией, в какой бы форме оно ни выступало, жестоко преследовалось.

Однако репрессии не могли предотвратить попыток найти ответ на вопрос, откуда же идет зло, попыток, стимулировавшихся вопиющим противоречием между официальной идеологией и реальной действительностью. Проблему соотношения единства и множественности, целей и задач жизни стоицизм решить уже не мог. Поиски пошли теперь по другим путям.

Один из таких путей был представлен возрожденной врачом Секстом Эмпириком школой скептиков. Секст Эмпирик отрицал, что какие-то идеи о боге, добродетели и т. п. даны человеку от природы. Ссылка на природу, к которой прибегают «догматики» (т. е. философские школы, претендующие на знание истины), никак не может быть неким изначальным критерием, служащим основой дальнейших рассуждений.

Особенно решительно Секст Эмпирик выступает против догматической этики, обучающей людей искусству жить. Само разнообразие этических систем показывает, что нет никакого критерия для суждения о том, что такое добро и зло, счастье и несчастье. В этике все исходные понятия субъективны, а значит, они не существуют или не познаваемы ни для чувств, ни для интеллекта. Если отказаться от суждений о добродетели и пороке, о добре и зле, то, конечно, тоже будешь страдать от холода, голода, разочарований, но по крайней мере не будешь испытывать дополнительные страдания от мысли, что все это зло «по природе», и не будешь мучиться попытками достичь того, что считаешь «по природе» благом. Руководствоваться же следует законами и обычаями того народа, того государства, в котором живешь. Если все верят в богов и приносят им жертвы, делай то же, не размышляя о природе богов. Если стоишь перед выбором между честным и бесчестным, руководствуйся обычаями предков. Одним словом, живи по нефилософским жизненным установлениям, деятельно и спокойно. Скепсис Секста Эмпирика — это призыв руководствоваться коллективной мудростью своего народа, отказаться от индивидуализма, несовместимого с античным самосознанием. Однако реальная обусловленность бытия граждан бытием общины по мере разложения античного полиса уже не могла восстановиться. Кроме того, жизнь была слишком тяжелой, чтобы принять ее без попыток найти какой-нибудь ответ на возникшие вопросы.

Разочарование в философии рационализма, возрождение скептицизма отодвигали разум на второй план. Первое место отводилось стоящему над разумом началу, рационально непознаваемому.

Наиболее характерными из подобных учений в конце III в. были герметизм и гностицизм. Первый получил свое название от имени отождествленного с египетским богом Тотом греческого бога Гермеса, носившего у герметистов эпитет «Трисмегист» («трижды величайший»). Последователи герметизма считали бога высшим

благом, основой мирового порядка и движения космоса. Бог не ум и истина, он выше их, но ему обязаны существованием и ум и истина. Он же создал человека, единственное способное познать бога существо, некогда пребывавшее в духовном мире, но затем соединившееся с материальной природой, вследствие чего человек стал двойствен: душа его бессмертна, тело смертно и подчинено господствующей в мире необходимости. Познавший бога и преодолевший желания тела — причину смерти — станет бессмертным, причастным богу, не познавший же своей небесной природы умрет. Земля — дом зла; судьбой человека управляют демоны, связанные с планетами, от которых люди получают свои свойства. После смерти души проходят сферы планет, постепенно очищаясь от телесных страстей и пороков, чтобы потом вселиться в новые тела. Душа, приобщившаяся к богу, уже на земле становится выше демонов и может повелевать ими.

Еще более отрицательно к материальному миру относился гностицизм. Это было весьма неоднородное учение, включающее различные школы (о нем речь еще пойдет ниже в связи с историей христианизации Римской империи). Системы гностиков, с которыми знакомили только посвященных, обычно содержали повествование о происхождении мира, устройстве космоса, перечень многочисленных сил, заполнявших промежуток между верховным благом богом и земным миром, сил, составлявших строгую иерархию, имевших определенные, обычно труднопроизносимые имена. Знание этих имен, а также различных формул и символов давало власть над демонами. Себя, как обладающих «абсолютным знанием» (гносисом), гностики считали «избранными» и противопоставляли погрязшим в делах этого мира людям «плоти».

Характерным для умонастроений, обеспечивавших популярность герметизму, гностицизму и подобным направлениям, было распространение идеи неизбежной гибели мира. Боги покинут людей, воцарятся нечестие и беззаконие, земля покроется трупами, моря и реки наполнятся кровью... Бог очистит состарившийся мир наводнениями, чумой, войнами. Так описывается будущая судьба мира в одном из герметических трактатов. Правда, он заканчивается пророчеством о возрождении благочестия и светлого начала, но оно менее ярко и детально, чем картина упадка и разрушения.

Во всех этих учениях основы античного мировоззрения оказались подорванными. Последняя попытка спасти черты этого мировоззрения была сделана философом Плотинем в середине III в. Его система легла в основу построений школы неоплатоников, она изложена в ряде посвященных различным вопросам трактатов, объединенных в так называемые «Эннеады».

Для Плотина мир един, но вместе с тем состоит как бы из двух сущностей, миров не отделенных, а взаимосвязанных: духовного, сверхчувственного, и телесного, являющегося лишь выражением

первого. В телесном, вечно меняющемся, возникающем и разрушающемся космосе нет истинного бытия; оно присуще лишь неизменному, истинному космосу. Его верховный принцип — некое единое благо, простое, бескачественное, не постигаемое разумом, которое заключает в себе все сущее, непрерывно творит мир исходящей из него силой, подобной исходящему от солнца свету. Наиболее близок к верховному благу ум, стоящий, однако, ниже его, так как ум, состоящий из мыслящего и мыслимого, уже не един, а двойствен. Следующую ступень занимает душа мира, которая благодаря присущей ей потенции, логосу, сообщает аморфной материи формы и качества, образующие все многообразие предметов и существ. По мере удаления от верховного блага излучаемый им свет тускнеет и совершенно гаснет в материи.

Материя сама по себе не зло, она лишь отсутствие блага, но, гася исходящую от верховного блага силу, она становится источником пороков и зла, свойственного телесному миру. Это зло не абсолютно, оно такая же неотъемлемая часть творимого по определенному плану космоса, как темные и светлые краски на картине. Для Плотина духовный мир не противостоит миру видимому, а проникает в него, присутствует в нем и в первую очередь в человеке. В самом себе, и только в самом себе человек должен искать путь приобщения к верховному благу.

В отличие от гностиков Плотин не только не отрицал «гражданские добродетели», но считал их необходимой ступенью для овладения высшими добродетелями, присущими истинному философу, способному, «поднявшись через тучи и грязь земного мира», созерцать истинный свет. Плотин с презрением говорит о тех, кто ропщет на судьбу, не желая ее улучшить. Если государством правят злые, замечает он, то в этом виноваты те, кто их терпит: незачем укорять богов в своих несчастьях, ведь боги помогают не тому воину, который молится, а тому, кто мужественно сражается.

Учение Плотина зиждется на нерассуждающем слиянии с той всепроникающей первоосновой, которая только и делает космос единым целым. Поставив над разумом нечто высшее, Плотин стремился преодолеть то отчуждение, которое бесплодная наука стоиков преодолеть не могла.

Но те коллективы, в первую очередь гражданские общины, в которых только и могло быть жизнеспособным мировоззрение античного человека, уже нельзя было спасти. Кроме того, система Плотина была слишком абстрактна, чтобы широко распространиться. В дальнейшем в неоплатонизме стали все больше преобладать элементы магии, демонологии, крайний пессимизм, пассивность — словом, все то, против чего, хотя и не вполне последовательно, боролся Плотин.

Ориентация на идеальный, противоположный земному мир, поиски обусловливаемого экстазом соединения с миром, взгляд на материю

как на источник зла сказались также на отношении к искусству. Если статуи императоров I—II вв. при некоторой идеализации все же отличались портретным сходством, передавали образы живых людей, то императорские статуи позднего времени — это колоссальные фигуры с застывшими лицами, страшные в своем нечеловеческом величии. Они подобны тем панегирикам, которые стало принято посвящать императорам: нагромождение вычурной лести, вымученное благоговение, маскирующие страх и, возможно, тайную ненависть. И в портретах частных лиц реализм постепенно сменяется идеализмом, эстетические теории Цицерона и Горация — теорией Плотина. Главным становится стремление создать некий обобщающий образ, передать некую внутреннюю идею, воплотить душу, для которой тело лишь временная враждебная оболочка. Так, в храмах раскопанного в сирийской пустыне города Дура-Европос в изображениях богов, жрецов, молящихся отброшено уже всякое подобие реализма. Застывшие, не связанные с движением тела складки одежды, схематичные фигуры, лишенные индивидуальности лица, на которых кажутся живыми только глубоко посаженные пронзительные глаза фанатиков.

Новые черты появляются и в образе положительного героя тех времен. В конце II — начале III в. ритор Филострат написал роман о некоем Аполлонии Тианском, философе-пифагорейце, жившем во второй половине I в. н. э. Целью Филострата было изображение идеального мудреца, примера для подражания, учителя, познавшего высокие истины. Аполлонии в романе много странствует, в Индии и Эфиопии он знакомится с учениями тамошних мудрецов. Вернувшись в империю, он ходит из города в город, поучая, как следует жить в мире, согласии и справедливости, чтить богов, и особенно Солнце — видимый образ творца и движущей силы космоса. Аполлонии совершает много чудесного: например, изгоняет демона чумы. Император Домициан заключает его в тюрьму, но Аполлонии чудесным образом спасается и помогает тем, кто боролся против этого тирана. Главное в образе Аполловия — боговдохновенная мудрость, проникновение в тайны мироздания, позволявшее ему подняться над земным.

Таков был конечный итог эволюции античного положительного героя: от гражданина, без рассуждений жертвовавшего всем ради величия своего города, через стоического философа, разумом познавшего правящую миром необходимость, свободно выполняющего свой долг на благо целого, до «боговдохновенного», чуждого земному мудреца.

Сокращенный вариант главы 4 из книги Е. М. Штаерман «Кризис античной культуры» (М., 1975)

Литература Поздней Империи.

Поздняя империя IV—V вв.—время зарождения латинской средневековой литературы. Старую культуру поддерживала школа, грамматическое и риторическое обучение. Через школу старая латынь, от которой живое языковое развитие уже отошло далеко, оставалась языком верхушки общества; христианские писатели III—V вв. пользуются теми же риторическими приемами, что и языческие; христианские поэты, писавшие на библейские и богословские сюжеты, формально подражают Вергилию и Горацию.

Задачу возрождения римской литературы ставил себе кружок аристократов, группировавшихся вокруг оратора Симмаха. Этот кружок противопоставлял традиции старой римской культуры христианству и «варварству»; ему мы обязаны сохранением выверенных текстов многих римских писателей и составлением комментариев к ним. Но собственное творчество консервативных кругов отличалось бесперспективностью. Пересказы старых авторов, вычурность, школьный педантизм, символично-аллегорическая фантастика — характерные признаки их литературных произведений.

Самый значительный поэт IV в.— Авсоний был преподавателем грамматики и риторики. Он оставил поэтическое описание плавания по рекам Мозелю и Рейну с зарисовками картин природы. В стихах Авсония получила разнообразное отражение жизнь галло-римского общества.

Разделение империи на восточную и западную в конце IV в. вернуло Италии утраченное было политическое значение. Вновь возникает придворная поэзия, прославляющая успехи Рима в борьбе с варварами. Самым талантливым представителем этого направления был Клавдиан, писавший и по-латыни и по-гречески. . Из прозаиков позднего времени наибольший интерес представляет Аммиан Марцеллин, последний крупный римский историк, продолжатель Тацита, горячий сторонник язычества и императора Юлиана Отступника (который и сам был не чужд литературе). Однако язык Аммиана Марцеллина, вычурный и трудный, невыгодно отличается от отточенного лаконизма Тацита.

В восточной части Римской империи наиболее интересным литературным жанром был роман. Он представлен такими произведениями, как «Дафнис и Хлоя» Лонга (II—III вв.), «Эфиопика» Гелиодора (III в.), «Левкиппа и Клитифонт» Ахилла Татия (II или III в.) и др. По сюжету все эти романы однотипны: случайная встреча и соединение героев, разлука, похищение разбойниками, мнимая гибель. Все эти несчастья не имеют внутреннего оправдания, они мотивированы лишь капризом судьбы. Ее удары герои переносят стойко; их влюбленность никогда не ослабевает. В какой-то момент этой неправдоподобной серии злоключений любящей паре наконец удается соединиться на всю жизнь.

Роман проник и в христианскую литературу. К нему близка христианская ареталогия (литература о чудесах), но существовал и христианский роман в собственном смысле слова. Таков роман о поисках святой Феклой апостола Павла и «Климентины» («Узнания»). Здесь ищут и находят друг друга не влюбленные, а отец, мать и их дети. Приключения их переплетаются с чудесами, которые творит апостол Павел, побеждающий Симона Мага, спутницей которого оказывается Елена Троянская. Повествование ведется от имени одного из главных действующих лиц — Климента, сына Фауста. «Климентины», переведенные на латынь, явились одним из источников немецкой «народной книги о докторе Фаусте» (историческом лице XVI в.), которая, в свою очередь, легла в основу разработок сюжета о Фаусте. На латынь были переведены и греческие романы, посвященные Троянской войне и деяниям Александра Македонского, роман об Аполлонии Тианском.

Это, однако, не было магистральным направлением в литературе. В ней, как и в остальных областях культурной жизни, античные традиции отступали перед христианством.

Однако ошибкой было бы полагать, будто античная культура выродилась потому, что ее «погубило христианство», или потому, что империя урезывала политическую свободу. Именно история раннего христианства показывает, что отсутствие политической свободы и репрессии не остановили идеологического движения, отвечавшего запросам народных масс. Античная культура стала клониться к упадку по мере того, как рабовладельческая формация исчерпывала возможности прогресса, а ее основные классы стали классами, уходящими в прошлое. Господствующая система ценностей стала приходить во все большее противоречие с действительностью, все меньше оставалось у нее сторонников. Протест народных масс против идеологического нажима, попыток насильно заставить верить тому, чему уже не верили добровольно, привел к окончательному расколу старой системы ценностей и появлению новой, определившей новую цель, новый смысл жизни. Христианство, даже противопоставляя себя современной ему культуре, многое из нее заимствовало. Но впитанные им элементы античного мышления, включенные в отличавшуюся от античной систему миропонимания, получили иной смысл, иную функцию.

Павлинизм и дорога христианства в Рим.

Вернемся к маленькой христианской секте, сложившейся в I в. н. э. (см. лекцию 5). Если судить по трем первым «синоптическим» евангелиям, ее основатель Иисус учил религии аскетического бескорыстия, прощения грехов, готовности к самопожертвованию; он говорил о близости царства божьего на земле, когда будут отвергнуты те, кто придерживался формальной праведности, но будут приняты поверившие в «истинное учение» и действовавшие в согласии с ним. Он считал себя обладавшим особой благодатью, исходящей от духа

святого,— благодатью обетованного пророками мессии. Он считал себя Сыном Божиим в высшем смысле — но и другие подлинные приверженцы истинного учения были для него сыновьями божьими. Он считал возможной и даже вероятной свою гибель и готов был пожертвовать собой, но не терял надежды на чудесное избавление.

Для первых христиан, признавших в Иисусе ожидаемого мессию (по-гречески Христа), необходимо было найти ответ на вопрос: как могло случиться, что мессия умер от руки своих врагов, так и не создав царства правды на земле? Ответ для них заключался в том, что земная жизнь Иисуса была лишь его первым пришествием; он воскрес, явился ученикам, а затем вознесся на небеса и обретается там во славе, ожидая часа, чтобы явиться снова и сделать свою победу над миром зримой.

Второго пришествия Христа ждали совсем скоро, еще при жизни первого поколения последователей Иисуса. Казалось бы, маленькая группа христиан, остававшаяся на почве иудейства и этим ограниченная в своих попытках обратиться с проповедью к другим народам, должна была впасть в отчаяние, убедившись, что новое триумфальное явление Иисуса медлит осуществиться, и затем быстро исчезнуть со сцены, как исчезали все палестинские эсхатологические секты после неудачи Иудейской войны против Рима. Однако этого не произошло.

Действительно, первые христиане продолжали считать себя иудеями, притом наиболее «истинными» иудеями: они сохраняли обряд обрезания как вещественный знак «Завета» (и отказались от него позже лишь после длительных и серьезных споров), они справляли субботу и все иудейские годовичные праздники, они ходили молиться в Иерусалимский храм, признавая его единственно законным. Хотя некоторое число неиудеев примкнуло к христианской общине, по-видимому, уже с самого начала, однако широкая проповедь нового учения среди римских подданных из других народностей началась тогда, когда ее инициатором выступил ученый иудей Саул (Савл) из малоазиатского города Тарса.

Как повествуют «Деяния апостолов» (традиция считает автором этого сочинения евангелиста Луку), Саул никогда не сталкивался с Иисусом и его учениками и первоначально был убежденным противником христианства, ревностным его гонителем во имя иудейской ортодоксии. Внезапный духовный перелом, вызванный, согласно легенде, особым видением, привел его в ряды христиан. Называясь отныне своим римским именем «Павел» (принадлежавшим ему как потомственному римскому гражданину), он начал проповедовать христианство в Антиохии, в различных городах Малой Азии и Греции. Он строил не на пустом месте: население империи было не удовлетворено существующей идеологией, создававшей только безнадежность, и потому было готово к восприятию новых чаяний. Первую опору Павел искал — и часто находил — в традициях

иудейской проповеди среди язычников. Число иудействующих прозелитов (новообращенных) было довольно значительно во многих городах восточной части империи. Однако среди жадно внимавших Павлу были не только иудействующие, но и представители иных религиозных групп Восточного Средиземноморья; вместе с тем среди иудействующих оставалось немало стойких ортодоксов, не принимавших нового учения.

Вызванный в Иерусалим главами первоначальной общины Иаковом, братом Иисуса, и Петром, Павел сумел убедить их в правомочности своей миссии. По преданию, было решено, что Петр и другие апостолы оставались «столпами» иудео-христианской церкви в Иерусалиме, а Павел был признан «апостолом язычников». Пути проповедника в конце концов привели его в Рим (при императоре Нероне).

Именно Павлу (наряду с автором четвертого евангелия — от Иоанна) принадлежит особая роль в подготовке позднейшей разработки и систематизации догм и религиозно-этических положений христианства. Иудейский идеал «Закона», т. е. всеохватывающей системы заповедей и запретов, через точное соблюдение которых, как предполагалось, человек мог оправдать себя перед богом, Павла не удовлетворяет. С его точки зрения, «Закон», будучи богоданным и исторически необходимым, сам по себе может лишь «умножить грех»: через него «весь мир становится виновен перед богом». Абсолютный масштаб бога приводит к нулю любые накопления человеческих добрых дел. Человек может надеяться только на божье прощение, открывающее ему выход из внешней принудительности «Закона» в мир «свободы», которая характеризуется следующим комплексом понятий: «благодать» — воздействие бога на человеческую волю, выводящую ее из инерции зла, «духовность» — мистическое «познание» («дух все испытует, даже глубины божьи»), наконец, «вера, надежда, любовь». Единственная цена, которой может быть оплачено прощение всех людей,— это добровольное страдание абсолютно невинного Иисуса Христа, «во плоти которого обитала вся полнота божества». Смерть такого мессии—не поражение его дела, но победа над смертью, после которой смерть — уже не смерть. Верующий, по мысли Павла, уже в этой жизни живет как бы по ту сторону смерти; обряд погружения в воду («крещения»), которым сопровождалось вступление в христианскую общину, толкуется — как символ сопричастности к мученической смерти Христа и его воскресению: «Все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть его крестились». Спасает именно акт веры как принятие прощения от бога через смерть Христа; добрые дела естественно следуют из веры, но не являются средством спасения. Акт веры возможен для всех людей, независимо от их этнической принадлежности, а также от соблюдения внешних знаков иудейского «Завета»: «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем—Христос» («Послание к колоссянам», гл. 3, ст. 11). Этот тезис проложил христианству дорогу к завоеванию душ всего населения Римской империи. Теперь стало возможным и усвоение,

христианством важнейших идей мистики и идеалистической философии поздней греко-римской древности.

Между тем в связи с событиями I Иудейской войны (когда христиане не примкнули к восставшим иудеям) и с возрастанием враждебности иудейских ортодоксальных кругов к «отщепенцам» иудео-христианская община I в. испытала упадок. По преданию, и апостол Петр, «апостол обрезания», в конце концов прибыл в Рим и возглавил тамошнюю христианскую общину; впоследствии он, как и Павел, погиб от руки римских властей.

Почва для воспитания христианства в Империи.

Римская империя была готова принять новое учение. Империя распространялась на всю «ойкумену» Средиземноморья, ее границы совпадали с культурным горизонтом средиземноморского человека. Это был долговечный и всеохватывающий режим; но эта государственность не приносила никому, даже господствующему классу, настоящей радости и бодрости. Весьма существенно при этом то обстоятельство, что империя проводила не только последовательное умерщвление духа средиземноморских гражданственно-полисных форм государства и культуры, но и столь же последовательную консервацию этих отживших форм. Греко-римская цивилизация, отрешенная от конкретного чувства родины и античной свободы, становилась из средоточия гуманистических ценностей настоящей ловушкой на пути человечества. Те же императоры, само существование которых предполагало, что в Средиземноморье не осталось ни одной вольной городской республики, усердно покровительствовали более или менее паразитарным «эллинским» полисам, выраставшим со своими неперменными театрами, гимнасиями и статуями на чужой им земле. Языческие празднества, когда-то дававшие свободной гражданской жизни смысловое оформление, превратились в демонстрацию верноподданнической лояльности, в государственную необходимость. Еще во времена Нерона или Домициана философов казнят и ссылают, и философия, претерпевая крайнее опрощение и огрубение, сохраняет связь с жизнью и власть над умами. При Марке Аврелии афинские школы субсидируются из римской казны, и ученость немедленно теряет всякий реальный авторитет.

Духовная жизнь верхов была отравлена безнадежностью. Настроение подавляемой и эксплуатируемой части общества правильнее назвать отчаянием. Чтобы объяснить это отчаяние, легко указать на ряд конкретных и осязаемых причин: тяготы налогового гнета, низкий жизненный уровень масс, произвол цезарей в центре, наместников и солдатни на периферии. Однако, как показывает приведенное перечисление, эти «факторы отчаяния» по большей части не были новыми и ощущались не острее, а порой даже глуше, чем раньше. Например, положение раба при империи, по всей видимости, было благополучнее, чем во времена республики;

произвол рабовладельцев ограничивается и обуздывается довольно действенными законами. Так же ограничен был и произвол наместников: времена Верреса прошли, провинции стали частью мировой державы, на них уже никто не смотрел как на военную добычу римского сената и римского народа. Насилие не стало грубее и злее, но, пожалуй, приобрело более тонкий и всеохватывающий характер, так что исчезла надежда от него избавиться. В хаосе эллинистической политики Маккавеи могли выиграть рискованную игру против Антиоха IV Эпифана, но римляне установили вместо хаоса порядок, и троекратные попытки иудеев повторить дерзание Маккавейских войн с железной закономерностью кончались провалом.

В период расцвета античной цивилизации подчеркивали, что у господина и раба нет ничего общего — ни моральной природы, ни патриотических отечественных культов. Теперь рабу (и вообще угнетенному) словом и делом внушают, что его всё соединяет с господином (и вообще угнетателем): например, он может есть объедки со стола господина и тем самым быть его «сотрапезником». Рабы не только допущены к религиозным празднествам, но и принуждаемы к ним: когда в 250 г. н. э. император Деций объявил «день империи» и все его подданные обязывались принести жертвы ее богам за «восстановителя империи», во славу наступления «нового века», в это официальное мероприятие включалась под страхом кар и рабская часть населения.

На открытую бесчеловечность старого рабовладения естественно было ответить открытым мятежом, мечом и огнем, местью господину и разграблением его дома, после чего оставалось лишь искать смерти в бою, чтобы спастись от смерти на кресте. На фальшивую человечность нового рабовладельца естественно было ответить иначе. Шумный мятеж сменяется «тихим», но поворотным уходом от господских богов и господских духовных ценностей. Насилию противопоставляли насилие, но продуманной доктрине Сенеки о добровольном подчинении раба духовному превосходству господина можно было противопоставить только новую постановку вопроса о духовном превосходстве. Пока раб завидует богатым и знатым, авторитет богатства и знатности остается непоколебимым. Когда раб, будь то раб-философ Эпиктет, создавший на базе стоицизма философию морального сопротивления, или раб-христианин, отваживается соболезновать богатым и знатым и скорбеть об их духовном помрачении,— с авторитетом богатства и знатности покончено, по крайней мере внутри сознания индивида. Если обездоленный человек по долгу философского (как в стоицизме) или религиозного (как в христианстве) воздержания налагает на себя пост, ему больше не нужны милостиво предлагаемые остатки господского пира. Если он отыскал для себя некий безусловный авторитет и ценой жертв, делающих его веру реальной, соотносит с этим авторитетом свою жизнь, его больше нельзя запугать чужими авторитетами рабовладельческой государственности, культуры, морали. Даже его

внешнее послушание приобретает новый смысл: он подчиняется, чтобы тем самым стать выше тех, кому он подчиняется.

Философские и этические учения греко-римского мира не сумели создать концепции, которая внушила бы надежду людям. Даже стоицизм провозглашал лишь, что награда добродетели — в самой добродетели. Но зато эти учения разрушали старые идеологии и тем самым готовили почву для новой.

В Египте римских времен распространенной формой социального протеста был так называемый анахоресис — самовольный уход работника и налогоплательщика с места работы и жительства (в III в. непосредственно перешедший, в раннее монашеское движение). Проблема состояла в том, чтобы отыскать формы ухода из чужой системы ценностей. Старые полисные и этнические боги язычества «жили... лишь до тех пор, пока существовала создавшая их нация, и падали вместе с ее гибелью»(Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21, с. 313.). Из всех языческих культов самым бессмысленным был навязываемый рабовладельческим государством культ императора. Он не мог быть спасением, необходимо было отыскать какого-то нового «господина» и «спасителя», чтобы уйти к нему. Но поиски удовлетворяющего человека учения и авторитета были не единственной проблемой времени. Нивелирующая сила императорского режима разрушила или фальсифицировала все патриархально-этнические и гражданственно-полисные связи между людьми и тем самым разобщила их. Живая теплота товарищества сохранилась лишь в «коллегиях» простого люда, но этим коллегиям, сосредоточенным на узкогрупповых интересах, не было никакого дела друг до друга. «Где же был выход, где было спасение для поработенных, угнетенных и впадших в нищету — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? И все же найти такой выход было необходимо для того, чтобы все они оказались охваченными единым великим революционным движением»(Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства,— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 483.).

На болезненные вопросы общественной жизни Римской империи христианство предлагало свой ответ, который показался многим удовлетворяющим их духовные потребности. Христианство впитало традиции мировоззрения, фиксированного в библейском каноне и непрерывно актуализируемого в апокалиптической словесности (в «откровениях» о «последних временах»), а затем в евангелиях. Это мировоззрение как в его ветхозаветной, так и особенно в новозаветной форме было с исключительной остротой ориентировано не столько на осмысление природы, сколько на осмысление истории, понятой не как круговращение циклов, но как выход к абсолютному будущему. Для Библии мировой процесс представлял собой личностный диалог бога и его творений, в котором есть место

яростному гневу творца и яростному протесту творения, но нет места безличной судьбе.

Надо подчеркнуть, что библейское мировоззрение сосредоточивалось на социально-нравственной проблематике. Например, книжник, приверженец Библии, как правило, не знал простейших сведений эллинистической науки об устройстве мироздания; зато он знал с такой безусловностью, какой не доставало философствующим моралистам, что кровавые «игры» гладиаторов совершенно недопустимы — не мрачны и грубы, как для философа Демонакта, не вульгарны и скучны, как для императора Марка Аврелия, даже не только теоретически предосудительны, как для приближенного Нерона — Сенеки, а именно недопустимы — они «мерзость перед господом». Понятие о добре и зле, ставшее для греков и римлян с падением полисных устоев чем-то очень зыбким и расплывчатым, темой для необязательного теоретизирования и безответственных дискуссий, в библейском мировоззрении соотносилось с абсолютным авторитетом единого бога и при всей ограниченности сохраняло определенность, непреложность, неуступчивость. Быт эссея и других подобных «сотовариществ», а затем и раннехристианских общин оставался более здоровым и чистым, чем в обступавшем эти общины языческом мире: только здесь, например, находилось под действенным запретом выбрасывание «лишних» новорожденных, вполне обычное для быта греческого.

На Ближнем Востоке существовали прежде и создавались новые общины, где мораль взаимопомощи имела известную регулирующую силу. Не случайно такой страстный поборник языческих идеалов и противник идеалов библейских, как император Юлиан Отступник (361—363 гг. н. э.), восклицал: «Поистине позорно, что наши (т. е. язычники.— Ред.) от нас самих не получают никакой помощи, в то время как ни один иудей не просит подаяния, а нечестивые галилеяне (христиане.—Ред.) кормят не только своих, но и наших». Это очень характерное замечание. Философствующие моралисты могли, конечно, ставить расплывчатую идеологию «человеколюбия» под покровительство Зевса Ксения (Гостеприимна) или других древних богов, но это никого ни к чему не обязывало, поскольку никакой заповеди о помощи бедным, которая стояла бы наравне, скажем, с требованием чтить богов жертвами, греко-римское язычество не знало (В классических полисах прежде существовал обычай содержать неимущих граждан за счет полисного коллектива; в эллинистический и римский период раздачи производились и негражданам, постоянным жителям города, но это не было моральным обязательством помощи неимущим вообще.); и теперь, когда она была нужна, никакой авторитет не мог ее дать — просто потому, что в язычестве никогда не было настоящего «вселенского» авторитета в делах вероучения и морали. Между тем сначала сакральные тексты пророков, а затем евангелия, всенародно и в домашней тиши читавшиеся и толковавшиеся по требованию самой религиозной догмы, ставили

благотворительность выше культовых действий (по формуле пророка Осии: «Милости хочу, а не жертвы»). Поэтому бедные люди, вызывающие сострадание и нуждающиеся в сострадании, но и сами приученные жизнью к отзывчивости, оказываются «ближе к богу».

Ремесленные коллегии времен империи были организациями, где действовала реальная солидарность маленьких людей в их маленьких нуждах. В этом их быт был сходен с бытом раннехристианских общин. Но каждая отдельная коллегия жила только повседневными групповыми интересами своих членов; «вселенские» горизонты были ей чужды, а ее полурелигиозный характер никто не принимал всерьез. Одна из главных функций коллегий состояла в устройстве праздников, но даже праздники ее были будничны; они всего лишь обеспечивали место маленькому человеку в товарищеском кругу, но не давали ему места во вселенной, не осмыслили его бытие. Возникало застойное равновесие двух взаимообусловленных проявлений бездуховности: на одном полюсе — бесчеловечно-абстрактный универсализм империи, на другом — человечно-конкретная обыденщина профессиональной коллегии. В общинах, начавших складываться в восточных провинциях империи, жизнь тоже наполнялась будничной и осязаемой конкретностью малых дел, но не замыкалась на буднях, а была двояким образом разомкнута: «по вертикали» — в направлении к единому божеству, понимаемому как единственный источник мирового смысла; «по горизонтали» — в направлении всех остальных таких же общин, рассеянных по всей империи, но самой идеей своей объединенных во «вселенскую» систему солидарности. Маленький человек в огромном мире в сообществе (хотя бы теоретическом) со своими единоверцами решался принять на себя ответственность за судьбы мира.

В кризисную эпоху древних пророков и еще более напряженный и сложный период возникновения позднейших апокалиптических, а затем христианских течений эсхатологический оптимизм, перебрасывающий умозрительный мост от бедности настоящего к благополучию будущего, приобретает вполне сложившийся облик, с которым он и переходит к христианству. В этом отличие христианства от позднеязыческого мистицизма, оформившегося в неопифагорействе и неоплатонизме, который был философией выхода из истории. Верховный бог греков Зевс мыслился как господин настоящего: в прошлом были другие боги, а будущее принадлежит неизвестному сопернику, который в силу определения рока отнимет у Зевса власть. Библейский бог представлял господином прошлого и настоящего, но полностью, утверждали его приверженцы, его власть осуществится и слава воссияет лишь в будущем, с наступлением Судного дня.

Итак, христианство предлагало свой ответ на запросы эпохи. Почва для восприятия христианской религии, как мы видели, была готова по всей Римской империи — как оказалось, менее всего среди иудеев, которые в массе своей удовлетворялись обещаниями Ветхого завета и предпочитали признанию нового Мессии, претерпевшего муки и

унижения ради спасения человечества в ином мире, традиционное ожидание мессии, который грянет в царственности и восстановит их собственное государство как некое утопическое царство добра на земле.

По учению, проповедовавшемуся в «Евангелии от Иоанна», а также Павлом и другими апостолами, Иисус признавался уже не только мессией и сыном божьим (а ведь сам Иисус, судя по евангелиям, применял последнее выражение не только к себе, но вообще к праведным верующим) — он был самым Богом. Это положение диктовалось необходимостью охраны монотеизма — важнейшего, непреложного принципа из наследия Ветхого завета (Действительно, когда возникло сильное течение сторонников некоего Ария (в начале IV в.), которое утверждало, что Христос сотворен и называется богом только фигурально, то ариане были обвинены в отказе от единобожия.). Для обращаемых язычников никакой трудности в этом не было: греческие мифы полны эпизодами появления на земле божества в человеческом облике. Очевидно, легче всего новообращаемые усваивали именно веру в смерть и воскресение бога: хотя в этико-религиозном учении о жертвенной смерти и воскресении Христа не было ничего общего с культами плодородия, но из таких культов сама возможность для божества быть убитым и воскреснуть давно вошла во всеобщее сознание как нечто, само собой понятное.

Символика причастия и ритуального омовения тоже не была для языческого мира чем-то новым.

Фактически новообращенные греки и римляне воспринимали из иудейского Ветхого завета лишь некоторые, хотя и важные черты: монотеизм, который со временем принял своеобразную форму почитания божества, единого в трех лицах; понятие «завета» людей с богом; известное уважение к Ветхому завету, а особенно к пророкам, воспринимавшимся как провозвестники будущего пришествия Христа, и к псалмам как форме личного общения верующего с божеством; представление о грядущем царстве божьем на земле как «Новом Иерусалиме»; крепкую солидарность верующих; и некоторые обоснования для более далеко идущего христианского этического учения. Все остальное в христианстве, как оно воспринималось «язычниками», было по сравнению с библейской традицией новым и в то же время в большинстве черт казалось неискушенным людям знакомым (На самом деле и в знакомых мотивах имелись существенные различия. Хотя фольклористы и указывают на распространенность в мировой мифологии мотива рождения героя или божества от девы путем непорочного зачатия, такой миф в средиземноморском регионе в древности, по-видимому, не был известен. Представление о непорочном зачатии возникло у христиан самостоятельно; оно было связано с учением о безгрешности Христа — ибо, только не происходя от первочеловека Адама, он мог быть лишен первородного греха, свойственного, по Библии, всем потомкам Адама, и только так он мог снять со всего мира его грехи и возложить их на себя — черта, чуждая

упомянутым мифам других народов.) из собственных прежних верований и отчасти этико-философских учений — правда, последние останавливались далеко позади этических требований раннего христианства.

Соперники христианства: гностицизм и митраизм.

Христианству приходилось в первые века своего существования соревноваться и с другими «религиями спасения», о которых уже шла речь выше. Одним из сильнейших соперников был упоминавшийся гностицизм. Согласно гностической концепции, бессознательное «Я» человека единосущно божеству, но в результате грехопадения брошено в мир, чуждый его существу. Человек познает свое происхождение, сущность и предназначение через божественное откровение, обыкновенно рассматривавшееся как личное интуитивное прозрение, но иногда отождествлявшееся с миссией Иисуса. Бог гностиков абсолютен в своем совершенстве, но именно поэтому не является творцом. Мир есть мир зла, управляемый демонами, поэтому он сотворен не богом, а творцом (демиургом), воплощающим Зло, иногда отождествляемым с иудейским Яхве.

Учение гностиков не получило строго канонического оформления. Поэтому гностические течения могли существовать и внутри иудейства, ессейства, и среди приверженцев Иоанна Крестителя (эта группа гностиков переселилась в Месопотамию; сейчас к ней возводят себя мандеи Южного Ирака) и внутри христианства, где гностические идеи питали многие секты, с которыми ортодоксальные христиане вели долгую и ожесточенную борьбу во II—IV вв.; пережитки гностицизма сохранились в религии манихейства (см. лекцию 9) и в ряде христианских сект раннего средневековья.

Победа христианства над гностицизмом была обусловлена тем, что гностицизм переносил защиту от мирового зла преимущественно в область астрологии, демонологии, ангелологии и магии, тогда как христианство обещало спасение через искупление грехов жертвенной смертью Христа и проповедовало внутреннее самосовершенствование, основанное на вере. Поскольку главным для гностиков было интуитивное познание истины, а не поведение в реальном мире, их этические взгляды были неопределенны, колеблясь от самого крайнего аскетизма до практики сексуальной свободы. Расцвет гностических и полугностических учений приходится поэтому на первую половину II в., т. е. на период, когда христианство еще не набрало полной силы.

Другим важным соперником христианства был митраизм. Культ Митры, одного из древних индоиранских богов, был воспринят зороастризмом и вместе с одной из его более или менее эклектических разновидностей проник в период господства Ахеменидов в Малую Азию. Но Митра, главный бог религии митраизма, не имел с Митрой индоиранцев ничего общего, кроме имени; религия эта, по-видимому,

сложилась в восточной части Малой Азии и Западной Армении в I в. до н. э. лишь под слабым влиянием зороастризма, в частности зороастрийских дуалистических верований об извечной борьбе добра и зла. Подобно христианству, митраизм обращался прежде всего к низшим слоям населения, обремененным всякими тяготами, созданными Римской империей. Среди его поклонников было много солдат и рабов. Подобно гностицизму, митраизм никогда не имел писаного канона. Во главе митраистической вселенной стояло Бесконечное Время, аналогичное богу гностиков; в мире боролись доброе и злое начала; Митра (он же Непобедимое Солнце) был, по-видимому, демиургом (создателем), но в отличие от демиурга гностиков добрым; он был посредником между божественными силами вселенной и человеком, защитником человека и образцом для подражания в жизни; он обещал праведникам посмертное блаженство после Страшного суда. Этические требования к верующим были высоки. Вступление в общину митраистов обставлялось физическими испытаниями и мистическими обрядами; женщины исключались из общин. Единой имперской организации митраисты, как и гностики, не имели. С конца II по IV в. римские императоры время от времени оказывали митраизму покровительство, ибо митраизм, не будучи единобожием, был религией, которую легче было приспособить к традиционным политеистическим религиям и социальным ценностям Римской империи, чем христианство. Но именно сходство митраистической религии с официальным политеизмом ослабляло ее позицию в народных массах; кроме того, призыв следовать как за образцом за казавшимся человеческим образом Иисуса был понятнее и привлекательнее, чем следование за явно мифологическим, сверхъестественным Митрой. Митраизм не пережил V в., и потомки его приверженцев, как и большинство гностиков, влились в христианские общины.

Предшественниками и соперниками христианства были также уже упоминавшиеся религиозно-мистические сообщества орфиков и герметистов; и они также не устояли против него — орфизм из-за политеистичности и крайней замкнутости, герметизм — из-за слишком абстрактного и отчасти магического характера.

Христианство и античная философия.

Следует учесть, что громадное большинство населения Римской империи во II—IV вв. еще было грамотно и включало заметное число высокообразованных по своему времени людей; они вышли из школ, где обучали философии эклектической, но все же восходившей к аристотелевской логике, к этике стоицизма и к высоким абстракциям платонических идей. Их мышление не нуждалось в мифологических категориях, доступных «языческому» простонародью, принятых также митраистами и отчасти даже гностиками. Чтобы утвердить себя в качестве универсальной идеологии, христианству предстояло,

разрабатывая свою собственную систему мировоззрения, бросить вызов античной философии.

Для этого христианские мыслители призвали на помощь идеи самой позднеантичной идеалистической философии, и прежде всего стоицизма. Отсюда было воспринято понятие Логоса, явившееся центральным в борьбе христианских апологетов с античной идеологией. «Евангелие от Иоанна», недвусмысленно отстаивающее божественность Христа, выдвигает христианский вариант учения о Логосе. Именно в этом заключается причина канонизации названного евангелия, несмотря на недостоверность (если не апокрифичность) содержащегося в нем жизнеописания Иисуса, не согласующегося с известиями остальных канонических евангелий.

Это евангелие открывают замечательные слова: «В начале был Логос (В русском евангелии переведено «Слово». Греч. логос действительно означает «слово», но также «разум», «мысль»; понятие Логоса весьма широко.), и Логос был у Бога, и Бог был Логос».

Что же такое означал Логос для греко-римских философов? Понятие о Логосе было введено в античную философию Гераклитом в VI в. до н. э. Для Гераклита Логос есть некий Мировой Разум, создающий закономерность и гармонию мира и возможность его Познания, корректирующий в качестве Справедливости отклонения от гармонии и являющийся также мировой Судьбой. В философии Платона и Аристотеля понятие Логоса не занимало центрального места, но зато оно было подхвачено стоиками IV — III вв. до н. э. — Зеноном и особенно Хрисиппом. Они трактовали Логос как категорию, которая служит причиной, объединяющим началом и внутренней сущностью всех явлений, в том числе психических. Логос мыслился материально, в виде некоего «дыхания» (пневма — то, что в дальнейшем станет «святым духом» христианства). Учение о Логосе было воспринято многими философскими школами, и в том числе александрийской школой иудейских философов, из которых нам наиболее известен Филон (около 30 г. до н. э. — около 40 г. н. э.). Философия его представляет собой странное смешение платонизма, пифагорейства, стоицизма и иудаизма. По Филону, бог не имеет никаких качеств и никакой материальной субстанции, кроме чистого бытия (в этом он сходен с богом гностиков); однако в его распоряжении есть божественные творческие силы, в том числе ангелы и т. п., но прежде всего Мировой Разум — Логос, включающий в себя и платоновские «идеи». Все учение Филона направлено на философское обоснование веры в ветхозаветного единого бога Яхве; Логос понадобился Филону для того, чтобы согласовать понятие о боге как чистом бытии с понятием бога как творческого начала (так, в начале ветхозаветной «Книги Бытия» бог творит небо, землю и людей словом: «Да будет...»). Именно у Филона впервые появляется (правда, пока лишь в виде метафоры) обозначение Логоса как «первородного сына» божества. Все это чрезвычайно пригодились для пропаганды христианских идей среди образованной и мыслящей части населения

Римской империи. И не случайно в «Евангелии от Иоанна» говорится, что «Закон был дан Моисеем, но благодать и истина возникли от Иисуса Христа», т. е. ветхозаветный «Закон» (Тора) прямо противопоставлен Христу — Логосу, как бы в полемике с Филоном (хотя, вероятно, и в зависимости от него). Выше мы видели, что, по «Евангелию от Иоанна», «благодать и истина» как раз и являются атрибутами Логоса, и Логос тут есть не кто иной, как Христос.

Официальное отношение верхов римского общества и властей к раннему христианству ясно из характеристики христиан, данной им римским историком Тацитом: это «те, кто своими мерзостями навлекли на себя всеобщую ненависть», чье учение — «зловредное суеверие», подрывающее идеологические основы Римского государства, которому (в его идеализированно-республиканском виде) так был предан Тацит. Христианам предстояло идеологически отстаивать свое право на существование: как для расширения своих рядов за счет новообращенных, так и для укрепления духа своих сторонников перед казнями и преследованиями со стороны римских властей.

Ранняя христианская литература и апологетика. «Тринитарные» и «христологические» споры.

Первоначальная христианская литература (периода после сочинения новозаветных книг) может быть разделена на три группы: 1) обильная литература апокрифических «евангелий», «посланий» и «деяний», свидетельствующая, с одной стороны, о том, какие широкие круги населения были увлечены пропагандой христианства, а с другой — о том, как буйно развивалась фантазия, питаемая пафосом ниспровержения существующей официальной идеологии. Вся эта апокрифическая литература, авторы которой неизвестны, как правило, существенно отклонялась от основных положений собственно христианского учения; 2) сочинения «апостольских отцов», считавшихся непосредственными учениками первых апостолов. Сюда относятся несколько посланий, весьма сходных с вошедшими в канон Нового завета, главным образом посвященных утверждению идеи о том, что Иисус был не только Христом (мессией), но именно Богом,—толкования на отдельные положения Нового завета («Пастырь» Гермы) и Ветхого завета («Послание Варнавы» и др.). Наиболее интересно «Учение двенадцати апостолов» («Дидахе») — род устава ранних христианских общин и наставления для их богослужебной и бытовой практики. Эти сочинения долгое время принимались христианской церковью в качестве равноценных новозаветному канону; они датируются в основном II в., когда канон еще не был определен; 3) апологетические сочинения, имевшие целью убедить римские власти в безвредности христианства. Апологеты широко пользовались разработанным в эклектических философских школах методом противопоставления аргументов различных античных философских учений с целью показать относительность достигнутых философами истин, и противопоставляли

им христианскую истину божественного откровения. Возможность такого откровения они базировали на выработанной самой античной философией концепции Логоса; они признавали, что Логос частично уже проявлялся в наиболее праведных из античных философов, как, например, в Гераклите, Сократе и некоторых стоиках, но утверждали, что воплощен он только в Иисусе Христе. Помимо влияния стоиков в писаниях апологетов заметно сильное воздействие платонической философии. От самых ранних апологетов сохранились в лучшем случае отдельные отрывки; наиболее известен Иустин Мученик, чье главное сочинение — «Апология» — датируется 150 г. н. э. Уже в последней четверти II в. оказалась необходимой резкая письменная полемика против апологетов со стороны приверженцев традиционной религии («Истинное рассуждение» философа Цельса).

Попытки апологетов показать безвредность христианства для Римской империи и перебросить мост к христианству от античной философии с помощью учения о Логосе не увенчались успехом. Свидетельства евангелий, по мере того как с ними знакомились скептические воспитанники античных учений, по-прежнему ставили трудные для разрешения логические задачи. Да и сами христиане не настолько были чужды античному школьному учению, чтобы не задавать себе недоуменных вопросов.

Если Христос был бог, то как мог он быть Сыном Бога? Если Христос — бог, то сколько же есть богов — один или два? Что такое Дух Святой и как он соотносится с этим богом или богами? Если Христос сам и есть единый Бог, то как же он молил «да минует меня чаша сия» и на кресте упрекал Бога (самого себя) в том, что тот его покинул?

Три века происходила напряженная идеологическая борьба. Решения были различны. Некоторые, как мы уже упоминали, следуя за Арием, полагали, что Христос был человеком-божеством, но сотворенным, а не существовавшим от века; другие — что он родился человеком и был лишь усыновлен богом ради свершения своей миссии; третьи предлагали считать, что его вообще реально не было, а существовала лишь видимость его тела, явленная богом, или что оно было лишь проявлением единственного Бога Отца; наконец, существовала гностическая концепция Христа-Логоса как божественного, но подчиненного абсолютному божеству начала. Но большинство христиан согласилось на том, что бог, хотя и един по сущности, проявляется в трех божественных личностях (ипостасях) и что Христос был земным воплощением одной из них. Отсюда его «автономность» от Бога Отца в земной жизни. Такое решение было принято на «соборах» (съездах) христианских церковных руководителей (иерархов) уже после превращения христианства в господствующую религию — в Никее в 325 г. и в Константинополе в 381 г. Однако продолжались споры о том, совмещались ли в Христе две природы — человеческая и божеская, как учил Несторий (начало V в.), или только одна — божественная природа Логоса, как учил, например, патриарх Кирилл Александрийский. В конце концов на

соборе в Халкедоне в 454 г. было решено, что у Христа две природы, но одна сущность. Тогда возник вопрос: одна ли у Христа воля или же две?(Ортодоксальное христианство признало, что воли было две, но что человеческая воля подчинила себя воле божественной.) Ожесточение спорящих нарастало. Каждый христианский «собор» сопровождался отлучением «еретиков», их ссылкой, заключением в темницы и т. д.

Между тем в условиях все большего упадка античной философии в течение II—V вв. число идеалистически(Философский материализм в поздней античности практически перестал существовать), но все же логически мыслящей античной интеллигенции постоянно падало. Ей эти все более усложнявшиеся споры представлялись пустословием и формальной игрой в абстрактные понятия. Но античная интеллигенция погибла вместе с императором Юлианом Отступником, вымерла, а среди христиан не раздалось ни одного голоса, который сказал бы, что евангельские повествования просто не дают никаких данных для решения подобных вопросов. Отцы церкви, считавшие, что именно на них перешла благодать Духа Святого, снизошедшего, согласно «Деяниям», на первых апостолов, полагали, что одной силою этой благодати они способны постичь окончательную истину о сущности божества, не открытую самими евангелиями. В конце концов все христианские общины, за малыми исключениями, согласились с положением, сформулированным в «символе веры», принятом на Никейском соборе(По другому предположению, это исповедание веры было принято на Константинопольском соборе 381 г. на основе более краткого символа, принятого в Никее в 325 г.): «Верую во единого Бога Отца вседержителя, творца неба и земли, видимых (вещей) и невидимых, и в единого господа Иисуса Христа, сына божьего единородного, рожденного от Отца прежде всех времен,— свет от света, бог истины от бога истины, рожденного, а не сотворенного, единосущного Отцу, через которого все существует, ради нас (людей) и нашего ради спасения сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившегося... и в Духа Святого, господа животворящего, который...» — здесь, однако, верующие христиане так и не смогли прийти к единодушию, и если восточные христиане читали «который исходит от Отца и которому надлежит поклоняться совместно с Отцом и Сыном», то западные христиане (будущие католики) читали «который исходит от Отца и Сына» и т. д.

Именно на этом небольшом догматическом расхождении разделились римско-католическая и греко-православная церковь. Позже возникли и другие, более важные догматические и богослужебные расхождения, но это было уже в эпоху средневековья и в новое время.

Социальные основы христианства II-V вв.

Беззаветное упорство в отстаивании своих позиций при «тринитарных» (относящихся к учению о Боге-Троице) и

«христологических» спорах было обусловлено не только и не столько внутренними убеждениями сторонников той или иной доктрины. Если бы дело обстояло так, то споры об этих богословских тонкостях, вероятно, не выходили бы за пределы элиты христианских мысли—телей, не обращались бы к массе верующих, которые едва ли были способны понять разницу между «подобносущим» Сына Отцу (гомойусия) и их «единосущим» (гомоусия). Ведь, например, в XIII в. религиозная философия Фомы Аквинского отлично уживалась в верхах церковной иерархии с весьма отличным от нее учением, скажем, Дунса Скота, совершенно не затрагивая массу верующих. За доктринальными-спорами III—V вв. стояли социальные силы и политические течения. Недаром в церковных соборах активно участвовали императоры и иерархи, занимавшие государственные посты. Когда спорили о том, исходит ли Дух Святой только от Отца или еще от Сына, вопрос стоял о том, подчинятся ли христиане западной, разваливающейся Римской империи римскому епископу (папе), считавшему себя преемником апостола Петра, или константинопольскому патриарху, находившемуся в полной зависимости от восточноримского императора. Когда египетские и армянские христиане нашли, что никейское исповедание веры недостаточно определено высказывается против учения о двойной, и божественной и человеческой, сущности Христа, то для египтян речь шла об автономии (хотя бы частичной) от Византии, а для армян — о том, как отнесутся к их вере тогдашние фактические владыки Армении, персидские «цари царей», — как к враждебной Сасанидам «вере римского императора» или как к особой религии, имеющей право на лояльное существование внутри Сасанидского государства. Примерно те же побуждения заставили большую часть сирийцев Верхней Месопотамии, также подчиненной Персии, сохранять «еретические» несторианское и яковитское учения, так что православной считалась здесь только меньшая часть населения; борьба арианства с католицизмом также происходила на фоне политического соперничества варварских государств Западной Европы с государственным и культурным наследием Западной Римской империи.

Такова в самых общих чертах история идейного развития христианства — от основания его Павлом и другими проповедниками до превращения в господствующую религию Западной и Восточной Римской империи и ряда соседних государств. Параллельно шло социальное, организационное и бытовое развитие и видоизменение христианства.

Первоначально люди, примкнувшие к христианскому вероучению, образовывали маленькие, изолированные, разбросанные по империи общины или «собрания» (экклесия; этот термин позже стал обозначать церковь). Организованы они были сходно с есеевской общиной Кумрана (но в отличие от последней не имели замкнутого характера); у них было какое-то общее имущество, члены их ограничивали себя в пище, отличались строгостью нравов (апостол

Павел рекомендовал даже воздерживаться по мере возможности от браков). Учили в общине странствующие проповедники, апостолы. Эти апостолы (традиция говорит о семидесяти) назначали в каждую общину «надзирателей» (епископов), которые принимали на себя текущую службу — обучение новой вере, богослужения. Помимо этого, епископы наблюдали за нравами и возглавляли общее хозяйство общины. Христиане устраивали общие трапезы, встречались они на тайных сходках за городом, на кладбищах, в подземельях; когда это было возможно, отдельные группы христиан селились вместе.

Но подобно тому как это произошло с ессеями Сирии (ср. «Дамасский документ» с «Уставом» кумранской общины — см. «Расцвет древних обществ», лекция 20), христианским общинам не удалось долго сохранять свой примитивно-уравнительский характер. К общинам все чаще присоединялись и люди имущие, сами общины расширяли хозяйственную деятельность. К тому же в условиях преследований со стороны властей христиане нуждались в покровительстве людей влиятельных, которых нельзя было отпугивать слишком жестким следованием евангельским словам Иисуса: «продай все, что имеешь, и раздай нищим». Христианскими становились целые округа, потом области; христианами делались воины и чиновники. Управлять новообращенными становилось сложно. От первоначальных общин отпочковывались все новые и новые. Если первые епископы были поставлены апостолами, то новых назначали всего лишь преемники (да и то не в первом поколении) епископов, поставленных апостолами. В одних случаях епископы посылали на места «странствующих епископов», в других — ставили пресвитеров (старейшин), подчиненных епископам. К. III в. возникла сложная иерархия с подчинением иереев-пресвитеров (священников) иерархам (епископам-архиереям разных рангов), священники приобретали помощников (диаконов). Для богослужения стали создаваться специальные церковные строения. Чтобы сохранить авторитет, необходимый для действенной проповеди, соблюдения порядка среди верующих и для богослужения, было выработано представление о благодати, полученной от Духа Святого не только апостолами, но всеми их преемниками в иерейском чине через особый обряд рукоположения и елеопомазания. Представление о наличии этой благодати приводило к тому, что соборы епископов отваживались решать вопросы сущности самого божества, не разъясненные в евангелиях, часто на основании совершенно произвольных толкований традиционно передававшихся речей Иисуса и писаний апостолов.

Во II в. христиане могли существовать и действовать преимущественно нелегально; отказ участвовать в культе императора (и вообще римских божеств) по закону карался смертью, хотя эта кара не всегда применялась. Мученичества христиане даже искали, потому что оно считалось вернейшим залогом загробного блаженства; во всяком случае, мученичество поражало умы и привлекало к христианам новых сторонников. Вскоре мучеников стали считать

святыми, к которым обращались за заступничеством (так же как к апостолам и к Марии, матери Иисуса): создались как бы культы этих святых, хотя они не считались богами или полубогами. В III и самом начале IV в. жестокие преследования христиан возникали лишь время от времени (при императорах Деции и Диоклетиане), и открытое следование христианскому культу стало самым распространенным явлением. Соответственно нравы и быт христиан стали гораздо менее строгими; учение апостолов свободно сосуществовало теперь с прежним повседневным бытом крестьян, горожан, рабов, воинов или чиновников. Даже священники и епископы вели обычную семейную жизнь. В конце концов христианское движение в его ортодоксальной форме поддерживали те самые земельные магнаты, использовавшие труд колонов, которые, как и христианство, хотя и в другой форме, противопоставляли себя косной силе империи (хотя христианское течение донатистов (Донатисты упрекали христианскую церковь в отступлении от чистоты и идеалов погибших мучеников и осуждала светскую жизнь духовенства.) составило идеологию агонистиков, восставших против этих магнатов в IV в.).

В IV в. возникла новая волна анахоресиса. Новые анахореты, или монахи («одинокое»), как они теперь назывались, бежали в пустыню уже не столько от римских налогов и вымогательств и не от принудительного императорского культа, сколько стремясь тем в большей мере соблюдать аскетические идеалы раннего христианства, чем больше эти идеалы исчезали из повседневного быта светских христиан. Монахи возлагали на себя религиозный обет большей или меньшей строгости, обязывающий к целомудрию, соблюдению постов, изнурению себя молитвами, трудом и обрядовыми упражнениями (например, поклонами); мыться считалось непростительной изнеженностью. Некоторые монахи были отшельниками и жили в полном одиночестве (в Месопотамии—нередко на отдельных башнях, или «столпах»); другие жили единым общежитием в монастырях за высокой стеной, со своей общей трапезной и церковью. Места для своего духовного спасения монахи избирали в пустыне, вначале главным образом в Египте, затем на Синае, в Палестине, Малой Азии, Месопотамии. Где не было пустынь, выбирались уединенные лесные или горные места.

В христианском мире монашество вскоре приобрело ореол святости и особый авторитет; даже высказывалось сомнение, возможно ли загробное спасение без монашеского аскетизма в земной жизни. Из монахов стали ставиться епископы и другие архиереи, хотя рядовое священство еще продолжало жить нормальной светской жизнью (запрещение браков для католических священников относится уже к средним векам).

Такой характер приняло христианство к 313 г., когда эдиктом императора Константина было официально прекращено преследование христиан и признана свобода вероисповеданий в Римской империи. Фактически это означало, однако, признание

господства христианской церкви в империи; сам император стал принимать активное участие в церковных делах, а богословские споры стали связываться с борьбой за епископские кафедры, превратившиеся в государственные посты.

Греко-римские традиционные культы быстро вымирали, несмотря на попытку императора Юлиана создать из них стройную религиозную систему, способную противостоять христианству. Император Феодосий в 391—393 гг. запретил все языческие культы. Появились и у язычников свои мученики (Так, в 415 г. в Александрии была растерзана христианской толпой Гипатия, женщина-математик, преподававшая неоплатоническую философию; еще в древности предполагали, что это дело рук Кирилла, патриарха Александрийского.); но число людей, готовых умереть за традиционные верования, ничего не обещавшие после смерти, оказалось весьма незначительным. В течение V в. греко-римское язычество быстро исчезло, оказав лишь самое незначительное сопротивление. Больше было мучеников из приверженцев неортодоксальных христианских толков (ересей); с ними официальной церкви пришлось бороться в течение всей ее истории.

Литература:

Редакционная коллегия. Идеология поздней Римской Империи./История Древнего мира. Упадок древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.239

Лекция 13: Вторжение варваров и крушение Римской Империи.

В социальной революции, уничтожившей рабовладельческую формацию в Средиземноморье, участвовали внутренние и внешние силы. Внутри Римской империи носителями новой, феодальной, тенденции были владельцы поместий нового типа, шедшие по феодальному пути, и находившиеся у них на службе гражданские и военные служилые люди. Феодализация охватила широкие массы населения — прежде всего колонов и другие категории мелких зависимых держателей земельных наделов, которых римское законодательство последовательно и настойчиво сближало с рабами, посаженными на землю.

Второй, внешний, лагерь участников социальной революции, сокрушившей Римскую рабовладельческую державу, составляли варвары. В IV—V вв. соотношение сил между Римской империей и варварской периферией изменилось в пользу варваров. Племена, окружавшие империю, выросли численно и усилились в экономическом и военном отношении. В последнее столетие существования Римской империи происходили многочисленные вторжения варварских племен из-за рейнской и дунайской границ на римскую территорию. Варвары расселились на землях западной половины империи и образовали свои королевства.

Рассматривая социальную революцию, происшедшую на рубеже античности и средневековья, нельзя смешивать субъективные цели и объективные результаты деятельности различных социальных сил. Субъективно, по своим осознанным ближайшим интересам, население Римской империи и вторгавшиеся в нее варвары-завоеватели обычно оказывались врагами. Завоеватели несли смерть и разорение населению империи. Если императоры или отдельные магнаты вступали в союз с варварскими племенами, чтобы использовать их в борьбе за власть либо для защиты от вторжения других варварских племен, то земли для поселения варваров-союзников отводились опять-таки за счет местного населения.

Взаимоотношения между населением Римской империи и варварами, расселявшимися в IV—V вв. на ее территории, зависели от конкретных условий. В одних случаях варвары предпринимали насильственные завоевания, а правители империи и по мере сил ее население, особенно жители укрепленных городов, оказывали им сопротивление. В других случаях варвары проникали на территорию империи как союзники, которым отводились земли для поселения. Тогда производился раздел земли и другого имущества, а также рабов между варварами и местными землевладельцами-рабовладельцами. Иногда случался переход отдельных лиц или групп населения империи на сторону варваров.

Но главное состояло в том, что большинство населения империи, недовольное существовавшим в ней положением и в той или иной форме боровшееся фактически против рабовладельческого строя (путем народных движений, перестройки производства на феодальный лад, политического обособления крупных земельных владений, приобретающих черты феодальных поместий, и т. п.), и вторгавшиеся в нее варвары делали общее историческое дело — сокрушали Римскую рабовладельческую империю, т. е. были объективными союзниками в социальной революции, уничтожавшей существовавшую формацию и расчищавшей почву для следующей, феодальной формации. Переход от античности к феодальному средневековью был долгим и мучительным процессом как для народных масс поздней Римской империи, так и для варваров — участников Великого переселения народов.

В III—V вв. в Средней и Юго-Восточной Европе возникли многочисленные военно-племенные союзы. В Северном Причерноморье сформировался готский союз. Готы — восточногерманское племя, которое в начале нашей эры жило на южном побережье Балтийского моря, в устье Вислы, а во II в. переселилось из Прибалтики в Причерноморье. Готский союз включал в себя две основные племенные массы: вестготов (западных готов) в низовьях Днестра и остготов (восточных готов) в низовьях Днепра. Готы жили на территории, непосредственно примыкающей к Черному и Азовскому морям. Во главе готов стояли военно-племенные вожди — конунги. Другие племенные союзы тоже возглавлялись подобными предводителями.

За Рейном и Дунаем сложились и другие военно-племенные союзы германцев. Они располагались на территории от Рейна на западе до Вислы на востоке, от верхнего и среднего Дуная на юге до Северного и Балтийского морей на севере; северные германские племена жили на Скандинавском полуострове, а также на Ютландском полуострове (на территории современной Дании), где в III—V вв. были известны юты и англ.

Германские племена, обитавшие в Средней Европе, принято делить на западные (от Рейна до Эльбы) и восточные (от Эльбы до Вислы). Среди западных германцев выделялись могущественные союзы франков (на среднем и нижнем Рейне) и их восточных соседей — саксов, алеманнов (в верховьях Рейна и Дуная), лангобардов (живших по левобережью средней и нижней Эльбы). Среди восточных германцев наиболее известными были племенные союзы бургундов, свевов, вандалов и маркоманнов. Бургунды обитали в низовьях Одера и по южному побережью Балтийского моря; свевы — между средней Эльбой и средним Одером; вандалы — между средним Одером и средней Вислой; в верховьях Эльбы жили маркоманны, занимая территорию до верхнего Одера на востоке и до среднего Дуная на юге.

Начиная с верховьев Одера и Вислы, на юг и восток в сторону Черного моря и до верховьев Оки и Волги простиралась обширная территория, заселенная славянскими племенами. К северу от славян размещались балтийские племена.

Племена, жившие по соседству с Римской империей за Рейном и Дунаем, еще с III в. усилили свой натиск на империю. Под давлением готов Рим в III в. отвел свои войска и часть римских колонистов из Дакии (территория современной Румынии).

В нападениях варварских военно-племенных союзов на Римскую империю в IV—V вв. приняли участие не только германские, но и другие племена, обитавшие к этому времени в Средней и Юго-Восточной Европе вперемежку с германскими племенами или продвинувшиеся в Среднюю Европу под давлением гуннов с востока. Например, германцы — вандалы и свевы вместе с ираноязычным племенем аланов (Аланы — потомки скифского племенного союза сарматов, сорванные Великим переселением народов с места своего обитания в бассейне Дона.) во второй половине IV и в начале V в. совершили грандиозное переселение из Средней Европы через Подунавье и Южную Галлию сначала в Испанию, а затем в Северную Африку.

Вторжение гуннов с востока в Южную Европу в 70-х годах IV в. обострило взаимоотношения между европейскими народами: многие из них оказались сдвинутыми с места и начали переселяться, тесня соседей. Основной поток Великого переселения народов хлынул в западном направлении — на земли Римской империи.

Гунны, пестрая по своему этническому составу орда, включавшая в себя прототюркские, возможно, протомонгольские, угрские и другие племена, производили устрашающее впечатление на европейские народы своим непривычным внешним видом, образом жизни и военными обычаями. Многочисленная гуннская конная орда оказалась страшным врагом для оседлых земледельческих народов. Они не смогли оказать гуннам достаточного сопротивления. Двигаясь с востока, гунны в начале 70-х годов IV в. перешли Волгу и напали на аланов, обитавших к юго-востоку от Дона в Приазовье. Часть аланов они подчинили себе и включили в свою орду; эти аланы двинулись затем вместе с гуннами дальше на запад. Другая часть аланов ушла от гуннов на Кавказ, где и осела; вместе с местными этническими группами они стали предками осетин.

Расправившись с аланами, гунны в 375 г. обрушились на остготов в Северном Причерноморье и разбили их. Часть остготов была включена в гуннское племенное объединение, а другая часть бежала за Дунай на римскую территорию, последовав за вестготами.

Вестготы, спасаясь от гуннов, обратились к восточноримскому императору Валенту с просьбой разрешить им поселиться в империи в

качестве федератов и получили согласие. Таким образом, формально переселение вестготов на римскую территорию произошло с согласия империи, но фактически она вряд ли смогла бы противодействовать этому переселению. Аммиан Марцеллин сравнивает многочисленную массу готов-переселенцев с ливийским песком, поднимаемым ветром. Бросив почти все свое имущество, они переправлялись через Дунай на кораблях, лодках, плотах и вплавь, причем многие тонули.

По договоренности с правительством империи вестготы должны были получить от римлян продовольствие на первое время и земли в пограничной области. Со своей стороны, вестготы обязывались служить в римских войсках. Но римские чиновники медлили или не справились с выполнением договора. Среди вестготов, окруженных римской охраной, начался голод. Римские работоторговцы скупали у них за бесценок сначала рабов, а затем и их собственных детей. Все это вызвало возмущение готов, и они восстали. На их сторону перешли рабы — их соплеменники, а также рудокопы золотых приисков Фракии, находившиеся в очень тяжелом положении. Эти местные жители послужили готам проводниками. Император Валент призвал к себе на помощь Грациана, правителя западной половины империи. Однако события развернулись так, что Валент был вынужден вступить в сражение с готами, не дожидаясь подхода Грациана.

Сражение римлян с готами произошло в 378 г. у г. Адрианополя (совр. Эдирне) во Фракии, западнее Константинополя. Римское войско было разбито; в бою погиб и император Валент. Затем готы рассыпались по окружающим местностям, занимаясь грабежами. Попытки готов захватить Адрианополь и другие города оказались безуспешными ввиду решительного сопротивления горожан и неумения германцев вести правильную осаду городов. Подойдя к Константинополю, готы встретили сопротивление со стороны горожан и наемной арабской конницы; это заставило их отойти от столицы.

Новым императором стал известный полководец Феодосий (379—395), которому в последний раз удалось объединить под своей властью всю Римскую империю. В 382 г. он подавил восстание готов отчасти силой, а отчасти уступкой им земель на Балканском полуострове: готы были поселены в качестве федератов в Мёзии, Фракии и Македонии.

В 395 г. Феодосий, умирая, разделил империю между своими сыновьями: восточную половину получил старший сын Аркадий, западную — младший сын Гонорий. Этот раздел явился последним и окончательным для Римской империи: образовались два государства — латиноязычная Западная и грекоязычная Восточная Римская империи. Фактически уже давно обособившиеся западная и восточная половины бывшей единой Римской империи превратились в самостоятельные и враждебные друг другу государства. Восточная Римская империя позже стала называться Византией, но население ее продолжало называть себя ромеями, т. е. «римлянами».

Восточная Римская империя была богаче и сильнее своей западной соседки. Она меньше пострадала от кризиса III в., так как в восточных провинциях Римской империи классическая форма рабства была и ранее распространена меньше; здесь преобладали работники типа колонов, а в ряде провинций, например в дунайских, сохранялось и свободное крестьянство; в восточных городах в большей степени, чем в западных, сохранялся труд свободных ремесленников. Благодаря развитой внешней и внутренней торговле византийских городов казна восточноримских императоров была богаче, а это позволяло им содержать большую армию или откупаться от варваров. Наконец, очень важную роль, по-видимому, сыграло то обстоятельство, что основной поток Великого переселения народов принял западное направление. Правда, тут следует признать, что Византия основательно приложила руку к тому, чтобы направить большинство варваров на Запад.

В 402 г. вестготы, поощряемые Византией, совершили нашествие на Италию. Западноримское правительство Гонория, фактически возглавляемое талантливым военно-политическим деятелем, германцем из племени вандалов, Стилихоном, организовало отпор вестготам. В последующие годы для защиты Италии были стянуты на Апеннинский полуостров римские войска из западных провинций. Так, в 407 г. Стилихон вызвал римские легионы из Британии, что стало концом римского владычества в этой стране. Галлия, Испания, Северная Африка и Британия в ближайшие десятилетия были затоплены нашествием вандалов, бургундов, свевов, франков, англов, саксов и других германских, а также некоторых иных варварских племен.

В 408 г. Стилихон погиб вследствие придворных интриг. Узнав об этом, предводитель вестготов Аларих, фактически управлявший Иллирией (в нынешней Югославии), в 410 г. снова вторгся в Италию. Вестготы захватили Рим и в течение нескольких дней грабили его. Затем они отправились в Южную Италию. В это время умер Аларих. Вестготы покинули Италию и по договоренности с правительством Западной Римской империи поселились в Юго-Западной Галлии, где в 418 г. образовали первое варварское королевство на территории Римской империи. Столицей Вестготского королевства сначала стала Тулуза, а позже, когда вестготы завоевали значительную часть Пиренейского полуострова,— Толедо в Испании.

В 429 г. вандалы и аланы, ранее вестготов обосновавшиеся на Пиренейском полуострове, переселились в Северную Африку, теснимые вестготами, которые завоевали к этому времени большую часть Испании. В 439 г. в Северной Африке образовалось Алано-Вандальское королевство со столицей в Карфагене. Вандальская знать завела большой пиратский флот и грабила острова и побережья Западного Средиземноморья. В 455 г. вандалы разграбили и разрушили Рим, отчего возник термин «вандализм», означающий жестокое и бессмысленное уничтожение культурных ценностей.

В 451 г. Западной Римской империи и варварским королевствам, возникшим к этому времени на ее территории, пришлось отражать нашествие гуннов. Под предводительством своего вождя Атилы, прозванного современниками за его жестокость «бичом божьим», гунны, двигаясь от среднего Дуная на запад, дошли до г. Орлеана на Луаре, но взять его не смогли и двинулись в обратный путь. На Каталаунских полях в Северо-Восточной Галлии произошла битва гуннов с римлянами. На стороне гуннов сражались многие покоренные ими племена и народы, в том числе из германцев — остготы, из славян — анты и др. На стороне римлян сражались их союзники — германцы вестготы, франки и бургунды. Гунны отступили, но уже в следующем году напали на Северную Италию. В 453 г. Атила умер, и гуннский союз, центр которого находился на среднем Дунае, распался. Покоренные гуннами племена и народы освободились.

В Восточной Галлии еще в начале V в. образовалось королевство бургундов, но в 437 г. оно было уничтожено гуннами (Предания о союзах и войнах между бургундами и гуннами отразились в германских эпических песнях о Нибелунгах.). После распада гуннской державы возникло новое Бургундское королевство в Юго-Восточной Галлии со столицей в Лионе (в 457 г.). Будучи расположено в сильно романизованной области, обладающей прекрасными природными условиями, Бургундское королевство начало успешно развиваться в социально-экономическом отношении. Давняя и глубокая романизация этой области способствовала ускоренному формированию классовых (феодалных) отношений в Бургундии. Да и в самом бургундском обществе к тому времени уже шло разложение родо-племенных отношений.

В 476 г. предводитель германских наемников в Италии Одоакр сверг последнего западноримского императора — малолетнего Ромула Августула. Одоакр отослал знаки императорского достоинства (корону и пурпурную мантию) в Константинополь и принял титул короля (конунга), как было принято и в других варварских государствах. Это событие считается концом Римской империи.

Правда, для современников оно прошло почти не замеченным, так как от всей Западной Римской империи к этому времени оставались только Италия и Северная Галлия; императорская власть находилась в полном упадке; Рим давно перестал быть столицей империи; императоры жили в окруженной болотами Равенне на северо-восточном побережье Италии.

В 486 г. Северная Галлия была завоевана франками (Отсюда нынешнее название страны — Франция.). С середины V в. англ, саксы и юты, жившие на Ютландском п-ве, и саксы, обитавшие в приморской области между низовьями Рейна и Везера, начали завоевания Британии, населенной кельтскими романизованными племенами бриттов; завоеватели образовали свои, германские, королевства, уничтожив или оттеснив кельтов на север, на западное

побережье Британии и через море — на полуостров Арморика (ныне Бретань во Франции).

Итак, к концу V в. на всей территории бывшей Западной Римской империи образовались варварские королевства. Они явились переходной формой от позднеимперской государственности и в то же время от военной демократии варваров к раннефеодальному государству. Варварскими государствами на территории бывшей Римской империи называют такие государства, которые сохранили классовое деление, унаследованное от империи (к этому добавлялись слагавшиеся в конце развития первобытных обществ зародыши классового антагонизма); но основная часть господствующего класса сложилась в них из верхушки племенной («варварской») знати, т. е. по происхождению еще не совсем классовой или даже доклассовой.

За пределами бывшей рабовладельческой империи варварских королевств быть не могло: здесь классовые отношения вырастали прямо из доклассового общества, и ничего не наследовалось от общества, пережившего рабовладельческую формацию. Это касается Руси, Скандинавии, большей части Германии, части Британии, где кельтское население фактически исчезло. Здесь существовала свободная община.

В варварских же королевствах, возникших на территории бывшей Западной Римской империи, и в Византии свободные общины (германские на Западе, славянские в Византии) были лишь островками варварского мира посреди массива классового общества, переходившего от рабовладельческого строя к феодальному. Например, в Вестготском королевстве германская община существовала в областях с наиболее компактным готским населением. В тех областях, где готы селились вперемежку с местным населением, возникали смешанные готско-римские сельские общины. Основное изменение социальной структуры в Юго-Западной Галлии и в Испании после их завоевания вестготами состояло в увеличении слоя мелких свободных земельных собственников и в укреплении соседской общины. Но в дальнейшем быстрыми темпами пошло разложение общинных отношений, новый рост крупного землевладения и социальное расслоение. При завоевании вестготами Юго-Западной Галлии и Испании у местных землевладельцев было отнято $\frac{2}{3}$ пахотных земель и половина лесов и лугов, а также, как полагают, $\frac{1}{3}$ рабов и колонов. Однако этот раздел земли и рабочей силы между завоевателями и местными землевладельцами происходил не повсеместно. Вестготы, поселившиеся в сильно романизованных областях Галлии и Испании, значительно быстрее избавились от пережитков родо-племенных отношений, чем, например, франки, завоевавшие Северную Галлию, и англосаксы, захватившие Британию. Формировавшиеся под влиянием римского права вестготские законы охраняли частную собственность на землю и рабов не только готской, но и галло-римской и испано-римской знати. Однако крупное землевладение постепенно изменяло свой характер, приближаясь к

феодалному землевладению. Колоны в Вестготском королевстве перестали считаться подданными государства и были освобождены от государственных налогов и повинностей (извозной, строительной) ; в то же время они сохранили все ограничения своей правоспособности по отношению к землевладельцу, на земле которого держали наделы: они были прикреплены к наделам и ограничены в праве распоряжаться своим имуществом. Впоследствии потомки римских колонов и вольноотпущенников слились с посаженными на землю рабами (сервами) и с зависимыми держателями из бывших свободных общинников готского и местного происхождения, образовав класс феодально-зависимого крестьянства. Класс феодалов формировался из готской военно-племенной знати, из крупных галло-римских и испано-римских землевладельцев и из высшего духовенства арианской церкви. Феодальное землевладение было представлено владениями готского короля, арианской церкви и крупных светских землевладельцев.

В Византии социальная революция совершилась без слома государственной машины Римской империи. Внутренняя же сущность социального переворота, происшедшего в ней во времена поздней античности и раннего средневековья, была принципиально сходной с социальной революцией на Западе: это было крушение рабовладельческой формации и становление феодальной.

Нашествия варваров затронули и Византию: на Балканский полуостров в IV—V вв. вторгались гунны, готы, аланы и многие другие племена, а в VI—VII вв.— славяне. Но эти вторжения не привели к завоеванию и уничтожению Византии. Лишь на севере Балканского полуострова в период раннего средневековья образовались славянские королевства Сербия и Болгария. Болгария сначала возникла как тюрко-славянское государство; тюрки-булгары (с Волги) растворились в славянской массе лишь к концу IX в. На остальной территории Византии славянские племена расселились, не разрушив Византийского государства, и постепенно слились с местным населением.

Варварские вторжения на Балканский полуостров способствовали упадку городов, прежде всего небольших; в то же время деревни и села сохраняются; археологи прослеживают непрерывность существования многих деревень до и после появления варваров, хотя состав населения в них меняется; происходит взаимовлияние местных и варварских общин. В IV—VI вв. в процессе феодализации Византии складывается деревня нового типа со смешанным населением — рабы, колоны, свободные; в деревнях было собственное, хотя и не очень развитое ремесло. Положение сельских поселений на государственных и частных землях уравнивается, так же как и положение отдельных групп работников. В больших селах складываются рынки для окрестных деревень. Спецификой Византии, как и ряда ближневосточных областей, было длительное сохранение крупных сел с рынком и ремесленным производством, которые мало отличались от

мелких городов; их существование сдерживало развитие новых городов.

В то же время в VI в. даже крупные византийские города постепенно теряют свое значение как центры снабжения ремесленными изделиями сельской округи. Главную роль в городах играют крупные независимые землевладельцы и церковь: в восточных областях бывшей Римской империи город, хотя и несколько позже, чем на Западе, перестает быть муниципальной организацией; к концу VI в. исчезает городское самоуправление. Большое значение в перестройке экономики Византии приобретают монастыри, бывшие не только крупными землевладельцами (церковь подчиняла себе целые общины), но и торгово-ремесленными центрами.

Принесенная варварами свободная крестьянская община (германская на Западе, славянская на Балканском полуострове) сыграла прогрессивную роль в развитии феодализма на землях бывшей Римской империи. Крушение римской государственной организации на Западе способствовало возрождению сельских общин, сохранявшихся в период поздней империи в провинциях. Община способствовала сохранению земельной собственности и личной свободы крестьян и, таким образом, стимулировала развитие производительности их труда, поскольку это были работники, максимально заинтересованные в его результатах.

Исторический переворот—падение рабовладельческой формации в Средиземноморье и возникновение формации феодальной — не обошелся без тяжелых потерь. Совершаясь в ходе классовой борьбы, междоусобных войн и завоеваний, он сопровождался экономическим упадком, разорением населения, многочисленными человеческими жертвами и падением античной культуры. Византия в большей степени, чем Запад, сохранила античное культурное наследие и многое из него передала средневековой Европе.

Литература:

Неронова В.Д. Вторжение варваров и крушение Римской Империи./История Древнего мира. Упадок древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.239-273

Заключение.

В трех томах «Истории древнего мира» читателю было рассказано обо всех древних обществах (за немногими исключениями: Нубия, Эфиопия, Юго-Восточная Азия, изолированные цивилизации древней Америки). Наша книга-лекторий ставила перед собой задачу подвести читателя к некоторым общим выводам о закономерности развития всего человечества в течение трех с половиной тысячелетий истории его начальных цивилизаций. Напомним в заключение об основных этапах древности, как они вырисовываются при сопоставлении материала лекций, написанных различными авторами, сотрудничавшими в книге.

Древность довольно четко делится на раннюю, развитую и позднюю. Для периода накопления прибавочного продукта и классового расслоения в ранней древности характерно преобладание малых государств («номовых», или городов-государств); более крупные царства являлись в то время либо союзами номов, объединенными вокруг сильнейшего из подобных небольших государств, либо объединениями какого-либо одного речного бассейна. Общества на этой стадии развиваются по нескольким параллельным историческим путям, отличающимся друг от друга преимущественно различным соотношением двух общественно-экономических секторов: государственного (или храмового) и общинно-частного; для первого характерны государственная собственность на средства производства и эксплуатация менее или более самостоятельно хозяйствующих, -но бесправных тружеников (которых мы условно называем илотами); для второго — общинная собственность на землю при частной собственности на движимость и либо свободный труд самих сельских хозяев, либо еще и труд патриархальных рабов, участвующих в одном производственном процессе со своими хозяевами. Именно на этой основе были созданы великие цивилизации Шумера и Вавилона, Египта, Крита и Микен, хеттов и хурритов, индская цивилизация и ранняя цивилизация Китая. Этот период в основном совпадает с археологическим бронзовым веком; средства вооруженного насилия и принуждения были еще мало развиты, вследствие чего прямое уничтожение врагов после боя нередко предпочиталось их пленению для использования в качестве рабов.

Второй и третий периоды — это в основном археологический век железа и стали, ознаменованный значительным ростом как производственных возможностей, так и возможностей массового порабощения и содержания в рабстве побежденных.

В начале второго периода древности возникает античная цивилизация греков (на исторической основе крито-микенского общества, в котором государственный сектор, по-видимому, сосуществовал с общинно-частным) и италиков (включая Рим); здесь

сложилась практически односекторная общинная (полисная) структура в отдельных городах-государствах. Существенно, что она появилась на фоне уже высокого уровня развития разделения труда в окружающих обществах, поэтому в античном полисе выросли частные товарные хозяйства, активно участвовавшие в производстве на международный и внутренний рынок, и соответственно возникло античное, или «классическое», рабство. Условия полиса оказались необычайно благоприятными для проявления творческих способностей каждого гражданина, для расцвета искусства, литературы, философии, для возникновения и упрочения понятия личной свободы человека.

В других областях ойкумены, где продолжала существовать двухсекторная экономика, для второго периода оказалось характерным возникновение древних «мировых» империй; оно было обусловлено кризисом воспроизводства в хозяйствах внутри мелких политических единиц при упадке собственно государственных хозяйств, а отсюда — необходимостью политического объединения регионов, производивших средства производства, с регионами, дававшими продукты сельского хозяйства и ремесла, непосредственно обслуживавшего потребление. «Мировые» империи создавались обычно не наиболее экономически развитыми государствами, а поставленными в особо благоприятные условия в военном, и в частности в стратегическом, отношении. Так появились великие царства — Ассирийское, Нововавилонское, Мидийское, Ахеменидское, империя Маурьев в Индии и позже — империя Цинь в Китае. При этом происходило постепенное перемещение хозяйств частнорабовладельческого типа в города и переход в результате завоевания большей части сельской территории в состав государственного сектора. В связи с этим в городах преобладает рабство преимущественно в ремесле, в том числе оброчное, а в сельской местности — эксплуатация «царских людей», отличающихся от подневольных работников раннего периода, в частности, тем, что они организовывались в зависимые сельские общины.

В V—IV вв. до н. э. в Средиземноморье и на Ближнем Востоке наблюдается явление второго кризиса: независимые мелкие античные полисы страдают от трудностей в расширении воспроизводства и от недостаточной политической защиты в международных отношениях, а империи — от излишней централизации, замедляющей развитие частнорабовладельческого производства в городах. Результатом явилось создание нового типа империй, включавших в себя и автономные самоуправляющиеся города, близкие по типу к полисам: таковы эллинистические монархии Птолемеев, Селевкидов, Армении, Греко-Бактрии, ранней Парфии и др. Объективно такое же историческое место занимает и римское государство; сначала оно представляло собой прочный конгломерат зависимых полисов и областей, возглавляемый не завоевателем-монархом, а завоевателем-полисом (Римом), а позже превратилось в Римскую империю; последняя унаследовала многое от эллинистических империй, но

сохраняла и множество достижений полисной цивилизации более ранней античности. Аналогичные процессы происходили, по-видимому, в Индии и Китае.

Для всех древних обществ ранней и развитой древности характерно сохранение слоя свободных граждан, организованных в полисные, городские, храмово-городские и другие подобные образования. С этим связано относительно широкое распространение светской грамотности; высокий для того времени уровень развития наук и искусств, так и непревзойденный вплоть до эпохи Возрождения; общинный, близкий к первобытному характер религиозных культов.

Весь третий период древности является, по существу, затянувшимся периодом третьего кризиса, захватившего уже все древнее общество. Это ясно ощущается в области духовной жизни древних народов: всюду общественная система базировалась на угнетении человеческой личности во все расширяющемся масштабе; традиционные общинные культы, обожествлявшие существующий порядок, перестают удовлетворять народные массы, и повсюду начинаются поиски такой идеологии, которая соответствовала бы этическим запросам людей и отвечала бы на коренной вопрос о достижимости добра в мире зла или хотя бы за его пределами. В этом направлении идут поиски Заратуштры — в иранском мире, джайнистов и Будды — в Индии, различных религиозно-философских течений Китая, античных философов и античных религиозных мыслителей — орфиков, поклонников Аттиса, митраистов, вплоть до ессеев Палестины, до Иисуса и Павла и общин ранних христиан.

Распространение этих духовных движений среди разных социальных групп и народностей было обусловлено, серьезными переменами в древнем обществе. Происходит постепенная и повсеместная ликвидация городских свобод и общее уравнивание разных групп трудящегося населения до положения зависимых подданных все более деспотического государства; в Римской империи дарование всему «свободному» населению формального права римского гражданства фактически совпадает с уравниванием всех в бесправии.

Вскоре в Риме, в Парфии, а затем в сасанидском Иране, в Китае разными путями создаются колоссальные имения земельных магнатов из числа преуспевших рабовладельцев или чиновников. Эти люди тяготеют к центральной опеке государства и все более узурпируют не только экономическую власть над трудящимися в имениях и областях, которыми они управляли, но также власть политическую и судебную; так они постепенно превращаются в маленьких почти суверенных государей. Наличные у них средства насилия позволяют теперь эксплуатировать разными способами не только лиц, лишенных собственности на средства производства, но и обладающих ими. Создается господствующий класс, характерный для эпохи средневековья. Он перенимает в качестве общеобязательных те

утешительные религиозно-этические учения, носителями которых были сами народные массы, но придает им жесткую догматическую форму, исключаящую как наказуемую ересь любое сколько-нибудь оппозиционное религиозно-этическое направление мысли.

Параллельно с этими процессами изменяются взаимоотношения между великими классовыми государствами и окружающей их периферией. До этого времени она служила источником добычи рабов и рынком для неэквивалентного сбыта изделий промышленности, орудий труда и т. п.; периферия фактически эксплуатировалась древними классовыми государствами. Теперь племена периферии начинают расширять посевные и пастбищные площади за счет вырубки лесов и сами осваивать производство орудий труда и оружия, качественно не уступавших ранее импортировавшимся. Рост населения на периферии древних цивилизаций и начавшиеся мощные племенные передвижения решительно изменили расстановку сил: начинаются вторжения «варваров» на территорию древних государств. Они разрушают сложившиеся здесь государственные структуры, создают новые сельские общины на землях старых государств и принимают участие в начавшемся процессе социально-экономической перестройки в них; изменяется состав господствующего класса за счет включения в него племенной верхушки «варварских» племен, а часто и физического истребления прежней элиты. Все это приводит к ускорению гибели древних цивилизаций.

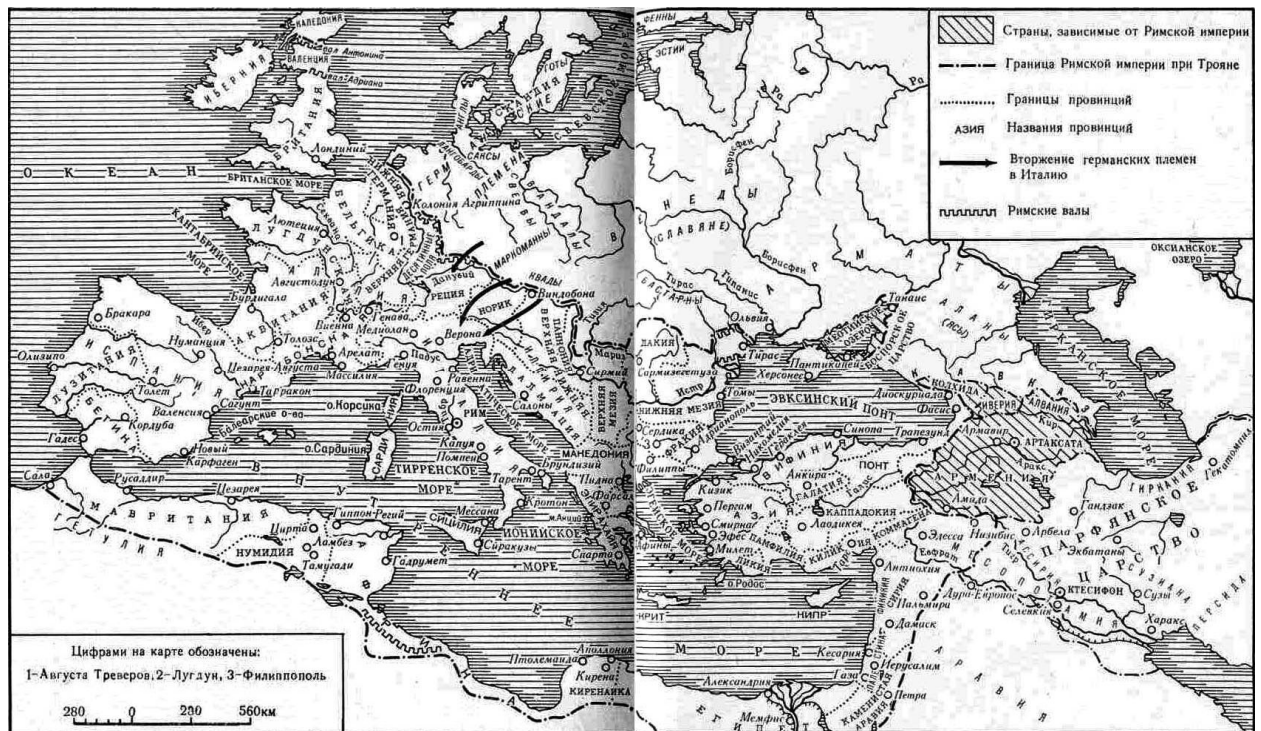
Порой конец древности наступал в результате процессов чисто внутренних (Китай); он мог сопровождаться мощными народными восстаниями (Китай, отчасти Иран и Рим). Кое-где на территориях, которые не были охвачены древними цивилизациями, еще возникали общества древнего типа, но, захваченные общим процессом роста производительных сил на всем пространстве Старого Света, они быстро выравнивались под общий уровень средневековых обществ (Англия, Скандинавия, Русь). Однако сопоставление этих конкретных локальных форм исторического развития выявляет однородность и общеисторическую закономерность всех главных факторов процесса возникновения и падения древних обществ и их смены обществами иного типа.

Литература:

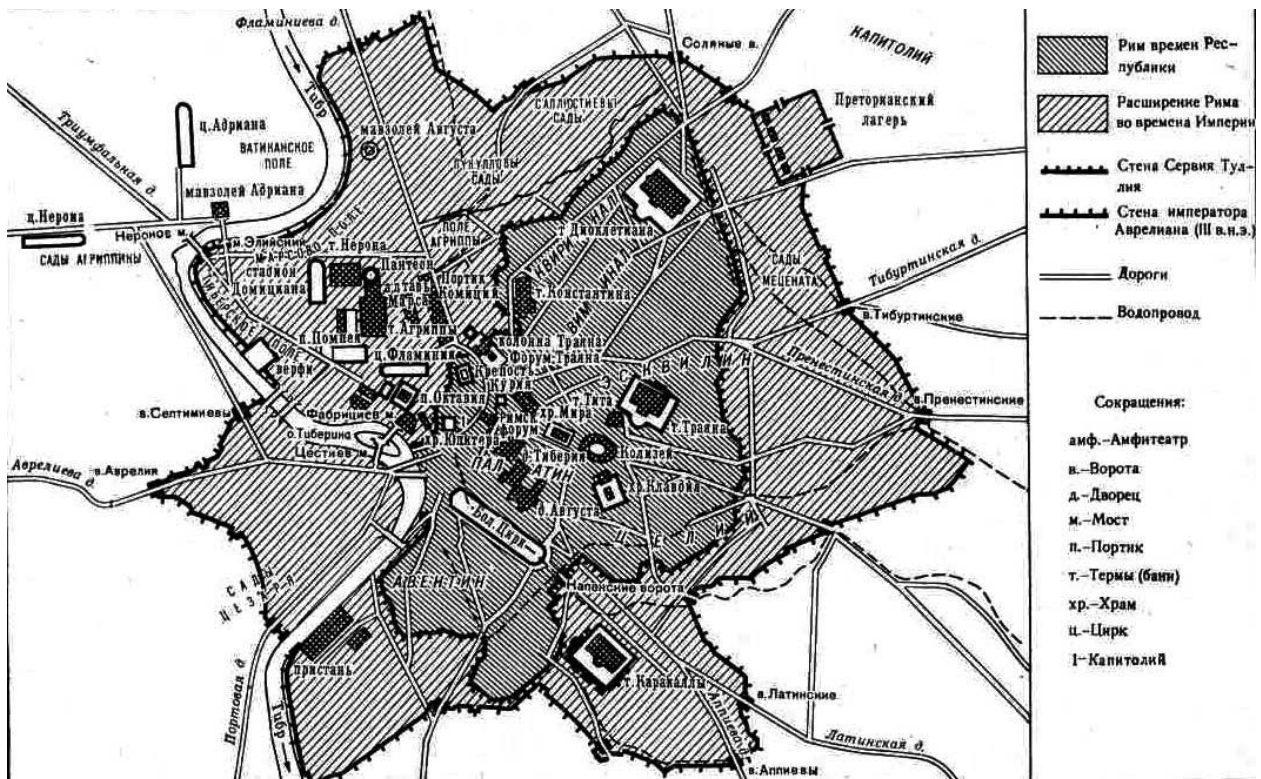
Редакционная коллегия. Заключение./История Древнего мира. Упадок древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.274-277

Карты.

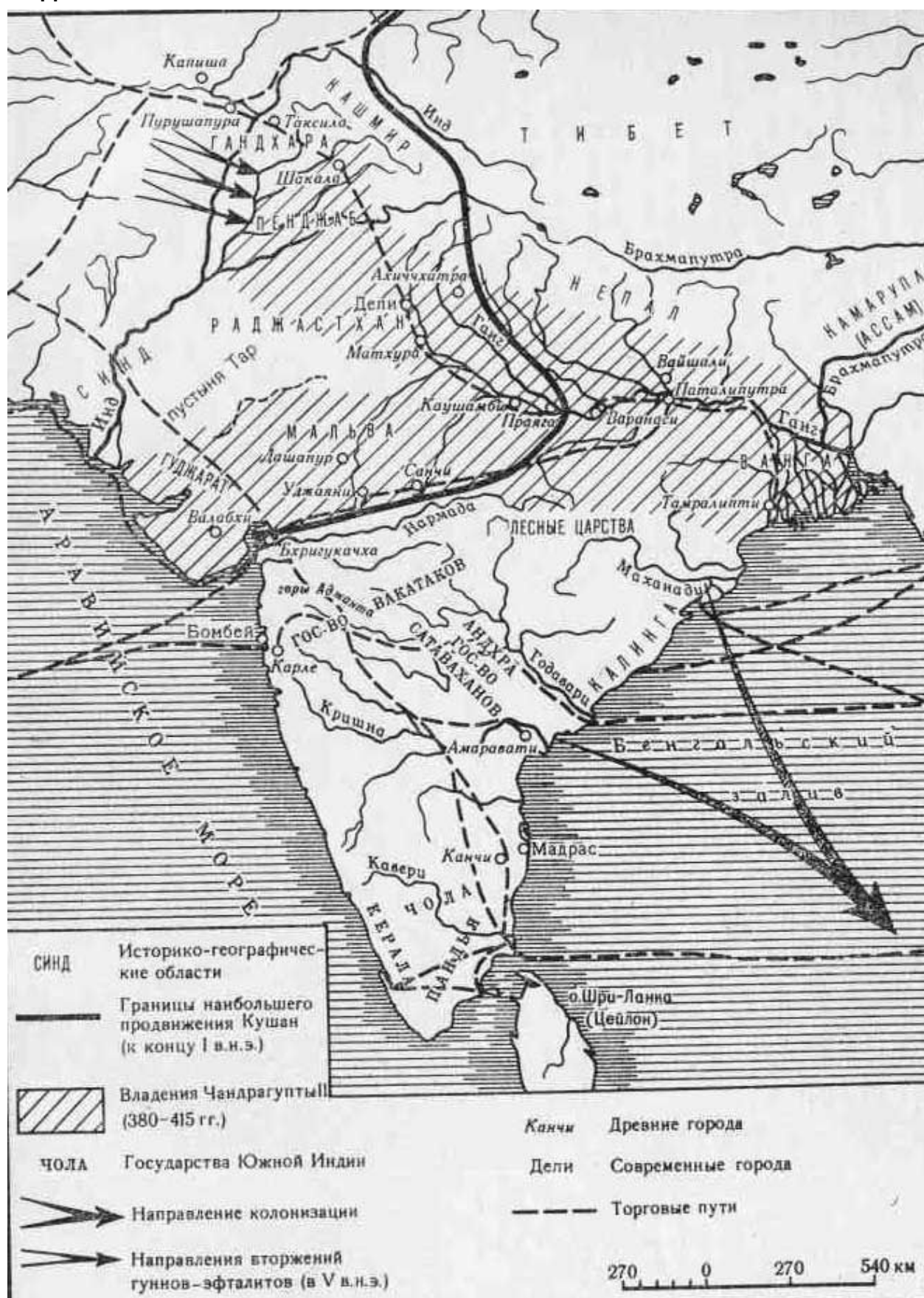
Римская империя в I-III вв. н.э.

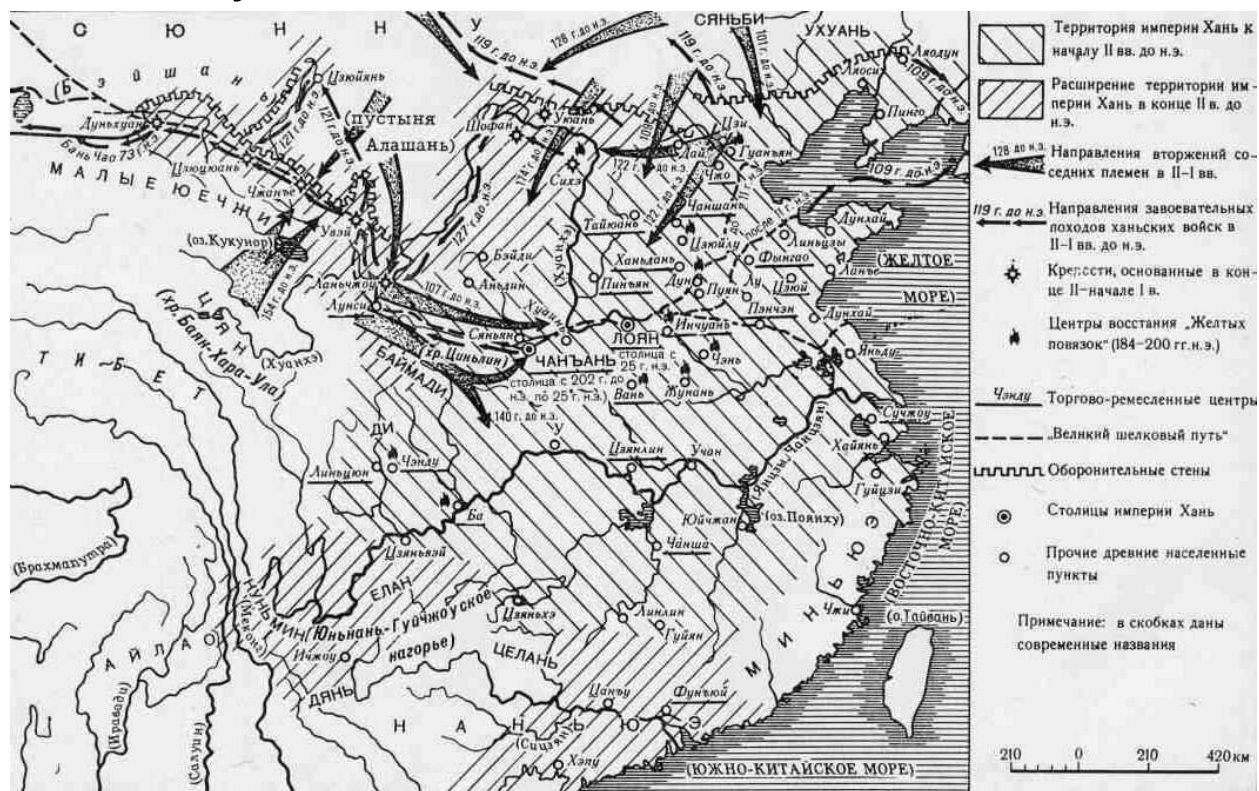
План города Рима.

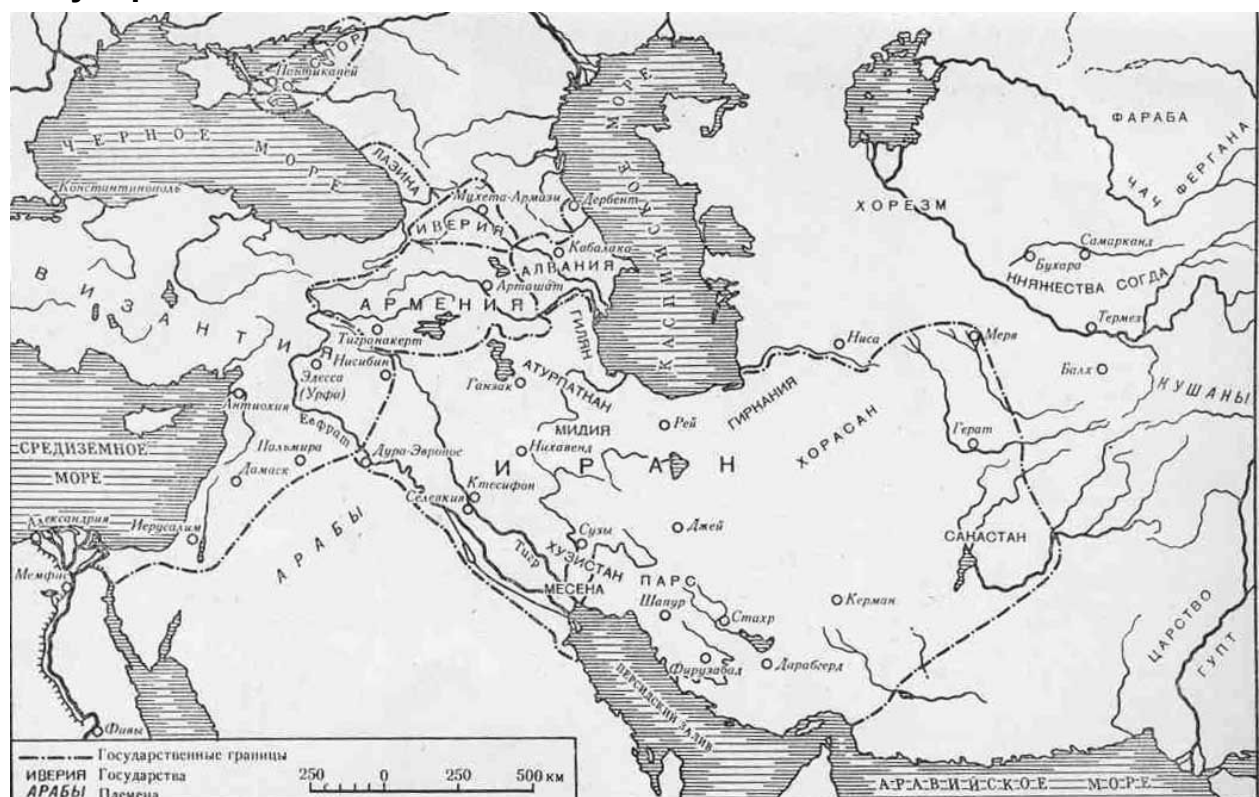
Индия в I-V вв. н.э.

Китай в эпоху Хань.

Государство Сасанидов.

Падение Западной Римской Империи.

Литература:

Карты./История Древнего мира. Упадок древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.290-300

